

ISSN 2307-2539

**№3 (23) • 2018**

# **ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**



Барнаул

---

Издательство  
Алтайского государственного  
университета  
2018

**Главный редактор:**

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

**Редакционная коллегия:**

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),  
д-р ист. наук, доцент;  
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;  
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН;  
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор;  
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;  
Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук;  
Н.Н. Серёгин (отв. секретарь), канд. ист. наук;  
С.С. Тур, канд. ист. наук;  
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;  
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

**Редакционный совет журнала:**

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,  
профессор (Россия);  
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор  
(Великобритания);  
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);  
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);  
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,  
академик РАН (Россия);  
Е.Г. Дэвлет, д-р ист. наук (Россия);  
И. Фодор, д-р археологии, профессор  
(Венгрия);  
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);  
Л.С. Марсадолов, д-р культурологии (Россия);  
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор (Россия);  
А.Г. Ситдииков, д-р ист. наук (Россия);  
Т. Шу, профессор (Япония);  
Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай);  
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);  
М.В. Шуньков, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН  
(Россия);  
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор  
(Монголия)

Адрес издателя и редакции:

656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211,  
телефон: 8 (3852) 291-256.

E-mail: tishkin210@mail.ru

Журнал основан в 2005 г.,  
с 2016 г. выходит 4 раза в год

Учредителем издания является  
Алтайский государственный  
университет

Утвержден к печати Объединенным  
научно-техническим советом АГУ

Все права защищены.

Ни одна из частей журнала либо  
издание в целом не могут быть  
перепечатаны без письменного  
разрешения авторов или издателя

Печатное издание «Теория и практи-  
ка археологических исследований»  
© Алтайский государственный уни-  
верситет, 2005–2018.

Зарегистрировано Федеральной  
службой по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и мас-  
совых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ  
№ФС 77-65056. Дата регистрации  
10.03.2016.

ISSN 2307-2539

**№3 (23) • 2018**

**THEORY AND PRACTICE  
OF ARCHAEOLOGICAL  
RESEARCH**



Barnaul

---

Altai State  
University Press  
2018

**Editor in Chief:**

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

**Editorial Staff:**

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief),  
Doctor of History, Associate Professor;  
S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;  
N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding  
Member, Russian Academy of Sciences;  
A.I. Krivoshepkin, Doctor of History, Professor;  
A.L. Kungurov, Candidate of History;  
D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;  
N.N. Seregin (Assistant Editor), Candidate  
of History;  
S.S. Tur, Candidate of History;  
A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;  
J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

**Associate Editors:**

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History,  
Professor (Russia);  
D.D. Anderson, Ph.D., Professor (Great Britain);  
A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);  
U. Brosseder, Ph.D. (Germany);  
A.P. Derevianko, Doctor of History Academi-  
cian, Russian Academy of Science (Russia);  
E.G. Devlet, Doctor of History (Russia);  
I. Fodor, Doctor of Archaeology, Professor (Hungary);  
I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);  
L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);  
D.G. Savinov, Doctor of History (Russia);  
A.G. Sitdikov, Doctor of History (Russia);  
T. Shu, Professor (Japan);  
L. Zhang, Ph.D., Professor (China);  
T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);  
M.V. Shunkov, Doctor of History, Corresponding  
Member, Russian Academy of Sciences (Russia);  
D. Erdenebaatar, Candidate of History,  
Professor (Mongolia)

The address of the publisher and the publish-  
ing house: office 211, Lenina av., 61, Barnaul,  
656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.  
E-mail: tishkin210@mail.ru

The journal was founded in 2005.  
Since 2016 the journal has been  
published 4 times a year.

The founder of the journal  
is Altai State University

Approved for publication by  
the Joint Scientific and Technical  
Council of Altai State University

All rights reserved.  
No publication in whole or in part  
may be reproduced without the  
written permission of the authors or  
the publisher

Print Edition of “The Theory and Prac-  
tice of Archaeological Research”  
© Altai State University, 2005–2018.

Registered by the Federal Service for  
Supervision in the Sphere of Commu-  
nication, Information Technologies and  
Mass Communications.  
Registration certificate PI №FS 77-  
65056. Registration date 10.03.2016.

## СОДЕРЖАНИЕ

### РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Гладышев С.А.</i> Микрорасщепление в комплексах раннего верхнего палеолита Забайкалья .....	7
<i>Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф.</i> Поселение 1 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 в Барнаульском Приобье (по исследованиям 1988 г.) .....	22
<i>Лазаретов И.П., Поляков А.В.</i> Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры .....	41
<i>Медведев В.Е., Филатова И.В.</i> Каменный инвентарь поселения Сучу (1975 год, раскоп I, жилище В) .....	70
<i>Рыбалко А.Г., Кандыба А.В.</i> Индустрии финального этапа среднего палеолита Юго-Восточного Дагестана .....	84
<i>Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Марсадолов Л.С.</i> Впускное захоронение монгольского времени из комплекса Пазырык (по материалам раскопок С.С. Сорокина в 1967 г.) .....	96
<i>Филатова И.В.</i> К вопросу о керамике бойсманской культуры в коллекциях археологических памятников юга Дальнего Востока (Нижнее Приамурье) .....	108
<i>Хаценович А.М., Рыбин Е.П.</i> Мелкопластинчатые индустрии начального этапа верхнего палеолита стоянок Толборской группы и мастерской Кара-Бом .....	121
<i>Худяков Ю.С.</i> Сложносоставные луки из памятника Улуг-Чолтух в долине р. Эдиган в Горном Алтае (по результатам раскопок 2008 г.) .....	130

### ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Китов Е.П., Кулькова М.А.</i> Исследование сакских курганов в урочище Каспан в Жетысу .....	138
<i>Шалагина А.В., Алишер кызы С., Колясникова А.С.</i> Опыт участия в полевых работах в провинции Дордонь (юго-запад Франции) .....	163

### ПЕРСОНАЛИИ

<i>Мунхбаяр Ч.</i> Руководитель Буянтской археологической экспедиции (к юбилею профессора А.А. Тишкина) .....	170
<i>Список сокращений</i> .....	189
<i>Сведения об авторах</i> .....	190

## CONTENTS

### RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Gladyshev S.A.</i> Micropercussion in the Early Upper Paleolithic Complexes of Trans-Baikal Region .....	7
<i>Kungurov A.L., Kungurova O.F.</i> Settlement 1 of Archaeological Complex Maly Gonbinsky Cordon-1 in Barnaul Ob River Area (based on the research of 1988) .....	22
<i>Lazaretov I.P., Polyakov A.V.</i> Investigations of the Uibat Charkov Burial Ground and New Data on the Early Stage of the Ocunevskaya Culture Development .....	41
<i>Medvedev V.E., Filatova I.V.</i> Stone Inventory of the Suchu Settlement (1975, excavation I, dwelling B) .....	70
<i>Rybalko A.G., Kandyba A.V.</i> Final Middle Paleolithic Industries of South-East Dagestan .....	84
<i>Seregin N.N., Konstantinov N.A., Marsadolov L.S.</i> Inlet Burial of the Mongolian Time from the Pazyryk Complex (based on excavations by S.S. Sorokin in 1967) .....	96
<i>Filatova I.V.</i> To the Issue of the Boismanskaya Culture Ceramics in the Collections of Archaeological Sites of the Far Eastern South (the lower Amur river region) .....	108
<i>Khatsenovich A.M., Rybin E.P.</i> Small-blade Production in the Initial and Early Upper Paleolithic of Northern Mongolia .....	121
<i>Khudyakov Yu.S.</i> Compound Bows from the Ulug-Choltukh Site in the Valley of the Edigan River in the Altai Mountains (based on results of excavations 2008) .....	130

### FOREIGN ARCHAEOLOGY

<i>Beisenov Arman Z., Duisenbay Daniyar B., Kitov Egor P., Kulkova Marianna A.</i> Study of the Saka Time Barrows in the Caspan Valley in the Zhetysu .....	138
<i>Shalagina A.V., Alisher kyzy S., Kolyasnikova A.S.</i> Archaeological Field Work in the Dordogne Province (south-western France) .....	163

### PERSONNEL

<i>Munkhbayar Ch.</i> Head of the Buyant Archaeological Expedition (to the jubilee of Professor A.A. Tishkin) .....	170
<i>Abbreviations</i> .....	189
<i>Authors</i> .....	190

# РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902.2«6325»(571.54/.55)

С.А. Гладышев

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*

## МИКРОРАСЩЕПЛЕНИЕ В КОМПЛЕКСАХ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАБАЙКАЛЬЯ\*

В Забайкалье выделены две линии развития индустрий раннего верхнего палеолита: пластинчатая и отщеповая. В первую общность входят индустрии стоянок Варварина Гора, Толбага, Подзвонкая, комплекс А (С) стоянки Каменка и Хотык (горизонты 2, 3). Только в материалах индустрии 2-го уровня Варваринной Горы зафиксированы единичные находки подпризматических микронуклеусов и несколько микропластин. Вторую линию развития представляют стоянки с отщеповыми индустриями. К ним относятся материалы таких памятников, как Хотык (горизонты 4–6), Каменка (Б), Мухор-Тала-4, Елань и Куналей. Микронуклеусы и микропластины внутри отщеповой линии развития обнаружены в комплексах более поздних памятников: Каменки (Б), Мухор-Тала-4 и Куналея. На всех трех объектах найдены торцовые микронуклеусы, морфология которых значительно отличается от классических клиновидных форм. Особняком стоят материалы 7-го слоя стоянки Барун-Алан-1, где обнаружены комплексы макро- и микроиндустрии, отличающиеся друг от друга как составом сырья, так и морфологией и технологией расщепления и производства орудий. Принадлежность микроиндустриального комплекса 7-му слою вызывает серьезные сомнения и требует более аргументированного обоснования. На раннем этапе верхнего палеолита микроиндустрия не играла значительной роли в жизни древнего человека. Надежные свидетельства микрорасщепления появляются в Забайкалье не раньше 25 тыс. л.н.

*Ключевые слова:* Забайкалье, ранний верхний палеолит, микрорасщепление, отщеповая и пластинчатая линии развития.

DOI: 10.14258/tpai(2018)3(23).-01

В настоящее время на территории Забайкалья известно несколько десятков палеолитических памятников, которые систематически раскапывались и детально изучались. Во многих из них зафиксированы комплексы раннего верхнего палеолита, которые прочно вошли в периодизацию палеолита Северной и Центральной Азии. В данной статье рассматриваются опубликованные материалы ключевых стоянок Забайкалья на предмет выделения в них комплекса артефактов, свидетельствующих о микрорасщеплении как составной части индустрий раннего верхнего палеолита. Это такие памятники, как Толбага, Куналей, Каменка, Варварина Гора, Хотык, Мухор-Тала-4, Елань, Подзвонкая, Барун-Алан-1.

Следует сразу сказать, что под микрорасщеплением мы понимаем совокупность артефактов, в которую входят микронуклеусы – специально подготовленные изделия для получения микропластин и собственно микропластины – сколы шириной менее 7 мм. Они могут присутствовать в коллекциях рассматриваемых памятников как вместе, так и по отдельности.

Стоянка Толбага расположена на р. Хилок в Западном Забайкалье на высоте более 30 м над уровнем реки. Археологический материал раннего верхнего палеолита залегал в 4-м горизонте и содержал остатки кострищ, хозяйственных ям, к которым приурочена основная масса костей и артефактов. Каменная индустрия горизонта основана на получе-

\* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №16-01-00181-ОГН «Технология микрорасщепления в верхнем палеолите Северной и Центральной Азии».

нии пластинчатой заготовки с параллельных одно- и двухплощадочных ядрищ с одной, реже двумя рабочими поверхностями. В единичных образцах представлены крупные торцовые нуклеусы, морфология которых напоминает клиновидные микронуклеусы, но служившие для получения пластин средних размеров [Константинов, 1994, с. 138]. Ряд остаточных продуктов с негативами радиальных снятий, по мнению авторов работ, имеет признаки леваллуазских ядрищ. Среди орудий выделяется представительная группа ретушированных пластин (более 65% всего орудийного состава). Остальные группы орудий представлены примерно в равных долях. Это концевые скребки на пластинах и отщепах, резцы (срединные, боковые, угловые), проколки (клювовидные, с вытянутыми жальцами и выделенными массивными выступами), долотовидные орудия (однолезвийные, двулезвийные), а также скребла (продольные и поперечные), широкие и плоские остроконечники, анкоши, чопперы и немногочисленные чоппинги [Константинов, 1994, с. 55]. Из костяных изделий отмечаются иглы, обломок ребра с пропиленным пазом, служивший основой для составного орудия, и произведение изобразительного искусства: головка медведя, выполненная на позвоночном отростке шерстистого носорога [Константинов и др., 1983]. По образцам кости из слоя 4 были получены следующие радиоуглеродные даты:  $27210 \pm 300$  л.н. (СОАН-1523),  $34860 \pm 2100$  л.н. (СОАН-1522) [Константинов, 1994, с. 56]. М.В. Константинов, считал дату СОАН-1523 омоложенным вариантом даты СОАН-1522, поскольку в образец вошли кости разных животных с большой площади из всех четырех горизонтов слоя 4. В то время как дата  $34860 \pm 2100$  л.н. (СОАН-1522) выполнена «...по костям одного животного, взятым из одного небольшого раскопа из горизонтов, характеризующих поверхность обитания» [Константинов, 1994, с. 56]. Опираясь на имеющиеся даты и на корреляцию археологического материала стоянки Толбага с исследованными на тот момент комплексами раннего верхнего палеолита в этом регионе: Варварина Гора, Каменка (А), М.В. Константинов [1994, с. 56] предложил определить временные рамки существования толбагинской культуры в пределах начала позднего палеолита. При этом вводится в оборот понятие широких рамок существования культуры (от 35 до 25 тыс. л.н.) и узких рамок (35–30 тыс. л.н.) [Константинов, 1994, с. 56]. Дальнейшие работы по датированию материалов стоянки Толбага дали новую серию дат:  $26900 \pm 225$  л.н. (СОАН-3078),  $25200 \pm 260$  л.н. (АА-8874),  $29200 \pm 1000$  (АА-26740) [Buvit et al., 2016, p. 102–103, table 1], которые подтвердили вывод о длительности периода функционирования стоянки. Определяя в целом толбагинскую культуру как ранне-позднепалеолитическую, М.В. Константинов отмечает отсутствие в археологической коллекции микронуклеусов и микропластин. Он пишет: «В Толбаге выделена группа из 7 изделий средних и малых размеров со снятиями, близкими по характеру к микропластинчатым. Но интерпретировать их как нуклеусы все же затруднительно в связи с общей невыразительностью формы» [Константинов, 1994, с. 138]. В орудийных заготовках «...наблюдается полное господство крупных и средних по размерам основ, тогда как миниатюрных орудий не известно» [Константинов, 1994, с. 55]. В.М. Константинов [1994, с. 55] отмечает, что во многих случаях микроснятия были технического характера и фиксируются на артефактах в виде оформления рабочих кромок резцов, оформления или использования долотовидных орудий, подготовки рабочей части скребков высокой формы и для обработки обушков пластин.

Первые отчетливые свидетельства микрорасщепления в раннем верхнем палеолите Забайкалья были зафиксированы М.В. Константиновым в археологических материалах



стоянки Куналей. Она расположена в долине р. Хилок на северной окраине одноименного села у подножия сопки [Константинов, 1994, с. 60]. На памятнике выделены три культурных горизонта. Нижние горизонты (2 и 3) относятся к периоду позднего палеолита [Константинов, 1994, с. 60]. В немногочисленной коллекции 2-го культурного горизонта (266 экз.) имеется два микронуклеуса, предназначенных для снятия микропластин, но снятия неустойчивы и несоразмерны [Константинов, 1994, с. 62]. Фронт скалывания у этих нуклеусов располагался на торце, а также была сделана попытка оформить киль [Константинов, 1994, с. 62, рис. 42.-1-3, 5]. Кроме этих изделий в коллекции выделено еще семь оббитых мелких желваков с единичными, возможно, случайными микроснятиями [Константинов, 1994, с. 62]. Орудия демонстрируют классический набор верхнепалеолитических инструментов: проколки, долотовидные орудия, концевые скребки на отщепях, пластинки, как с ретушью, так и без вторичной обработки, и фрагменты микропластинок. В нижнем, 3-м культурном горизонте обнаружена представительная коллекция каменных артефактов (2283 экз.). Все нуклеусы относятся к одному типу: это ортогональные ядрища разных размеров для получения отщепов. Среди орудий встречаются скребла, концевые скребки, чаще оформленные на отщепях, а не на пластинах (включая скребки с плечиками), проколки, резцы, остроконечники и чопперы [Константинов, 1994, с. 64]. Если набор скребел свидетельствует о влиянии среднепалеолитических технологий, то концевые скребки, проколки и долотовидные орудия составляют бесспорный позднепалеолитический компонент. По мнению М.В. Константинова [1994, с. 65], возраст литологического слоя 6, включающего 3-й культурный горизонт, определяется последней фазой каргинского межледниковья и первой фазой сартанского оледенения, т.е. в интервале от 30 до 20 тыс. л.н. [Константинов, 1994, с. 65]. Полученная по гумусу из этого слоя дата  $21110 \pm 300$  л.н. (ГИН-6124), по мнению М.В. Константинова [1994, с. 65], «...не повторяет возможную геолого-археологическую датировку, хотя и не противоречит ей кардинально». В статье, опубликованной коллективом археологов [Buvit et al., 2016], приводится новая дата, определяющая возраст индустрии 3-го культурного горизонта стоянки Куналей в  $27990 \pm 410$  л.н. (UCIAMS-143222), сделанная методом масспектрометрии по костному коллагену [Buvit et al., 2016, с. 103, табл. 1]. В связи с этим вполне закономерно предположить, что вышележащий, 2-й культурный слой, который не имеет абсолютных датировок, значительно древнее, чем предполагал ранее М.В. Константинов [1994, с. 65], определяя его возраст в интервале от 20 до 18 тыс. л.н. В свете новых данных нижняя граница возраста 2-го горизонта Куналея вполне может опуститься до 25 тыс. л.н., попадая в ранний этап верхнего палеолита.

Подводя итог анализу каменных индустрий памятников раннего верхнего палеолита Забайкалья, известных на тот момент, М.В. Константинов [1994, с. 132] делает вывод, что «... принцип снятия микропластин обнаружен в период от 25 до 20 тыс. л.н., а на отрезке времени 20–18 тыс. л.н. предпринимаются попытки найти рациональные формы для систематического серийного производства».

Дальнейшую эстафету в изучении археологических памятников с комплексами раннего верхнего палеолита принимает Л.В. Лбова. Она предложила выделить во всем многообразии технологических традиций ранней поры верхнего палеолита Забайкалья две линии развития [Лбова, 2000, с. 121–122; 2002, с. 73–74; 2005, с. 28; Рыбин и др., 2005, с. 71].

Первая выделяется на материалах индустрий таких памятников, как Каменка А (С), Подзвонкая, Хотык (горизонты 2, 3), Варварина Гора (горизонт 2), Толбага, где ве-

душей является техника параллельного расщепления. Широко представлены плоские и слегка выпуклые ядрища с рабочей поверхностью, иногда переходящей на торец изделия. Среди сколов нередки крупные пластины. Орудийный набор характеризуется сочетанием среднепалеолитических (скребла разнообразных типов, остроконечники, острия, зубчато-выемчатые изделия) и верхнепалеолитических (резцы, скребки, долотовидные изделия) образцов орудий.

Вторую линию представляют комплексы стоянок Хотык (горизонты 4–6), Каменка (Б), Мухор-Тала-4, Елань (горизонты 4–6). Для нее характерно сочетание леваллуазских ядрищ, долечного расщепления, нуклеусов радиального, ортогонального, бессистемного принципов раскалывания, преобладание отщепов среди сколов. Среди орудий присутствуют различные скребла, скребки и зубчато-выемчатые изделия.

Рассмотрим ниже комплексы, относящиеся к первой, пластинчатой традиции начальной поры раннего верхнего палеолита Забайкалья. Местонахождение Каменка расположено в центральной части Ново-Брянской впадины. Культуросодержащие слои объекта приурочены к отложениям литологического слоя 6, в верхней части которого залегают остатки культурного комплекса Б, ниже залегают артефакты комплекса А (С). Основным сырьем для изготовления артефактов комплекса А (С) древним человеком были использованы кремневые туфы, базальт, микрокварцит и кварц. Первичное расщепление базировалось на утилизации одно- и двуплощадочных односторонних плоских ядрищ параллельного и субпараллельного принципа скалывания заготовок. Кроме того, в коллекции фиксируются двуплощадочные двусторонние нуклеусы продольно-поперечного скалывания, ортогональные ядрища и торцовые нуклеусы, изготовленные на обломках плиток [Лбова, 2000]. Среди заготовок доминируют пластины (37%), где преобладают снятия длиной 6–10 см.

Орудийный набор включает: острия, выполненные на пластинчатых симметричных и асимметричных снятиях удлинённых пропорций, ножи с обушками, скребки (концевые, угловые, боковые), резцы (угловые, трансверсальные), проколки (угловые, боковые, срединные) с вытянутым жалцем или выделенным шипом, большую группу зубчатых и выемчатых изделий, оформленных, как правило, одним снятием, долотовидные одно- и двулезвийные изделия, комбинированные артефакты, сочетающие элементы скребка, проколки, зубчатого лезвия, анкоша, ножа, резца. В индустрии представлены также симметричные удлинённые и укороченные остроконечники. Из костяных изделий выделяются бусины-пронизки, выполненные из костей птиц и их фрагментов, фрагмент браслета из бивня мамонта с коническими отверстиями, острия с округлым основанием и острия со шляпками-головками цилиндрической формы.

Возраст комплекса А (С) стоянки Каменка определяет большая серия дат:  $26760 \pm 265$  (СОАН-3353),  $30460 \pm 430$  (СОАН-3154),  $31060 \pm 530$  (СОАН-3133),  $35845 \pm 695$  (СОАН-2903),  $40500 \pm 3800$  (АА-26743),  $30220 \pm 270$  (СОАН-3052, для комплекса С) л.н. Исследователи, изучавшие памятник, отдают предпочтение датам в диапазоне 40–36 тыс. л.н. и определяют комплекс в рамках переходного периода от мустье к верхнему палеолиту [Лбова, 2000, с. 61]. Однако в более поздних работах эта интерпретация изменилась, и археологический комплекс Каменки А (С) рассматривается как ранняя пора верхнего палеолита [Рыбин и др., 2005, с. 71]. Никаких свидетельств применения техники микро-расщепления в материалах комплекса Каменка А (С) выявлено не было.

Стоянка Варварина Гора, открытая в 1961 г., расположена на р. Брянка и приурочена к отложениям конуса выноса. В разное время культурная интерпретация этого сложно-

го памятника была разной. Первый исследователь стоянки (А.П. Окладников) относил каменную индустрию стоянки Варварина Гора к мустьерскому времени [Окладников, 1981; Окладников, Кириллов, 1980]. Другая группа исследователей (З.А. Абрамова и М.В. Константинов) рассматривали материалы стоянки как ранневерхнепалеолитические [Абрамова, 1984, 1989; Константинов, 1994], а А.П. Деревянко и В.Т. Петрин [1988] называли индустрию Варваринной Горы «переходной» от мустье к раннему верхнему палеолиту. Л.В. Лбова в 1990-х гг. продолжила раскопки стоянки и пришла к выводу, что полученные ей «...данные позволяют квалифицировать комплекс в целом верхнепалеолитическим с незначительной долей архаичных элементов, появлением прототорцовых форм нуклеусов, развитой пластинчатой технологией расщепления камня и изготовлением орудий на пластинах, изготовлением устойчивых форм костяных орудий и предметов неутилитарного назначения (бусин, подвесок)» [Лбова, 2000, с. 77].

Археологический материал, относящийся к периоду раннего верхнего палеолита, принадлежит к уровню 2. Большинство ядрищ относятся к плоским и объемным одноплощадочным, двухплощадочным одно- и двусторонним образцам параллельного принципа расщепления. Часть нуклеусов сработано до состояния микроформ. Выделяются торцовые продукты с оббитыми поверхностями, напоминающие клиновидные ядрища начального этапа раскалывания. Единичными образцами представлены радиальные, овальные леваллуазские и ортогональные остаточные продукты нуклеусного расщепления. Л.В. Лбовой [2000, с. 68] выделены четыре призматических микронуклеуса с одним фронтом и двумя противолежащими ударными площадками. В индустрии преобладают сколы удлинённых пропорций, на долю которых приходится половина заготовок, некоторые из них содержат признаки искусственной фрагментации. В составе орудийного набора наиболее многочисленны обушковые ножи. Среднепалеолитическую группу изделий иллюстрируют ретушированные предметы, подавляющее большинство которых относится к боковым скребкам, выполненным на массивных пластинах. Кроме того, к среднепалеолитическим орудиям относится представительная группа асимметричных острий, включающая образцы мустьерских остроконечников. Среди артефактов верхнепалеолитической типологии многочисленны угловые и срединные проколки с клювовидными и шиповидными выступами, боковые и концевые скребки на отщепах и пластинах, угловые, диагональные и срединные резцы, долотовидные изделия. Выделяется группа одинарных анкошей и зубчатых орудий. В единичных образцах представлены аморфные угловатые бифасы и галечные орудия с одно- и двусторонней обработкой широкого рабочего участка. Комбинированные изделия сочетают элементы скребка, проколки, долотовидного лезвия, ножа. Есть образцы украшений (фрагменты колец, дисков) из камня. Группа костяных изделий образована шильями, проколками и, возможно, игольниками из фрагментов полых костей. Время существования комплекса материалов раннего верхнего палеолита стоянки Варварина Гора определяется следующими датами:  $29895 \pm 400$  (СОАН-3054),  $30600 \pm 500$  (СОАН-850),  $34900 \pm 780$  (СОАН-1524),  $34050$  (АА-8875),  $35300$  (АА-8893) л.н. [Лбова, 2000, с. 231, табл. 16].

Местонахождение Хотык расположено в Онинской впадине, на правобережье р. Оны, бассейна р. Уды. Культуросодержащие слои памятника приурочены к склоновым отложениям. Слой 2 имеет радиоуглеродные даты  $28770 \pm 245$  л.н. (СОАН-5082),  $26220 \pm 550$  л.н. (АА-32669), слой 3 –  $32120 \pm 340$  л.н. (СОАН-5496),  $29310 \pm 370$  л.н. (СОАН-5495). Однако, по мнению авторов работ, с учетом результатов исследования

отложений памятника возраст обоих слоев должен приближаться к 40–35 тыс. л.н. [Лбова и др., 2003; Рыбин и др., 2005, с. 72].

Большинство ядрищ, представленных в коллекции слоя 2 стоянки Хотык, относятся к плоским двуплощадочным и многоплощадочным одно- и двусторонним образцам параллельного принципа расщепления. Часть нуклеусов содержат негативы снятий не только на широких плоскостях, но и на узкой торцовой поверхности остаточного продукта. Почти половина сколов коллекции принадлежит пластинам и их фрагментам. В составе орудийного набора наиболее многочисленны скребла (продольные одинарные, двойные, с двусторонней ретушью) и обушковые изделия – ножи, часть которых с непрерывной, пологой и полукрутой многорядной ретушью, безусловно, относятся к скреблам. Реже встречаются симметричные и асимметричные острия. Среди артефактов верхнепалеолитической типологии многочисленны одинарные и двойные угловые, боковые и срединные проколки с клювовидными и шиповидными выступами, одинарные и двойные боковые угловые и концевые скребки, долотовидные изделия на нуклевидных обломках. Выделяется группа сколов с эпизодической ретушью, группа одинарных анкошей и зубчатые орудия. В единичных образцах представлены орудия, названные тесловидными. Комбинированные изделия сочетают элементы скребла, скребка, проколки, резца, анкоша, ножа [Лбова, 2000, с. 99–107].

Коллекция слоя 3 стоянки Хотык содержит небольшое количество артефактов. Разновидности ядрищ иллюстрируют плоские и слабовыпуклые образцы параллельного расщепления с различным количеством площадок и рабочих плоскостей. Выделяется нуклеус продольно-поперечного принципа расщепления. В перечне орудий значатся остроконечники на пластинах и сколах, приближающиеся к леваллуазским треугольным снятиям. Имеются обушковые ножи, продольные скребла на отщепках и пластинах, зубчатые и выемчатые изделия, проколки с выделенным мелкой ретушью выступом, единичные сколы с двусторонней ретушью [Лбова, 2000, с. 108–110].

Вторая, «непластинчатая» технологическая традиция начала верхнего палеолита Забайкалья представляет собой неоднородную группу. Начать следует с того, что сами исследователи, занимавшиеся изучением этих комплексов, относят такие объекты, как Хотык (уровень 4–6) и Елань (уровень 5, 6), к местонахождениям, принадлежащим, скорее всего, финалу среднего палеолита [Лбова, 2005]. Комплекс каменных артефактов уровней 4–6 стоянки Хотык своими технико-типологическими характеристиками принципиально отличается от ранневерхнепалеолитических ансамблей уровней 1–3. Поэтому на характеристике материалов уровней 4–6 стоянки Хотык и уровней 5, 6 стоянки Елань мы останавливаться не будем.

Местонахождение Елань расположено по левому борту Хилокской долины в урочище Муравьином на левом берегу р. Еланки. Выявленная стратиграфическая картина демонстрирует процесс накопления субаэральных отложений и формирование разновременных культуросодержащих пачек.

Комплексы, отнесенные к периоду начала верхнего – среднего палеолита, вмещены в отложения мультислойчатой пестроокрашенной пачки. Индустрия комплекса уровня 3 характеризуется как крупнопластинчатая, основной материал приурочен к светло-каштановым лессовидным суглинкам с дериватами почвы, что определяется в качестве стратиграфического маркера для позднекаргинского времени в Забайкалье (в пределах 25–30 тыс. л.н.) [Лбова, 2005, с. 22].

Археологический материал уровня 4 (верхняя часть мультислойчатой пестроокрашенной пачки) характеризуется одноплощадочными плоскостными нуклеусами параллельного расщепления, выемчатыми и зубчатыми орудиями, боковыми скребками, пластинами и их фрагментами с ретушью.

Пластинчатые снятия характеризуются слабой конвергенцией краев, а их наличие отмечается только в верхних уровнях 3 и 4. Исследователи стоянки признают, что в настоящий момент в связи с небольшой вскрытой площадью сложно четко определить изменения стратегии утилизации нуклеусов, но совершенно ясно, что только верхние уровни 3, 4 содержат материалы, свидетельствующие о доминировании параллельного призматического расщепления и пластинчатой технологии. В целом возраст артефактов, вмещенных в каргинские отложения, можно определить в интервале от 50 до 30–25 тыс. л.н., при этом нижние комплексы (5 и 6) определяются в рамках нелеваллуазских технологических традиций среднепалеолитических индустрий [Лбова, 2005, с. 22].

Серия местонахождений с общим названием Мухор-Тала находится в юго-западном горном обрамлении Витимского плоскогорья. Непосредственный участок археологического обследования расположен в центральной части хр. Цаган-Дабан, в окрестностях деревни Мухор-Тала. Исследователями было выделено четыре пункта, из них только один (Мухор-Тала-4) был отнесен к периоду начала верхнего палеолита [Лбова, 2000, с. 87]. Первичное расщепление этого комплекса представлено одноплощадочным бифронтальным поперечным нуклеусом, торцовыми нуклеусами, призматическим одноплощадочным монофронтальным нуклеусом, двухплощадочными бипродольными нуклеусами и одним радиальным нуклеусом. В коллекции выделено три микронуклеуса, изготовленных из плиток с негативами микропластинчатых снятий [Лбова, 2000, с. 86]. В основе заготовок орудий преобладают отщепы. В орудийном наборе значительную долю занимают продольные дорсальные ножевидные изделия, боковые и концевые скребки, резцы. Реже встречаются зубчато-выемчатые изделия, долотовидные и комбинированные орудия, единичны скребла и выемчатые орудия [Лбова, 2000, с. 86].

Выше комплекса А (С) на стоянке Каменка располагался комплекс Б. Сырьевая база археологической коллекции этого комплекса состояла из базальта, порфира, кремневого туфа, мергеля, яшмовидных пород, халцедона и микрокварцита.

В коллекции представлены радиальные и плоскостные односторонние двуплощадочные ядрища для снятия отщепов, есть двусторонние формы с продольно-поперечной ориентацией негативов сколов. Выделяется группа торцовых микронуклеусов (8 экз.), представленных сильно сработанными клиновидными формами [Лбова, 2000, с. 48].

Среди заготовок доминируют отщепы (73,8%). Среди орудий многочисленны скребки (боковые, концевые на отщепах, пластинах и расколотой гальке). Выделяются образцы концевых скребков с расширяющимися к лезвию ретушированными краями и приостренным основанием. Для технокомплекса характерны выполненные из отщепов проколки (угловые, срединные с вытянутым жальцем и выделенным выступом), долотовидные однолезвийные орудия, обушковые изделия – ножи с преднамеренной ретушью и ретушью утилизации рабочего участка, одинарные выемчатые изделия, скребла (продольные, угловые на отщепах и сколах, напоминающие овальные леваллуазские снятия). Выделяются образцы отщепов с мелкой полукрутой ретушью краев, названные авторами работ сверлами. В единичных экземплярах представлены аморфные бифасы, остроконечники, атипичные угловые резцы и комбинированные орудия, сочетающие

элементы скребка, анкоша, проколки и долотовидного лезвия. Из костяных изделий выделяется образец треугольных очертаний, на залощенной поверхности которого имеется серия прямолинейных нарезок. Время существования комплекса Б стоянки Каменка иллюстрируется большой серией дат:  $24625 \pm 190$  (СОАН-3031),  $25540 \pm 300$  (СОАН-3355),  $28000 \pm 475$  (СОАН-2903),  $28060 \pm 475$  (СОАН-2903),  $28815 \pm 150$  (СОАН-3032) [Лбова, 2000, с. 231, табл. 16]. При общей схожести орудийных форм с комплексом А (С), материалы комплекса Б демонстрируют иную стратегию нуклеусного расщепления и другую линию развития каменной индустрии, ориентированную на получение и использование отщепов в качестве заготовок для дальнейшего преобразования их в орудия.

Еще два археологических объекта, представляющих несомненный интерес для данного исследования, изучались В.И. Ташаком в Западном Забайкалье. Это стоянки Подзвонкая и Барун-Алан-1.

Стоянка Подзвонкая приурочена к отложениям денудированных шлейфов, развитых в юго-западных отрогах Тамирского хребта (долина р. Тамир). Объект представляет собой места концентрации археологического материала, названные как Восточный, Юго-Восточный, Западный и Нижний комплексы, которые автором работ предлагается рассматривать как самостоятельные стоянки. Археологические материалы Нижнего комплекса являются наиболее древними, датируемыми 44–42 тыс. л.н. [Ташак, 2011, 2014], тогда как культурные горизонты Восточного и Юго-Восточного комплексов формировались в диапазоне 39–36 тыс. л.н. [Ташак, 2011].

Культурные отложения Нижнего комплекса состоят из двух слоев. Для второго культурного слоя получено две радиоуглеродные даты:  $43900 \pm 960$  л.н. (СОАН-4445) и  $>41200$  л.н. (СОАН-6427) [Ташак, 2014, с. 155]. Большинство нуклеусов обоих слоев демонстрируют систему плоскостного параллельного расщепления, хотя в первом культурном слое обнаружен один леваллуазский нуклеус. Авторы раскопок отмечают, что «подготовка и начальная фаза расщепления части нуклеусов второго горизонта соответствует подготовке и начальной стадии расщепления типично леваллуазских нуклеусов (имеются в виду ядрища с черепаховидным оформлением фронта)» [Ташак, 2014, с. 162]. В коллекции Нижнего комплекса присутствуют крупные асимметричные пластины и их фрагменты. Орудия характеризуются на уровне групп, а не типов, поэтому можно отметить наличие ретушированных пластин и отщепов и преобладание краевых скребел и скребел-ножей [Ташак, 2014, с. 162]. Кроме того, исследователи памятника отмечают, что доля верхнепалеолитических орудий в коллекции Нижнего комплекса невелика. Тем не менее авторы работ подчеркивают, что рассматривать Нижний комплекс как среднепалеолитический объект неправомерно, поскольку здесь уже четко проявились все основные направления индустрии, которые станут преобладающими несколько позднее – на этапе заселения Восточного комплекса. Кроме этого, во втором культурном горизонте найден артефакт, представляющий палеолитическое искусство: подвеска из скорлупы яйца страуса [Ташак, 2014, с. 162].

В Восточном комплексе выявлены искусственные структуры в виде очагов, каменных конструкций и рабочих площадок. Во всех комплексах, кроме Западного, обнаружены кольца из скорлупы яиц страуса, овальные и каплевидные подвески из мягких пород камня, фрагменты ребер с насечками, куски минерального красящего вещества – охры. В целом индустрия Подзвонкой (кроме Нижнего комплекса) характеризуется развитием расщепления, направленного на получение удлинённых и укороченных заготовок

с плоских ядрищ и подпризматических одно- и двухплощадочных ядрищ. В.И. Ташак [2016, с. 84] отмечает, что «...торцовое расщепление для Подзвонкой в целом явление крайне редкое, и, вероятнее всего, планируемое расщепление намечалось производить с широкой плоскости, что типично для значительной части нуклеусов Подзвонкой, но начало утилизации намечалось с углов преформы». Хотя через год В.И. Ташак [2017, с. 40] пишет: «Торцовые нуклеусы для индустрии Восточного комплекса Подзвонкой не характерны: здесь зафиксирована единственная нуклевидная форма с коротким пластинчатым снятием на торце. В силу единичности представленной формы и за отсутствием подготовленной ударной площадки говорить о целенаправленном торцовом расщеплении в каменной индустрии Восточного комплекса Подзвонкой не следует».

Среди орудий представительны одинарные и двойные скребла с продольной ориентацией лезвий, ретушированные пластины, обушковые ножи, анкоши. Есть мустьерские остроконечники, скребки, проколки, резцы. По мнению исследователей стоянки Подзвонкой, индустрии Восточного, Западного и Юго-Восточного комплексов демонстрируют дальнейшее развитие во времени технологических традиций обработки камня, зафиксированных в культурных слоях Нижнего комплекса.

Возраст ранневерхнепалеолитических слоев Восточного комплекса определяется датами  $38900 \pm 3300$  л.н. (АА-26741),  $36950 \pm 450$  л.н. (СОАН-5644) для культурного слоя 3 и  $22675 \pm 265$  л.н. (СОАН-3350) для культурных слоев 1, 2. Археологические находки верхнего уровня Западного комплекса имеют возраст  $26000 \pm 920$  л.н. (СОАН-3404), а верхнего уровня Юго-Восточного комплекса –  $35180 \pm 1100$  л.н. (СОАН-4122) и  $37100 \pm 1200$  л.н. (СОАН-4447) [Ташак, 2011, с. 102]. Никаких свидетельств техники микрорасщепления в материалах комплексов раннего верхнего палеолита стоянки Подзвонкая не зафиксировано. В одной из последних статей В.И. Ташак [2017] рассматривает проблему истоков производства микропластин в толбагинской культуре. Основной вывод этой работы: никакого производства микропластин в Восточном комплексе стоянки Подзвонкая не было. То, что В.И. Ташак называет микропластинами, получалось в результате: 1) оформления аккомодационных элементов на орудиях; 2) повреждения рабочих продольных краев тесловидных и долотовидных орудий или их переоформления; 3) резцового скалывания [Ташак, 2017, с. 43–44]. Более того, в своей монографии В.И. Ташак [2016, с. 92] указывает, что пластинки и микропластинки длиной менее 50 мм в коллекции Восточного комплекса Подзвонкой составляют категорию отходов и образовались в результате «...подправки фронтов нуклеусов или в процессе изготовления крупных орудий, а не производились целенаправленно».

Еще одна стоянка, на которой был зафиксирован комплекс раннего верхнего палеолита, была обнаружена В.И. Ташаком в 2002 г. в долине небольшой реки Алан [Ташак, 2010; Ташак, Антонова, 2011, 2013]. Местонахождение Барун-Алан-1 расположено на пологой площадке у южного подножия скальной стенки на западном склоне горы Хэнгэрэктэ. Начиная с 2004 г. на нем ведутся систематические исследования под руководством В.И. Ташака. Плейстоценовые отложения стоянки насыщены большим количеством щебня, камней и обломков, результатами обрушения скал. Слои плейстоценового времени содержат каменные артефакты и обломки костей животных. Деформация литологических горизонтов наряду с геологическими подвижками обусловлена активным биологическим воздействием, здесь фиксируются многочисленные норы грызунов. Палеолитические материалы залегают в литологических слоях 6–8, слой 7 подразделяется на четыре уровня (а–г) [Ташак, 2010, 2018; Ташак, Антонова, 2011, 2013].

Общая площадь раскопа на стоянке Барун-Алан-1 составила 48 кв. м. Полностью в раскопе вскрыты литологические слои от 1-го до 6-го, нижние слои отработаны на меньшей площади. Большинство каменных артефактов залегает в 6–8-м слоях (более 10 тыс. экз.), причем в верхней части 6-го слоя, мощность которого составляет более метра, содержится смешанный, разновременный археологический материал. В кровле слоя залегают материалы как позднего бронзового века и начала железного века, так и палеолитические артефакты [Ташак, 2010, с. 237].

В.И. Ташак отмечает, что толща 6-го литологического слоя сильно нарушена норами грызунов и большим количеством обломков скал и камней. Однако в нем хорошо выделяется нижний уровень залегания археологических материалов, который представляет собой массовые скопления артефактов в компактных группах, образовавшихся в ходе расщепления каменного сырья. Большинство каменных артефактов нижнего уровня демонстрируют морфологическое и типологическое единство. По мнению В.И. Ташака [2010, с. 237], в слое 6 «...сформировалось как минимум три позднепалеолитических уровня обитания человека, которые в настоящее время выделить по внешним признакам довольно сложно». Отмечается эволюция каменной индустрии 6-го слоя от нижних к верхним уровням. Каменная индустрия этого слоя характеризуется как отщеповая, базирующаяся на расщеплении ортогональных и простых параллельных плоскостных нуклеусов. Среди орудий преобладают ретушированные отщепы, скребла, скребла-ножи. Реже встречаются комбинированные орудия, скребки (боковые и концевые на отщепках), скобели, или струги. Наиболее яркими и типологически значимыми инструментами среди орудий являются бифасиальные изделия. Они представлены как овальными, так и листовидными формами. По мнению В.И. Ташака [2010, с. 239], археологический комплекс 6-го слоя Барун-Алана относится к отщеповой линии развития раннего верхнего палеолита Забайкалья и является самым ранним памятником с бифасами на этой территории. Возраст нижнего уровня 6-го литологического слоя определяется датой  $35500 \pm 4000$  (ГИ СО РАН-733), кровля 7-го –  $> 39800$  л.н. (СОАН-6429). Средний уровень слоя 6, выше которого единичные бифасы найдены только в норах, датирован термолюминесцентным методом в пределах:  $22500 \pm 3000$  л.н. (ГИ СО РАН – 729) [Ташак, 2010, с. 240]. Исходя из своеобразия и уникальности археологического материала 6-го слоя Барун-Алана, В.И. Ташак [2010, с. 240] предлагает выделить его в отдельную культуру «...со своеобразной индустрией в рамках культур с бифасиальной традицией» и дать ей название по имени горы, возле которой расположен памятник, – Хэнгэрэктэ.

Следует отметить, что осмысление, а следовательно, и интерпретация стратиграфии стоянки Барун-Алан-1 претерпевает у авторов раскопок значительные изменения. В одной из первых публикаций [Ташак, 2010, с. 236–237] слой 7 не делится на подразделения, в следующей работе [Ташак, Антонова, 2011, с. 144] авторы отмечают, что он делится на четыре горизонта (от а до г). А в следующей статье [Ташак, Антонова, 2013, с. 48] те же авторы отмечают, что в разрезе стоянки Барун-Алан-1 появляется мощный слой 8, который «...включает археологические материалы по всему разрезу» [Ташак, Антонова, 2013, с. 48]. И все же В.И. Ташак и Ю.Е. Антонова указывают, что подразделения а–г слоя 7 являются «уровнями обитания» с концентрацией археологического материала внутри одного литологического слоя и «...четкой границы между каждым уровнем не наблюдается» [Ташак, Антонова, 2011, с. 145]. Археологическая коллекция слоя 7 делится на две группы. К первой (макроиндустрия) относятся артефакты,



изготовленные из риолит-порфира, реже туфа, местного сырья, выходы которого обнаружены у вершины горы Хэнгэрэктэ [Ташак, Антонова, 2011, с. 145]. Артефакты второй группы (микроиндустрия) изготовлены из высококачественного сырья: яшмы различных цветов, халцедона и горного хрусталя [Ташак, Антонова, 2011, с. 145]. В.И. Ташак считает, что макро- и микроиндустрия составляют единый археологический комплекс [Ташак, Антонова, 2011, с. 153; Ташак, 2018, с. 330].

Макроиндустрия слоев 7 и 8 значительно отличается от индустрии слоя 6 и характеризуется как леваллуазская с элементами подпризматической техники раскалывания раннего верхнего палеолита [Ташак, Антонова, 2011, с. 153; Ташак, 2018, с. 330]. Среди орудий наблюдается сочетание крупных скребел на отщепках с изделиями на пластинах. В.И. Ташак считает, что археологические материалы слоя 6 (культура хэнгэрэктэ с бифасами) и индустрия слоев 7 и 8 генетически не связаны друг с другом и представляют собой два разных культурных явления [Ташак, Антонова, 2011, с. 153; Ташак, 2018, с. 330].

Характеризуя микроиндустрию слоя 7, В.И. Ташак отмечает, что расщепление внутри данного комплекса базировалось на утилизации только торцовых клиновидных нуклеусов высокой формы [Ташак, Антонова, 2011, с. 145], с которых получали правильные микропластины, хотя в коллекции присутствует небольшая примесь пластин и пластинок из того же высококачественного сырья. Самую многочисленную группу орудий в микроиндустрии составляют резцы разных модификаций. Затем идут (по убыванию количества) ретушированные микропластины и пластинки, остроконечники, скребки, струги, долотовидные изделия, скобели и шиповидные инструменты. Причем большинство орудий изготовлены из отщепов [Ташак, Антонова, 2011, с. 148]. Из 57 микропластин только 11 преобразованы в орудия и 12 подверглись ретуши, возможно, микропластины использовались как вкладыши для композитных орудий [Ташак, Антонова, 2011, с. 148]. В.И. Ташак не комментирует технику расщепления клиновидных нуклеусов – была ли она отжимной или микропластины снимались ударом. Анализ рисунков микро-нуклеусов [Ташак, Антонова, 2011, с. 146, рис. 3] позволяет сделать осторожное предположение, что клиновидные нуклеусы расщеплялись с применением отжимника, а сами микро-нуклеусы должны были фиксироваться в специальных зажимных устройствах. В.И. Ташак трактует оба компонента (макро- и микроиндустриальный) материальной культуры 7-го слоя как единый уникальный комплекс, который внезапно появляется и так же внезапно исчезает [Ташак, Антонова, 2011, с. 153]. Возраст материалов 7-го слоя должен быть, по мнению В.И. Ташака, не моложе 40 тыс. л.н. [Ташак, Антонова, 2011, с. 153]. Хотя в другой публикации [Ташак, Антонова, 2013] он отмечает, что макроиндустриальный комплекс 7-го слоя генетически связан с материалами 8-го, нижележащего слоя, который трактуется исследователями как раннезырянский и характеризуется «...сосуществованием типичных среднепалеолитических и верхнепалеолитических технологий» [Ташак, Антонова, 2013, с. 49]. Это выражается в сочетании в рамках единого комплекса торцового и призматического расщепления для получения пластинчатых заготовок и яркого леваллуазского компонента, представленного серией классических леваллуазских нуклеусов для отщепов [Ташак, Антонова, 2013, с. 49–50]. Но никаких проявлений микрорасщепления в материалах 8-го слоя зафиксировано не было. В 2018 г. В.И. Ташаком [2018] опубликована статья, в которой приводятся новые данные абсолютного датирования стоянки Барун-Алан-1 и по-новому интерпретируется ее страти-

графия, а именно слой 7г становится отдельным литологическим слоем [Ташак, 2018, с. 330]. Новые даты не проясняют, а только запутывают картину. Как пишет В.И. Ташак [2018, с. 335], «...для слоя 7 наблюдается разброс дат от  $> 41000$  л.н. (СОАН-6604) до  $13710 \pm 50$  л.н. (ТКа-17118). Вместе с тем следует заметить, что уровень 7б слоя 7 в новой серии дат занимает хронологический диапазон от  $18680 \pm 90$  л.н. (ТКа-17116) до  $26340 \pm 1250$  л.н. (ЛУ-7836)». К какому подразделению слоя 7 относится дата в районе 13 тыс. л.н. – непонятно. Если принять новые даты к рассмотрению, то получается, что культура хэнгрэктэ с бифасами, локализованная в слое 6, относится не к началу, а к финалу верхнего палеолита. Далее В.И. Ташак [2018, с. 335] объясняет разницей в датировках слоя 7б тем, что слои 7а и 7б маркируют перерыв в осадконакоплении и активное разрушение каргинских отложений, что привело к экспонированию разновременных артефактов на одну поверхность. Следовательно, каменный инвентарь и костные остатки из слоев 7а и 7б – смешанные и разновременные, отсюда и такая разница в сырье и морфологическом облике макро- и микроиндустриальных комплексов.

Тем не менее материалы слоя 7г с леваллуазской макроиндустрией и микроиндустрией В.И. Ташак [2018, с. 335] продолжает считать «инситуными», принадлежащими среднему и раннему этапам каргинского интерстадиала, что, на наш взгляд, требует более надежной аргументации, нежели результаты споро-пыльцевых анализов, реконструирующих «...безлесные ландшафты, существовавшие в умеренно холодных условиях».

Анализ материалов раннего верхнего палеолита с памятников Забайкалья демонстрирует сложную и мозаичную картину формирования и взаимодействия материальной культуры древнего человека. Здесь выделены две линии развития: пластинчатая, основанная на расщеплении объемных подпризматических и плоскостных параллельных нуклеусов, где основными заготовками были пластины и пластинки, и отщеповая, ориентированная на использование нуклеусов различного типа для получения отщепов и применение последних в качестве основной заготовки для изготовления орудий. В первой, пластинчатой, общности отдельные элементы микрорасщепления в виде единичных находок подпризматических микронуклеусов и нескольких микропластин зафиксированы только в материалах индустрии 2-го уровня Варвариной Горы.

Вторую линию развития представляют стоянки с отщеповыми индустриями. Следует отметить, что, на наш взгляд, эта группа неоднородна. Каменные индустрии нижних слоев Хотыка и Елани, по нашему мнению, относятся к финалу среднего палеолита и демонстрируют материальную культуру начала формирования верхнепалеолитических технических традиций как в расщеплении сырья, так и в производстве и составе орудий. Неудивительно, что микронуклеусы и микропластины внутри этой линии развития обнаружены в комплексах более поздних памятников: Каменки (Б), Мухор-Тала-4 и Куналея. На всех трех объектах найдены торцовые микронуклеусы, морфология которых значительно отличается от классических клиновидных форм и микропластины. Тем не менее на раннем этапе верхнего палеолита микроиндустрия не играла значительной роли в жизни древнего человека. Это была, скорее всего, «проба пера», поиск новых возможностей в технологии обработки камня. Мы присоединяемся к мнению М.В. Константинова [1994], писавшего, что надежные свидетельства микрорасщепления появляются в Забайкалье не раньше 25 тыс. л.н. Очень интересный материал демонстрирует стоянка Барун-Алан-1. Но для реализации цели данной статьи он, к сожалению, не пригоден. В свете новых дат [Ташак, 2018] все постулируе-

мые В.И. Ташаком положения надо заново доказывать. По нашему мнению, материалы слоя 7 явно смешанные и микроиндустриальный комплекс не имеет ничего общего с макроиндустрией с леваллуазской технологией. Скорее всего, микроиндустрия с клиновидными нуклеусами не относится к периоду раннего верхнего палеолита.

### **Библиографический список**

- Абрамова З.А. Поздний палеолит Азиатской части СССР. Палеолит. М. : Наука, 1984. С. 302–346 (Археология СССР).
- Абрамова З.А. Палеолит Северной Азии // Палеолит мира: Кавказ и Северная Азия. Л. : Наука, 1989. С. 145–244.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т. Пространственный и временной аспекты существования комплексов каменного инвентаря типа Кара-Бом // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1988. С. 8–11.
- Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ ; Чита : Читинский пед. ин-т, 1994. 180 с.
- Константинов М.В., Сумароков В.Б., Филиппов А.К., Ермолова Н.М. Древнейшая скульптура Сибири // Краткие сообщения института археологии. 1983. №173. С. 78–81.
- Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.
- Лбова Л.В. К проблеме перехода от среднего к верхнему палеолиту (материалы Западного Забайкалья) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №1. С. 59–75.
- Лбова Л.В., Резанов И.Н., Калмыков Н.П., Коломиец В.Л., Дергачева М.И., Феденева И.К., Васькович Н.В., Волков П.В., Савинова В.В., Базаров Б.А., Намсараев Д.В. Природная среда и человек в неоплейстоцене (западное Забайкалье юго-восточное Прибайкалье). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 208 с.
- Лбова Л.В. Средний палеолит Забайкалья: факты и гипотезы // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 17–29.
- Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын ам (Монголия). Новосибирск : Наука, 1981. 464 с.
- Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск : Наука, 1980. 176 с.
- Рыбин Е.П., Лбова Л.В., Клементьев А.М. Орудийный набор и поселенческая специфика комплексов ранней поры верхнего палеолита Западного Забайкалья // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 69–80.
- Ташак В.И. Подзвонкая: палеолитические материалы нижнего комплекса (Республика Бурятия) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2002. С. 25–33.
- Ташак В.И. К обоснованию новой археологической культуры в верхнем палеолите Забайкалья // Вестник Бурятского университета. 2010. №8. С. 234–241.
- Ташак В.И. Хронология раннего этапа верхнего палеолита Западного Забайкалья (по материалам Подзвонкой) // Российский археологический ежегодник. СПб. : Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2011. №1. С. 100–110.
- Ташак В.И. Становление раннего верхнего палеолита Западного Забайкалья (по материалам Нижнего комплекса стоянки Подзвонкая) // Stratum plus. 2014. №1. С. 149–164.
- Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Микроиндустрия на рубеже среднего и верхнего палеолита Западного Забайкалья (по материалам местонахождения Барун-Алан-1) // Вестник НГУ. Серия : История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5 : Археология и этнография. С. 141–154.
- Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Материальная культура древнего человека и окружающая среда эпохи палеолита в Западном Забайкалье (по материалам местонахождений в долинах рек Алан и Она) // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. №2 (3). С. 45–57.

Ташак В.И. Восточный комплекс палеолитического поселения Подзвонкая в Западном Забайкалье. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2016. 185 с.

Ташак В.И. К вопросу об истоках производства микропластин в толбагинской культуре раннего верхнего палеолита Забайкалья // Теория и практика археологических исследований. 2017. №4. С. 39–48.

Ташак В.И. Техника леваллуа в палеолите Забайкалья // Stratum plus. 2018. №1. С. 327–338.

Buvit I., Izuho M., Terry K., Konstantinov M.V., Konstantinov A.V. Radiocarbon dates, microblades and Late Pleistocene human migrations in the Transbaikal, Russia and the Paleo-Sakhalin-Hokkaido-Kuril Peninsula // Quaternary International. 2016. V. 425. P. 100–119.

## References

Abramova Z.A. Pozdnij paleolit Aziatskoj chasti SSSR [Late Paleolithic of the Asian Part of the USSR]. Arheologiya SSSR. Paleolit [Archaeology of the USSR. Paleolithic]. M. : Nauka, 1984. Pp. 302–346.

Abramova Z.A. Paleolit Severnoj Azii [Paleolithic of North Asia]. Paleolit mira: Kavkaz i Severnaya Azija [World Paleolithic. The Caucasus and Northern Asia]. L. : Nauka, 1989. Pp. 145–244.

Derevianko A.P., Petrin V.T. Prostranstvennyj i vremennoj aspekty sushchestvovaniya kompleksov kamennogo inventarya tipa Kara-Bom [Spatial and Temporal Aspects of Existence of the Kara-Bom-type Lithic Assemblages]. Hronologiya i kul'turnaya prinalozhnost' pamyatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Yuzhnoj Sibiri [Chronology and Cultural Identity of the Stone and Bronze Ages Sites in Southern Siberia] : tez. dokl. i soobshch. nauch. konf. (g. Barnaul, 23–25 marta 1988 g.). Alt. gos. un-t. Barnaul, 1988. Pp. 8–11.

Konstantinov M.V. Kamennyj vek vostochnogo regiona Bajkal'skoj Azii [Stone Age of the Eastern Part of Baikal Asia]. Ulan-Udeh ; Chita : Chitinskij pedagogicheskij institut, 1994. 180 p.

Konstantinov M.V., Sumarokov V.B., Filippov A.K., Ermolova N.M. Drevnejshaya skul'ptura Sibiri [The Most Ancient Sculpture of Siberia]. Kratkie soobshcheniya instituta arheologii [Short Reports of the Institute of Archaeology]. 1983. №173. Pp. 78–81.

Lbova L.V. Paleolit severnoj zony Zapadnogo Zabajkal'ya [Paleolithic of the Northern Zone of Western Trans-Baikal Region]. Ulan-Udeh : Izd-vo BNC SO RAN, 2000. 240 p.

Lbova L.V. K probleme perekhoda ot srednego k verhnemu paleolitu (materialy Zapadnogo Zabajkal'ya) [Towards the Problem of the Transition from the Middle to Upper Paleolithic (Based on the Materials of Western Trans-Baikal Region)]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia]. 2002. №1. Pp. 59 – 75.

Lbova L.V., Rezanov I.N., Kalmykov N.P., Kolomiets V.L., Dergatcheva M.I., Fedeneva I.K., Vashukevitch N.V., Volkov P.V., Savinova V.V., Bazarov B.A., Namsaraev D.V. Prirodnaya sreda i chelovek v neoplejstocene (zapadnoe Zabajkal'e yugo-vostochnoe Pribajkal'e) [Natural Environment and Man during the Neo-Pleistocene (Western Trans-Baikal and Southeastern Cis-Baikal regions)]. Ulan-Udeh : Izd-vo BNC SO RAN, 2003. 208 p.

Lbova L.V. Srednij paleolit Zabajkal'ya: fakty i gipotezy [Middle Paleolithic of Trans-Baikal Region: Facts and Hypothesis]. Paleoliticheskie kul'tury Zabajkal'ya i Mongolii (novye pamyatniki, metody, gipotezy) [Paleolithic Cultures of Trans-Baikal Region and Mongolia (New Sites, Methods, and Hypothesis)]. Novosibirsk : Izd-vo IAEHT SO RAN, 2005. Pp. 17–29.

Okladnikov A.P. Paleolit Central'noj Azii. Mojl'tyn am (Mongoliya) [Paleolithic of Central Asia. Moiltyn Am (Mongolia)]. Novosibirsk : Nauka, 1981. 464 p.

Okladnikov A.P., Kirillov I.I. Yugo-Vostochnoe Zabajkal'e v ehposu kamnya i rannej bronzy [Southeastern Trans-Baikal Region during the Stone and the Early Bronze Epoch]. Novosibirsk : Nauka, 1980. 176 p.

Rybin E.P., Lbova L.V., Klementiev A.M. Orudijnyj nabor i poselencheskaya specifika kompleksov rannej pory verhnego paleolita Zapadnogo Zabajkal'ya [Tool-kit and Settlement Specificity of the Early Upper Paleolithic Complexes in the Western Trans-Baikal Region]. Paleoliticheskie kul'tury Zabajkal'ya i Mongolii (novye pamyatniki, metody, gipotezy) [Paleolithic Cultures of Trans-Baikal Region and Mongolia (New sites, methods, and hypothesis)]. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2005. Pp. 69–80.

Tashak V.I. Podzvonkaya: paleoliticheskie materialy nizhnego kompleksa (Respublika Buryatiya) [Podzvonkaya: Paleolithic Materials of the Lower Complex (Buryat Republic)]. Arheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka i Central'noj Azii [Archaeology and Cultural Anthropology of Far East and Central Asia]. Vladivostok : IIAE narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN, 2002. Pp. 25–33.

Tashak V.I. K obosnovaniyu novoj arheologicheskoy kul'tury v verhnem paleolite Zabajkal'ya [To the Grounds of New Archaeological Culture in Upper Paleolithic of Zabaikalie]. Vestnik Buryatskogo universiteta [Bulletin of Buryat University]. 2010. №8. Pp. 234–241.

Tashak V.I. Hronologiya rannego ehtapa verhnego paleolita Zapadnogo Zabajkal'ya (po materialam Podzvonkoj) [Chronology of the Early Upper Paleolithic of Western Transbaikalian (with particular reference to the materials of Podzvonkaya)]. Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik [Russian Archaeological Annual]. SPb. : Universitetskij izdatel'skij konsorcium "Yuridicheskaya kniga", 2011. №1. Pp. 100–110.

Tashak V.I. Stanovlenie rannego verhnego paleolita Zapadnogo Zabajkal'ya (po materialam Nizhnego kompleksa stoyanki Podzvonkaya) [Formation of the Early Upper Paleolithic in Western Transbaikal (with particular reference to the Lower Complex of the Podzvonkaya site)]. Stratum plus. 2014. №1. Pp. 149–164.

Tashak V.I., Antonova Yu.E. Mikroindustriya na rubezhe srednego i verhnego paleolita Zapadnogo Zabajkal'ya (po materialam mestonahozhdeniya Barun-Alan-1) [Microindustry at the Middle-Upper Paleolithic Boundary of Western Transbaikalia (on the Materials of Barun-Alan-1 Site)]. Vestnik NGU [Bulletin of Novosibirsk State University]. Seriya : Istorija, filologija. 2011. Tom 10, vypusk 5 : Arheologija i ehtnografija. Pp. 141–154.

Tashak V.I., Antonova Yu.E. Material'naya kul'tura drevnego cheloveka i okruzhayushchaya sreda ehpoi paleolita v Zapadnom Zabajkal'e (po materialam mestonahozhdenij v dolinah rek Alan i Ona) [Material Culture of Ancient Human and Environment of the Paleolithic in the Western Baikal Region (based on the Artefacts of the Alan and Ona River Valleys)]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : "Geoarheologija. Ehtnologija. Antropologija" [News of Irkutsk State University. Series : "Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology"]. 2013. №2 (3). Pp. 45–57.

Tashak V.I. Vostochnyj kompleks paleoliticheskogo poseleniya Podzvonkaya v Zapadnom Zabajkal'e [East Complex of Paleolithic Settlement Podzvonkaya in the Western Transbaikal Region]. Irkutsk : Izdatel'stvo Instituta geografii im. V.B. Sochavy SO RAN, 2016. 185 p.

Tashak V.I. K voprosu ob istokah proizvodstva mikroplastin v tolbaginskoj kul'ture rannego verhnego paleolita Zabajkal'ya [To the Issue of the Origin of Microblade Production in Tolbaginskaya Culture in the Early Upper Paleolithic of Transbaikalia]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2017. №4. S. 39–48.

Tashak V.I. Tekhnika levallua v paleolite Zabajkal'ya [Levallois Technique in the Palaeolithic of Transbaikalia]. Stratum plus. 2018. №1. Pp. 327–338.

Buvit I., Izuho M., Terry K., Konstantinov M.V., Konstantinov A.V. Radiocarbon dates, microblades and Late Pleistocene human migrations in the Transbaikal, Russia and the Paleo-Sakhalin-Hokkaido-Kuril Peninsula. Quaternary International. 2016. V. 425. Pp. 100–119.

**S.A. Gladyshev**

*Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia*

## **MICROPERCUSSION IN THE EARLY UPPER PALEOLITHIC COMPLEXES OF TRANS-BAIKAL REGION**

Two scenarios for the lithic industries of the Early Upper Paleolithic in Trans-Baikal Region are recognized: with blades and with flakes. The first one includes industries of Varvarina Gora, Tolbaga, Podzvonkaya, Complex A (C) at the Kamenka, and Khotyk (Horizons 2–3) sites. Very few finds of sub-prismatic microcores and several microblades were documented in the industry of Level-2 at the Varvarina Gora site. The second scenario is represented with flake industries, and illustrated with the materials of such sites as Khotyk (Horizons 4–6), Kamenka (B), Mukhor-Tala-4. Ylan', and Kunalei. Some microcores and microblades are known within the flake industries and found in later complexes at Kamenka (B), Mukhor-Tala-4, and Kunalei sites. The morphology of microcores discovered at all three sites are significantly different from the typical wedge-shaped forms. Apart are the materials from Level 7 at Barun-Alan-1 site where complexes of macro and micro industries are found together but differ from each other by raw material, the morphology, the technology of percussion, and tools production. The affiliation of microindustry complex with Level 7 raises serious doubts, and requires a more reasoned justification. On the early stage of the Upper Paleolithic microindustry did not play a significant role in the ancient humans' life. The reliable evidences of micropercussion appear in Trans-Baikal Region not earlier than 25 000 BP.

*Key words:* Trans-Baikal Region, Early Upper Paleolithic, micropercussion, blades and flakes scenarios for the lithic industries.

## ПОСЕЛЕНИЕ 1 АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА МАЛЫЙ ГОНЬБИНСКИЙ КОРДОН-1 В БАРНАУЛЬСКОМ ПРИОБЬЕ (по исследованиям 1988 г.)

Представлены результаты изучения материалов поселения раннего железного века, расположенного в правобережье Оби напротив г. Барнаула (Первомайский район Алтайского края). Аварийные раскопки памятника проводились А.Л. Кунгуровым в 1988 г. в связи с планируемым отводом участка под резерв грунта для строительства дороги. Всего было вскрыто 1722 кв. м площади памятника. Зафиксированы остатки двух жилищных конструкций, 37 хозяйственных ям, восьми очагов, 19 вбитых в материк заостренных кольев, сгоревшее наземное сооружение. Материал представлен обломками не менее 300 сосудов, 1786 костными остатками 14 видов животных, изделиями из железа, кости, керамики и камня. Кроме поселенческого комплекса обнаружены пять погребений большереченской и одинцовской культур (Могильник 2 МГК-1). Поселенческий комплекс достаточно однороден, что позволяет считать поселение однослойным. Датировка памятника определяется особенностью керамической орнаментации и характером орудейного комплекса – IV–III вв. до н.э. В культурном плане памятник относится к периоду вхождения староалейской культуры в каменскую и размывания ее специфики.

*Ключевые слова:* Верхнее Приобье, керамика, курильница, зернотерка, железный нож, костные остатки, ранний железный век, староалейская культура, каменная культура, снаряжение, вооружение, датировка.

DOI: 10.14258/tpai(2018)3(23).-02

### *Введение*

Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон-1 расположен на останце правобережной второй надпойменной террасы долины р. Обь. Абсолютные отметки террасы составляют 134–138 м и возвышаются над урезом воды в реке на 8–10 м. Поверхность осложнена многочисленными узкими прямолинейно вытянутыми разноориентированными дюнами и грядами, широкими междюнными дефляционными понижениями, местами расчленена овражно-балочной сетью. В понижениях рельефа встречаются озера, болота и заболоченные сырые участки. Цоколь террасы располагается примерно на уровне уреза воды, скрыт аллювиальными отложениями I террасы, а также пачками высокой и низкой пойм. В составе рыхлой толщи характеризуемого геоморфологического образования преобладают пески полимиктовые серые, желтовато-серые, обычно пылеватые, с глубины 6–8 м мелкозернистые, горизонтально-, реже косослоистые, с маломощными прослоями и линзами серых и желтовато-серых тонкослоистых супесей и суглинков, имеющих подчиненное значение в составе аллювия террасы. Супеси и суглинки, залегающие на отдельных участках в зоне аэрации (повышенное воздействие воздуха), частично облессованы. Поверхность террасы осложнена вторичными песчаными эоловыми дюнами и грядами, процесс образования которых еще не завершен. Особенно активна ветровая эрозия на тех участках террасы, где песчаные отложения не закреплены растительностью. В результате деятельности ветра на поверхности образуются котловины выдувания, песчаные бугры, гряды и дюны [Географическое и инженерно-геологическое..., 1988, с. 69–72; Алтайский край..., 1978].

Кроме эоловой эрозии окраинные участки II надпойменной террасы правобережья Оби подвержены активной водной трансформации основным и старичными (протоками) руслами реки.

Малый Гоньбинский Кордон-1 относится к крупным останцам, образовавшимся на оконечности стыка водно-эоловых обширных многокилометровых дуг, расположенных западнее и восточнее. Останец был отрезан от террасы протокой Оби, которая сейчас представлена участком низкой поймы шириной около 1 км. МГК-1 сохранил подтреугольную форму мыса, ориентированную острым углом на юг.

### ***Полученные результаты и их обсуждение***

*Особенности расположения памятников на МГК-1.* Останец Малый Гоньбинский Кордон-1 расположен в месте наименьшей ширины поймы на этом отрезке обской долины (именно поэтому здесь проходила паромная переправа Московского тракта). По прямой от с. Гоньба до оконечности останца около трех километров (рис. 1). В нескольких километрах западнее или восточнее указанное расстояние увеличивается до 6–7 км, в некоторых местах достигает 10–15 км. В пределах прямой видимости с останца (и соответственно наоборот) находятся несколько крупных левобережных памятников бронзового и железного века: поселения Турина Гора-1 и 2, разновременные погребальные и поселенческие объекты около с. Казенная Заимка, курганные группы и поселения около с. Гоньба и пос. Научный Городок [Кунгуров, 1998; Кунгуров, Сингаевский, 2006]. С останца четко просматривается высокий левобережный обрыв Приобского плато на расстояние 20 км. В 6 км северо-восточнее МГК-1 в крупную обскую Повалихинскую протоку впадает р. Кислуха, в трех километрах дальше – р. Повалиха. Долины этих рек представляют собой древнюю лесостепную полосу, разрывающую массив приобского бора. В целом можно сказать, что район расположения останца для Барнаульского отрезка долины Оби имеет ключевое стратегическое значение. Именно поэтому здесь расположено такое количество разновременных городищ, поселений и могильников, маркирующих наивысшие точки лево- и правобережья [Кунгуров, 2006].

Останец Малый Гоньбинский Кордон-1 расположен в 1 км южнее выступа коренного берега и отделен от него заболоченной низиной. Сейчас она легко проходима, так как на протяжении почти 300 лет здесь функционирует дорога, хотя сейчас в ней с завидной регулярностью застревает разнообразный транспорт. Не стоит большого труда представить эту местность полностью отрезанной от коренного правого берега. Практически со всех сторон елбан окружен крупными непроходимыми протоками и болотами. Имеющиеся в них проходы по невысоким дюнным всхолмлениям легко блокировать. Поэтому МГК-1 является очень удобным местом, с одной стороны прочно изолированным природными условиями местности, с другой – позволяющим эффективно контролировать обширные территории Обской поймы и значительных участков лево- и правобережья. Размеры останца, имеющего подтреугольную форму, ориентированную острым углом на юг, 1×0,5–0,7 км. Высота южной оконечности достигает 10 м, к северу она снижается до уровня поймы. Поперек останца вытянуты гривы (запад-восток), разделенные лощинами, выходящие к краю останца в виде высоких мысов, так как глубина лощин в этом месте увеличивается.

Наиболее высокой частью останца является его южная оконечность, на которой расположено Поселение I. Этот участок МГК-1 наиболее сильно пострадал от природного и антропогенного воздействия. Южная кромка на протяжении многих лет осыпа-

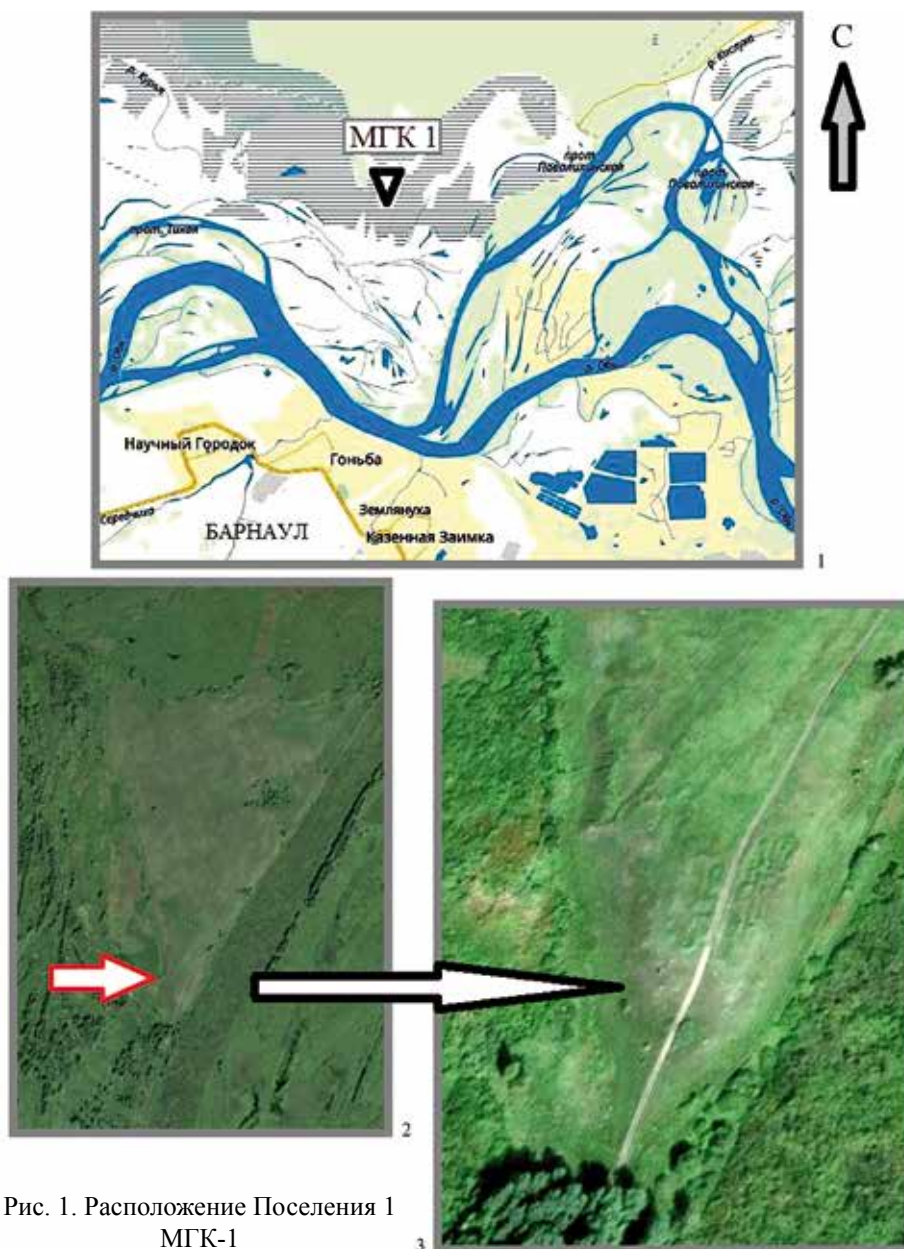


Рис. 1. Расположение Поселения 1  
МГК-1

ется и разрушается ветром. Начало эолового воздействия, видимо, связано с древней хозяйственной деятельностью (прежде всего скотоводством, которое способствует разрушению дернового слоя). Поскольку основной ветер в этом регионе западный, частицы песка переносятся на поверхность останца и отлагаются в виде горизонта, разрывающего гумусовую пачку. Прослежено задувание имеющихся хозяйственных ям, а также разрушение некоторых объектов на юго-западной половине оконечности (раскоп 2). Это разрушение, судя по стратиграфическим наблюдениям, сопровождалось отложением светлых песчаных наносов. После оставления древними людьми поселе-



ния его культурный слой еще дважды перекрывался песчаными надувами мощностью до 0,15–0,2 м. Возможно, это свидетельство хозяйственной деятельности в эпохи поздней древности и раннего средневековья, также представленных находками на МГК-1.

В целом на южной кромке МГК-1 разрушено от 100 до 200 м тела останца. Древняя первоначальная подошва маркируется незначительным задернованным возвышением супесчаного состава, начинающимся в 100 м и примыкающим к современному основанию. Действующая в настоящее время осыпь-раздвиг охватывает юго-западную часть оконечности останца (рис. 2). Дополнительные разрушения связаны со строительством ЛЭП 500 (три смежные стальные решетчатые опоры, каждая из которых укреплена на четырех бетонных «пасынках»). При сооружении конструкции частично пострадал Могильник 1 (разрушено не менее 10 погребений). Поскольку следующая опора находилась в пойме (юго-западнее), поддерживаемые провода высокого напряжения опасно близко находились к поверхности останца, поэтому часть кромки была сдвинута бульдозером.

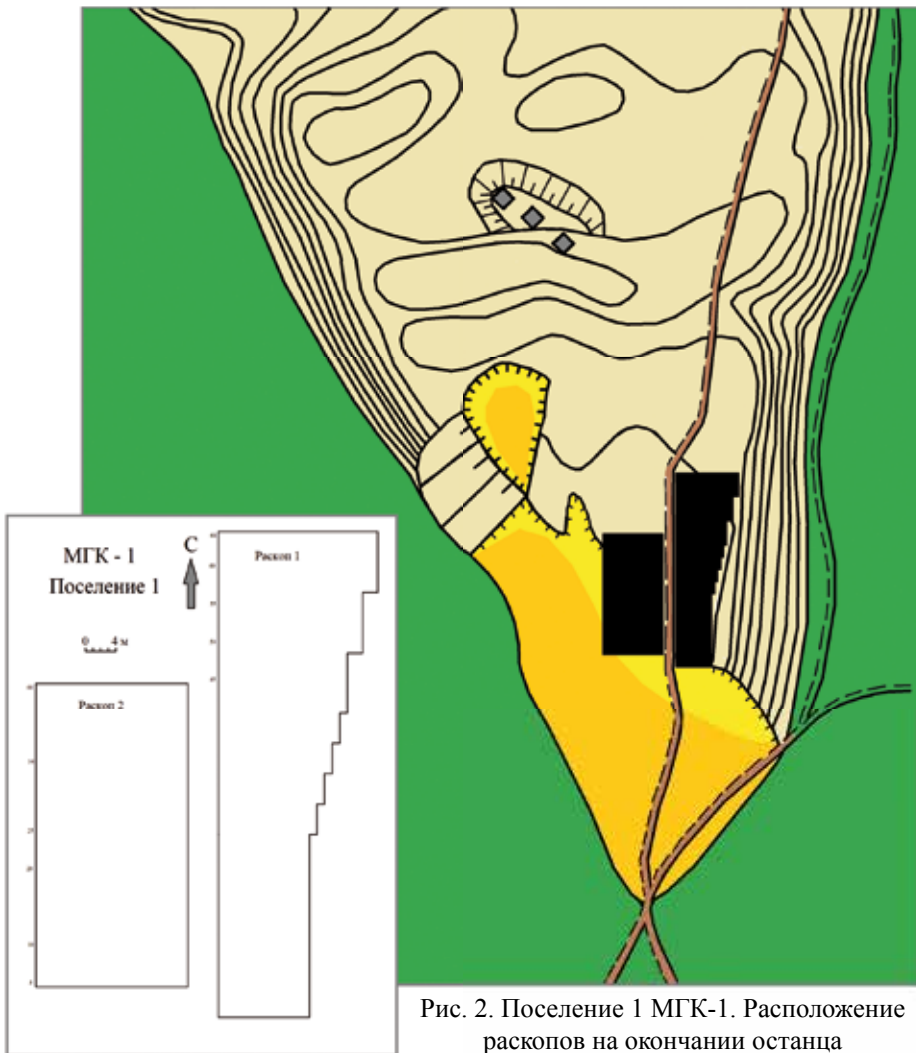


Рис. 2. Поселение 1 МГК-1. Расположение раскопов на оконечности останца

### Исследование Поселения 1 МГК-1

Описание раскопа. В связи с планировавшимся Первомайским ДРСУ строительством дорожного полотна через участок правобережной поймы к парому через р. Обь (к с. Гоньба Ленинского района г. Барнаула) в 1988 г. Первомайской экспедицией Алтайского госуниверситета были проведены раскопки участка останца. На исследованной площади планировалось сооружение карьера (резерва грунта) и финансирование осуществлялось за счет хозяйственного договора с Первомайским ДРСУ. Для работ также

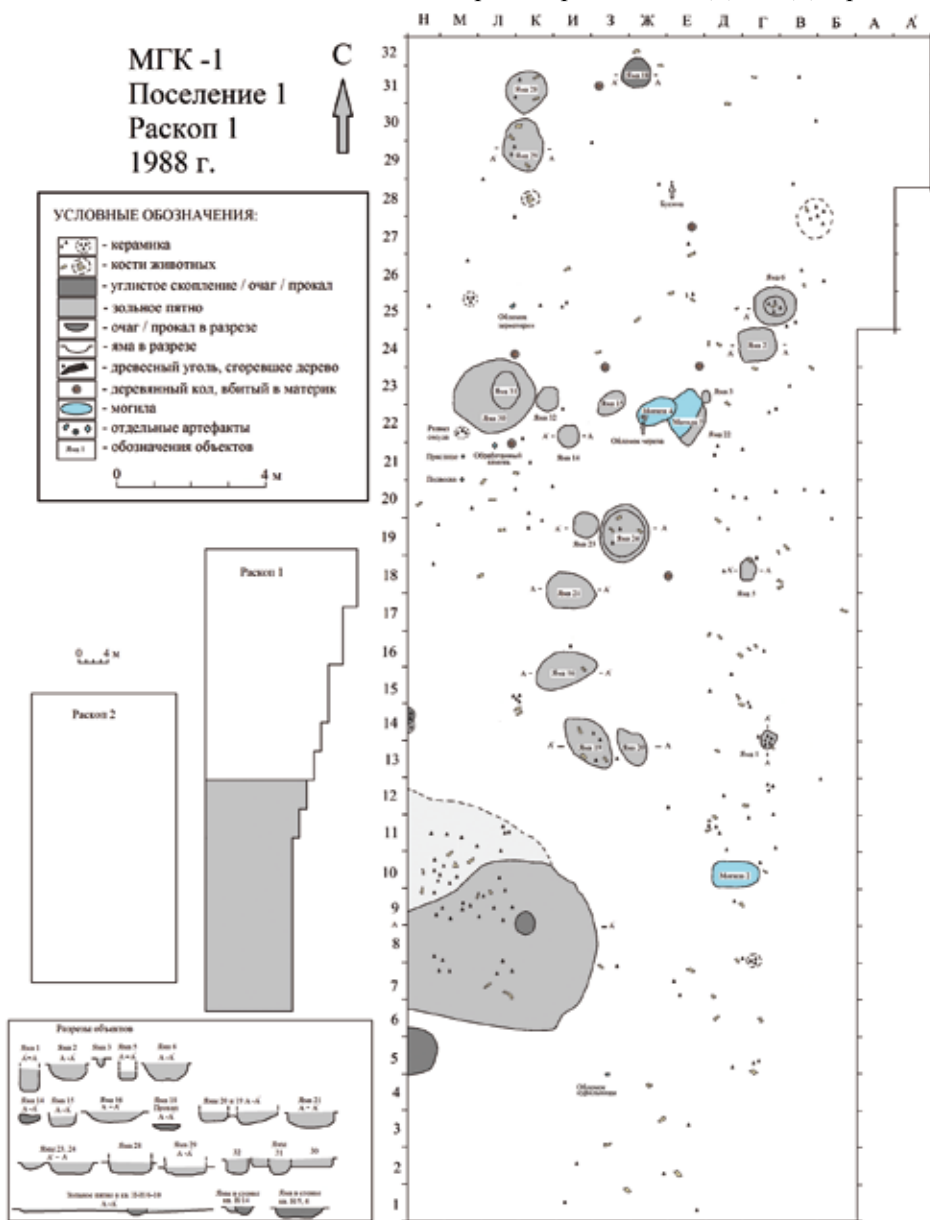


Рис. 3. Поселение 1 МГК-1. Северная часть раскопа 1. План

привлекалась археологическая практика первого курса исторического факультета АлтГУ. Общая площадь раскопов 1 и 2 на Поселении 1 МГК-1 составила около 1772 кв. м (рис. 3). Раскоп 1, имеющий площадь 1052 кв. м, охватывает восточную оконечность южного края останца МГК-1, раскоп 2, площадью около 720 кв. м, – западную. Необходимость организации двух раскопов определялась наличием действующей грунтовой дороги, проходящей от с. Повалиха в пойму р. Оби (далее она направляется к парому через Обь и в западном направлении к оз. Телеутскому). Дорога проложена практически с севера на юг, поэтому она «разделяет» раскопы 1 и 2 полосой четырехметровой ширины.

На площади раскопа 1 (табл. 1) зафиксированы 15 деревянных заостренных столбиков диаметром 0,1–0,15 м, вкопанных (вбитых?) в материк на глубину до 0,4 м; зольное пятно размерами 3,25×2,6 м и рухнувшая сгоревшая деревянная конструкция, представляющая собой остатки лежащих вдоль и поперек длинной оси раскопа обугленных жердей диаметром до 0,15 м и длиной до 0,6 м. Возможно, это остатки навеса над хозяйственной площадкой.

Таблица 1

Характеристика объектов, зафиксированных на площади раскопа 1 (Поселение 1 МГК-1), рисунки 4; 5

Квадрат	Форма	Размеры, м	Глубина от материка, м	Характер заполнения
Г/13-14	Непр.-овальн.	0,5×0,45	0,55	Темно-серая супесь
Ф/24, 25	Округлая (очаг)	D 0,85	0,2	Темно-серая супесь
Г/18-19	Непр.-овальн	0,6×0,55	0,25	Черная супесь
ВГ/25, 26	Округлая	D 1,2	0,6	Черная углистая супесь
А*А/34, 35	Округлая	D 0,9	0,35	Темно-серая супесь
Г*Д*/60	Непр.-округлая	1×0,95	0,5	Черная углистая супесь
ВГ/47	Овальная	0,35×0,2	0,25	Серая супесь
АА*/50, 51	Овальная	1,2×0,9	0,3	Темно-серая углистая супесь
АБ/45, 46	Непр.-округлая	0,75×0,9	0,15	Темно-серая углистая супесь
А*АБ/54-56	Овальная	2,1×1,1	0,35	Серая супесь
А*А/56, 57	Округлая	D 1,25	0,25	Темно-серая супесь
И/22	Округлая (очаг)	D 0,7	0,3	Черная углистая супесь
З/22, 23	Овальная (очаг)	0,8×0,55	0,3	Черная углистая супесь
ИК/15, 16	Овальная	1,55×1	1	Темно-серая супесь
ДЕ/36, 37	Вытянутая (ров?)	3,55×0,8	0,15–0,2	Черная супесь
ЖЗ/31, 32	Очаг округлой формы	D 0,8	0,5–0,1	Бурый прокол линзовидной формы
ЗИ/13, 14	Непр.-овальная	1,7×1,05	0,4	Темно-серая супесь
ЖЗ/13, 14	Непр.-овальная	1,15×0,7	0,3	Черная супесь
ИК/17, 18	Овальная	1,3×0,9	0,3	Темно-серая супесь
ЗИ/19, 20	Округлая	D 0,75	0,2	Темно-серая супесь
ЖЗ/18-20	Округлая	D 1,5	0,45	Темно-серая супесь
ВГ/55, 56	Округлая	D 0,8	0,1	Темно-серая супесь
ЖИ/55-56	Округлая	D 0,7	0,4	Темно-серая супесь
ЖЗ/61, 62	Непр.-округлая	1,1×1,15	0,85	Темно-серая углистая супесь
КЛ/31, 32	Непр.-округлая	1,1×1,15	0,25	Темно-серая супесь
КЛ/21, 30	Непр.-овальная	1,9×1,1	0,3	Темно-серая супесь
КМ/22, 24	Непр.-округлая	D 2,2	0,2	Темно-серая супесь
М/23 (впущена в яму 30)	Овальная	1×0,75	0,4	Черная углистая супесь
К/22, 23	Округлая	D 0,6	0,35	Древесный уголь (очаг?)
КМ/42-44	Округлая	D 1,4	0,3	Черная супесь
КМ/41-43	Непр.-округлая	D 1,45	0,25	Серая супесь

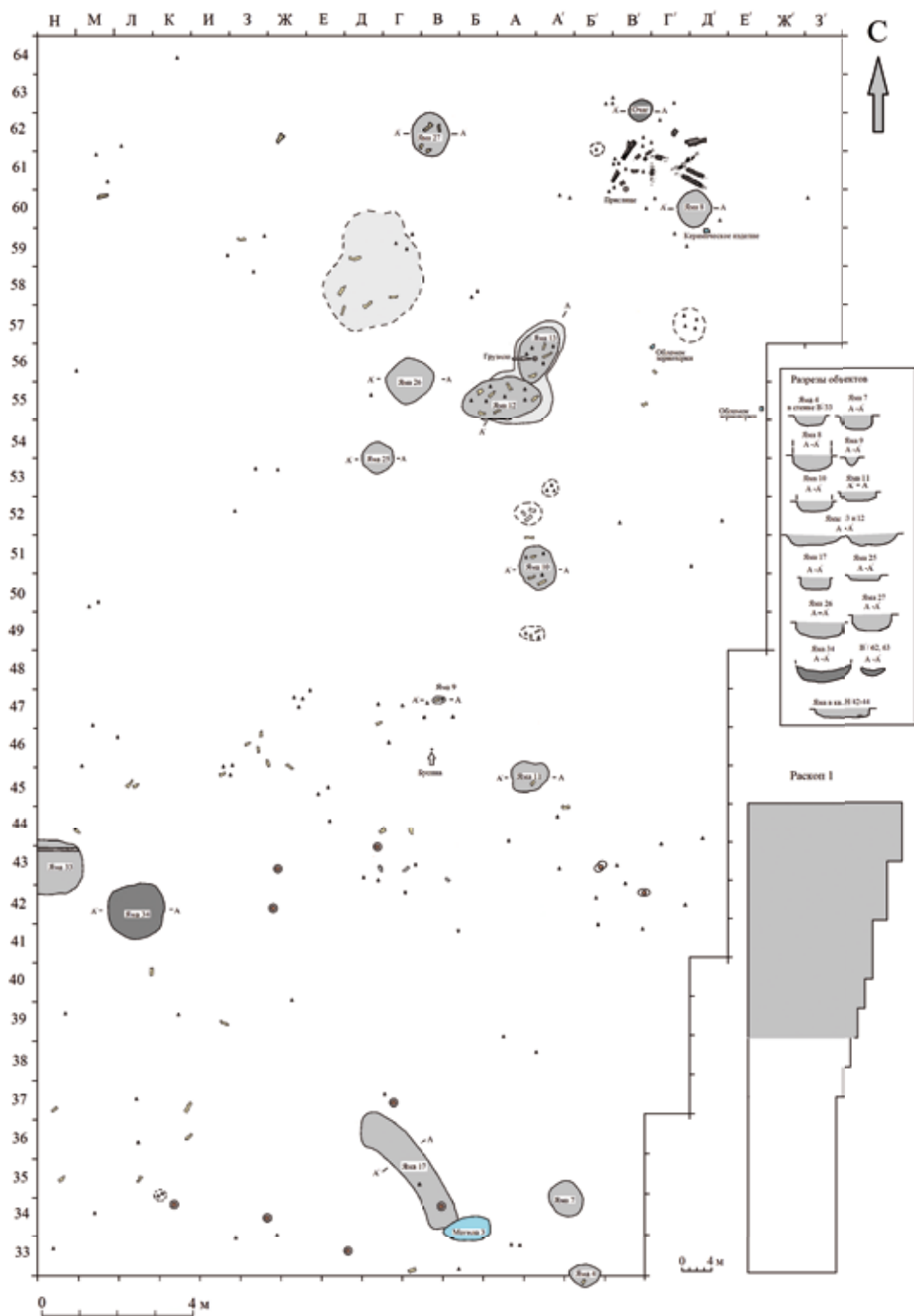


Рис. 4. Поселение 1 МГК-1. Южная часть раскопа 1. План

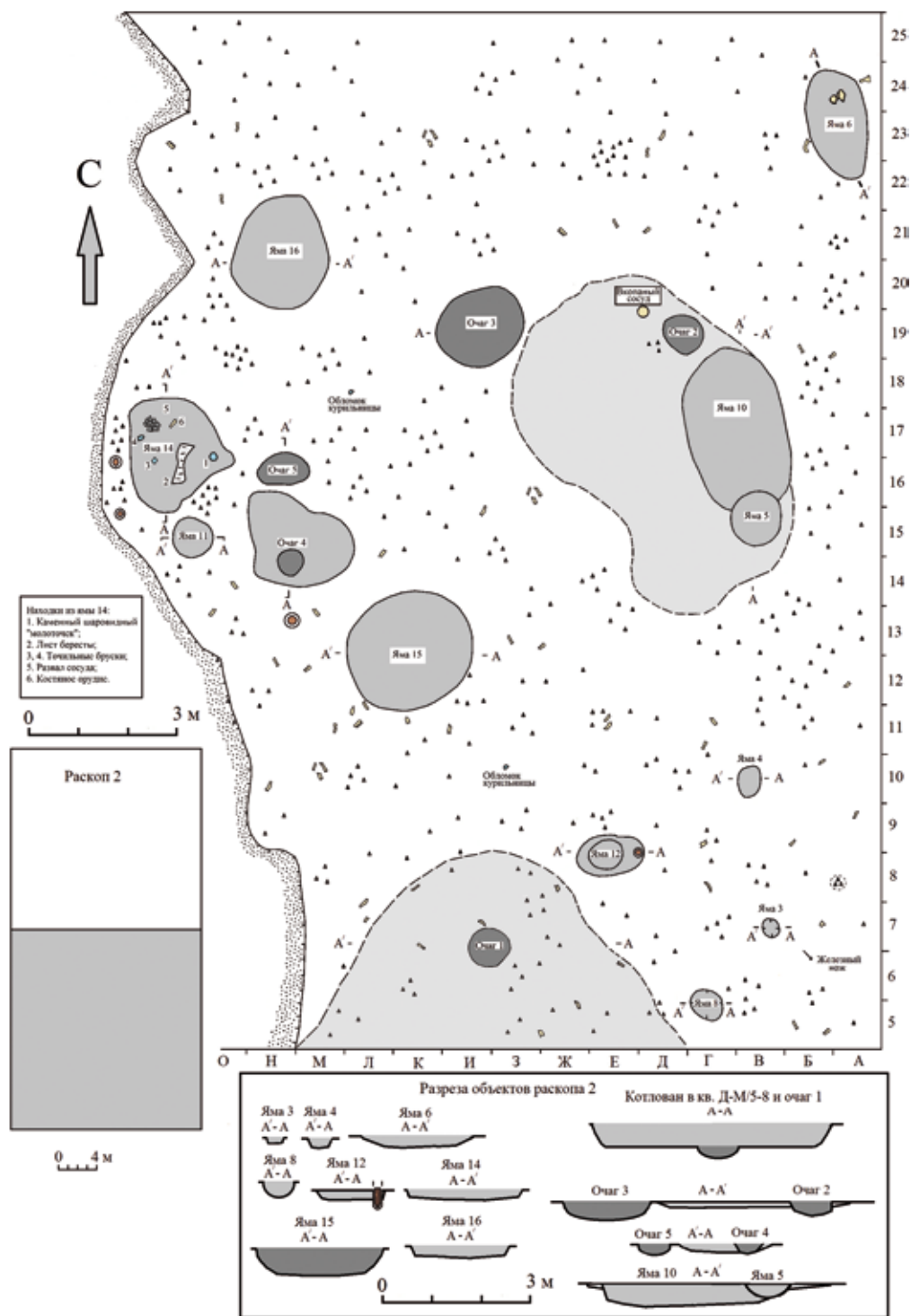


Рис. 5. Поселение 1 МГК-1. Южная, наиболее насыщенная материалом часть раскопа 2. План

На площади раскопа 2 встречено четыре вкопанных заостренных столбика, аналогичных подобным с раскопа 1.

Зафиксирован жилой комплекс, в который входят очаг 2, яма 5 и 10, вкопанный в древнюю дневную поверхность керамический сосуд с костями рыб (табл. 2). Указанные объекты объединяет неровное пятно золистей супеси. В разрезе пятно прослежено на уровне линии 14–20. Форма неправильно-овальная, размеры 6,75×4–4,5 м. Западины в разрезе не фиксируются, поверхность, выделяющаяся по зольному слою, достаточно горизонтальная. Возможно, это остатки наземной временной постройки с очагом и ямами (навес? чум?). Столбовых ямок нет. С запада к конструкции примыкает большой очаг 3.

Таблица 2

Характеристика объектов, зафиксированных на площади раскопа 2 (Поселение 1 МГК-1), рисунок 5

Квадрат	Форма	Размеры, м	Глубина от материка, м	Характер заполнения
ГД/14	Очаг округлой формы	D 0,85	0,05–0,15	Красная прокаленная супесь
В/7	Округлая	D 0,4	0,07	Темно-серая супесь
Г/5,6	Овальная	0,7×0,6	0,15	Черная углистая супесь
В/15,16	Округлая (впущена в южный край ямы 10)	D 1	0,3	Темно-серая супесь
В/10	Овальная	0,35×0,25	0,15	Темно-серая супесь
Б/40, 41	Овальная	1,15×1,35	0,3	Черная углистая супесь
ГД/36, 37	Округлая	D 0,75	0,45	Черная супесь
А/38, 39	Овальная	0,9×0,7	0,25	Черная углистая супесь
А-Г/16-19	Овальная	3,3×2	0,35	Темно-серая супесь
ОП/15	Округлая	D 0,75	0,25	Серая золистая супесь
ЕЖ/8,9	Округлая	D 0,65	0,2	Серая золистая супесь
ЗИ/40, 41	Округлая	D 1	0,15	Темно-серая супесь
ОР/15-18	Непр.-овальная	2,3×1,8–2,1	0,2	Светло-коричневая супесь
ИЛ/12, 13	Округлая (очаг?)	D 2,6	0,5	Черная углистая супесь, перекрытая прокалом (0,07 м)
ЗИ/20-22	Непр.-овальная	2,35×2	0,25	Черная супесь

В южной части раскопа 2 зафиксированы остатки жилищного котлована, разрушенного эрозией склона. Прослеженные размеры конструкции 16×4 м (вытянут с запада на восток, вероятная форма подпрямоугольно-овальная), глубина 0,55–0,65 м от уровня материка. В котловане на уровне линии 6, 7 расположен очаг округлой формы диаметром 0,75 м, углубленный в дно сооружения на 0,1 м.

Наиболее массовым при исследовании культурного слоя памятника являлся костный материал (табл. 3). Подавляющее количество найденных костей – кухонные отбросы с характерными следами пищевой утилизации: отколотые эпифизы, расщепленные для добывания костного мозга диафизные трубки, кальцинированность части костей. Значительная часть костных остатков – 1446 (почти 81%) принадлежит домашним животным, преимущественно крупному рогатому скоту (607 костей от 61 особи).

Таблица 3

Видовой состав костных остатков животных  
Поселения 1 МГК-1 (определения А.В. Гальченко)

Видовой состав животных	Количество костей	Минимальное число особей
Лось	42	3
Благородный олень	21	2
Косуля	13	1
Свинья (?), кабан	48	3
Барсук	7	2
Лиса	9	3
Волк	3	1
Собака	11	2
Коза	51	5
Овца	237	19
Лошадь	551	19
Крупный рогатый скот	607	61
Рыба	129	11
Птица (присутствует крупный киль журавля)	57	21
ИТОГО	1786	

На площади поселения в разных местах зафиксированы одиночные погребения большереченской, староалейской и одинцовской культур. Часть могил раннего времени, возможно, была разрушена в процессе хозяйственной деятельности древних обитателей Поселения 1, из-за чего в культурном слое постоянно попадались кости человека, бусы и другие мелкие предметы. Данный комплекс, не связанный с поселением, получил наименование Могильник 2 [Кунгуров, 2006].

**Вещевой комплекс Поселения 1 МГК-1**

**Керамика.** Встречены находки обломков более 300 сосудов, из них 216 венчиков. Анализ особенностей орнамента проведен М.Т. Абдулганеевым и В.Н. Владимировым [1997], которые пришли к выводу о том, что поселение имеет смешанный каменско-староалейский характер, и датировали комплекс III–II вв. до н.э. На памятнике преобладает керамика закрытых баночных и горшковидных слабопрофилированных форм. Встречены обломки сосудов с поддоном (рис. 8.-6) и миска с низкими наклонными бортиками (рис. 7.-5). Орнаментация представлена чистым жемчужником (рис. 6.-1–3), жемчужником с разделителем в виде ямок (рис. 6.-2), насечек (рис. 6.-3, 10, 12, 14, 17), оттисков гребенчатого штампа (рис. 6.-5, 6, 7, 11). Встречены также ямки (рис. 7.-2) и оттиски «уголка лопаточки» (рис. 6.-13; 7.-1), насечки (рис. 7.-13). Эти виды декора, как правило, расположены в одну строку под венчиком или по плечикам горшковидных сосудов. Орнамент в две и более строки встречался реже и представлен жемчужником с разделителем и одним-двумя рядами косо поставленных оттисков гладкого и гребенчатого штампа над и под ним (рис. 6.-4). Единично встречены другие приемы орнаментации сосудов: оттиски длинного косо поставленного гладкого штампа, два или более рядов ямок (рис. 6.-14), ямки в сочетании со второй строкой насечек, елочка (рис. 7.-9–11), сеточка (рис. 7.-8). Достаточное большое количество фрагментов оставлены без орнамента (рис. 7.-5, 6, 7).

Керамические изделия представлены пряслицами (3 экз.), глиняными бусинами (2 экз.), рыболовным грузилом и обломками аналогичных изделий (4 экз.), светильником-курильницей и обломками литейных форм (13 экз.). Два пряслица, одно из которых представлено крупным обломком, имеют усеченно-биконическую форму и различные размеры (диаметр 5 и 4,2 см, толщина 4 и 2,6 см) (рис. 9.-2, 3), которые, видимо, связаны с качеством сырья, используемого для производства пряжи. Третье

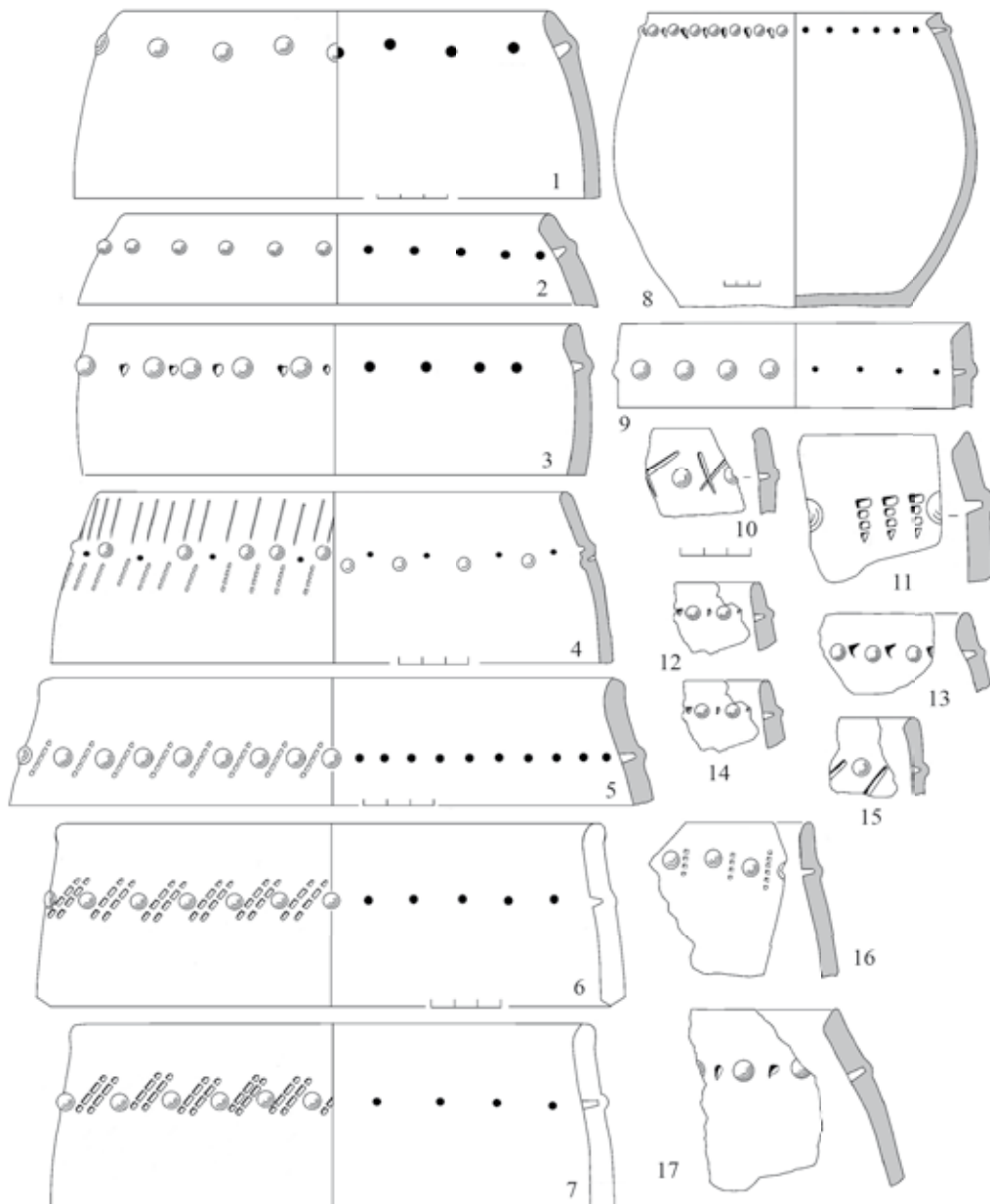


Рис. 6. Поселение 1 МГК-1. Керамика



пряслице, диаметром 4 см и толщиной 0,8 см, изготовлено из стенки керамического сосуда (рис. 9.-1). Края использованного мастером в качестве заготовки фрагмента тулова тщательно оббиты и подшлифованы. Отверстие просверлено строго по центру и соответствует среднему диаметру деревянной основы прясел – 0,6–0,8 см. В отличие от подобных изделий, встреченных в погребальных комплексах, пряслица не орнаментированы, что позволяет предположить факт наличия орнамента признаком определенной сакральности предмета. Керамические бусины из культурного слоя поселения трудно соотнести с его комплексом, так как в процессе функционирования памятника документировано разрушение древних погребений, расположенных на его площади. Поэтому бусины могли попасть в слой вместе с остатками погребений, как и кости людей. Бусины достаточно крупные – диаметр 2 и 1,6 см, толщина по 1,6 см. У более крупной форма округло-подпризматическая, у более мелкой – округлая (рис. 8.-6). Для пряслиц эти изделия имеют слишком непропорциональные мелкие размеры, в то вре-

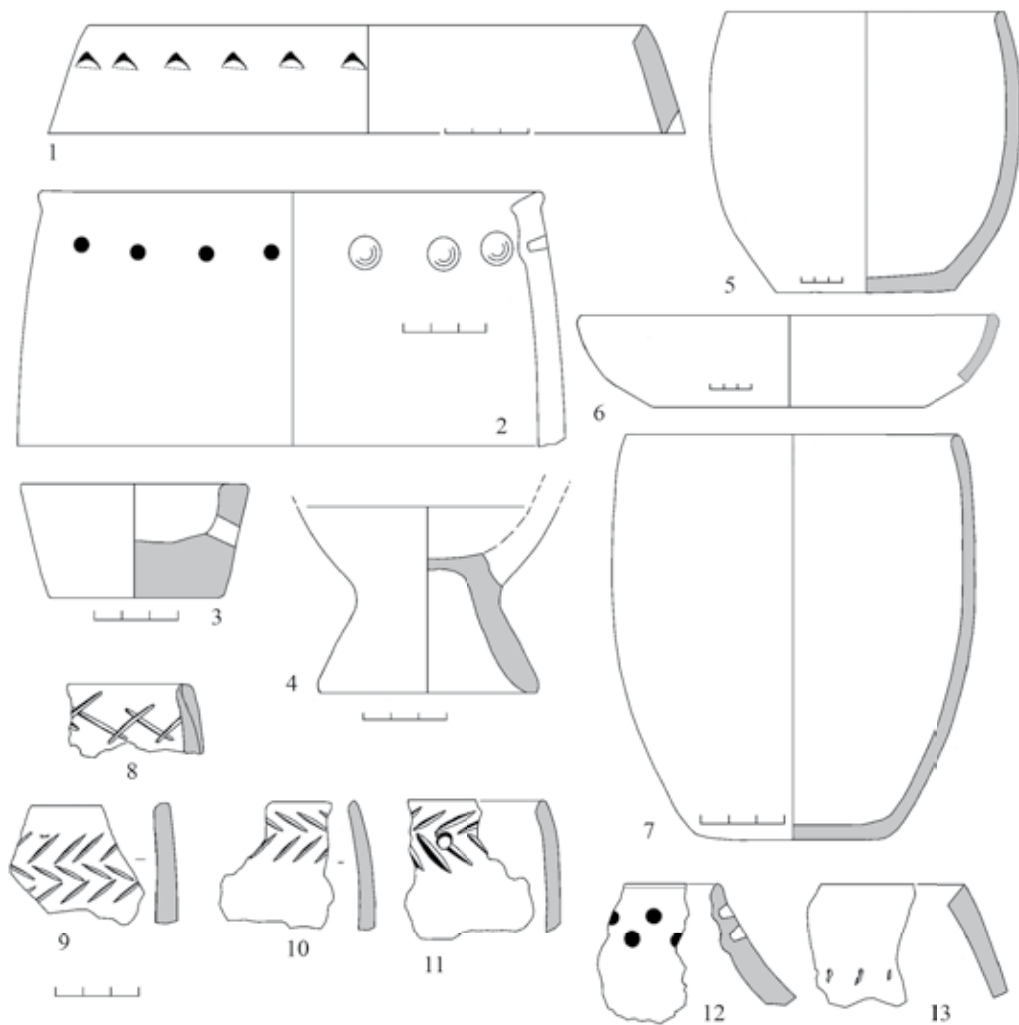


Рис. 7. Поселение 1 МГК-1. Керамика

мя как бусины подобной величины и формы, изготовленные из различного материала, в погребениях староалейской и каменской культур раннего железного века встречаются достаточно часто. Полное и сломанные рыболовные грузила представляют собой керамические цилиндрики диаметром от 3,4 до 4,5 см и длиной до 7 см. Имеется центральное сквозное отверстие диаметром до 1 см (рис. 9.-4). Изделия изготовлены из качественного плотного глиняного теста и хорошо обожжены, что предотвращало их размокание в воде. В отличие от пряслиц и бусин, грузила для сетей оформле-

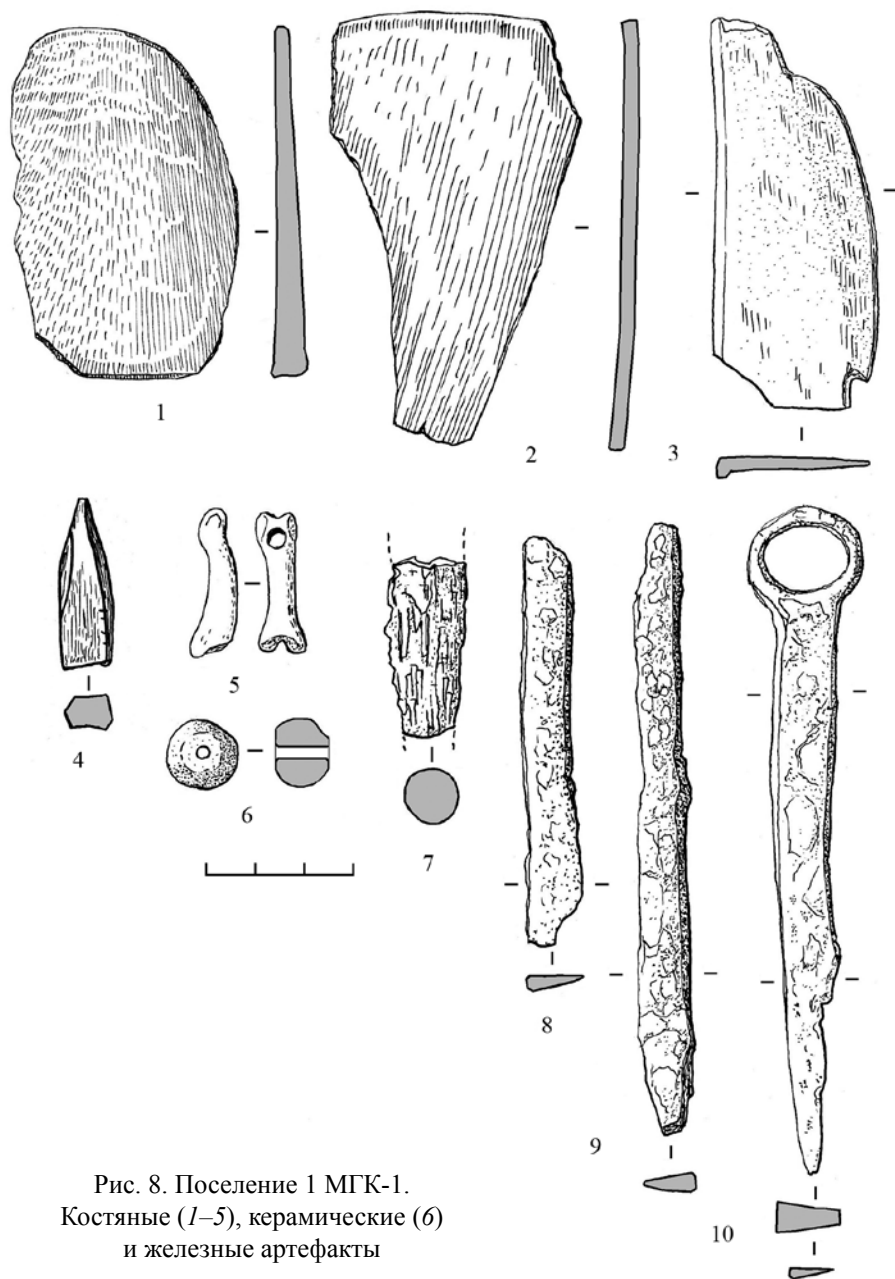


Рис. 8. Поселение 1 МГК-1.  
Костяные (1-5), керамические (6)  
и железные артефакты

ны достаточно грубо, имеют многочисленные замятости поверхности с отпечатками пальцев мастеров-керамистов, оттиски разнообразного мусора и царапины по сырой глине. Именно эта особенность состояния поверхности, как и характер керамического теста, отличает данные изделия от схожих по конструкции рыболовных сетевых грузил более позднего времени. Видимо, такие изделия мастера делали в массовом порядке и не особенно следили за их внешним видом, сосредоточивая усилия на качестве глиняного теста и обжиге. Светильник-курильница представляет собой керамическую толстостенную плешку (диаметр 8 см, высота 4 см, толщина стенок 1–2 см). В боковой части прослеживается сквозное отверстие диаметром 0,7 см, идущее от перегиба

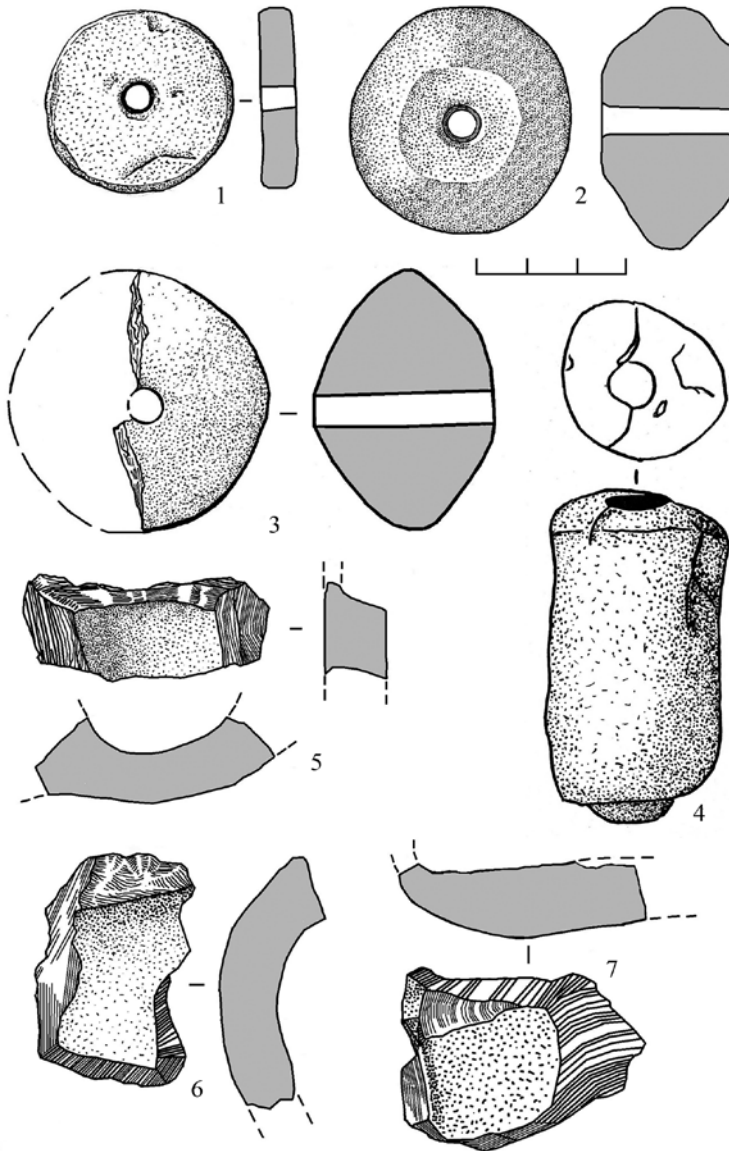


Рис. 9. Поселение 1 МГК-1. Керамические изделия

на стыке внутренней стенки и дна вниз на внешнюю поверхность изделия (рис. 7.-5). Функционирование изделия как курильницы объясняет это расположение отверстия как «поддувала» для поступления необходимого для горения материала воздуха. Обломки литейных форм не позволяют уверенно реконструировать их форму и параметры бронзовых изделий, которые в этих формах отливались. С определенной осторожностью можно предположить, что это были кельты или какие-то крупные втульчатые орудия (рис. 9.-5-7).

Железные изделия представлены четырьмя предметами, три из которых определены как ножи. Один нож, полностью сохранившийся, имеет кольцевое навершие,

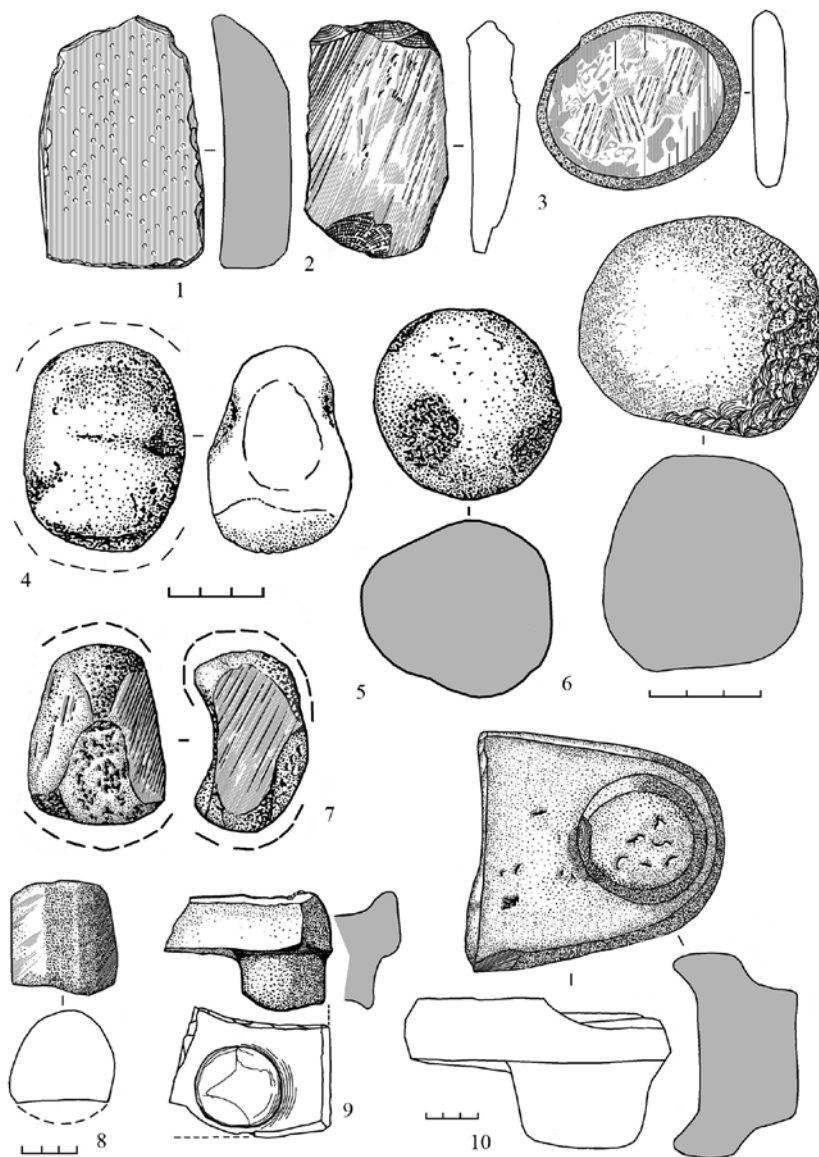


Рис. 10. Поселение 1 МГК-1. Каменные изделия

достаточно длинную рукоять (7 см) и короткое сточенное лезвие, длина которого составляет 4 см (рис. 8.-10). Следы заточки и проковки полностью разрушены процессами коррозии, как и на остальных предметах. Второй полный нож наверху не имеет и представляет собой пластинчатое изделие длиной 12,5 см с пятисантиметровой рукоятью (рис. 8.-9). Последнее изделие этого типа обломано с двух сторон, но, судя по сохранившейся части, полностью аналогично предыдущему (рис. 8.-8). Кроме ножей обнаружен массивный расширяющийся стержень круглого сечения (диаметр от 1 до 1,5 см). Возможно, он представляет собой обломок черена крупного изделия или фрагмент срединной части крупного копья. Остатки дерева на поверхности предмета позволяют остановиться на первом предположении (рис. 8.-7).

*Каменные изделия* достаточно разнообразны: обломки нижних и верхних камней зернотерок (рис. 11), фрагменты курильниц различных форм и пропорций, абразивы (рис. 10.-1, 2), ложила (рис. 10.-3), металлургические молоточки (рис. 10.-4–7). Функциональное назначение некоторых предметов определено Н.Ю. Кунгуровой и опубликовано в специальной статье [Абдулганеев, Кунгурова, 1993]. Выделены терочки и песты для дробления и растирания руды, десять молоточков для проковки мелких изделий, бруски для проковки и разглаживания поверхности, шлифовальные камни для обработки курильниц и зернотерок, наковаленки из сломанных курильниц [Абдулганеев, Кунгурова, 1993, с. 192–200]. Вторичное использование сломанных в процессе использования предметов – обычная практика племен раннего железного века Барнаульского Приобья. Она объясняется отсутствием пригодного для использования в хозяйстве камня. Поскольку для каменных изделий использовался преимущественно серый гранит, его доставляли из района отрогов Салаирского кряжа (выше 100 км). Просто выбросить сломанный предмет было бы в этом случае серьезным расточительством, поэтому он переоформлялся и продолжал служить людям в новом качестве. Из обломков зернотерок мастера камнеобработки оформляли терочки и абразивы (рис. 11.-1, 3), из сломанных курильниц – уже упоминавшиеся плоские наковальни (рис. 11.-5, 6), а из их отломившихся ножек – молоточки (рис. 10.-8). Ударные металлообрабатывающие орудия, требовавшие более высоких прочностных качеств, изготавливались из аллювиальных галек метаморфических пород, отличающихся большой вязкостью. Ближайшие выходы подобного сырья располагались выше устья р. Алей по течению Оби (в очень ограниченном объеме) и в Нижнем Причумышье. Этим объясняется высокая сработанность орудий. Изначальные формы изделий позволяют документировать и высокий уровень камнеобрабатывающего мастерства обитателей Поселения I МГК-1, и достаточно характерные формы самих изделий. Прежде всего это замечание касается таких специфичных изделий, как курильницы. Встречены восемь обломков таких изделий, что для поселенческих комплексов раннего железного века Верхнего Приобья достаточно необычно. Судя по имеющимся обломкам, все курильницы представляли собой крупные алтари с невысокими боковыми бортиками на ножках. При этом кроме обычных четырехугольных курильниц (рис. 10.-9) представлена предположительно «трехногая», напоминающая алтари савроматской и саргатской культур [Степи европейской части СССР..., с. 168] (рис. 10.-10). Из мелких отделеностей камня мастера МГК-1 оформляли ложила, оселки и абразивы (рис. 10). В коллекции имеются также обломки нижних (3) и верхних (3) камней зернотерок из серого гранита обычных для раннего железного века форм (рис. 11).

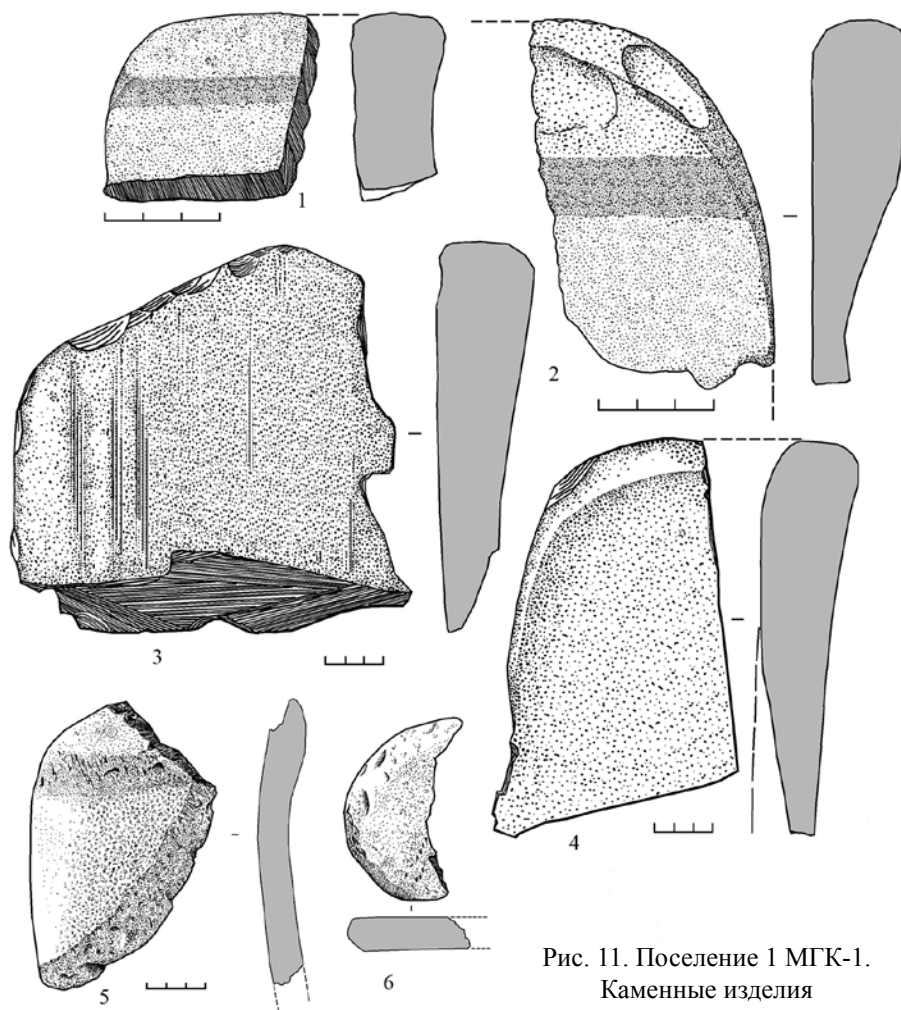


Рис. 11. Поселение 1 МГК-1.  
Каменные изделия

*Костяные изделия* немногочисленны, что при общем количестве костного материала необычно (см. определения фауны). Не исключен факт начала угасания массового применения костяных орудий в керамическом и скорняжном производстве, характерного для более раннего этапа раннего железного века. На памятнике найдено три отполированных овальных плоских «керамических» формовочных ножа (рис. 8.-1-3), заготовка костяного наконечника стрелы (рис. 8.-4) и просверленная для подвешивания фаланга животного (рис. 8.-5).

#### **Заключение**

Материал поселения достаточно уверенно можно отнести к завершающему этапу развития староалеической культуры, который характеризуется началом инкорпорации этого образования в каменскую общность. Время существования поселения определяется в пределах конца IV – II в. до н.э. Видимо, с данным памятником связан комплекс погребений Могильника 5 МГК-1 (могилы 2, 4 и 5), в которых умершие лежат вытя-

нуто на спине головой на юго-запад. В сопроводительном инвентаре этих погребений присутствует сходная по орнаментации керамика, в том числе один сосуд на поддоне [Кунгуров, Папин, 2001; 2001a].

### **Библиографический список**

- Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VI–II вв. до н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 148 с.
- Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю. Каменные орудия с поселений раннего железного века лесостепного и предгорного Алтая // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 193–201.
- Алтайский край. Атлас. Т. 1. М. ; Барнаул : ГУГК, 1978. 222 с.
- Географические и инженерно-геологические условия степного Алтая. Новосибирск : Наука, 1988. 97 с.
- Кунгуров А.Л. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон-1 // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 267–272.
- Кунгуров А.Л. Памятники археологии Первомайского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. XV. С. 327–385.
- Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Материалы финальной бронзы археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 79–85.
- Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Могильник V археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001a. С. 56–69.
- Кунгуров А.Л., Сингаевский А.Т. Археологические памятники города Барнаула. Барнаул : Азбука, 2006. 124 с.
- Растительный покров Западно-Сибирской равнины. Новосибирск : Наука, 1985. 250 с.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989. 464 с. (Археология СССР).

### **References**

- Abdulganeev M.T., Vladimirov V.N. Tipologiya poselenij Altaya VI–II vv. do n.eh [Typology of the Settlements of Altai in the 6<sup>th</sup>–2<sup>nd</sup> Centuries BC]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 148 p.
- Abdulganeev M.T., Kungurova N.YU. Kamennye orudiya s poselenij rannego zheleznoogo veka lesostepnogo i predgornogo Altaya [Stone Tools from the Early Iron Age Settlements of the Altai Forest-Steppes and Foothills]. Kul'tura narodov evrazijskih stepej v drevnosti [Culture of the Peoples of the Eurasian Steppes in Antiquity]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1993. Pp. 193–201.
- Altajskij kraj. Atlas. T. 1 [The Altai Territory. Atlas]. M. ; Barnaul, 1978. 222 p.
- Geograficheskie i inzhenerno-geologicheskie usloviya stepnogo Altaya [Geographic and Engineering-Geological Conditions of the Steppe Altai]. Novosibirsk : Nauka, 1988. 97 p.
- Kungurov A.L. Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov Malyj Gon'binskij Kordon-1 [Complex of Archaeological Sites Maly Gonbinskiy Kordon-1]. Aktual'nye voprosy istorii Sibiri [Actual Issues on the History of Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 267–272.
- Kungurov A.L. Pamyatniki arheologii Pervomajskogo rajona [Archaeological Sites of the Pervomajsky District]. Sohraneniye i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Vyp. XV [Issue XV]. Pp. 327–385.
- Kungurov A.L., Papin D.V. Materialy final'noj bronzy arheologicheskogo kompleksa Malyj Gon'binskij Kordon-1 [Materials of the Final Bronze of the Archaeological Complex Maly Gonbinskiy Kordon-1]. Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2001. Issue 3. Pp. 79–85.
- Kungurov A.L., Papin D.V. Mogil'nik V arheologicheskogo kompleksa Malyj Gon'binskij Kordon-1 [The Burial Ground of the V<sup>th</sup> Archaeological Complex Maly Gonbinskiy Kordon-1]. Problemy izucheniya

drevnej i srednevekovoj istorii [Issues of Studying Ancient and Medieval History]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2001a. Pp. 56–69.

Kungurov A.L., Singaevskij A.T. Arheologicheskie pamyatniki goroda Barnaula [Archaeological Monuments of Barnaul]. Barnaul : Azbuka, 2006. 124 p.

Rastitel'nyj pokrov Zapadno-Sibirskoj ravniny [The Vegetation Cover of the West Siberian Plain]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 250 p.

Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. M. : Nauka, 1989. 464 p. (Arheologiya SSSR) [Archaeology of the USSR].

**A.L. Kungurov<sup>1</sup>, O.F. Kungurova<sup>2</sup>**

*<sup>1</sup>Altai State University, Barnaul, Russia;*

*<sup>2</sup>Finance University under the Government of the Russian Federation,  
Barnaul Branch, Barnaul, Russia*

**SETTLEMENT 1 OF ARCHAEOLOGICAL COMPLEX MALY  
GONBINSKY CORDON-1 IN BARNAUL OB RIVER AREA  
(based on the research of 1988)**

The article presents the research results of materials of the Early Iron Age settlement, located on the right bank of the Ob River opposite the city of Barnaul (Altai Krai Pervomaisky district). Emergency excavation of the site was conducted by A.L. Kungurov in 1988 in connection with the planned using of the land as the soil reserve area for the road construction. A total of 1722 square kilometers of the site area were exposed. There have been recorded the remains of two housing structures, 37 middens, 8 fireplaces, 19 sharp pegs hammered into clayey soil, and a burnt above-ground building. The material is represented by fragments of more than 300 vessels, 1786 bone remains of 14 species of animals, iron wares, bone, ceramics and stone. In addition to the settlement complex, five burials of Bolsherechenskaya and Odintsovskaya cultures were found (burial ground 2 of MGK-1). The settlement complex is rather homogeneous, which makes it possible to consider the settlement as a single-layered one. The dating of the site is defined by the peculiarity of ceramic ornamentation and the character of tool complex – that is the 4<sup>th</sup>–3<sup>rd</sup> centuries BC. In cultural terms, the site refers to the period of Staroaleyskaya culture ingoing in Kamenskaya culture and dilution of its specifics.

*Key words:* Upper Ob river area, ceramics, censer, grain mill, iron knife, bone remains, the early Iron Age, Staroaleyskaya culture, Kamenskaya culture, equipment, weapons, dating.



**И.П. Лазаретов, А.В. Поляков**

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия*

## **ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА УЙБАТ-ЧАРКОВ И НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ\***

Представлены результаты археологических раскопок кургана №1 могильника Уйбат-Чарков (Усть-Абаканский район Республики Хакасия) и их научная интерпретация. Этот курган датируется ранним уйбатским этапом окуневской культуры и может рассматриваться как эталонный памятник этого периода (эпоха ранней бронзы). В ходе его исследования были обнаружены 17 могил различных, в том числе уникальных конструкций. Центральное погребение было совершено в яме глубиной около 4,5 м. Большое научное значение имеет обнаружение в этом кургане трех захоронений в катакомбах. Это подтверждает наблюдения специалистов о связях окуневской культуры с катакомбной культурно-исторической общностью. В ходе исследований была обнаружена серия фрагментов плит с традиционными изображениями окуневской культуры. Особое значение имеет личина «джойского» типа, обнаруженная на одной из плит в закладе катакомбы. Ранее предполагалось, что эти изображения датируются финалом окуневской культуры. Новая находка позволяет связать этот тип изображений с ранним уйбатским этапом и во многом пересмотреть представления о развитии окуневского искусства. На основании серии из пяти радиоуглеродных дат непотревоженной могилы 11 был определен приблизительный возраст кургана: XXV–XXIII вв. до н.э. В связи с исследованиями этого памятника можно вновь вернуться к рассмотрению проблемы происхождения окуневской культуры. Наблюдается большое число аналогий с памятниками позднеямного и ямно-катакомбного времени Северо-Западного Прикаспия.

*Ключевые слова:* Хакаско-Минусинская котловина, Уйбат-Чарков, курган, окуневская культура, уйбатский этап, период ранней бронзы.

**DOI:** 10.14258/tpai(2018)3(23).-03

### ***Введение***

Выделение уйбатского этапа окуневской культуры периода ранней бронзы стало толчком к активному изучению этого интереснейшего периода в истории древнего населения Южной Сибири [Лазаретов, 1997]. Первоочередная задача, стоявшая перед исследователями, заключалась в увеличении базы источников, число которых на тот момент было очень невелико, а качество их фиксации вызывало много вопросов. В результате целенаправленных поисков авторами проведены раскопки целой серии ранних окуневских курганов, относящихся к уйбатскому этапу: Красный Камень, курган №1; Итколь-II, курганы №12, 14, 26. Особое место в этом ряду занимает курган №1 могильника Уйбат-Чарков, исследованный в 2009 г. Полученные при его раскопках материалы позволяют решить многие сложные вопросы, имеющие большое значение для изучения происхождения и развития окуневской культуры в целом.

### ***Конструкция кургана, расположение могил и последовательность их сооружения***

По своим конструктивным особенностям курган №1 могильника Уйбат-Чарков хорошо вписывается в контекст комплексов уйбатского этапа. Его отличают следующие характеристики: ограда из массивных каменных блоков, поставленных на ребро,

---

\* Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: №0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тысячелетие до н.э. – I тысячелетие до н.э.)».

крупное центральное надмогильное сооружение и сплошная закладка площади кургана гранитными валунами. Подобная комбинация признаков отмечена для целой серии сооружений раннего периода: Уйбат-III, курган №1; Мохов-6, курган №1; Уйбат, курган №1; Уйбат-Тибик, курган №1 [Лазаретов, 1997, табл. 1; Киргиников, 1997, рис. 1; Наглер, Парцингер, 2006, рис. 1, 5]. Для более позднего черновского этапа характерны ограды из плитняка, центральное надмогильное сооружение значительно меньшего размера и земляная насыпь [Максименков, 1980]. Следует отметить, что при строительстве ранних курганов окуневской культуры подход был исключительно прагматичным. В тех случаях, когда подходящего камня не оказывалось под рукой, его заменяли плитняком, а насыпь могла быть и земляной (Красный Камень, курган №1, Итколь-II, курганы №12, 14, 26; Карасук-II, Карасук-VIII; Лебязье).

На примере данного кургана можно проиллюстрировать тезис об особом сакральном значении в окуневское время пространства, ограниченного оградой. Для предшествующей афанасьевской культуры характерно размещение погребений детей за оградой с восточной стороны [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 84.-1, 105.-1, 156.-3, 162 и др.]. В курганах окуневской культуры такой подход исключен. Даже новорожденные дети захоранивались непременно в пределах самой ограды. Несмотря на проводившиеся в последние годы раскопки окуневских курганов широкими площадями, ни одной могилы, расположенной вне ограды, так и не было обнаружено [Поляков, 2014; 2017б]. Это тезис наглядно иллюстрирует погребение б кургана №1 могильника Уйбат-Чарков. Оно оформлено в виде катакомбы, вход в которую располагался за юго-западной стенкой ограды, а сама погребальная камера находилась уже в ее пределах (рис. 1). Заклад между входом и камерой проходил точно по линии ограды. Можно сказать, что входная яма еще принадлежала «миру живых», а вот само погребение находилось уже на «территории мертвых».

При определении хронологической позиции конкретных окуневских комплексов важное значение имеют конструкции могил, их планиграфия, а также момент строительства общей курганной насыпи [Лазаретов, 1997, с. 38]. В ранних памятниках уйбатского этапа курганная насыпь возводилась сразу после оформления центрального захоронения. Дополнительные погребения впускались в уже сформированное тело кургана. В кургане №1 могильника Уйбат-Чарков 15 погребений из 16 были совершены с уровня древней дневной поверхности, и лишь затем площадь кургана была перекрыта каменной закладкой. Такая последовательность действий характерна для относительно поздних курганов уйбатского типа и большинства комплексов черновского этапа.

Схема размещения могил внутри ограды кургана №1 могильника Уйбат-Чарков является типичной для окуневской культуры. В центре располагается основное погребение (№1) с мощным каменным надмогильным сооружением, образующим высотную и пространственную доминанту. Последующие захоронения выстраиваются в две цепочки, северную и южную, огибающие по периметру центральную надмогильную конструкцию [Поляков, 2017б]. К югу и юго-западу от основного захоронения расположена компактная цепочка из четырех могил (№10–13), образующих плавную дугу, постепенно поворачивающую по часовой стрелке. В трех из них сохранились указания на ориентировку погребенного. Первой была сооружена могила 13, расположенная в одну линию с центральным захоронением. Покойник в ней оказался уложен головой

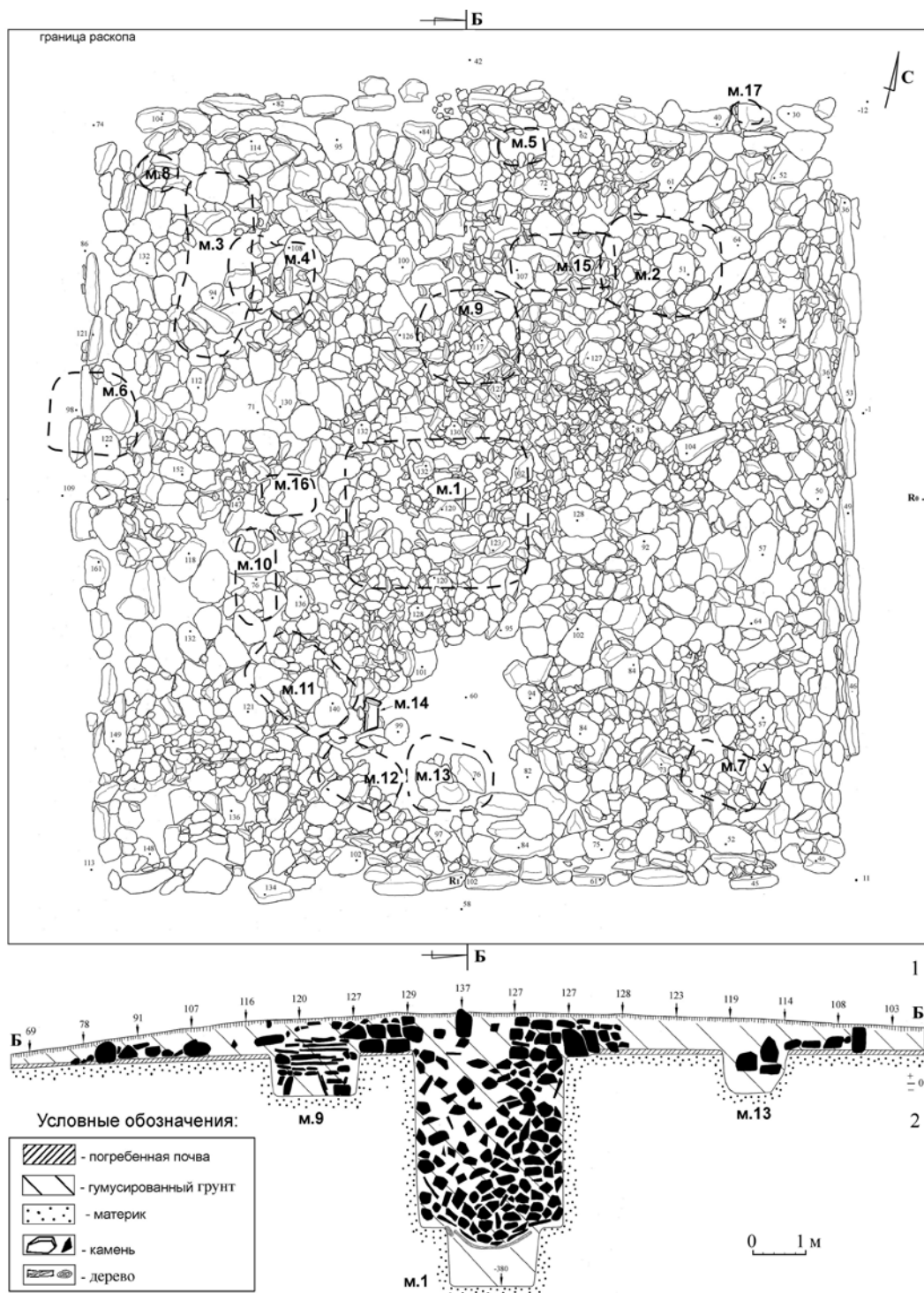


Рис. 1. План и разрез кургана №1 могильника Уйбат-Чарков

на запад–северо-запад. Могила 11 развернута под углом 30°, а покойник ориентирован головой на северо-запад. Могила 10 смещена в еще большей степени, а погребенные в ней лежали головой на север–северо-запад.

Северная цепочка могил (№2–6, 8, 9, 15) выглядит более аморфной. Ее захоронения, расположенные в пространстве между центральным надмогильным сооружением и северной стенкой ограды (№2, 5, 9, 15), были развернуты осью по линии З–В. Погребенные в них люди ориентированы головой в западный сектор. Захоронения, продолжающие эту цепочку вдоль западной стенки ограды (№3, 4, 6, 8), развернуты против часовой стрелки на 90°, а покойники ориентированы головой на юг. Отклонения от традиционной схемы размещения могил в окуневских памятниках встречаются крайне редко и, как правило, связаны с позднейшими подхоронениями. Так, в могиле 3 последний скелет был помещен поверх уже имевшихся погребенных и развернут головой на север.

Примечательно, что в окуневских курганах погребения, принадлежащие к южным цепочкам, с западной стороны прижимаются вплотную к надмогильному сооружению центрального захоронения. Могилы из состава северных цепочек, напротив, располагаются на максимальном удалении от него, ближе к западной стенке ограды. Размещение захоронений двумя четко обусловленными группами, по-видимому, отражает некую внутреннюю структурированность окуневского общества. Иначе сложно объяснить, почему в отдельных курганах плотно заполнена южная часть ограды, а северная остается практически свободной от погребений, и наоборот. При этом половозрастные характеристики погребенных, конструкции могил, обряд захоронения и сопроводительный инвентарь у них существенно не отличаются.

Постепенное уменьшение размеров центральных захоронений и их надмогильных сооружений привело к тому, что на черновском этапе традиция размещения погребений двумя цепочками становится рудиментом. В комплексах финала окуневской культуры центральная могила уже не отличается по размерам от других захоронений и даже не всегда оказывается самой ранней. Вследствие этого зачастую нарушается традиционная схема размещения погребений. Они не образуют цепочек, огибающих центральное надмогильное сооружение, а строятся несколькими рядами по линии Ю–С.

Поскольку большинство захоронений в кургане №1 могильника Уйбат-Чарков были устроены с уровня погребенной почвы, последовательность их сооружения установить сложно. Очевидно, что могила 1 является наиболее ранней, а могила 14 – самой поздней, так как она единственная была впущена в насыпь кургана. Могилы 11, 10, 16 строились последовательно, уже после сооружения могилы 13. Могила 4 сделана позднее могилы 3, а могила 15 – после могилы 2, так как они частично перекрывают друг друга. Однако это не имеет существенного значения, так как все погребения (за исключением могилы 14) были устроены в относительно короткий срок.

### ***Конструкции погребений***

В кургане №1 могильника Уйбат-Чарков представлены все основные варианты конструкций погребальных сооружений окуневской культуры. Наиболее представительна серия традиционных грунтовых ям (могилы 5, 7–10, 12, 13, 15, 16), которые были максимально широко распространены именно на уйбатском этапе окуневской культуры. В черновских комплексах грунтовые ямы встречаются гораздо реже и отличаются заметно меньшими размерами. Перекрытия могил из плит песчаника рас-

полагались на уровне погребенной почвы и, по-видимому, опирались на несохранившиеся деревянные лаги.

Три погребения (№1, 2, 11), в том числе центральное захоронение, имели материковые заплечики. Могилы представляли собой обширные грунтовые ямы, в донной части которых сделаны углубления меньшего размера. Погребальная камера центрального захоронения на уровне материковых заплечиков была перекрыта плитами песчаника, опиравшимися на две продольные лаги и сплошной поперечный накат из бревен. Вся верхняя часть могилы оказалась заполнена гранитными валунами (рис. 2). Могилы 2 и 11 были устроены аналогичным образом, но поперечная лага из деревянной плахи частично сохранилась только в могиле 11 (рис. 3.-1, 2; 5.-5-7). Грунтовые ямы с заплечиками, особенно в качестве центральных захоронений, являются наиболее ярким индикатором ранних комплексов уйбатского этапа: Карасук-VIII, могила 3; Уйбат-III, курган №1, могила 1; Итколь-II, курган №12, могила 3, курган №14, могилы 4 и 6 [Комарова, 1981, рис. 7; Лазаретов, 1997, табл. III; Поляков, Есин, 2015, рис. 4].

Особую конструкцию представляет собой могила 9. На ее дне установлен грубо сделанный каменный ящик меньшего размера, чем сама грунтовая яма. Пространство между стенками ящика и ямы заполнено крупными скальными обломками. Перекрытие из нескольких слоев плит песчаника расположено ниже уровня древнего горизонта и опиралось на стенки ящика и каменную забутовку. Фактически мы имеем дело с переходной формой между грунтовой ямой с заплечиками и углубленным каменным ящиком. Последние характерны для относительно поздних комплексов уйбатского этапа: Уйбат-V, курган №1, могилы 1-3, 5, 7; Тас-Хазаа, могила 4; Итколь-II, курган №24, могила 1; Лебяжье, курган №3, могила 9 [Лазаретов, 1997, табл. IV; Липский, Вадецкая, 2006, табл. X; Поляков, 2010, с. 75; Максименков, 1981, с. 98]. Возможно, наличие каменных конструкций в могиле 9 является не хронологическим показателем, а вынужденной мерой, обусловленной сезонностью данного захоронения. В заполнении погребения обнаружено большое количество угольков и древесной золы от костра, которым отогревали землю. При прокаливании стенки ямы стали слишком рыхлыми, и потребовалась дополнительная конструкция для фиксации каменного перекрытия.

Наибольший интерес вызывают захоронения в катакомбах (могилы 3, 4, 6), редко встречающиеся даже на уйбатском этапе развития культуры. Долгое время на них не обращали внимания, и только раскопки могильников Уйбат-III и Уйбат-V позволили обособить катакомбы как самостоятельный тип окуневских погребальных конструкций [Лазаретов, 1997, с. 33-36]. В кургане №1 могильника Уйбат-Чарков одна из катакомб (могила 3) имела наклонный вход-дромос, отделенный от углубленной погребальной камеры материковой ступенькой и брусчатым камнем, уложенным в качестве порога (рис. 4.-2). Такая же материковая ступенька сделана в могиле 4. Вход в эту катакомбу был оформлен в виде овальной ямы с вертикальными стенками (рис. 4.-1, 3). В обоих случаях углубленные погребальные камеры закрыты вертикальными плитами, а входы заложены валунами и скальными обломками. Вход в третью катакомбу (могила 6) также представлял собой овальную яму с вертикальными стенками, но располагался он за юго-западной стенкой ограды, вплотную к ней (рис. 3.-3, 4). Для его устройства пришлось разобрать часть ограды. Само же захоронение находилось уже на территории кургана. После совершения погребения строители закрыли погребальную камеру вертикальными плитами, забутовали скальными обломками входную яму,

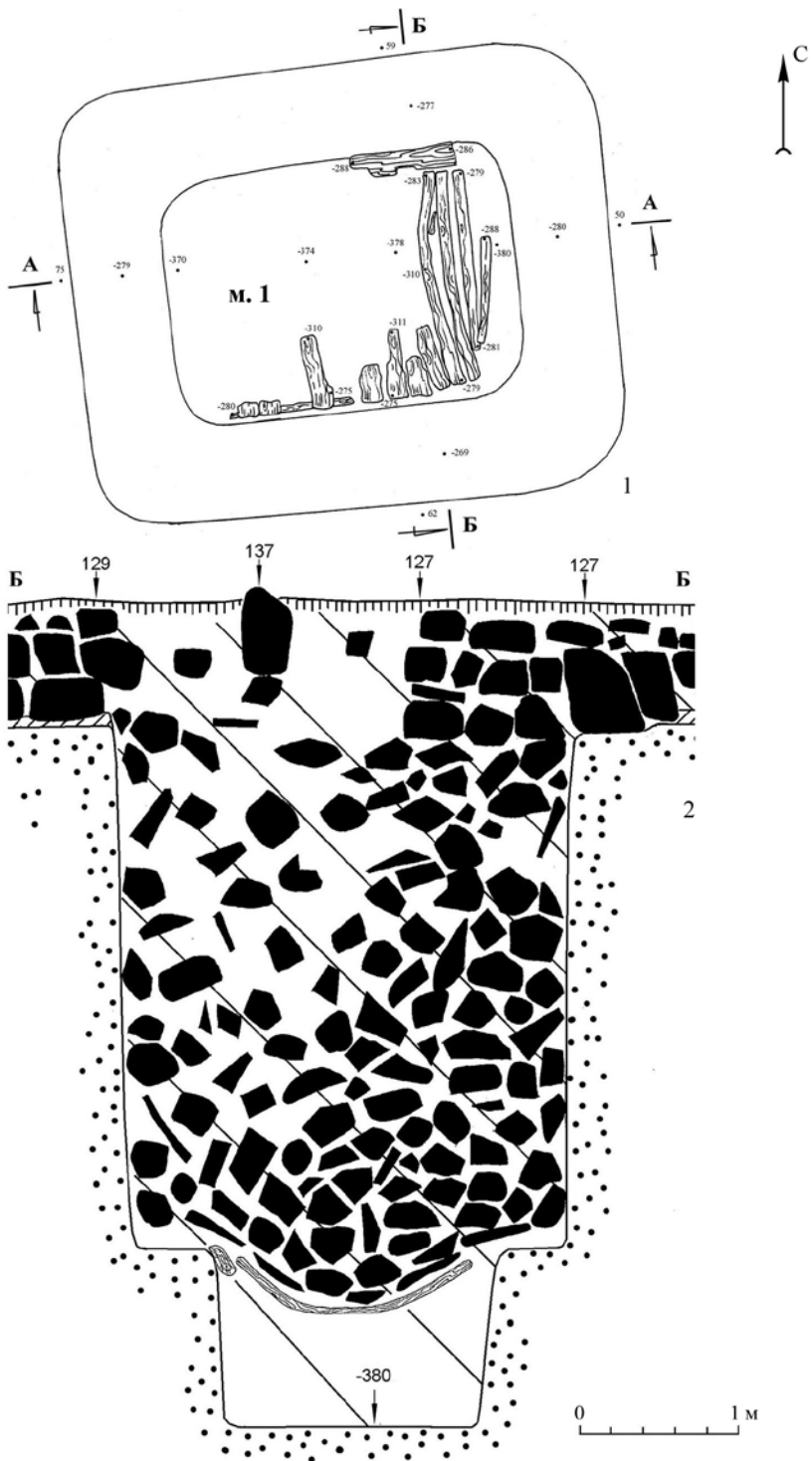


Рис. 2. План и разрез могилы 1 кургана №1 могильника Уйбат-Чарков

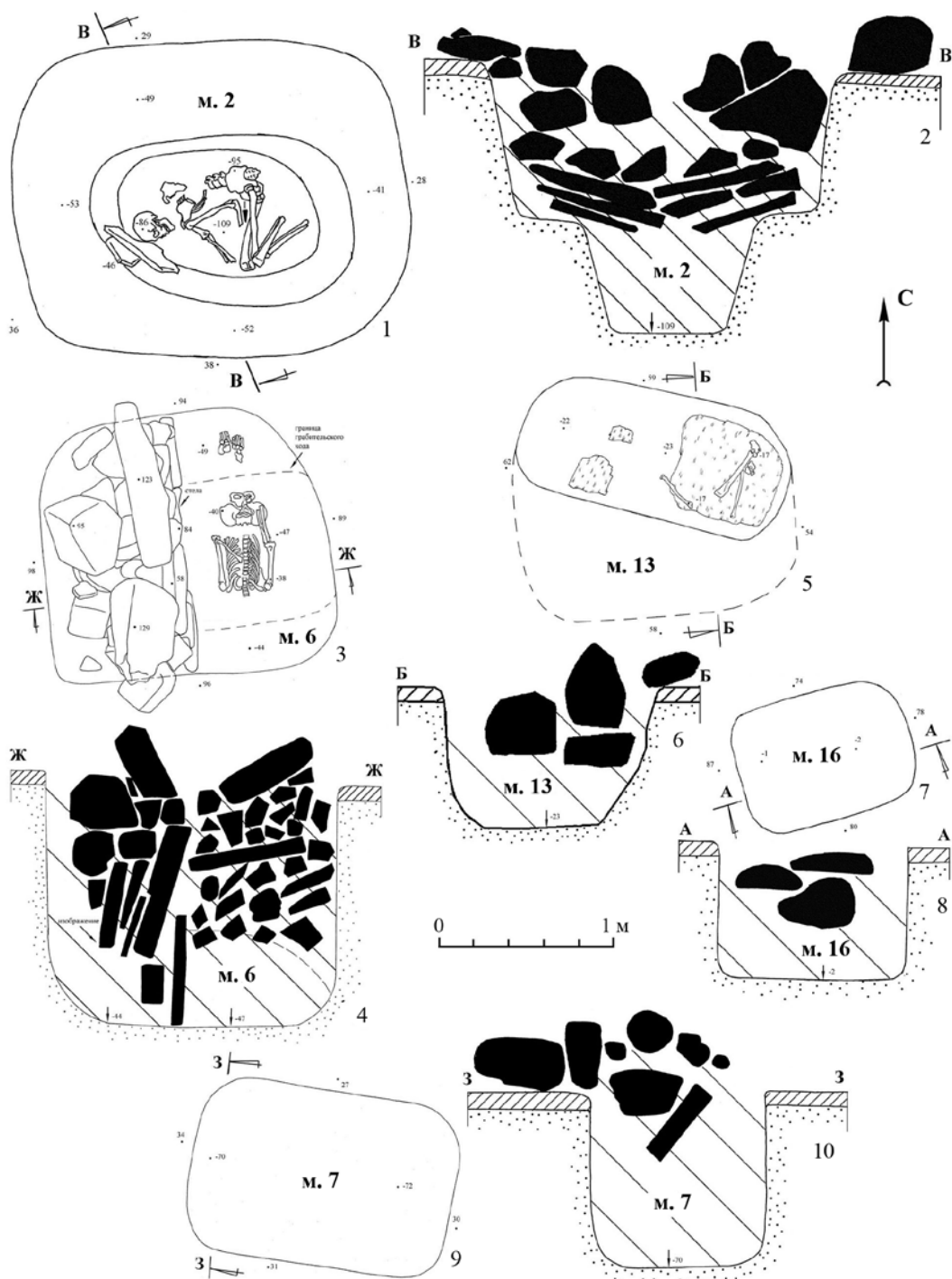


Рис. 3. Планы и профили погребений кургана №1 могильника Уйбат-Чарков:  
 1, 2 – могила 2; 3, 4 – могила 6; 5, 6 – могила 13; 7, 8 – могила 16; 9, 10 – могила 7

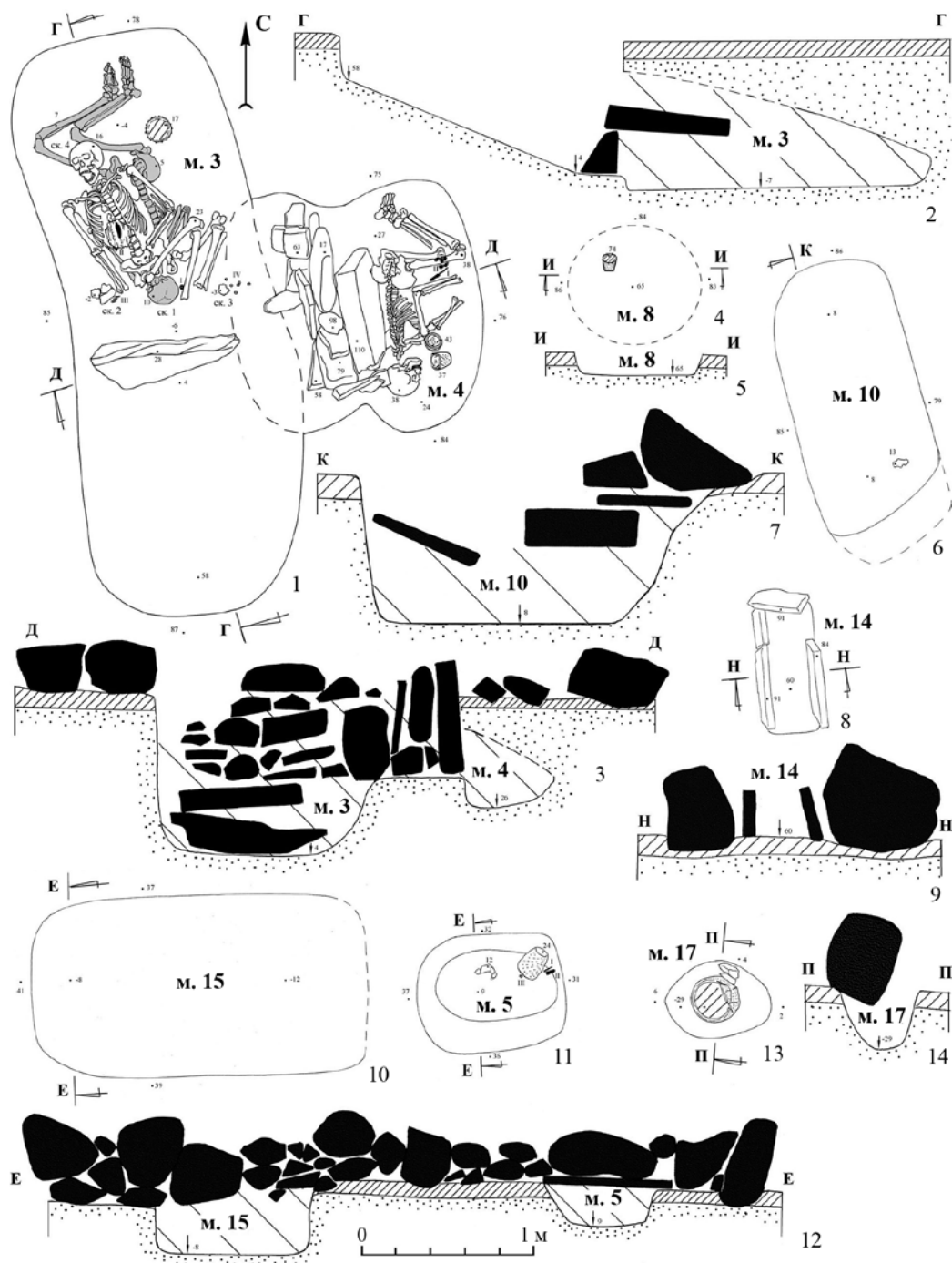


Рис. 4. Планы и профили погребений кургана №1 могильника Уйбат-Чарков:  
 1–3 – могила 3 и 4; 4, 5 – могила 8; 6, 7 – могила 10;  
 8, 9 – могила 14; 10–12 – могила 5 и 15; 13, 14 – могила 17



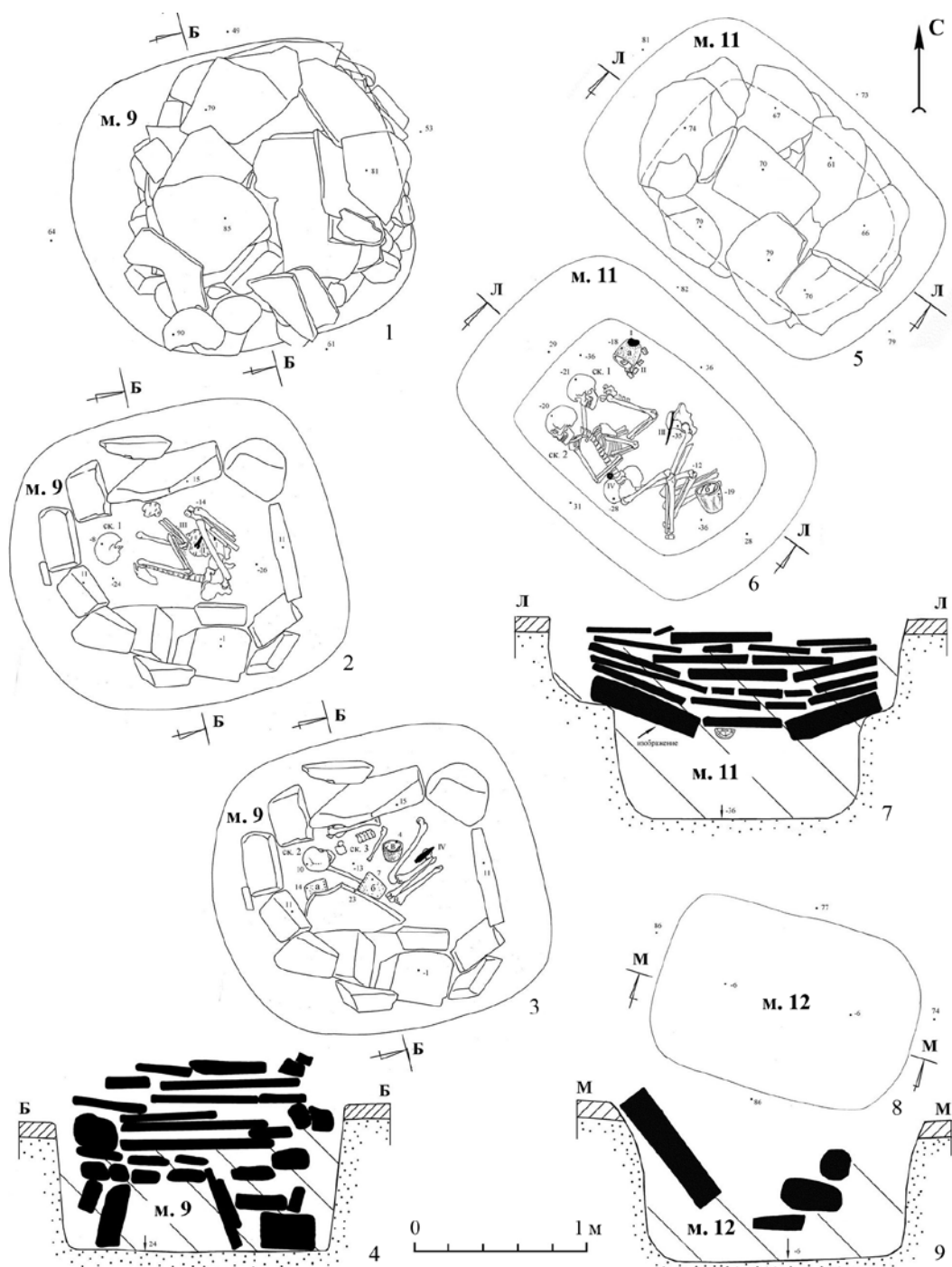


Рис. 5. Планы и профили погребений кургана №1 могильника Уйбат-Чарков:  
1-4 – могила 9; 5-7 – могила 11; 8, 9 – могила 12

а ограду восстановили поверх получившегося заклада. К сожалению, могила была потревожена, причем это было сделано не через входную шахту, а шурфом сверху. Вероятно, грабители ориентировались на просад грунта, образовавшийся после обрушения свода катакомбы.

На сегодняшний день в окуневских памятниках обнаружено не менее 10 погребений в катакомбах: Есь [Липский, 1954, рис. 35]; Уйбат-I, курган №1, могилы 1 и 7 [Наглер, Парцингер, 2006, рис. 2.-1, 7]; Уйбат-III, курган №1, могила 2 [Лазаретов, 1997, табл. III.-1, 3]; Уйбат-V, курган №1, могилы 4 и 6 [Лазаретов, 1997, табл. IV; V.-5, 6]; Итколь-II, курган №14, могила 8; Уйбат-Чарков, курган №1, могилы 3, 4, 6 (рис. 3.-3, 4; 4.-1-3). Есть основания полагать, что детские захоронения в катакомбах имелись и в других могильниках, но не были должным образом выявлены и исследованы. Все они относятся к уйбатскому этапу окуневской культуры и позднее, на черновском этапе, уже не встречаются. Более того, наиболее ранние радиоуглеродные даты из погребений окуневской культуры связаны именно с образцами из катакомб [Поляков, 2017а, с. 58].

Только одно погребение кургана было оформлено в виде классического окуневского каменного ящика, составленного из плит песчаника. Оно же единственное впущено в уже существующую насыпь. По-видимому, это захоронение совершено после значительного перерыва в функционировании кургана и может относиться уже к черновскому этапу культуры.

### ***Погребальный обряд***

В целом погребальный обряд кургана №1 могильника Уйбат-Чарков соответствует традициям уйбатского этапа. Отметим лишь несколько наиболее интересных моментов. В ряде захоронений удалось выявить фрагменты подстилок и покрывал из органических материалов. В двух случаях (могилы 9, 13) дно ям было выстлано берестой (рис. 3.-5; 5.-2), еще в одном (могила 3) – плетеной циновкой (рис. 6.-24). В последнем захоронении поверх скелетов нижнего яруса залегала прослойка органического тлена красно-бурого цвета, предположительно от войлочного покрывала. Следы такой же красно-бурой окраски отмечены на костях скелетов в могилах 4 и 11.

Важное наблюдение связано с положением тела погребенного в могиле. Для окуневской культуры характерно размещение покойников на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями ногами [Вадецкая, 1986, с. 29]. Известны и единичные случаи захоронения на правом боку: Уйбат-III, курган №1, могила 2; Уйбат-V, курган №1, могилы 2 и 6; Узунчул-37, могила 1; Тас Хазаа, могила 1, Уйбат-I, курган №1, могила 6 [Лазаретов, 1997, табл. III.-3; табл. V.-4, 6; Подольский, 1997, рис. 3; Липский, Вадецкая, 2006, табл. V.-3; Наглер, Парцингер, 2006, рис. 2.-6]. Все они относятся к уйбатскому этапу культуры. При раскопках могильника Уйбат-Чарков зафиксировано сразу четыре захоронения на боку, правом – могилы 2, 4, 11 и левом – могила 9 (рис. 3.-1; 4.-1; 5.-3, б). Окуневское погребение на левом боку ранее было исследовано Л.Р. и И.Л. Кызласовыми в кургане №1 могильника Узун-харых [ИА РАН. Р-1. Д. 11149, Л. 23–28]. Примечательно, что все вышеперечисленные случаи захоронений на боку связаны только с погребениями женщин. Мужчины в кургане №1 могильника Уйбат-Чарков, как и во всех прочих окуневских памятниках, лежали на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями ногами. Последняя поза уже к финалу уйбатского периода и на черновском этапе культуры становится единственно возможной как для мужчин, так и для женщин.

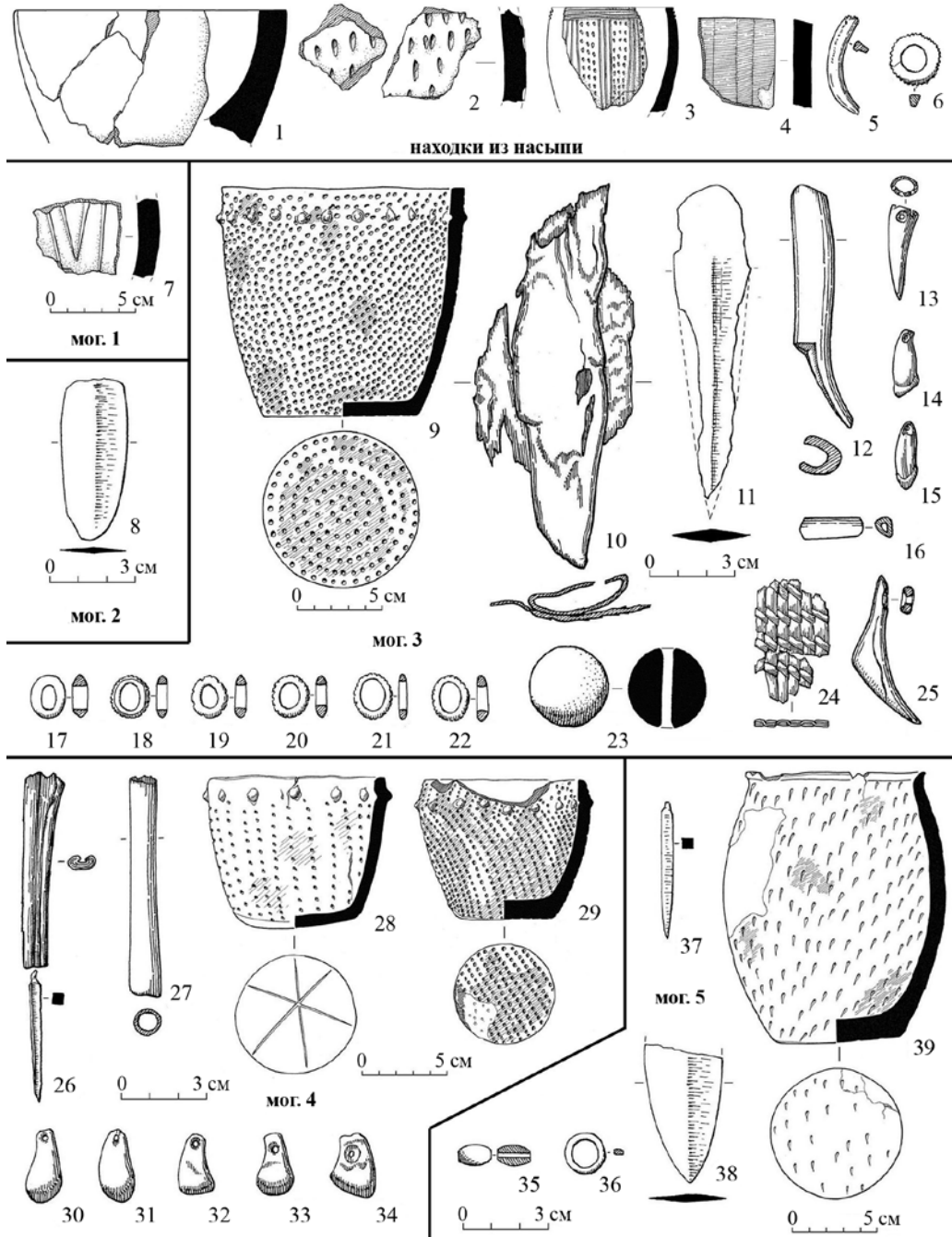


Рис. 6. Артефакты, обнаруженные в ходе раскопок кургана №1 могильника Уйбат-Чарков: 1–6 – находки из насыпи; 7 – могила 1; 8 – могила 2; 9–25 – могила 3; 26–34 – могила 4; 35–39 – могила 5. 1–4, 7, 9, 28, 29, 39 – керамика; 5, 12–15, 25, 30–34 – клыки животных; 6, 16–22, 27, 36 – кость; 8, 11, 37, 38 – металл (медь?); 10 – кожа; 23 – мрамор; 24 – трава; 26 – кость и металл (медь?); 35 – камень

### Сопроводительный инвентарь

В погребениях представлен традиционный для окуневской культуры сопроводительный инвентарь (рис. 6–8). Особенно выразительна серия из 11 целых и пяти фрагментированных сосудов. Большинство из них представляют собой банки с прямыми или слегка раздутыми стенками и плоским дном. В ряде случаев переход от дна к стенке у них оформлен плавным изгибом (рис. 6.-28, 39; 7.-1; 8.-2). Керамическая посуда с округлым дном, эпизодически встречающиеся в ранних уйбатских комплексах, здесь отсутствует. Сосуд из могилы 5 отличается от других сосудов приостренным и отогнутым наружу венчиком (рис. 6.-39). Подобные профилированные формы в большей степени характерны для посуды черновского этапа, однако их единичные экземпляры представлены и в комплексах уйбатского периода [Наглер, Парцингер, 2006, рис. 5.-3]. В остальном этот сосуд ничем не выделяется из общей серии. Из насыпи кургана происходит фрагмент верхней части толстостенного неорнаментированного сосуда, предположительно курильницы. Определить форму ее поддона, наличие «кармашка» по имеющимся обломкам невозможно.

Декор керамики представляет собой монотонное заполнение всей внешней поверхности сосуда акцентированными наколами, сделанными одним орнаментом. Форма оттисков может быть самой различной – округлой, прямоугольной, каплевидной, в виде полумесяца. Они образуют ряды, располагающиеся вертикально, горизонтально либо по диагонали. Часто зона венчика выделяется иным расположением наколов (рис. 6.-29; 7.-8; 8.-1, 8). Дно обычно украшено в аналогичной манере, рядами или concentрическими кругами оттисков того же орнамента. Иногда на него прочерченными линиями наносились солярные символы в виде различных крестов (рис. 6.-28; 7.-1; 8.-9). Венчики в восьми случаях из 12 украшены «жемчужинами», выдавленными палочкой изнутри.

Сосуд из могилы 11 орнаментирован косой сеткой из прочерченных сдвоенных линий, которые на дне образуют крест (рис. 8.-9). Похожая манера орнаментации была известна и ранее [Подольский, 1997, рис. 7.-7; Максименков, 1981, рис. 5.-2; Леонтьев,

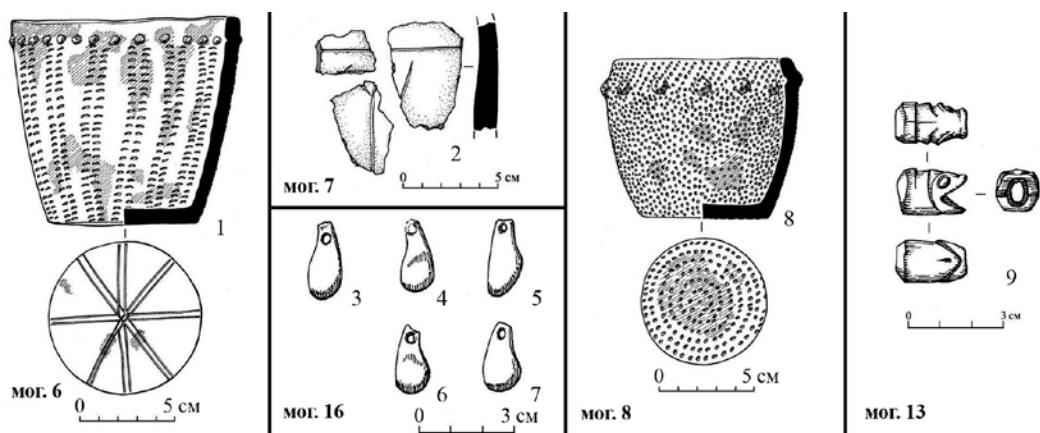


Рис. 7. Артефакты, обнаруженные в ходе раскопок кургана №1 могильника Уйбат-Чарков: 1 – могила 6; 2 – могила 7; 3–7 – могила 16; 8 – могила 8; 9 – могила 13. 1, 2, 8 – керамика; 3–7 – зубы животных; 9 – кость

2006, рис. 1.-3; Кириллова, Подольский, 2006, рис. 12]. Этот изобразительный мотив зачастую использовался также при нанесении раскраски на стенки окуневских погребальных ящиков [Лазаретов, 1997, табл. XI.-9; Хаврин, 1997, рис. 4; Липский, Вадецкая, 2006, табл. XVIII.-1, 2]. Фрагмент сосуда из могилы 7 украшен вертикальными линиями с развилками на конце, символизирующими стилизованные изображения змей. Данный орнаментальный прием встречается как на посуде, так и на окуневских антропоморфных личинах [Наглер, Парцингер, 2006, рис. 3.-12, Леонтьев, 2006]. Такими же раздвоенными линиями либо свисающими треугольными фестонами был украшен сосуд из могилы 1, от которого сохранился только небольшой фрагмент (рис. 6.-7).

На внешних стенках большинства сосудов, найденных в ходе раскопок могильника Уйбат-Чарков, были обнаружены следы раскраски охрой. В нижней части сосудов она была практически сплошной, а в верхней прослеживалась лишь местами. Определить, что символизировала эта раскраска, пока не удалось. Такая раскраска отмечается практически на всей посуде из погребений уйбатского этапа окуневской культуры. Ее не было только на одном фрагменте из насыпи кургана (рис. 6.-3). Отсутствие окраски и орнаментация зоны венчика этого сосуда горизонтальными прочерченными линиями, характерными для посуды черновского этапа, позволяет предполагать, что данный фрагмент может происходить из впускной могилы 14 и относиться к финальному периоду функционирования могильника.

Металлический инвентарь погребений кургана №1 могильника Уйбат-Чарков представлен шильями, лезвиями ножей или кинжалов, которые хранились в специальных кожаных ножнах (рис. 6.-10). Все предметы изготовлены из чистой меди. Отсутствие в погребениях оловянистых бронз – характерная черта уйбатского этапа [Хаврин, 2006]. Стандартные шилья, длиной около 5 см, имели квадратное сечение и вставлялись в костяную или деревянную рукоятку (рис. 6.-26, 37; 8.-6). Одно шило представляло собой уникальное цельнолитое изделие длиной 17 см с утолщением на конце в виде шляпки (рис. 8.-10). По бокам оно оформлено специальными долами, что свидетельствует о высокой степени развития бронзолитейного искусства. Удивительно, но подобные шилья на территории Минусинских котловин получили широкое распространение только в скифскую эпоху [Максименков, 2003, табл. 24.-1–5].

Полноценные кинжалы обнаружены в двух погребениях (3 и 9). От стандартных окуневских ножей их отличают удлиненные пропорции и ромбическое сечение лезвия. У одного из кинжалов насад оформлен в виде трапеции, обращенной узкой стороной к рукояти (рис. 8.-4). Лезвие второго предмета сильно коррозировано, определить его точные пропорции и конфигурацию насада невозможно (рис. 6.-11). В могиле 5 найден фрагмент острия кинжала, явно обломленный от полноценного изделия (рис. 6.-38). Возможно, в дальнейшем этот обломок лезвия использовался в качестве ножа.

Нож из могилы 2 не имел насада, так же как у листовидных ножей черновского этапа (рис. 6.-8). У изделий уйбатского периода обычно имеется зауженный черешок [Киргинеков, 2010, рис. 4.-2; Лазаретов, 1997, табл. XIII.-1, 2; Липский, Вадецкая, 2006, табл. XIV.-1, 3, 9; Подольский, 1997, рис. 5.-1]. Однако считать этот нож поздним, на наш взгляд, не вполне корректно. Судя по общей конфигурации и ромбическому сечению, он также первоначально представлял собой обломок лезвия кинжала, впоследствии перекованный и использованный в качестве ножа. Вероятно, это была распространившаяся еще на уйбатском этапе культуры практика, приведшая в конеч-

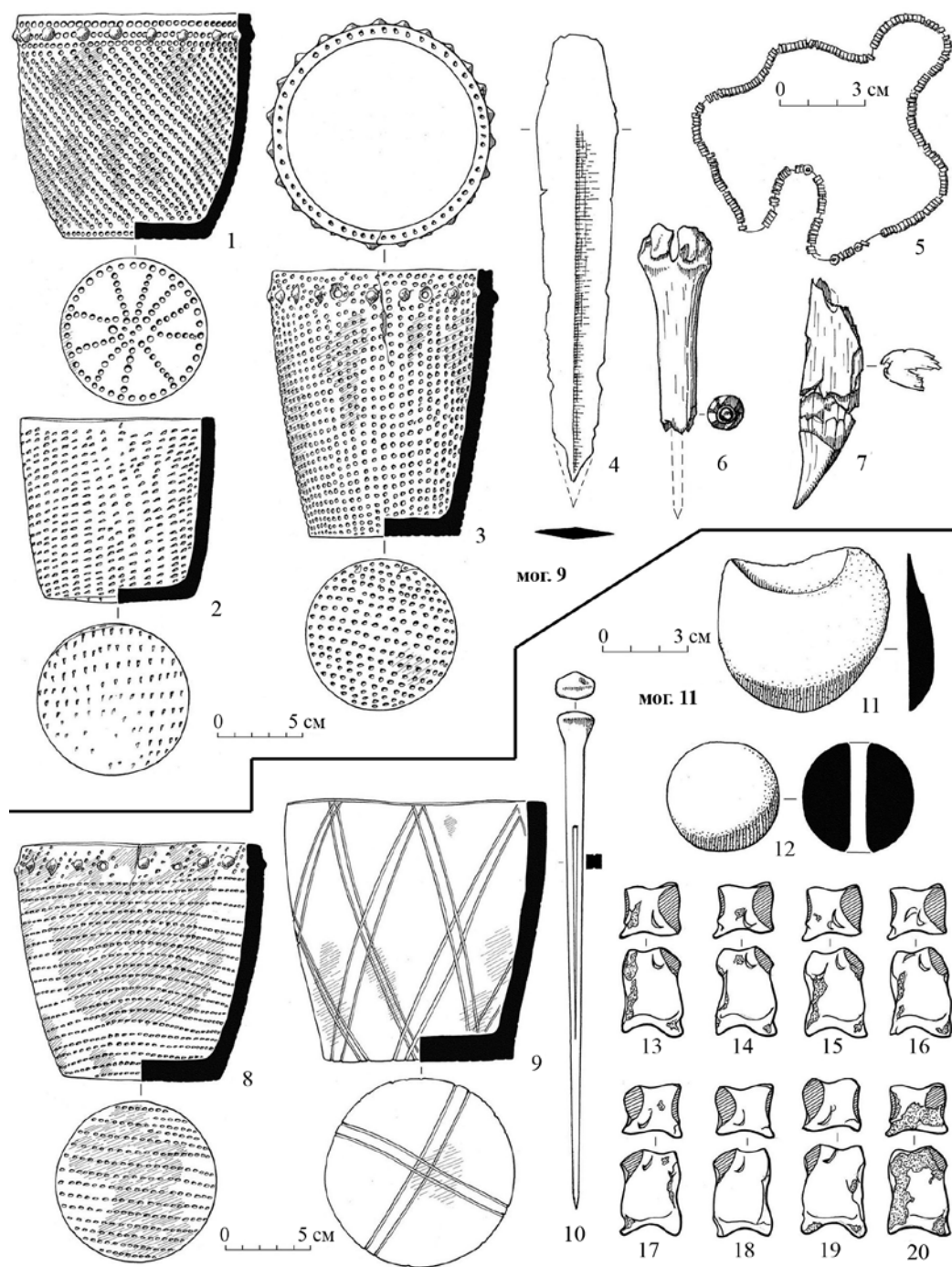


Рис. 8. Артефакты, обнаруженные в ходе раскопок кургана №1 могильника Уйбат-Чарков: 1-7 – могила 9; 8-20 – могила 11. 1-3, 8, 9 – керамика; 4, 10 – металл (медь?); 6, 13-20 – кость; 5 – аргиллит; 7 – зуб животного; 11, 12 – камень

ном итоге к массовому переходу на черновском этапе к изготовлению листовидных ножей без выраженного насада [Лазаретов, 1997, табл. XIII.-4, 5; Максименков, 1980, табл. XIX.-7, 13–18].

На начальном этапе изучения окуневской культуры сложилось мнение о безынвентарности абсолютного большинства мужских захоронений [Максименков, 1980, с. 19, 20, 22]. Исключением считались единичные погребения с ритуальными предметами. Исследование серии ранних комплексов позволило разделить мужские и женские захоронения не только по обряду погребения (на спине – на боку), но и по составу сопроводительного инвентаря. В частности, оба кинжала в кургане №1 могильника Уйбат-Чарков происходят из захоронений мужчин. Аналогичная картина наблюдается и в других комплексах [Вадецкая, 1981, рис. 2.-5; Лазаретов, 1997, табл. XIII.-3, Максименков, 1981, рис. 3.-15]. Мужчине и подростку принадлежали белые мраморные шары с отверстиями в могилах 3 и 11 (рис. 6.-23; 8.-12). Эти специфические предметы обычно находятся в области таза погребенных и являются своеобразными хронологическими индикаторами могил уйбатского этапа. Их не следует путать с крупными бусинами и шариками без отверстий, которые эпизодически встречаются в женских захоронениях окуневской культуры. Мраморные шары с отверстиями обнаружены в погребениях мужчин и мальчиков целого ряда ранних комплексов: Пистах, курган №3, могила 1; Есино-IV, могила 2; Моисеиха, курган №5; Верхний Аскиз, могила 2; Барсучиха-IV, курган №22, могила 2; Летник-VI, ограда №30; Уйбат-Хулган, курган №1; Итколь-II, курган №14, могила 4; Уйбат-I, могила 7. Единственное исключение – материалы могильника Тас Хазаа, которые не вызывают доверия в плане антропологических определений и привязки артефактов к конкретным захоронениям.

Сугубо мужским атрибутом в материалах кургана №1 могильника Уйбат-Чарков следует считать подвески из клыков медведя. Они обнаружены у трех погребенных в могилах 3 и 9 (рис. 6.-12, 25; 8.-7). В женских и детских окуневских захоронениях встречаются только резцы и когти медведя, клыки и резцы других диких животных (волка, лисы, соболя, кабарги, косули, марала, крупных грызунов). В случае с курганом №1 могильника Уйбат-Чарков просверленные клыки марала были найдены в женском погребении №4 и детском захоронении №16 (рис. 6.-30–34; 7.-3–7). Два резца марала и костяная имитация клыка хищника обнаружены рядом с черепом ребенка в погребении №3 (рис. 6.-13–15).

К погребениям мужчин, судя по материалам других могильников, приурочены каменные оселки и выпрямители древков стрел, костяные гарпуны и остроги, а височные кольца, бронзовые и костяные игольники (рис. 6.-27), каменные скребки (рис. 6.-11), напротив, сопровождают женские захоронения. Керамическая посуда, бронзовые ножи и шилья помещались в могилу независимо от пола погребенного в ней человека.

Другой сопроводительный инвентарь в кургане №1 могильника Уйбат-Чарков представлен каменной бусиной (рис. 6.-36), костяной пронизкой (рис. 6.-16), альчиками баранов с подрезкой (рис. 8.-13–20) и костяными колечками с насечками по краю (рис. 6.-6, 17–22, 35). Последние, наряду с мраморными шарами, являются четким показателем раннего возраста памятника и маркируют погребения уйбатского этапа.

Особое место в инвентаре окуневской культуры занимают художественные изделия мелкой пластики. Наиболее распространены стеатитовые головки и костяные пластинки с изображением женского лица, представленные в материалах черновского

этапа [Максименков, 1980, табл. XXIV]. Известны и находки резных художественных изделий из кости или рога, относящиеся к уйбатскому времени [Поляков, Есин, 2015]. Подобная вещь была найдена при исследовании могилы 13 кургана №1 могильника Уйбат-Чарков. Это головка, предположительно змеи, вырезанная из трубчатой кости (рис. 7.-9). К сожалению, могила сильно потревожена, и назначение предмета остается неясным. Можно полагать, что сквозь головку пропускался кожаный ремень, украшением которого она являлась.

### ***Изображения на камнях***

В ходе работ на кургане было обнаружено восемь плит с изображениями (прорисовки выполнены Ю.Н. Есиным, за что авторы выражают ему искреннюю признательность) (рис. 9). Все они попали сюда в качестве строительного материала и использовались для перекрытий могил 1 и 11 либо закрывали вход в катакомбу №6. Особняком стоит плита с процарапанными изображениями пяти человеческих ног (рис. 9.-8). Она была найдена в насыпи кургана и отличается от других стел как по манере изображения, так и по технике нанесения рисунка.

Серия плит с фрагментами окуневских «личин» была использована в качестве перекрытий могил 1 и 11 (рис. 9.-1-4, 7). Они фрагментированы и не составляют полного рисунка. Плиты лежали как изображением вверх, так и вниз. Техника нанесения рисунка – выбивка с последующей шлифовкой линий. Благодаря тому, что плиты в могиле 1 находились на глубине свыше 4 м, на них хорошо сохранилась краска. Удалось проследить, что фон изображений был выполнен красной охрой, а линии выбивки заполнялись черной краской. Изображения изобилуют сложными деталями (третий глаз, уши, солярные символы), что свидетельствует о существовании уже на уйбатском этапе культуры высокоразвитой художественной традиции.

Важным моментом является находка на одной из плит в могиле 1 схематичного человечка, процарапанного поверх окуневского изображения (рис. 9.-1а). Подобные изображения никак не связаны с окуневской культурой, зато аналогии можно обнаружить в памятниках скифского времени [Александров, Боковенко, Смирнов, 2014, рис. 34]. Плита находилась на уровне заплечиков могилы, и нет сомнения в том, что этот человечек был нацарапан теми, кто потревожил могилу. Основное погребение кургана было уничтожено в ходе ограбления, вероятно, в скифское время.

Два камня были обнаружены в закладе входа в катакомбу №6. Первый из них представляет собой каменный блок с простым антропоморфным изображением. Прорисованы два глаза с черточками бровей, нос в виде горизонтальной линии и рот. В верхней части камня намечена маленькая «личина» с абрисом, тремя глазами и ртом. Подобные изваяния были обнаружены при раскопках могильников Уйбат-III (курган №1) и Уйбат-V (курган №1) [Лазаретов, 1997, табл. XI.-1, 3, 4].

Второй камень из этого заклада имеет важнейшее значение для изучения искусства населения окуневской культуры (рис. 9.-6). На его нижней грани было обнаружено хорошо сохранившееся нанесенное охрой изображение личины джойского типа. Этот тип изображений традиционно относился к наиболее позднему пласту искусства окуневской культуры [Леонтьев, 1978, с. 97; Савинов, 2006, с. 167]. Находка личины в закладе катакомбы кургана уйбатского этапа полностью опровергает подобную точку зрения. Изображение джойского типа оказалось представлено в одном из самых ранних курганов окуневской культуры. На этом основании была выдвинута гипотеза о суще-





Рис. 9. Изображения на камнях, обнаруженные в ходе раскопок кургана №1 могильника Уйбат-Чарков: 1-4 – могила 1; 5, 6 – могила 6; 7 – могила 11; 8 – насыпь кургана

ствовании отдельного направления в окуневском искусстве, которое развивалось особым путем, параллельно с традиционными стилями. По-видимому, это был отдельный жанр изображений, приуроченных к древним караванным тропам и посвященных особому божеству – покровителю путешественников и торговцев [Лазаретов, 2011].

### *Хронология кургана*

Вне всякого сомнения, курган №1 могильника Уйбат-Чарков следует относить к уйбатскому этапу окуневской культуры. На это указывают масштаб ограды, характерные типы погребальных конструкций (грунтовые ямы, катакомбы и ямы с заплечиками), керамика с орнаментацией «жемчужником», специфические категории инвентаря (мраморные шары с отверстиями, костяные колечки с насечками). Сложнее определить его конкретное место в цепочке ранних памятников. По ряду показателей этот курган выглядит чрезвычайно архаичным. Его ограда из массивных гранитных блоков, мощное каменное сооружение над центральной могилой сопоставимы по масштабу только с конструкциями кургана №1 могильника Уйбат-III. Ранним признаком является оформление основного захоронения в виде обширной грунтовой ямы с заплечиками. Ее общая глубина (4,4 м), вообще не имеет аналогов на Енисее. На ранний возраст памятника указывает и обряд захоронения с четкой дифференциацией по половому признаку.

В то же время в нем отмечен ряд особенностей, получивших развитие в относительно поздних комплексах уйбатского этапа. В частности все могилы в пределах ограды были устроены с уровня погребенной почвы, и только после этого сооружена общая курганная насыпь. В качестве поздних признаков можно рассматривать конструкцию могилы 9 и находку листовидного ножа без выраженного насада в погребении №2. Хотя столь раннее их появление, возможно, является вынужденной мерой, опередившей свое время. С учетом всех обстоятельств курган №1 могильника Уйбат-Чарков может быть датирован началом – серединой уйбатского этапа. Он несколько позже кургана №1 Уйбата-III, но раньше кургана №1 Уйбата-V. Конструктивно Уйбат-Чарков наиболее близок к могильникам Уйбат-I, Уйбат-Тибик и, вероятно, образует с ними одну хронологическую группу.

По образцам из могилы 11 кургана №1 могильника Уйбат-Чарков сделаны пять определений радиоуглеродных дат. Именно в этом непотревоженном погребении сохранился фрагмент деревянной лаги, на которую опиралось перекрытие могилы из плит песчаника. По образцу из нее традиционным методом в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН был сделан анализ Ле-9413 ( $3820 \pm 35$ ) (рис. 10.-1). После калибровки (OxCal v4.2.4) получен хронологический отрезок (вероятность 95,4%) – 2456–2142 гг. до н.э.

Еще четыре образца были датированы в <sup>14</sup>ХРОНО Центре по изучению климата, окружающей среды и хронологии (Королевский Университет Белфаста). В ходе исследований изучалось влияние резервуарного эффекта на результаты проведения радиоуглеродного анализа [Svyatko et al., 2017]. Для этого из могилы 11 были отобраны образцы различных материалов: дерева, кости травоядного животного (астрагал овцы) и костей человека от обоих скелетов. Исследования проводились с использованием ускорительного масс-спектрометра (AMS). Полученные данные не выявили влияния материала образца на конечный результат, что свидетельствует об отсутствии заметного влияния резервуарного эффекта на даты, полученные по костям человека для данного погребения окуневской культуры.

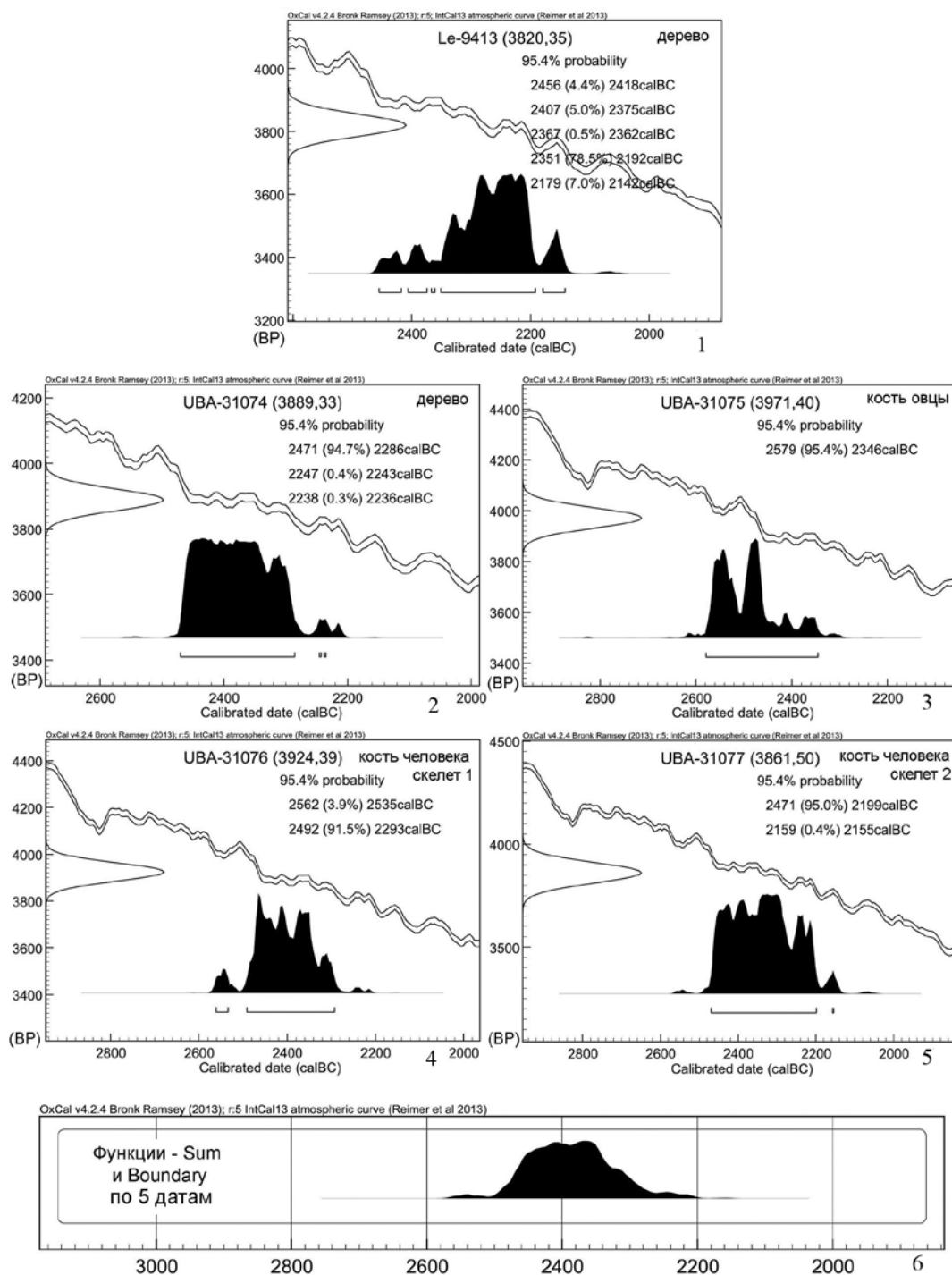


Рис. 10. Радиоуглеродные даты, полученные по образцам из могилы 11 кургана №1 могильника Уйбат-Чарков

Результаты анализа четырех образцов (UBA-31074-31077) оказались очень близки (рис. 10.-2–4). Сумма вероятности всех пяти дат с использованием функций *Sum* и *Boundary* позволяет датировать могилу 11 кургана №1 могильника Уйбат-Чарков в рамках XXV–XXIII вв. до н.э. (рис. 10.-6). Эти данные полностью совпадают с полученными ранее результатами и подтверждают ранний возраст памятников уйбатского типа [Поляков, Святко, 2009, с. 27–29; Svyatko et al., 2009, p. 247–250; Поляков, 2017а].

### Заключение

Подводя итог описанию и первичному анализу материалов кургана №1 могильника Уйбат-Чарков, необходимо резюмировать наиболее важные наблюдения:

1. Курган датируется уйбатским этапом окуневской культуры. На основании серии из пяти радиоуглеродных анализов, полученных различными методами и в разных лабораториях, его дата может быть определена в пределах XXV–XXIII вв. до н.э.

2. Данный курган может рассматриваться в качестве эталонного для комплексов начала – середины уйбатского этапа окуневской культуры. Его захоронения (за исключением могилы 14) устроены с уровня погребенной почвы и имеют относительно узкий хронологический интервал.

3. В материалах памятника представлены серии двух редких типов погребальных конструкций окуневской культуры: катакомбы и ямы с заплечиками, что позволяет окончательно закрыть дискуссию о справедливости их выделения. Вероятно, они представляют собой пережиток ранних погребальных сооружений, с которыми носители окуневской культуры пришли в Хакасско-Минусинскую котловину.

4. На примере кургана №1 могильника Уйбат-Чарков удалось установить в ранних комплексах уйбатского этапа четкую дифференциацию погребального обряда по половому признаку. Все женщины оказались захоронены на боку, мужчины – на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями ногами.

5. Выявлена устойчивая связь бронзовых кинжалов, украшений из клыков медведя, мраморных шаров с отверстиями с погребениями мужчин.

6. Важные наблюдения связаны с обнаружением в раннем окуневском кургане как относительно простых личин, так и весьма сложных, развитых образов. Становится ясно, что рассматривать развитие окуневского искусства по примитивной схеме, от элементарных форм к сложным, нельзя. Раскопки памятников уйбатского этапа убедительно показывают, что даже в ранний период равно представлены не только простые, но и стилистически развитые образы.

Изучение материалов кургана №1 могильника Уйбат-Чарков позволяет поднять ряд вопросов, непосредственно связанных с проблемой происхождения окуневской культуры. Сегодня уже мало кто сомневается в том, что формирование окуневского феномена сопряжено с активными миграционными процессами. На это впрямую указывают данные антропологии. Европеоидный компонент окуневской культуры отличается от других антропологических серий ярко выраженной брахикранией и наличием специфической затылочно-теменной деформации. Те же особенности выявлены у населения позднеямного и ямно-катакомбного времени Северо-Западного Прикаспия [Громов, 1995; 1997; Казарницкий, 2011]. Уникальная по своей глубине яма с заплечиками в кургане Уйбат-Чарков имеет точное соответствие на территории Калмыкии [Синицын, Эрдниев, 1981, рис. 5]. В том же комплексе обнаружены жертвенники со шкурами быков, захоронения в грунтовых ямах и катакомбах, расположенных дву-

мя цепочками вокруг центральной могилы, женские захоронения на боку и мужские на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями ногами, а среди инвентаря – курильницы с перегородкой [Синицын, Эрдниев, 1981, с. 37–42]. Из соседних курганов происходят бронзовые височные кольца, листовидный нож с черешковым насадом, четырехгранное шило, костяной игольник с медной иглой. Фактически в памятниках северо-западного Прикаспия конца 1-й половины III тыс. до н.э. представлен полный список соответствий всем важнейшим инновациям, которые, собственно, и характеризуют окуневскую культуру Южной Сибири, особенно в ее раннем варианте.

Адаптация пришлого населения к новым природным условиям привела к быстрой трансформации погребальных сооружений, изменению обряда захоронения. Катакомбы и ямы с заплечиками, связанные со степными просторами, дефицитом леса и камня, в относительно короткий срок исчезают. Их сменяют грунтовые ямы и ящики из плит песчаника, перекрытые деревом и камнем.

## Приложение

### ***Материалы раскопок кургана №1 могильника Уйбат-Чарков***

Могильник Уйбат-Чарков находится в Усть-Абаканском районе Республики Хакасия, в 1 км к северо-западу от села Чарков. Он расположен на высокой надпойменной террасе правого берега реки Уйбат, у подножия горы Хазынсорах. Курганы построены на пологом склоне, который в настоящее время используется под пастбище и огороды. Могильник состоит из трех курганов, датирующихся эпохой ранней бронзы (окуневская культура). Для раскопок был выбран курган №1, расположенный выше по склону, вплотную к автодороге Абакан – Сорск. До начала работ он представлял собой небольшое всхолмление на поверхности степи с отдельными выступающими камнями. Сохранившаяся высота насыпи 0,5–0,6 м. Тело кургана состояло из слоя камней мощностью 0,4–0,65 м перекрытого современным дерном. Ниже залегала темная гумусированная прослойка погребенной почвы толщиной до 0,1 м. Подстилали стратиграфическую ситуацию материковый суглинок желтоватого цвета.

Основу кургана составляла квадратная ограда размерами 15×15 м, ориентированная стенками по сторонам света с небольшим отклонением (рис. 1). Ограда составлена из установленных на ребро плоских гранитных глыб толщиной 0,3–0,4 м. Они были незначительно углублены в материк и расклинены камнями меньшего размера. Слой каменной закладки в восточном секторе ограды имел большую мощность, чем в западной ее части. Он состоял из глыб серого крупнозернистого гранита. Отдельные валуны достигали веса в 200–300 кг. Их, по-видимому, доставляли из древней каменоломни, расположенной у подножия горы в 500 м к северо-западу от кургана. Промежутки между крупными глыбами заполнялись мелкими скальными обломками красноватого цвета, взятыми здесь же на склоне горы.

Удалось проследить следующую последовательность строительства кургана. Вначале была сооружена ограда, в центре которой было устроено основное захоронение (могила 1). Над ним было возведено мощное каменное надмогильное сооружение, ставшее ориентиром для дальнейших захоронений. Все последующие погребения встраивались в промежуток между надмогильным сооружением центральной могилы и стенками ограды, исключая ее восточный сектор. Они также имели каменные надмогильные сооружения, но гораздо меньшего, чем над основным захоронением, размера. По окончании функционирования кладбища вся площадь ограды была заложена камнем. Надмогильные сооружения и последующая закладка образовали единый каменный панцирь, придавший кургану его современный облик. Единственное погребение, которое было впущено в курган после этого, – могила 14.

При разборке каменного заклада у середины восточной стенки ограды на фрагменте плиты песчаника был обнаружен гравированный рисунок пяти человеческих ног от трех фигур (рис. 9.-8). На другой плитке песчаника, найденной у середины южной стенки ограды, была прочерчена сетка из тонких линий (рис. 6.-4). В этом же районе встречены фрагменты двух окуневских сосудов (рис. 6.-2, 3). Среди камней в северо-восточном секторе кургана обнаружены фрагменты керамической курильницы, костяное колюче и резец сурка со следами окраски охрой (рис. 6.-1, 5, 6). Эти вещи соответствуют времени функционирования кургана и, вероятно, попали в его насыпь при ограблении могил. Кроме того, в насыпи был найден железный наконечник стрелы, относящийся к эпохе средневековья.

Всего в кургане исследованы 17 захоронений, из которых 16 (могилы 1–16) относятся к окуневской культуре, а последнее погребение (могила 17) – к раннему средневековью.

**Могила 1.** В центре ограды находилась подпрямоугольная грунтовая яма с глубоко опущенными заплечиками, ориентированная осью по линии запад–юго-запад – восток–северо-восток (рис. 1; 2). В верхней части, от погребенной почвы и до глубины 3,4 м, она имела размеры 3,4×2,8 м. В ее донной части была сделана дополнительная выемка размерами 2,2×1,6 м и глубиной 1 м. Таким образом, общая глубина могилы составила 4,4 м. Это более чем в два раза перекрывает максимальные показатели всех известных нам окуневских могил. Феноменальный результат не только для комплексов эпохи бронзы, но и для любых других археологических памятников Хакасско-Минусинской котловины. На материковых заплечиках ямы сохранились остатки деревянного перекрытия. Оно состояло из поперечного бревенчатого наката, опиравшегося на две продольные лаги. От дерева остались только следы тлена, что не позволило взять образцы для радиоуглеродного анализа. Поверх бревенчатого перекрытия располагались плиты песчаника, лежащие в один слой. На четырех из них сохранились фрагменты окуневских «личин» (рис. 9.-1–4). Они лежали как изображением вверх, так и вниз. На одной из плит поверх выбитой окуневской «личины» тонкими линиями процарапано схематическое изображение человеческой фигурки (рис. 9.-1а). Этот рисунок, вероятно, датируется скифской эпохой и был нанесен при ограблении кургана.

Вся верхняя часть могилы была плотно заложена гранитными глыбами и скальными обломками, аналогичными по своей фактуре камням закладки кургана и надмогильного сооружения. Определить первоначальный размер и конфигурацию самого надмогильного сооружения, надежно отделить камни его основы от последующей закладки в настоящее время уже невозможно. Оно было частично разобрано при устройстве позднейших могил, частично разрушено грабителями.

Несмотря на большую глубину могилы и сплошную каменную закладку, она все же была полностью разграблена. В заполнении нижней камеры сохранились фрагменты черепа и длинных костей крупного мужчины 35–45 лет (здесь и далее антропологические определения Н.И. Лазаретовой) и небольшой кусочек сосуда с резным геометрическим рисунком (рис. 6.-7). В заполнении могилы был также найден фрагмент черепа ребенка в возрасте до полугода. Не исключено, что он попал туда случайно при ограблении могилы.

**Могила 2.** В северо-восточном секторе кургана обнаружена грунтовая яма с заплечиками подпрямоугольной формы, ориентированная осью по линии запад–восток (рис. 3.-1, 2). Ее верхняя часть до глубины 0,8 м имела размер 2,2×1,8 м и была заполнена гранитными валунами. В донной части была сделана дополнительная выемка размерами 1,3×0,8 м и глубиной 0,7 м. Таким образом, общая глубина могилы составила 1,5 м. На уровне материковых заплечиков яма была перекрыта плитками песчаника, уложенными в 3–4 слоя. Следов дерева не обнаружено, однако плиты должны были иметь дополнительную опору. На дне могилы располагался скелет женщины старше 55 лет, лежавшей скорчено на правом боку, головой на запад. Бедренные кости располагались под прямым углом к линии позвоночника. Ее правая рука была вытянута к коленям, левая согнута в локтевом суставе. Между бедром и левым предплечьем женщины лежало лезвие бронзового ножа со следами тлена от деревянной рукоятки (рис. 6.-8).

**Могила 3.** В северо-западном углу кургана обнаружено захоронение в катакомбе (рис. 1; 4.-1–3). Входная яма размерами 1,5×1,2 м была оформлена в виде дромоса, ориентированного по линии северо–северо-запад – юго–юго-восток. В южной части ее глубина составляла всего 0,25 м, а в северной достигала 0,75 м. На ступеньке, отделявшей вход от погребальной камеры, располагался брусчатый камень, лежащий горизонтально поперек прохода. На него и на верхнюю часть свода катакомбы опиралась плита высотой 0,7 м, закрывавшая вход. При локальном обрушении свода она завалилась внутрь погребальной камеры, частично накрыв останки погребенных в ней людей. Дно погребальной камеры располагалось на глубине 0,85 м от уровня древней поверхности. Между ним и полом входной ямы имелась материковая ступенька высотой 0,1 м. Погребальная камера имела подпрямоугольную форму и размеры 1,8×1,2 м. В ней было захоронено четыре человека. Первым, очевидно, был погребен мужчина 35–40 лет. Он был уложен в центральной части камеры и развернут головой на юго–юго-восток, к входу. Его ноги согнуты в коленях и завалены на левую сторону. Руки согнуты в локтевых суставах и лежат кистями на груди. Справа от его черепа обнаружен белый каменный шар с отверстием (рис. 6.-23), а у левого локтя найден кожаный чехол, внутри которого виднеется часть деревянной рукоятки бронзового предмета, ножа или шила (рис. 6.-10). Рядом с чехлом лежала подвеска из клыка медведя с просверленным отверстием (рис. 6.-25). Справа от тазовых костей погребенного стоял сосуд баночной формы (рис. 6.-9). На дне могилы, под скелетом, обнаружены небольшие фрагменты плетеной циновки из органического материала, листьев ириса или тонкой коры кустарни-

ка (рис. 6.-24). Под скелетом и над ним местами фиксировалась прослойка красновато-бурого цвета толщиной около 1 см. Возможно, это остатки войлочной (?) подстилки и покрывала. Вероятно, при их разложении красящий пигмент перешел на кости погребенного человека, придав им характерный красновато-бурый цвет. Такую же окраску имели кости и в некоторых соседних погребениях.

У левого плеча взрослого погребенного располагались фрагменты черепа новорожденного ребенка. Рядом с ними, вплотную друг к другу, лежали два зуба оленя и подвеска, выточенная из острия рога (рис. 6.-13–15). Все они имели отверстия для подвешивания. Фрагмент черепа другого новорожденного ребенка располагался справа от взрослого покойника. Рядом с ним, компактной россыпью, лежали шесть костяных колечек (рис. 6.-17–22). Оба ребенка, вероятно, были ориентированы головами в южном направлении.

Последним в могиле был захоронен мужчина 40–50 лет. Он лежал поверх первого скелета и был ориентирован в противоположном направлении, головой на север–северо-запад. Его правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и лежит кистью на тазе. Ноги согнуты в коленях и завалены на левую сторону (рис. 4.-1). В области грудной клетки покойника находился сильно окислившийся бронзовый кинжал (рис. 6.-11). Под ним сохранились куски кожи. В заполнении могилы обнаружены перемещенные грызунами отдельные косточки детей, еще одна подвеска из клыка медведя и костяная бусина (рис. 6.-12, 16).

**Могилы 4.** Катакомба, частично перекрывающая своей входной ямой погребение №3 (рис. 1; 4.-1–3). Строители этой могилы, по-видимому, ошиблись с определением точного места предшествующего захоронения. Их входная яма наложилась на камеру более ранней могилы, что привело к частичному обрушению свода и падению запорной плиты катакомбы могилы 3. После этого строители не стали выбирать входную яму дальше, ограничившись глубиной 0,5 м. Первоначально она предполагалась более глубокой, так как высота приготовленной заранее запорной плиты могилы 4 была 0,65 м. В сложившихся условиях высота входа в катакомбу составила всего около 0,3 м. Все последующие работы и манипуляции с телами погребенных производились через эту узкую щель. Сама погребальная камера имела форму овала размерами 1,4×0,55 м и была ориентирована осью по линии север–юг. Ее дно находилось на 0,15 м ниже уровня входа. Общая высота свода этого сооружения не превышала 0,45 м. В камеру была буквально втиснута женщина старше 55 лет. Она лежала скорченно на правом боку, головой на юг. Бедренные кости располагались под прямым углом к линии позвоночника. Ее правая рука была вытянута к коленям, левая согнута в локтевом суставе. Как и в соседней могиле, кости погребенной оказались окрашены в красновато-бурый цвет. Между бедром и левым предплечьем женщины лежало бронзовое шило с деревянной рукоятью и пять зубов оленя с отверстиями для подвешивания (рис. 6.-26, 30–34). Перед лицом погребенной располагались два миниатюрных баночных сосуда (рис. 6.-28, 29). В области грудной клетки женщины найдены несколько перемещенных грызунами косточек новорожденного ребенка и костяной игольник (рис. 6.-27). После совершения погребения вход в камеру был закрыт вертикальными плитами, а входная яма заложена гранитными валунами. Часть каменной закладки входных ям могил 3 и 4 была уничтожена грабителями. При этом сами погребения остались непо потревоженными.

**Могилы 5.** У середины северной стенки ограды под камнями закладки была обнаружена плита песчаника. Под плитой расчищена грунтовая яма размерами 0,85×0,65 м и глубиной 0,3 м (рис. 1; 4.-11, 12). В западной части могилы обнаружены фрагменты черепа новорожденного ребенка. В северо-восточном углу погребения располагался плоскодонный сосуд (рис. 6.-39). Рядом с ним найдены бронзовое шило, лезвие ножа, костяное колечко с насечками и бусина (рис. 6.-35–38).

**Могилы 6.** Возле середины западной стенки ограды был обнаружен гранитный валун, заметно просевший ниже уровня погребенной почвы (рис. 1; 3.-3, 4). Под ним оказалась подквадратная яма размерами около 1 м, заполненная камнями. Среди этих камней были обнаружены переброшенные, но сохранившие сочлененность кости ног подростка. Ниже, у северной стенки ямы, были найдены череп того же подростка, разрозненные кости младенца, фрагменты бересты, возможно, остатки колыбели, и баночный сосуд (рис. 7.-1). В процессе раскопок выяснилось, что данная яма является грабительским лазом, ведущим в камеру катакомбы. Камера представляла собой овальную нишу размерами 1,5×0,8 м, расположенную на глубине 1,4 м. Она была ориентирована осью по линии север–юг. На дне ямы в непо потревоженном состоянии сохранилась грудная клетка, таз и кости стоп крупного мальчика 9–12 лет. Он лежал головой на юг, на спине, с ногами, согнутыми и установленными коленями вверх. Правая рука лежала кистью на тазе, левая была согнута в локтевом суставе и располагалась на груди. Вход в катакомбу находился за оградой. Там была расчищена овальная яма размерами 1,45×0,8 м, глубиной 1,4 м. Погребальная камера была отделена от входа плоскими камнями, установленными на ребро. На одной из плит заклада была выбита личина, на другой личина

оказалась нанесена охрой (рис. 9.-5, 6). Стела с выбивкой была перевернута и обращена изображением к входу. Охристая личина оказалась развернута лицевой частью вниз. На этом же камне имелись заглаженные выемки, напоминающие отпечаток ноги. После совершения погребения входная яма была заложена камнями и засыпана материковым грунтом. Камни ограды, частично разобранные в ходе строительства погребения, были восстановлены на своих местах.

**Могила 7.** Прямоугольная грунтовая яма размерами 1,5×1 м, глубиной 1 м располагалась в юго-восточном углу ограды (рис. 1; 3.-9, 10). Она ориентирована осью по линии северо-запад – юго-восток. Захоронение разграблено. В заполнении ямы найдены обломки таза, бедренной кости взрослого мужчины и фрагменты сосуда (рис. 7.-2).

**Могила 8.** В северо-западном углу ограды, среди камней каменной закладки, обнаружены разрозненные косточки новорожденного ребенка (рис. 1; 4.-4, 5). Здесь же, на уровне материка найдены небольшой баночный сосуд (рис. 7.-8). Контур ямы определить не удалось. Ее глубина, по видимому, не превышала 0,2 м.

**Могила 9.** Располагалась между могилой №1 и северной стенкой ограды (рис. 1; 5.-1–4). По видимому, она была пристроена вплотную к центральному надмогильному сооружению. Яма имела подквадратную форму, размер 1,9×1,9 м и была ориентирована осью по линии запад–юго-запад – восток–северо-восток. Глубина ее составляла 0,8 м. На дне ямы был установлен небрежно оформленный ящик, собранный из плоских довольно грубых камней. Размер его 1,1×0,6 м, высота 0,4 м. Пространство между ящиком и стенками ямы было заложено обломками скальной породы. Сверху могила оказалась перекрыта плитами песчаника, уложенными в несколько слоев. Строилась могила, вероятно, в зимнее время. В ее заполнении обнаружено большое количество угольков и древесной золы от костра, которым отогревали землю. Их наличие отрицательно сказалось на сохранности костей погребенных здесь людей. В ящике было произведено два или три последовательных захоронения. Первой была захоронена женщина старше 55 лет. Погребенный человек лежал на левом боку скорченно, головой на запад–северо-запад (рис. 5.-2). Ее руки согнуты в локтевых суставах и лежат кистями перед грудью. Обшлага рукавов были обшиты мелким каменным бисером, собрано 208 миниатюрных бусин (рис. 8.-5). Под бедренными костями найдена рукоять бронзового шила, выполненная из кости животного (рис. 8.-6). Само шило полностью разложилось. Вероятно, этому же погребенному принадлежал сосуд, обнаруженный в юго-западном углу могилы (рис. 8.-1). На дне ямы местами сохранились кусочки бересты от подстилки.

Поверх первого погребенного было уложено тело женщины (?) старше 55 лет (по определению антрополога). Погребенный располагался на спине, с ногами, согнутыми и поднятыми вверх коленями. Он был ориентирован головой на запад–юго-запад (рис. 5.-3). Руки согнуты в локтевом суставе и лежат кистями на груди. Перед черепом находился баночный сосуд (рис. 8.-3), а на головке правой бедренной кости лежало лезвие бронзового кинжала (рис. 8.-4). Вероятно, к этому захоронению относится и клык медведя, найденный в донной части могилы (рис. 8.-7). Судя по обряду и сопроводительному инвентарю, данный погребенный является мужчиной.

В области его груди обнаружены фрагменты черепа и несколько перемещенных грызунами косточек новорожденного ребенка. Скорее всего, именно ребенку принадлежит миниатюрный сосуд с округлым дном (рис. 8.-2).

**Могила 10.** В западной части ограды расчищена прямоугольная грунтовая яма размерами 0,75×1,5 м, глубиной 0,85 м, ориентированная осью по линии северо–северо-запад – юго–юго-восток (рис. 1; 4.-6, 7). Погребение полностью разграблено. В его южной части на дне обнаружена пяточная кость. В заполнении могилы в перемещенном состоянии найдены практически полные скелеты мужчины старше 55 лет и женщины (?) старше 55 лет. Здесь же встречен комок охры. Кости скелетов имели характерную красновато-бурую окраску.

**Могила 11.** Расположена в юго-западном секторе кургана (рис. 1). Грунтовая яма подпрямоугольной формы ориентирована осью по линии северо-запад – юго-восток (рис. 5.-5–7). Верхняя камера имела размер 2×1,35 м и глубину 0,5 м. В ее донной части была сделана дополнительная выемка размерами 1,4×0,95 м и глубиной 0,7 м. Таким образом, общая глубина могилы составила 1,2 м. На уровне материковых заплечиков яма была перекрыта плитами песчаника, уложенными в 5–6 слоев. На нижней плите, расположенной в юго-западной части могилы, сохранилась часть личины, сделанная выбивкой и прокрашенная черной краской (рис. 9.-7). Лицевой частью стела была обращена к погребению. Плиты перекрытия опирались на поперечные деревянные лаги, одна из которых частично сохранилась.

В могиле было захоронено два человека. У северо-восточной стенки располагался скелет женщины в возрасте около 30 лет, лежавшей скорченно на правом боку, головой на северо-запад (скелет



№1). Бедренные кости располагались под прямым углом к линии позвоночника. Ее правая рука была вытянута к коленям, левая согнута в локтевом суставе. За спиной женщины, в северном углу могилы находился баночный сосуд (рис. 8.-8). На нем лежал каменный скребок, сколотый с речной гальки (рис. 8.-11), а рядом располагались 14 астрагалов. Восемь из них имели подрезку (рис. 8.-13–20), еще на шести астрагалах следов подработки не обнаружено. На тазовых костях женщины лежало массивное бронзовое шило с утолщенной головкой (рис. 8.-10). У юго-западной стенки могилы располагался скелет юноши 12–14 лет, лежавшего на спине, головой на северо-запад (скелет №2). Его ноги были согнуты и обращены коленями вверх, а затем завалились влево, на женский костяк. Руки также были согнуты в локтевых суставах. Часть костей этого скелета оказались смещены грызунами. У правого крыла таза юноши был найден белый каменный шар с отверстием (рис. 8.-12), а у его ног стоял баночный сосуд (рис. 8.-9).

**Могила 12.** У южной стенки ограды расчищена подпрямоугольная грунтовая яма размерами 1,5×1 м, глубиной 0,9 м, ориентированная осью по линии запад–северо-запад – восток–юго-восток (рис. 1; 5.-8–9). Захоронение полностью разграблено. В заполнении могилы обнаружены отдельные кости мужчины 30–40 лет. Вещей нет.

**Могила 13.** У южной стенки ограды расчищена грунтовая яма размерами по дну 1,5×0,7 м, глубиной 0,8 м, ориентированная осью по линии запад–северо-запад – восток–юго-восток (рис. 1; 3.-5, 6). В восточной части могилы сохранились кости голеней и стоп женщины 30–40 лет, лежавшей головой в западном направлении. На дне ямы местами прослеживались остатки берестяной подстилки. Погребение разграблено. В заполнении могилы обнаружена костяная головка, вырезанная из трубочатой кости (рис. 7.-9).

**Могила 14.** Каменный ящик размерами 0,7×0,25 м и высотой 0,3 м был встроен в пространство между могилами 11, 12, 13 (рис. 1). Он ориентирован осью по линии север–юг (рис. 4.-8, 9). Костей ребенка не сохранилось. Вещей нет.

**Могила 15.** Между центральной могилой и северо-восточным углом ограды располагалась грунтовая яма размерами 2×1 м, глубиной 0,4 м (рис. 1; 4.-10, 12). Она была ориентирована осью по линии запад–восток и частично перерубила борт могилы №2. Погребение полностью разграблено. Вещей нет.

**Могила 16.** Между центральной могилой и западной стенкой ограды располагалась грунтовая яма размерами 1×0,75 м, глубиной 0,8 м (рис. 1; 3.-7, 8). Она была ориентирована осью по линии запад–юго-запад – восток–северо-восток. Захоронение разграблено. В заполнении могилы найдены отдельные кости ребенка 4–6 лет и пять зубов оленя с отверстиями для подвешивания (рис. 7.-3–7).

**Могила 17.** В северо-восточном углу ограды под камнями заклада был обнаружен крупный баночный сосуд, установленный в овальной грунтовой яме размерами 0,6×0,45 м и глубиной 0,35 м (рис. 1; 4.-13, 14). В сосуде найдены фрагменты черепа, ребра и ключица новорожденного ребенка. По форме и орнаментации сосуд и данное погребение могут быть датированы таштыгской культурой.

### Библиографический список

- Александров С.В., Боковенко Н.А., Смирнов Ю.А. Археологические памятники долины Черно-го Ююса на севере Хакасии. СПб. : ООО «ЭлекСис», 2014. 154 с.
- Вадецкая Э.Б. Предметы вооружения из могил окуневской культуры // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 13–21.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. 180 с.
- Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : Азбука, 2014. 380 с.
- Громов А.В. Антропологические особенности населения окуневской культуры // Проблемы изучения окуневской культуры. СПб. : Музей антропологии и этнографии РАН, 1995. С. 70–74.
- Громов А.В. Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 301–345.
- Казарницкий А.А. Палеоантропология эпохи бронзы степной полосы юга Восточной Европы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.
- Киргинеков Э.Н. Окуневский курган около у. Мохов // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 128–133.
- Киргинеков Э.Н. Итоги исследования кургана Большое Кольцо в долине реки Камышта // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 79–91.

Кириллова Д.А., Подольский М.Л. Све Кызыл хая на севере Хакасии // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. С. 130–145.

Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск : Наука, 1981. С. 76–90.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.

Лазаретов И.П. Окуневские личины джойского типа – маркеры древних путей // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Т. 2. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. С. 59–64.

Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск : Наука, 1978. С. 88–118.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан : Хакаское кн. изд-во, 2006. 236 с.

Леонтьев С.Н. К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. С. 260–272.

Липский А.Н. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1954. Вып. 25. С. 89–98.

Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Могильник Тас Хазаа // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. С. 9–52.

Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев, Г.А. Максименков. Памятники окуневской культуры. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1980. С. 3–26.

Максименков Г.А. Могильник окуневской культуры у села Лебяжье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск : Наука, 1981. С. 91–110.

Максименков Г.А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. 192 с.

Наглер А., Парцингер Г. Новые памятники окуневской культуры в Центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. С. 104–119.

Подольский М.Л. Два окуневских памятника на ручье Узунчул // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 113–122.

Поляков А.В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. СПб. : Инфо-ол, 2010. С. 75–80.

Поляков А.В. К вопросу о необходимости раскопок курганов окуневской культуры широкими площадями (на примере кургана 13 могильника Итколь II) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб. : ИИМК РАН; Арт-Экспресс, 2014. С. 332–355 (Труды ИИМК РАН. Т. XLII).

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. СПб., 2017а. №16. С. 52–74.

Поляков А.В. Особенности организации погребального пространства курганов окуневской культуры // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017б. Т. I. С. 337–339.

Поляков А.В., Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43, №2. С. 43–57.

Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. Вып. 5. С. 20–56.

Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. С. 157–190.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста : КНИИИФЭ, 1981. С. 29–66.

Хаврин С.В. Могильник Верхний Аскиз I, курган 1 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 65–79.

Хаврин С.В. Металлические изделия окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. С. 242–244.

Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // *Radiocarbon*. 2009. Vol. 51, №1. P. 243–273.

Svyatko S.V., Schulting R., Poliakov A.V., Ogle N., Reimer P.J. A lack of freshwater reservoir effects in human radiocarbon dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2017. V. 9. P. 1379–1388. DOI: 10.1007/s12520-016-0383-3.

## References

Aleksandrov S.V., Bokovenko N.A., Smirnov YU.A. Arheologicheskie pamyatniki doliny Chrnogo Iyusa na severe Hakasii [Archaeological Sites of the Black Iyus Valley in the North of Khakassia]. SPb., 2014. 154 p.

Vadeckaya E.B. Predmety vooruzheniya iz mogil okunevskoj kul'tury [Objects of Armament from the Graves of the Okunevskaya Culture]. *Voennoe delo drevnih plemen Sibiri i Central'noj Azii* [Military Science of Ancient Tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 13–21.

Vadeckaya E.B. Arheologicheskie pamyatniki v stepyah Srednego Eniseya [Archaeological Sites in the Steppes of the Middle Yenisei]. L. : Nauka, 1986. 180 p.

Vadeckaya E.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. Svod pamyatnikov afanas'evskoj kul'tury [Collection of Afanasievskaya Culture Sites]. Barnaul : Azbuka, 2014. 380 p.

Gromov A.V. Antropologicheskie osobennosti naseleniya okunevskoj kul'tury [Anthropological Features of the Okunevskaya Culture Population]. *Problemy izucheniya okunevskoj kul'tury* [Problems of the Okunevskaya Culture Study]. SPb. : Muzej antropologii i ehtnografii RAN, 1995. Pp. 70–74.

Gromov A.V. Proiskhozhdenie i svyazi okunevskogo naseleniya Minusinskoj kotloviny [The Origin and Connections of the Okunevo Population of the Minusinsk Hollow]. *Okunevskij sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunevskii Sbornik. Culture. Art. Anthropology]. SPb. : Petro-RIF, 1997. Pp. 301–345.

Kazarnickij A.A. Paleoantropologiya ehpopi bronzy stepnoj polosy yuga Vostochnoj Evropy : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Paleoanthropology of the Bronze Age of the Steppe Zone in the South of Eastern Europe: Synopsis of the Dissertation ... Cand. Hist. Sciences]. M., 2011. 26 p.

Kirginekov E.N. Okunevskij kurgan okolo u. Mohov [Okunevsky Mound of the Mokhov]. *Okunevskij sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunevsky Collection. Culture. Art. Anthropology]. SPb. : Petro-RIF, 1997. Pp. 128–133.

Kirginekov E.N. Itogi issledovaniya kurgana Bol'shoe Kol'co v doline reki Kamysheta [Results of the Study of the Big Ring in the Kamysheta River Valley]. *Afnas'evskij sbornik* [Afnasievsky Collection]. Barnaul : Azbuka, 2010. Pp. 79–91.

Kirillova D.A., Podol'skij M.L. Sve Kyzyl haya na severe Hakasii [Sve Kyzyl Khaya in the North of Khakassia]. *Okunevskij sbornik 2. Kul'tura i ee okuzhenie* [Okunevsky Collection 2. Culture and its Environment]. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburg. un-та, 2006. Pp. 130–145.

Komarova M.N. Svoeobraznaya gruppa ehneoliticheskikh pamyatnikov na Enisee [A Peculiar Group of Eneolithic Site on the Yenisei]. *Problemy zapadosibirskoj arheologii. EHpoха kamnya i bronzy* [Problems of West Siberian Archaeology. Age of Stone and Bronze]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 76–90.

Lazaretov I.P. Okunevskie mogil'niki v doline reki Ujbat [Okunev Burial Grounds in the Uybat River Valley]. *Okunevskij sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunevsky Collection. Culture. Art. Anthropology]. SPb. : Petro-RIF, 1997. Pp. 19–64.

Lazaretov I.P. Okunevskie lichiny dzhojkского типа – markery drevnih putej [Okunevo Joy Type Faces are the Markers of Ancient Ways]. *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoj pisanicy. T. 2* [Rock Art in Modern Society. To the 290th Anniversary of the Scientific Discovery of the Tomsk Pisanitsa. Vol. 2]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2011. Pp. 59–64.

Leont'ev N.V. Antropomorfnye izobrazheniya okunevskoj kul'tury (problemy hronologii i semantiki) [Anthropomorphic Images of the Okunevskaya Culture (problems of chronology and semantics)]. *Sibir'*,

Central'naya i Vostochnaya Aziya v drevnosti: Neolit i epoha metalla [Siberia, Central and Eastern Asia in Antiquity: Neolithic and the Era of Metal]. Novosibirsk : Nauka, 1978. Pp. 88–118.

Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F., Esin Yu.N. Izvayaniya i stely okunevskoj kul'tury [The Statues and Steles of the Okunevskaya Culture]. Abakan : Hakasskoe kn. izd-vo, 2006. 236 p.

Leont'ev S.N. K voprosu o keramicheskoj tradicii okunevskoj kul'tury Srednego Eniseya [On the Question of the Ceramic Tradition of the Okunevskaya Culture of the Middle Yenisei]. Okunevskij sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie [Okunevsky Collection 2. Culture and its Environment]. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2006. Pp. 260–272.

Lipskij A.N. Afanas'evskie pogrebeniya v nizov'yah rek Esi i Tei [Afanasyevo Burials in the Lower Reaches of the Yoshi and Tei Rivers]. KSIIMK. 1954. Issue 25. Pp. 89–98.

Lipskij A.N., Vadeckaya E.B. Mogil'nik Tas Hazaa [The Tas Hazaa Burial Ground]. Okunevskij sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie [Okunev Collection 2. Culture and its Environment]. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2006. Pp. 9–52.

Maksimenkov G.A. Mogil'nik Chernovaya VIII – ehtalonnij pamyatnik okunevskoj kul'tury [The Chernovaya VIII Burial Ground – the Model Site of the Okunevskaya Culture]. E.B. Vadeckaya, N.V. Leont'ev, G.A. Maksimenkov. Pamyatniki okunevskoj kul'tury [The Sites of the Okunevskaya Culture]. L., 1980. Pp. 3–26.

Maksimenkov G.A. Mogil'nik okunevskoj kul'tury u sela Lebyazh'e [The Burial Ground of the Okunevskaya Culture near the Village of Lebyazhye]. Problemy zapadosibirskoj arheologii. Epoha kamnya i bronzy [Problems of West Siberian Archaeology. The Age of Stone and Bronze]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 91–110.

Maksimenkov G.A. Materialy po rannej istorii tagarskoj kul'tury [Materials on the Early History of the Tagarskaya Culture]. SPb. : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. 192 p.

Nagler A., Parcinger G. Novye pamyatniki okunevskoj kul'tury v Central'noj chasti Minusinskoj kotloviny [New Sites of the Okunevskaya Culture in the Central Part of the Minusinsk Hollow]. Okunevskij sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie [Okunevsky Collection 2. Culture and its Environment]. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2006. Pp. 104–119.

Podol'skij M.L. Dva okunevskih pamyatnika na ruch'e Uzunchul [Two Okunevo Sites on the Uzunkul Stream]. Okunevskij sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya [Okunevsky Collection. Culture. Art. Anthropology]. SPb. : Petro-RIF, 1997. Pp. 113–122.

Polyakov A.V. Pominal'noe sooruzhenie okunevskoj kul'tury na ozere Itkol' [Memorial Construction of the Okunevskaya Culture on Lake Itkol]. Drevnie kul'tury Evrazii [Ancient Cultures of Eurasia]. SPb. : Info-ol, 2010. Pp. 75–80.

Polyakov A.V. K voprosu o neobходимosti raskopok kurganov okunevskoj kul'tury shirokimi ploschadnyami (na primere kurgana 13 mogil'nika Itkol' II) [On the Question of the Need to Excavate the Mounds of Okunevskaya Culture with Wide Areas (on the example of burial mound 13 of the Itkol II burial ground)]. Arheologiya drevnih obshchestv Evrazii: hronologiya, kul'turogenез, religioznye vozzreniya [Archaeology of the Ancient Societies of Eurasia: Chronology, Culturogenesis, Religious Views]. SPb. : IIMK RAN; Art-EHkspress, 2014. Pp. 332–355.

Polyakov A.V. Radiouglerodnye daty okunevskoj kul'tury [Radiocarbon Dates of the Okunevskaya Culture]. Zapiski IEMK RAN [Notes of the IIMK RAN]. SPb, 2017a. №16. Pp. 52–74.

Polyakov A.V. Osobennosti organizacii pogrebal'nogo prostranstva kurganov okunevskoj kul'tury [Features of the Organization of the Burial Space of the Burial Mounds of the Okunevskaya Culture]. Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017b. Vol. I. Pp. 337–339.

Polyakov A.V., Esin YU.N. Miniaturnye izobrazheniya iz pogrebeniya okunevskoj kul'tury na ozere Itkul' v Hakasii [Miniature Images from the Burial of the Okunevskaya Culture on Lake Itkul in Khakassia]. Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2015. Vol. 43, №2. Pp. 43–57.

Polyakov A.V., Svyatko S.V. Radiouglerodnoe datirovanie arheologicheskikh pamyatnikov neolita – nachala zhelezного века Srednego Eniseya: obzor rezul'tatov i novye dannye [Radiocarbon Dating of Ar-

archaeological Sites of the Neolithic – the Beginning of the Iron Age of the Middle Yenisei: a Review of the Results and New Data]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. Issue 5. Pp. 20–56.

Savinov D.G. O vydelenii stilej i ikonograficheskikh grupp izobrazhenij okunevskogo iskusstva [On the Distinguishing of Styles and Iconographic Groups of Images of Okunevo Art]. *Okunevskij sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie* [Okunevsky Collection 2. Culture and its Environment]. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2006. Pp. 157–190.

Sinicyn I.V., EHrdniev U.EH. Drevnosti Vostochnogo Manycha [Antiquities of the Eastern Manych]. *Arheologicheskie pamyatniki Kalmykii ehpoi bronzy i srednevekov'ya* [Archaeological Sites of Kalmykia of the Bronze Age and the Middle Ages]. EHlista : KNIIFEH, 1981. Pp. 29–66.

Havrin S.V. Mogil'nik Verhnij Askiz I, kurgan 1 [Upper Askiz-I Burial Ground, Barrow 1]. *Okunevskij sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunevsky Collection. Culture. Art. Anthropology]. SPb. : Petro-RIF, 1997. Pp. 65–79.

Havrin S.V. Metallicheskie izdeliya okunevskoj kul'tury [Metal Products of the Okunevskaya Culture]. *Okunevskij sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie* [Okunevsky Collection 2. Culture and its Environment]. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2006. Pp. 242–244.

Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J. New Radiocarbon Dates and a Review of the Chronology of Prehistoric Populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia // *Radiocarbon*. 2009. Vol. 51, №1. P. 243–273.

Svyatko S.V., Schulting R., Poliakov A.V., Ogle N., Reimer P.J. A Lack of Freshwater Reservoir Effects in Human Radiocarbon Dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2017. V. 9. P. 1379–1388. DOI: 10.1007/s12520-016-0383-3

**I.P. Lazaretov, A.V. Polyakov**

*Institute of the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia*

## **INVESTIGATIONS OF THE UIBAT CHARKOV BURIAL GROUND AND NEW DATA ON THE EARLY STAGE OF THE OKUNEVSKAYA CULTURE DEVELOPMENT**

The article presents the results of archaeological excavations of burial mound no. 1 of the Uibat-Charkov burial ground (Ust-Abakan district of the Republic of Khakassia) and their scientific interpretation. This mound dates from the early Uibat stage of the Okunevskaya culture and can be regarded as a reference site of that period (the Early Bronze Age). In the course of its research, various 17 graves were found including unique structures. The central burial was made in a pit about 4.5 meters in depth. Of great scientific importance is the discovery in this mound of three burials in the catacombs. This is confirmed by the observations of specialists on the links between the Okunevskaya culture and the catacomb cultural-historical community. During the research, the discovery was made of a series of fragments of plates with traditional images of the Okunevskaya culture. Of particular importance is the face of the “Joy” type, found on one of the catacomb’s plates. Earlier it was assumed that these images are dated by the finale of the Okunevskaya culture. A new find allows us to relate this type of images to the early Uibat stage and to revise the ideas about the development of Okunev art in many respects. Based on a series of five radiocarbon dates of the undisturbed grave-11, the approximate age of the mound was determined by 25<sup>th</sup>–28<sup>th</sup> centuries BC. In connection with the research of this site, one can again return to the problem of the origin of the Okunevskaya culture. There is a large number of analogies with the sites of the Late-Pit Grave and the Pit Grave -Catacomb time of the North-Western Caspian.

*Key words:* Khakassko-Minusinsk hollow, Uibat-Charkov, barrow, Okunevskaya culture, Uibat stage, early Bronze period.

## КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ПОСЕЛЕНИЯ СУЧУ (1975 год, раскоп I, жилище В)\*

Представлены результаты анализа каменной индустрии неолитического жилища В поселения на нижеамурском острове Сучу (раскоп I, 1975 г.). Коллекция артефактов насчитывает 2082 экземпляра. Сырьевую базу каменного инвентаря составляют в основном осадочные (алевролиты, аргиллиты, песчаники), магматические (эффузивы) и кремнистые (кремни, яшмы, халцедоны, кварциты) породы. Технологию первичного расщепления в каменной индустрии жилища характеризуют преимущественно торцовые клиновидные и подпризматические, а также единично – карандашевидный нуклеусы. В орудийном наборе отмечены метательные (наконечники стрел, дротиков), режущие (ножи, вкладыш), пилящие, рубящие и комбинированные орудия, скребки различных модификаций, а также проколки. Единично представлены рыболовные грузила, навершия булав, камень с лунками. Морфотипологический и технико-технологический анализы позволяют определить вероятную культурную и хронологическую принадлежность комплекса в первую очередь среднеолитической малышевской и позднеолитической вознесенской культурам, что подтверждается основными массивами керамики из материалов жилища.

*Ключевые слова:* Нижнее Приамурье, поселение Сучу, неолит, каменная индустрия, первичное расщепление, орудийный набор, комплексные исследования.

**DOI:** 10.14258/tpai(2018)3(23).-04

### *Введение*

Нижнее Приамурье относится к числу регионов Северо-Восточной Азии, которые характеризуются весьма ранней неолитизацией. Начало этих процессов связано с юго-западной частью региона, где преимущественно в пределах Среднеамурской равнины в конце плейстоцена развивалась осиповская культура (XII–IX тыс. до н.э.). Феномен неолитизации выражен рядом признаков [Медведев, 2005, с. 235–243; 2017; Шевкомуд, Яншина, 2010, с. 130–131; 2012, с. 248; Шевкомуд, 2015, с. 151]. В индустрии камня это технологии обработки (шлифование, пикетаж, сверление, пиление), орудия (наконечники стрел, топоры и тесла, грузила).

Вероятными восприимчивыми культурных традиций «осиповцев» стали раннеголоценовые нижеамурские культуры: мариинская (VIII–VII тыс. до н.э.), кондонская (середина VII – 1-я половина V тыс. до н.э.) и малышевская (2-я половина VII – рубеж IV – III тыс. до н.э.). И хотя, как отмечается, «амурские памятники демонстрируют существенный разрыв с предшествующими – фасиальными в своей основе – традициями камнеобработки», но при этом сохраняются и совершенствуются все неолитические приобретения [Шевкомуд, Яншина, 2012, с. 243–244; Шевкомуд, 2015, с. 142, 151]. Завершаются же эти процессы в период бытования носителей вознесенской культуры (начало III – 1-я четверть II тыс. до н.э.) и финально-неолитических комплексов [Медведев, 2017].

Цель данной публикации – введение в научный оборот в полном объеме не опубликованных до этого материалов по каменной индустрии из жилища В (раскоп I, 1975 г.) поселения на острове Сучу, их морфотипологический и технико-типологический ана-

---

\* Исследование выполнено в рамках проекта НИР (программа XII. 186. 1).

лизы. Важно, что коллекция керамики из указанного жилища содержит образцы гончарного производства всех названных выше культур и комплексов, за исключением мариинской, что отчасти дает возможность определения культурно-хронологической принадлежности каменного инвентаря.

### **Материалы и методы исследования**

Коллекция каменного инвентаря из материалов раскопок жилища В поселения на острове Сучу (раскоп I, 1975 г.) насчитывает в общей сложности 2082 экз. Для определения сырья (пород камня) проведено петрографическое исследование методом оптической микроскопии 55 образцов с изготовлением 21 прозрачного шлифа. Анализ осуществлен Н.В. Бердниковым, канд. геол.-минер. наук, заведующим лабораторией физико-химических методов исследования, руководителем Хабаровского инновационно-аналитического центра Института тектоники и геофизики ДВО РАН (г. Хабаровск), на поляризационном оптическом микроскопе Imager A2m. Для определения характерных признаков каменных изделий проведены морфотипологический и технико-типологический анализы. Методическую основу составили разработки российских ученых [Дервянко и др., 1994].

### **Результаты исследования**

Сырьевой базой каменной индустрии жилища В поселения Сучу служили в основном осадочные (алевролиты, аргиллиты, песчаники), магматические (эффузивы\*) и кремнистые (кремни, яшмы, халцедоны, кварциты) породы. В незначительном количестве использовались гранитоиды, различные базальты, окаменелое дерево. Результаты петрографического анализа представлены в таблице.

Результаты петрографического анализа артефактов  
из жилища В (поселение Сучу, раскоп I, 1975 г.)

№ п/п	Шифр образца	Полевой шифр	Квадрат	Глубина, см	Шлиф	Порода
1	Су-1	Су-75/178	39/Р	60	–	Кремень
2	Су-2	Су-75/182	39/Р	60	–	Яшма
3	Су-3	Су-75/236	50/Ж	40	–	Эффузив
4	Су-4	Су-75/237	50/Ж	40	–	Эффузив
5	Су-5	Су-75/238	50/Ж	40	Шлиф	Окварцованная брекчия
6	Су-6	Су-75/545	48/О	40	–	Яшма
7	Су-7	Су-75/546	48/О	40	Шлиф	Песчаник
8	Су-8	Су-75/547	48/О	40	Шлиф	Алевролит
9	Су-9	Су-75/548	48/О	40	–	Яшма
10	Су-10	Су-75/551	48/О	40	–	Эффузив
11	Су-11	Су-75/554	48/О	40	–	Яшма
12	Су-12	Су-75/1043	50/С	60	–	Эффузив
13	Су-13	Су-75/1354	49/И	60	–	Яшма
14	Су-14	Су-75/1940	51/П	60	–	Яшма
15	Су-15	Су-75/1952	51/П	60	Шлиф	Песчаник
16	Су-16	Су-75/2178	43/У	60	Шлиф	Алевролит

\* Применительно к исследованным образцам – это стекловатые породы, близкие к обсидианам, преимущественно кислого состава, частично раскристаллизованные и выветренные.

№ п/п	Шифр образца	Полевой шифр	Квадрат	Глубина, см	Шлиф	Порода
17	Су-17	Су-75/2242	52/Е	40	–	Кремень
18	Су-18	Су-75/2883	43/П	60	–	Эффузив
19	Су-19	Су-75/3726	51/И	80	–	Эффузив
20	Су-20	Су-75/4694	41/Н	80	Шлиф	Алевролит
21	Су-21	Су-75/5009	38/П	80	–	Яшма
22	Су-22	Су-75/5161	41/Т	100	Шлиф	Алевролит
23	Су-23	Су-75/5252	48/Р	120	Шлиф	Эффузив
24	Су-24	Су-75/5337	49/Ж	100	–	Эффузив
25	Су-25	Су-75/5612	50/З	100	Шлиф	Аргиллит
26	Су-26	Су-75/5939	41/К	80	Шлиф	Эффузив
27	Су-27	Су-75/6052	40/Л	90	Шлиф	Песчаник
28	Су-28	Су-75/6124	40/М	80	–	Эффузив
29	Су-29	Су-75/6280	50/О	130	Шлиф	Эффузив
30	Су-30	Су-75/6810	50/К	150	–	Кремень
31	Су-31	Су-75/8106	42/К	145	Шлиф	Аргиллит
32	Су-32	Су-75/8301	46/Е	80	–	Халцедон
33	Су-33	Су-75/8342	41/Ж	80	–	Эффузив
34	Су-34	Су-75/8344	41/Ж	80	Шлиф	Песчаник
35	Су-35	Су-75/8535	53/К	110	–	Эффузив
36	Су-36	Су-75/8543	54/М	110	–	Эффузив
37	Су-37	Су-75/8742	39/П	120	Шлиф	Эффузив
38	Су-38	Су-75/8997	41/Р	120	Шлиф	Песчаник
39	Су-39	Су-75/9053	42/Н	120	–	Яшма
40	Су-40	Су-75/9146	49/Ж	140	Шлиф	Эффузив
41	Су-41	Су-75/9334	51/И	150	–	Яшма
42	Су-42	Су-75/10303	46/Р	пол	–	Кварцит
43	Су-43	Су-75/11052	48/Г	пол	–	Яшма
44	Су-44	Су-75/11208	37/О	120	Шлиф	Эффузив
45	Су-45	Су-75/11349	54/Ж	140	–	Эффузив
46	Су-46	Су-75/11351	55/З	140	–	Кремень
47	Су-47	Су-75/11431	Неолитическое захоронение из заполнения жилища		Шлиф	Аргиллит
48	Су-48	Су-75/11469	Там же		–	Яшма
49	Су-49	Су-75/11473	Там же		–	Кремень
50	Су-50	Су-75/12669	41/Т	150	–	Кремень
51	Су-51	Су-75/12686	42/Р	150	–	Яшма
52	Су-52	Су-75/12687	42/Р	150	Шлиф	Кварцит
53	Су-53	Су-75/б/н	42/Р	150	–	Кремень
54	Су-54	Су-75/б/н	42/Р	150	Шлиф	Эффузив
55	Су-55	Су-75/б/н	42/Р	150	–	Кремень

Использовался преимущественно крупногалечник (15–10 см) и мелкогалечник (10–5 см) различных цветов, реже – мелковалунник (25–15 см).



Инструментарий (рис. 1.-1-4) состоит из 21 экз. (1%) и включает в себя два отбойника, два лошिला, точильные камни-абразивы (10 целых и 5 в обломках), шлифовальную и точильную плиты. Последняя – подовальная в плане и подпрямоугольная в сечении с боковыми сторонами, подправленными сколами и подточенными, – использовалась и как наковальня: на верхней ее поверхности имеются мелкие выбоины, тонкие трасы. Размеры: 21,5×12,8×2,7 см. Отбойник – гранитоидная галька удлиненной подтреугольной в плане формы, треугольной в сечении, с обломанным нижним концом. На плоских сторонах – пришлифовка, на одной боковой грани и спинке – выбоины, на боковых гранях – сколы для креплений, на обушке – затертости. Размеры: 12,0×6,3×4,3 см. Еще одна алевролитовая галька (6,8×2,6×1,6) подпрямоугольной в плане и сечении формы, с одним обломанным концом, также могла служить отбойником. Лошिला и точильные камни-абразивы – плоские, разнообразные по форме гальки, в основном среднезернистых пород, со следами шлифовки или правки орудий. На одном образце из крупнозернистой породы на двух сторонах – трасы-желобки шириной 0,5–0,7 см и глубиной 0,2–0,25 см. Размеры от 4,4×1,8×1,6 до 10,3×7,0×1,4 см.

Нуклеидные формы (рис. 1.-5-8), насчитывающие 97 экз. (4,6%), включают пять нуклеусов, 17 микронуклеусов и 71 нуклеидный обломок.

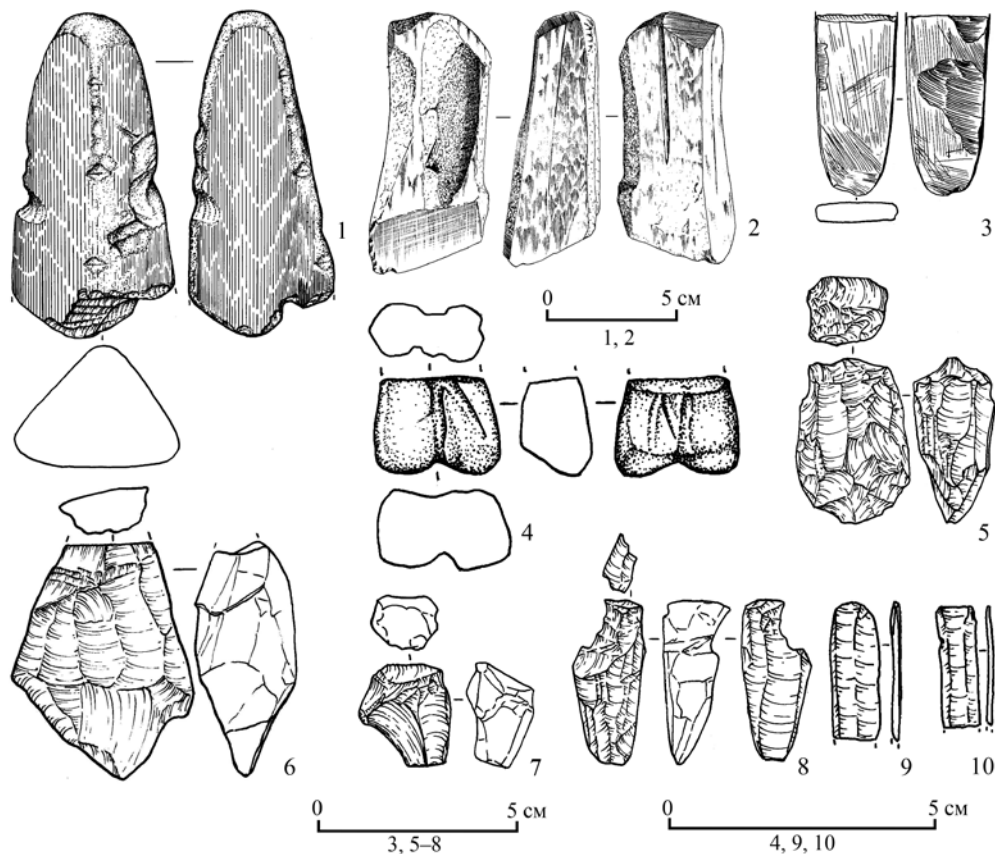


Рис. 1. Инструментарий (1-4), нуклеусы (5-8) и ножевидные пластины (9, 10): отбойник – 1, точильные камни – 2, 4, лошило – 3. Поселение Сучу, раскоп I (1975 г.), жилище В

Выделяются нуклеусы двух типов: 1) клиновидные (6 экз.) одноплощадные с приостренным и притупленным основаниями; площадки прямые, естественно гладкие и скошенная; 2) подпризматические (3 экз.) одноплощадный с приостренным основанием и двуплощадные; площадки скошенные. На торцовых сторонах следы снятий ножевидных пластин, отщепов, на боковых – отщепов, сколов. Размеры от 5,7×4,4×2,4 до 8,4×4,9×3,5 см.

Микронуклеусы представлены тремя типами: 1) клиновидные (6 экз.) одноплощадные с приостренным основанием; 2) подпризматические (10 экз.) одноплощадные с приостренным и прямым основаниями и двуплощадные; у обоих типов площадки прямые, естественно гладкие или оформленные одним сколом, и скошенные; на торцовых сторонах следы снятий микропластинок, на боковых – отщепов, сколов; 3) карандашевидный (1 экз.), одноплощадный с приостренным основанием; площадка прямая, фасетированная; на всех сторонах негативы снятий микропластинок. Размеры от 2,0×1,4×0,9 до 4,5×3,2×1,5 см.

Основным типом заготовки для нуклеусов и микронуклеусов служили мелкие гальки преимущественно кремнистых пород (13 экз.), реже алевролиты (5 экз.), единично аргиллит, кварцит и эффузив.

Индустрия сколов включает в себя отщепы и пластины, всего 1525 экз. (73,2%).

Отщепы – 1072 экз. (51,5% – в индустрии камня в целом, 70,3% – в индустрии сколов). Среди отщепов преобладают средние экземпляры\* (55,3%), далее по количеству следуют мелкие (33,5%) и крупные (11,2%) заготовки. По соотношению длины к ширине наиболее многочисленными являются удлиненные сколы (54,2%), далее по количеству следуют укороченные и короткие изделия (38,6 и 7,2% соответственно).

Остаточные ударные площадки преимущественно гладкие (30,6%), реже точечные (14%), двухгранные (13,3%) и фасетированные (10,7%). Экземпляры с другими типами площадок – естественно гладкой (6,7%), линейной (5,4%) и неопределенной (7,5%) – менее представительны. На долю площадок с подправкой приходится 11,8%. Дорсальная огранка отщепов в большинстве случаев продольная однонаправленная (31,6%). Далее по количеству следуют сколы с гладкой (18,5%) дорсальной стороной, бессистемной (14,7%), подперекрестной (12,6%), ортогональной (10,6%) и радиальной (8%) огранкой. Содержание изделий с продольной бинаправленной огранкой составляет 4%. Доля целых отщепов с полным покрытием естественной поверхностью составляет 7,3%, частичным покрытием – 31,3%. Есть отщепы со шлифованных орудий (6,7%).

Пластины (рис. 1.-9, 10) – 46 экз. (2,2% в индустрии камня в целом и 3% в индустрии сколов). Целые изделия насчитывают 34 экз. (73,3%). По размеру преобладают средние\*\* (52,9%) и мелкие (44,1%) экземпляры. Чуть больше трети (38,2%) их имеет гладкую остаточную ударную площадку. На долю пластин с точечной площадкой приходится 26,5%, неопределимой – 17,6%, фасетированной – 8,8%, с двугранной и линейной площадками – 5,9% и 3% соответственно. Пластины с редуцией карниза остаточной ударной площадки составляют 32,3%. Огранка дорсальной поверхности пластин преимущественно продольная однонаправленная (58,8%) или бинаправленная (26,4%). Единичные экземпляры имеют конвергентную (11,8%) и ортогональную (3%) огранку. Доля целых пластин с участками естественной поверхности составляет 8,8%, фрагментированных – 3%.

\* Здесь и далее – в индустрии сколов.

\*\* Здесь и далее – в индустрии сколов.

К категории отходов производства относится 415 экз. (19,9% в индустрии камня в целом и 26,7% – в индустрии сколов), включающих восемь колотых галек и 407 осколков.

Орудийный набор (рис. 2–5) представлен 370 экз. (184 целых, а также 108 обломков и 78 заготовок орудий), что составляет 17,8% от индустрии в целом и 22,2% без учета отходов производства.

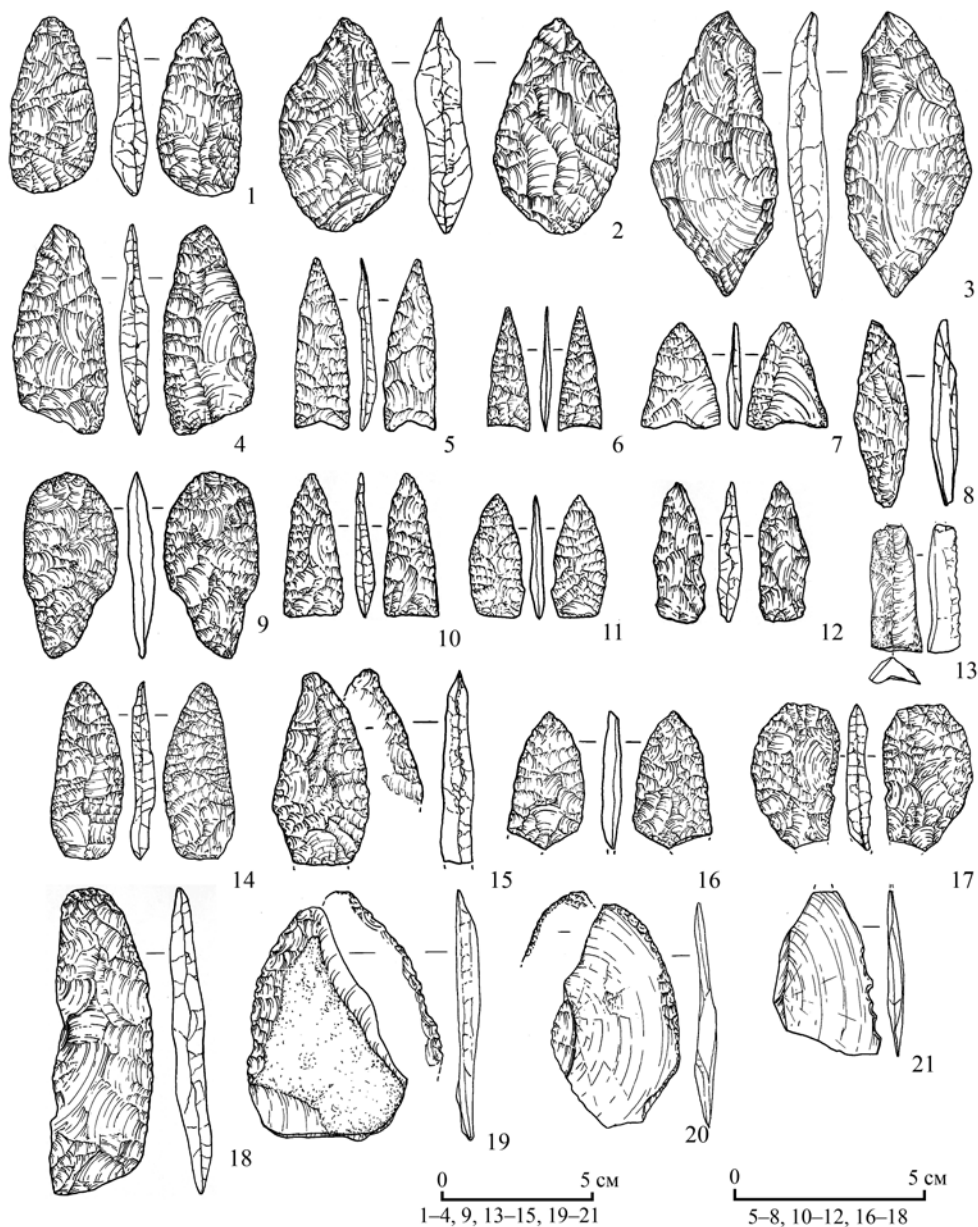


Рис. 2. Метательные (1–8, 10–12), режущие (9, 14–21) и пилящее (13) орудия: наконечники дротиков – 1–4, наконечники стрел – 5–8, 10–12; ножи – 9, 14–21; пила – 13. Поселение Сучу, раскоп I (1975 г.), жилище В

*Метательные орудия* – наконечники дротиков (рис. 2.-1–4) и стрел (рис. 2.-5–8, 10–12).

*Наконечники дротиков* – 17 экз. (4,6%)\*: один целый и 16 обломков – бифасы. Целый экземпляр листовидной в плане и линзовидной в сечении формы размером 5,9×2,4×0,9 см. Обе плоские его стороны покрыты покрывающей ретушью, края обработаны параллельной и субпараллельной полукрутой ретушью. У основания выделен небольшой черешок, острие подработано краевой ретушью. В коллекции имеются незначительные по размерам обломки базовых сегментов крупных бифасов с выделенными черешками (рукоятью?), а также с закругленными основаниями. Из-за отсутствия целых форм они сложны в определении, но предположительно являются фрагментами наконечников дротиков.

*Наконечники стрел* многочисленны и представлены 55 экз. (14,9%): 37 целых, 15 обломков и три заготовки. Есть бифасы (10 экз.) и орудия на отщепах. Можно выделить три типа наконечников стрел: 1) удлинненно-треугольные с прямым или выемчатым основанием; 2) листовидные с прямым или выемчатым основанием; 3) иволистные с закругленным основанием. Для всех типов характерна бифасиальная обработка, в том числе параллельной и субпараллельной, захватывающей и ступенчатой, полукрутой и крутой ретушью. Размеры целых изделий от 2,45×1,3×0,15 до 4,9×1,5×0,7 см. Преобладают изделия с параметрами 3,3×1,5×0,2–0,3 см.

*Режущие и пилящее орудия* – ножи (рис. 2.-9, 14–21), вкладыш и пила (рис. 2.-13).

*Ножи* – 54 экз. (14,6%): 26 целых, 18 обломков и 10 заготовок. Бифасы (14) преимущественно листовидной, реже подовальной или коленчатой в плане и линзовидной в сечении формы. Плоские стороны, как правило, покрыты фасетками покрывающей ретуши, края обработаны двусторонней краевой параллельной и субпараллельной крутой и/или полукрутой ретушью. У листовидных по форме изделий может быть выделен обушок. «Рыбные» ножи (6) – характерной коленчатой в плане, линзовидной в сечении формы. Плоские стороны могут быть обработаны крупной захватывающей параллельной полукрутой ретушью, рабочие края приострены сколами и краевой параллельной крутой ретушью, рукояти выделены продольными (со спинки) и поперечными (с брюшка) сколами. Есть ножи на отщепах (6). Размеры целых изделий от 2,4×1,3×0,15 до 7,9×5,1×0,7 см. Есть один крупный экземпляр (10,1×3,1×0,9 см), но большая часть (17 из 26) – от 3,1×2,6×0,6 до 6,2×2,0×0,8 см в среднем.

*Пила* на аргиллитовом сколе со шлифованного орудия, прямоугольной в плане и треугольной в сечении формы. На спинке продольное ребро с зубчатыми сколами, на одной грани сохранились остатки шлифовки. Размеры: 4,3×1,7×1,2 см.

*Рубящие орудия* – топоры (рис. 3.-1, 5), тесла (рис. 3.-2, 3, 6–13) и стамеска (рис. 3.-4) – преимущественно из средних размеров алевролитовых галек.

*Топоры* – 12 экз. (3,2%): пять целых и пять обломков обушковых и срединных частей, две заготовки – подпрямоугольной в плане и сечении формы. Изготовлены оббивкой; поверхности подшлифованы. Обушки, как правило, выровнены сколом. Лезвия – нередко со следами износа – симметрично заточены. Размеры целых изделий от 7,2×2,5×2,7 до 10,5×4,5×4,0 см, обломков – от 5,2×4,1×3,35 до 6,5×4,9×3,8 см.

*Тесла* – 71 экз. (19,2%): 29 целых, 36 обломков и шесть заготовок – отличаются разнообразием форм. Можно выделить четыре типа изделий: 1) подтрапециевидные в плане (30 экз.), линзовидные (14), прямоугольные (9), трапециевидные (6) и треугольные

\* Здесь и далее – от орудийного набора.

(1) в сечении; 2) прямоугольные в плане (19 экз.), прямоугольные (12), линзовидные (4), трапециевидные (2) и треугольные (1) в сечении; 3) треугольные в плане (6 экз.), прямоугольные (5) и треугольные (1) в сечении; 4) овальные в плане и в сечении (2 экз.). У изделий на спинке, реже – брюшке наблюдаются следы оббивки; на всех поверхно-

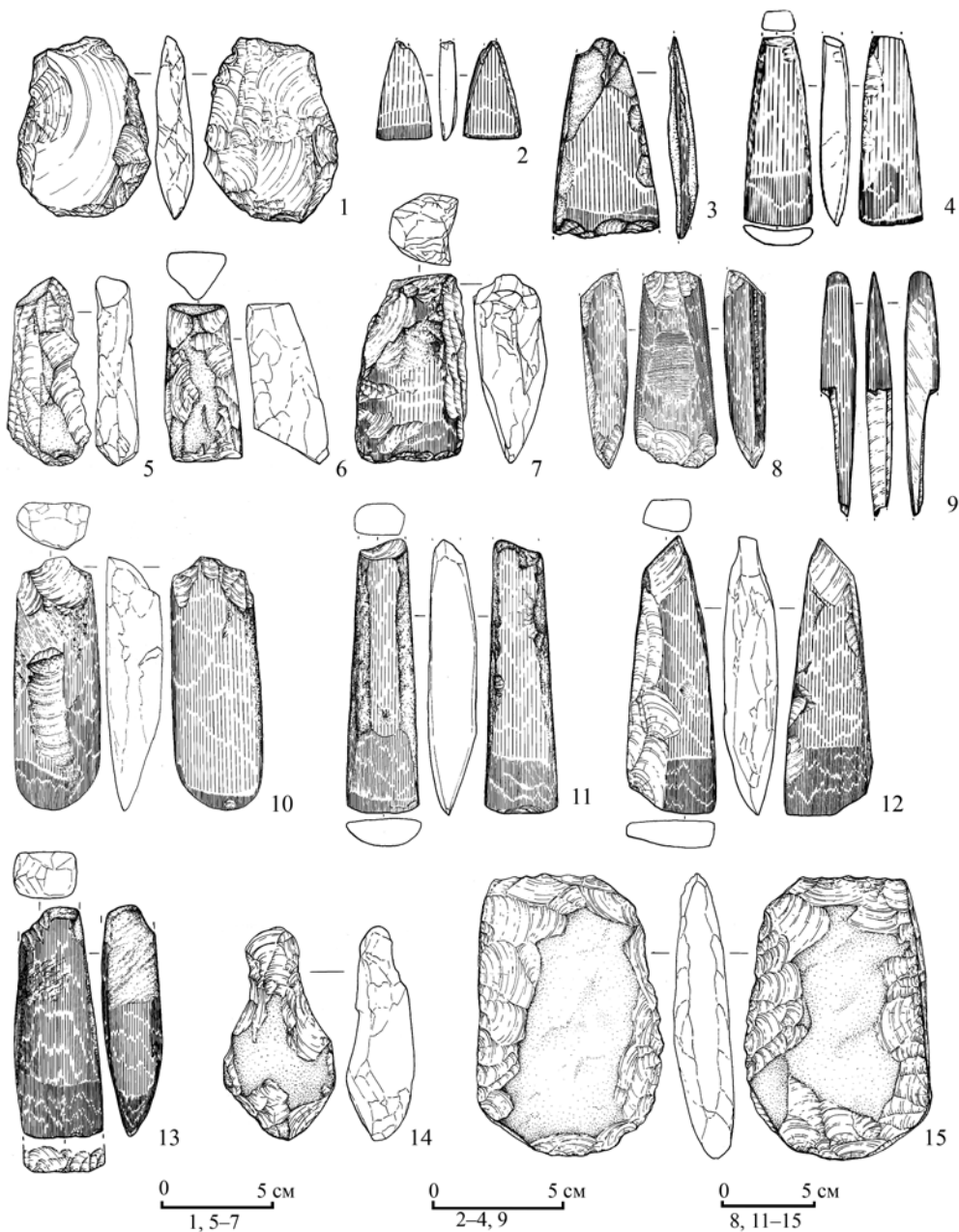


Рис. 3. Рубящие (1–13) и тесловидно-скребловидные (14, 15) орудия: топоры – 1, 5; тесла – 2, 3, 6–13; стамеска – 4. Поселение Сучу, раскоп I (1975 г.), жилище В

стях – шлифовка, реже – полировка, на боковых сторонах – заточка. Обушки приостренные, закругленные или прямые. Лезвия с выщерблинами, зубуринами, сколами, асимметрично заточенные. Размеры целых изделий от  $3,8 \times 2,2 \times 0,6 \times 0,7$  до  $15,3 \times 3,2 \times 2,3$  см; преобладают средние – от  $6,1 \times 4,1 \times 2,7$  до  $10,4 \times 4,5 \times 3,0$  см – параметры.

*Статеска* ( $7,4 \times 2,5 \times 1,1$  см) удлиненной подтрапещевидной в плане и подпрямоугольной в сечении формы. На спинке и брюшке – следы оббивки, на всех поверхностях – шлифовка, на боковых сторонах – подточка. Обушок скошен, подточен, лезвие с выемкой, без следов износа, заточено асимметрично под углом  $30^\circ$ .

*Тесловидно-скребловидные орудия* – 5 экз. – подпрямоугольной или подовальной (есть с выделенной рукоятью) в плане, подпрямоугольной или линзовидной в сечении формы. На спинке и на брюшке формообразующие сколы, остатки галечной корки. Лезвия асимметрично заточены, сильно изношены (выщерблины, забитость). Размеры: от  $5,2 \times 3,8 \times 1,4$  до  $12,9 \times 8,7 \times 2,6$  см.

*Скрепки и скребла* – 102 экз. (27,6%) (рис. 4.-1–11, 19).

*Скрепки* – 96 экз. (25,9%): 51 целый, один обломок и 44 заготовки. Эта самая многочисленная категория орудий отличается также разнообразием модификаций. Среди целых изделий можно выделить: 1) концевые (20); 2) концевые-боковые (19); 3) угловатые (5); 4) боковой (1); 5) угловой (1); 6) двуконцевой (1); 7) двуконцевой-боковой (1); 8) скошенно-угловой (1). Рабочие края обработаны краевой параллельной или субпараллельной, преимущественно крутой ( $45\text{--}70^\circ$ ), реже вертикальной ( $85^\circ$ ), полукрутой ( $30\text{--}40^\circ$ ) или плоской ( $25\text{--}28^\circ$ ) ретушью. Размерный ряд от  $2,0 \times 1,7 \times 0,6$  до  $5,9 \times 2,8 \times 0,9$  см; доминируют средние образцы:  $2,0 \times 1,7 \times 0,6\text{--}2,9 \times 1,9 \times 0,9$  см (21) и  $3,1 \times 1,8 \times 0,8\text{--}4,6 \times 3,5 \times 0,75$  см (17). Заготовками служат гальки, отщепы и даже сколы со шлифованных орудий. Представлены кремний (31), алевролит (25), в том числе окремненный, яшма (13), халцедон (8), кварцит (6), эффузивы (6) и аргиллит (3).

*Скребла* – 6 экз. – разных модификаций: 1) простое продольное выпуклое; 2) простое поперечное выпуклое; 3) с противоположащими лезвиями (2); 4) конвергентное (2). Изделия подпрямоугольной, подовальной или коленчатой в плане, линзовидной в сечении формы; есть подтреугольное и подтрапещевидное в плане и в сечении. Рабочие края подработаны крутыми ступенчатыми сколами или крупной крутой ступенчатой ретушью. Лезвия со следами сильного износа: выщерблены, сильно забиты или затуплены, заглажены. На одном скребле следы креплений на спинке и боковых сторонах. Размеры: от  $5,2 \times 3,9 \times 2,5$  до  $8,7 \times 3,9 \times 2,0$  см. Заготовками служили алевролитовые гальки, массивные отщепы и сколы. Один экземпляр изготовлен из скола со шлифованного орудия.

*Проколки* – 17 экз. (4,6%): 12 целых и пять заготовок. В большинстве двух видов: срединные и плечиковые срединные. Они главным образом ромбовидной или подтреугольной в плане и подтреугольной в сечении формы. Острия преимущественно обработаны двусторонней краевой приостряющей параллельной ретушью. Размеры варьируют от  $2,6 \times 1,5 \times 0,8$  до  $4,6 \times 1,6 \times 1,2$  см, но есть крупный экземпляр ( $9,6 \times 5,1 \times 1,7$  см). Заготовками служат гальки, отщепы, сколы со шлифованных орудий. Представлены кремний (6), алевролит (6), яшма (2), кварцит (2), халцедон (1).

Алевролитовое острие – иволистной в плане, уплощенно-линзовидной в сечении формы. Обе плоские и обе боковые поверхности, обушок – со следами шлифовки. Острие асимметрично подправлено сколами, подточено, с одного края сбито. Размеры:  $7,1 \times 2,0 \times 0,4$  см.

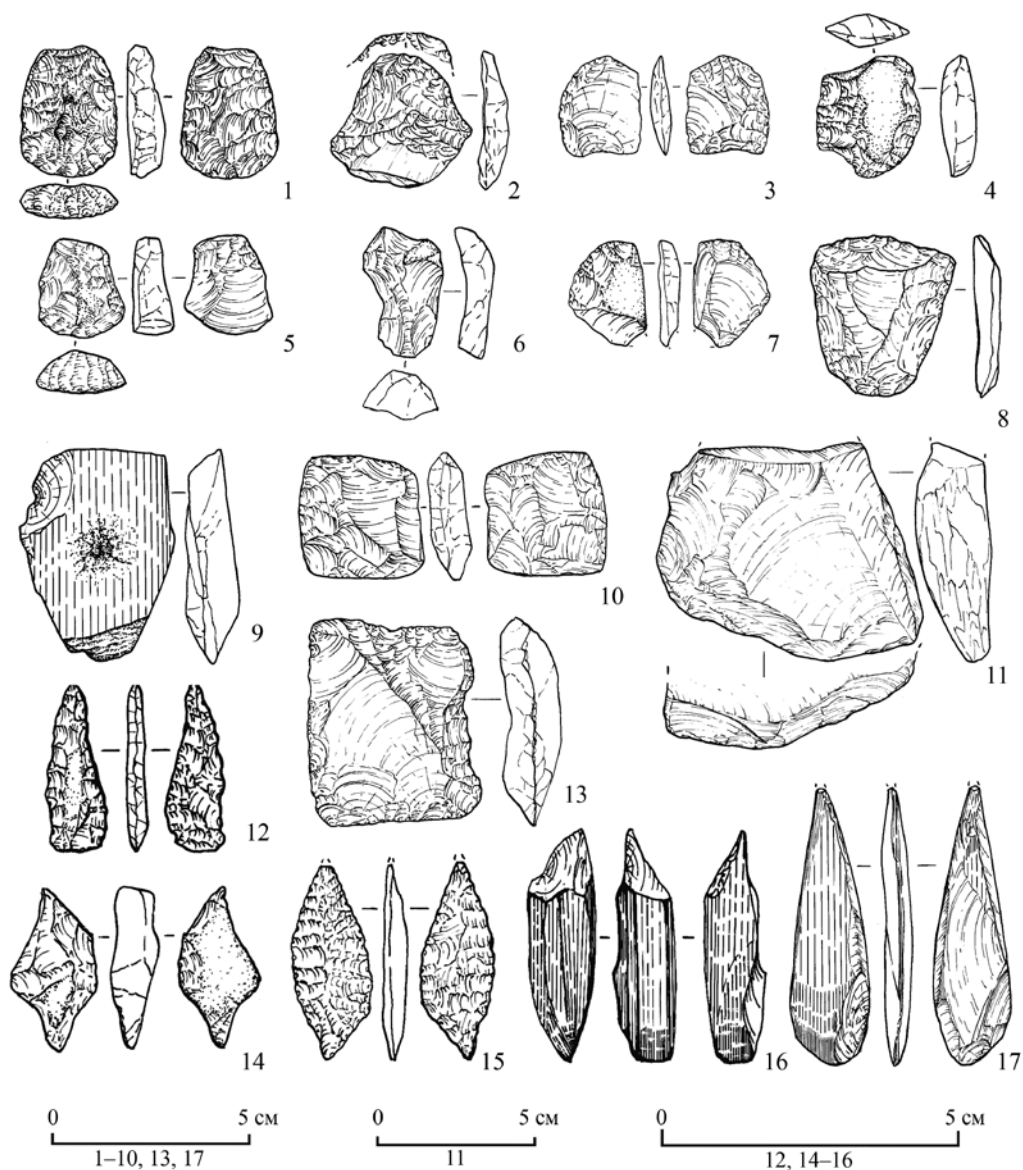


Рис. 4. Скребки (1–10), скребла (11, 13), проколки (12, 14–16) и острие (17).  
Поселение Сучу, раскоп I (1975 г.), жилище В

Комбинированные орудия – 27 экз. (14,7%) – разнообразны (рис. 5. 1–3, 5–9). Представлены комбинации двух (скребок-проколка (13), нож-скребок (5), скребок – выемчатое орудие (2), нож-проколка) и трех видов орудий (нож-скребок-проколка (2) и резец-скребок-проколка). Видовой состав и размерный ряд повторяет соответствующие типы орудий. Кроме указанных видов комбинированных орудий есть землеройное орудие с признаками применения его в качестве наковальни и точильный камень, использовавшийся также как отбойник, пест и наковальня.

Прочие орудия зафиксированы единично или в обломках (рис. 5.-10, 12, 13).

Одно целое массивное *грузило-якорь* и три обломка *грузил* из гранита, округлой и конусовидной в плане, полукруглой и овальной в сечении формы размерами 5,9×4,3×2,5 и 5,2×4,7×2,3 см. Изготовлены оббивкой; поверхности пришлифованы. Три обломка *навершия булавы* из песчаника, полукруглой в плане, подрапечиевидной в сечении формы. Изготовлены оббивкой. Размер самого крупного обломка – 7,2×4,5×4,0 см. *Ударное орудие* из аргиллита размером 8,5×5,4×3,6 см. Листовидной в плане, подпрямоугольной в сечении формы. Изготовлено оббивкой и шлифовкой.

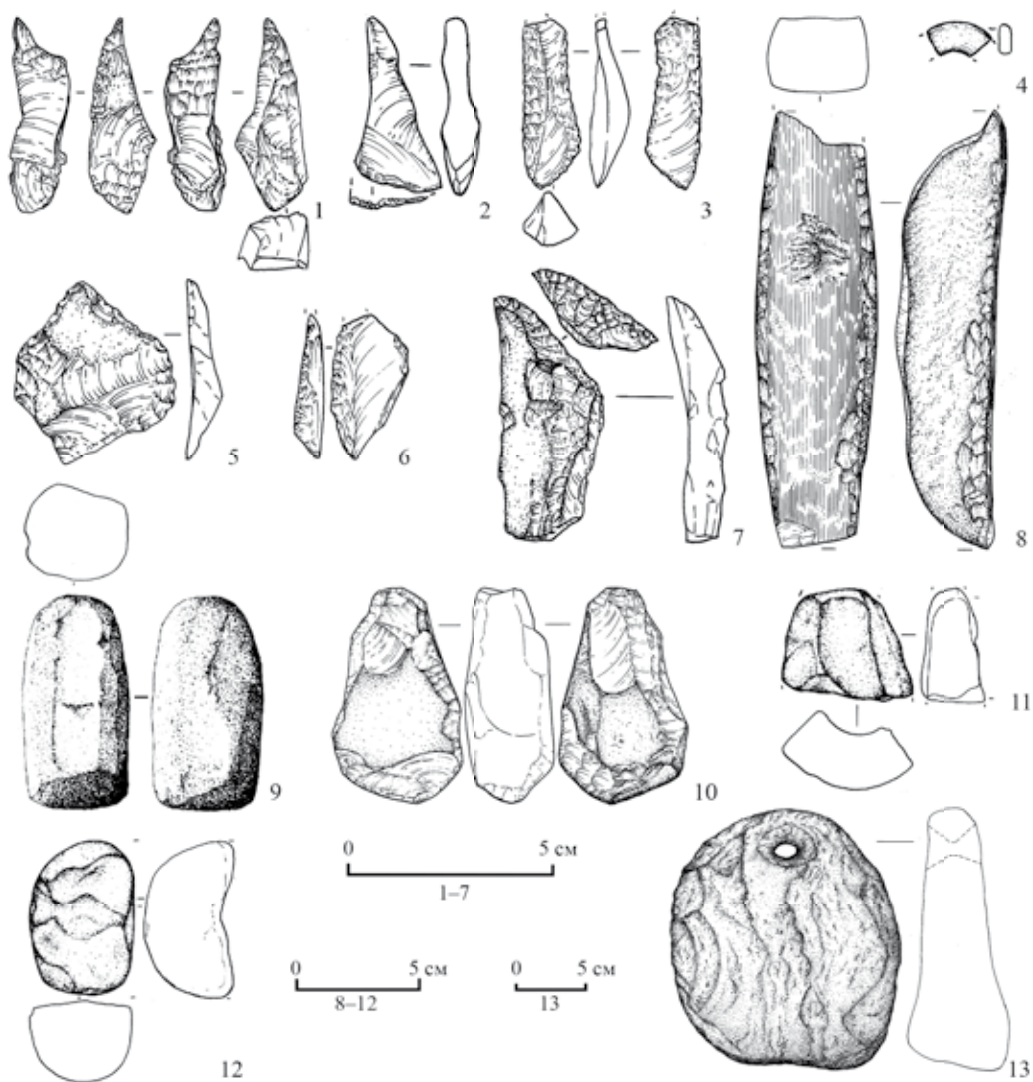


Рис. 5. Комбинированные (1-3, 5-9) и ударное (10) орудия, грузила (12, 13), фрагмент нефритового кольца (4) и обломок скульптуры (11).  
Поселение Сучу, раскоп I (1975 г.), жилище В



Камень с лункой из песчаника. Сохранилась срединная часть сегментовидной в плане, подтрапещевидной в сечении формы. Все поверхности подработаны, заглажены; на верхней – лунка чашевидной формы.

Есть также небольшие по размерам фрагменты орудий (8 экз.) с регулярной интенсивной ретушью. Вероятнее всего это срединные части режущих или метательных орудий типа бифасов.

*Пластины с ретушью* – 7 экз.: шесть целых средних экземпляров и фрагмент средней пластины с краевой, крутой или полукрутой, параллельной и субпараллельной, мелко- или среднефасеточной ретушью по краям.

*Отщепы с ретушью* – 51 экз. Целые удлиненные (30), укороченные (18) и короткие (2) изделия средних (27), мелких (16) и крупных (7) размеров и один средний фрагмент. В большинстве случаев короткий участок ретуши дислоцируется на продольном или дистальном крае заготовки. Чаще всего использовалась дорсальная, краевая, крутая или полукрутая, чешуйчатая, мелко- и среднефасеточная ретушь.

Основными приемами вторичной обработки являются ретушь и шлифовка. В целом в орудийном наборе чаще всего использовалась краевая, крутая или полукрутая, параллельная или субпараллельная, мелко- или среднефасеточная ретушь.

Таким образом, в наборе типологически значимых изделий преобладают орудия, связанные с добычей и обработкой продуктов охотничьего промысла: скребки и скребла (27,6%), метательные (19,5%), режущие и пилящие (15,1%) орудия, комбинированные орудия (7,3%), проколки (4,6%). В довольно большом количестве представлены также рубящие орудия (24,1%), т.е. инструменты, связанные с обработкой различных материалов.

К неутилитарным предметам (рис. 5.-4, 11), выявленным в материалах жилища В, следует отнести обломок кольца-подвески из белого нефрита размерами 1,5×1,7×0,3 см, а также обломок базальтовой полиэйконической скульптуры мужчины-женщина, изготовленной оббивкой и шлифовкой (предмет конусовидной в плане и дугообразной в сечении формы диаметром в нижней части около 9,0 см).

### Заключение

В целом каменная индустрия из жилища В поселения Сучу насчитывает 2082 предмета. Большая часть артефактов связана с заполнением жилища. На полу было найдено 84 экз.

Сырьевую базу каменного инвентаря составляют в основном осадочные, магматические и кремнистые породы. В качестве заготовок использовался преимущественно крупно- и мелкогалечник, реже – мелковалунник.

Анализ каменной индустрии выявил наличие в поселенческом комплексе жилища В как артефактов, относящихся к первичному расщеплению, так и орудий. Технологию первичного расщепления в каменной индустрии жилища характеризуют преимущественно торцовые клиновидные и подпризматические и (единично) карандашевидные нуклеусы. В орудийном наборе отмечены метательные, режущие, пилящие, рубящие и комбинированные орудия, скребки различных модификаций, проколки. В незначительном количестве представлены обломки грузил, наверший булав, камень с лунками.

Таким образом, среди орудий фиксируются и связанные с добычей, и связанные с обработкой и потреблением различных материалов. Все это свидетельствует о комп-

лексном характере хозяйства обитателей жилища, ориентированного в первую очередь на такие виды деятельности, как охота и рыболовство.

По своей культурно-хронологической принадлежности комплекс, вероятнее всего, связан с культурами (кондонской, мальшевской и вознесенской) и комплексом (белькачинским) среднего и позднего этапов неолита. При этом галечная традиция изготовления орудий коррелирует с мальшевской и вознесенской культурами, пластинчатая – с кондонской и белькачинским комплексом. В целом же основной массив артефактов связан в первую очередь с мальшевской и вознесенской индустриями, что подтверждается керамикой из материалов жилища.

### **Библиографический список**

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск : Наука, 1994. 288 с.

Медведев В.Е. Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток : Дальнаука, 2005. С. 234–267.

Медведев В.Е. Об особенностях развития среднего и позднего неолита на юге Дальнего Востока (Нижнее Приамурье) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 155–158.

Шевкомуд И.Я. Неолит – палеометалл в Нижнем Приамурье – концепция палеоэтнокультурного развития // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития : материалы регион. науч. конф. (Владивосток, 18–20 ноября 2013 г.). Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 140–177.

Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Начало неолита в Приамурье: осиповская культура // Первоначальное освоение человеком континентальной и островной части Северо-Восточной Азии : материалы Междунар. симпозиума (Южно-Сахалинск, 18–25 сентября 2010 г.). Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. С. 118–133.

Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-I. СПб. : МАЭ РАН, 2012. 270 с.

### **References**

Derevyanko A.P., Markin S.V., Vasil'ev S.A. Paleolitovedenie: Vvedenie i osnovy [Paleolithology: Introduction and Basics]. Novosibirsk : Nauka, 1994. 288 p.

Medvedev V.E. Neoliticheskie kul'tury Nizhnego Priamur'ya [Neolithic Cultures of the Lower Amur Region]. Rossijskij Dal'nij Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy [Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages: Discoveries, Problems, Hypotheses]. Vladivostok : Dal'nauka, 2005. Pp. 234–267.

Medvedev V.E. Ob osobennostyah razvitiya srednego i pozdnego neolita na yuge Dal'nego Vostoka (Nizhnee Priamur'e) [On the Features of the Development of the Middle and Late Neolithic in the South of the Far East (Lower Amur Region)]. Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Vol. I. Pp. 155–158.

Shevkomud I.Ya. Neolit – paleometall v Nizhnem Priamur'e – koncepciya paleoetnokul'turnogo razvitiya [Neolithic Paleometal in the Lower Amur Region – Concept of Paleoethnic Cultural Development]. Pervobytnaya arheologiya Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnyh territorij Vostochnoj Azii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya : materialy region. nauch. konf. (Vladivostok, 18–20 noyabrya 2013 g.) [Primitive Archaeology of the Far East of Russia and Adjacent Territories of East Asia: Current State and Prospects of Development: Materials of the Regional Scientific Conference (Vladivostok, November 18–20, 2013)]. Vladivostok : IIAE DVO RAN, 2015. Pp. 140–177.

Shevkomud I.Ya., Yanshina O.V. Nachalo neolita v Priamur'e: osipovskaya kul'tura [The Beginning of the Neolithic in the Amur Region: the Osipovskaya Culture]. Pervonachal'noe osvoenie chelovekom

kontinental'noj i ostrovnoj chasti Severo-Vostochnoj Azii : materialy Mezhdunar. simpoziuma (Yuzhno-Sahalinsk, 18–25 sentyabrya 2010 g.) [Initial Human Development of the Continental and Insular Parts of Northeast Asia: Materials of the International Symposium (Yuzhno-Sakhalinsk, September 18–25, 2010)]. Yuzhno-Sahalinsk : SahGU, 2010. Pp. 118–133.

Shevkomud I.Ya., Yanshina O.V. Nachalo neolita v Priamur'e: poselenie Goncharka-I [The Beginning of the Neolithic in the Amur Region: the Goncharka-I Settlement]. SPb. : MAE RAN, 2012. 270 p.

**V.E. Medvedev<sup>1</sup>, I.V. Filatova<sup>1,2</sup>**

<sup>1</sup>*Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia;*

<sup>2</sup>*Amur University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russia*

## **STONE INVENTORY OF THE SUCHU SETTLEMENT (1975, excavation I, dwelling B)**

The article presents the analysis results of the stone industry of the Neolithic dwelling on the Lower Amur island of Suchu (excavation I, 1975). The collection of artifacts totals 2,082 copies. The raw material base of the stone inventory consists mainly of sedimentary (siltstones, argillites, sandstones), magmatic (effusive) and siliceous (flint, jasper, chalcedony, quartzite) rocks.

The technology of primary splitting in the stone industry of the dwelling is characterized mainly by end wedge-shaped and subprismatic, and also single-pencil-like nucleuses. In the gun kit, throwing (arrowheads, darts), cutting (knives, liner), sawing, chopping and combing tools, scrapers of various modifications, and also piercings were noted.

The fishing sinkers, the tops of the clubs, and the stone with the holes are represented by single specimens. Morphotypological and technical and technological analyses allow determining the probable cultural and chronological affiliation of the complex, primarily the Middle Neolithic Malyshevskaya and Late Neolithic ascension cultures, as evidenced by the main massifs of ceramics from the materials of the dwelling.

*Key words:* Lower Amur River region, Suchu settlement, Neolithic, stone industry, primary splitting, tool set, integrated research.

## **ИНДУСТРИИ ФИНАЛЬНОГО ЭТАПА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЮГО-ВОСТОЧНОГО ДАГЕСТАНА**

Статья посвящена результатам исследований среднепалеолитического комплекса Дарвагчайского георхеологического района, материалы которого дополняют фактический материал данного культурно-хронологического диапазона на территории Северо-Восточного Кавказа. Каменный инвентарь характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором. Преобладают изделия средних размеров, артефакты выполнены из однообразного сырья, имеют одинаковую степень сохранности поверхности и изготовлены в единой технической традиции. Особенности технико-типологического облика каменной индустрии с ярко выраженными леваллуазскими чертами позволяют говорить о специфическом облике палеолита Приморского Дагестана. Данные исследования финального этапа среднего палеолита позволяют приблизиться к решению проблемы появления и развития человека современного физического типа. Это позволяет не только реконструировать культурно-исторический процесс на данной территории в плейстоцене, но и решить проблемы, касающиеся содержания и корректировки границ культурно-хронологических эпох палеолита Кавказа и Арало-Каспийского бассейна в целом.

*Ключевые слова:* Северо-Восточный Кавказ, средний палеолит, леваллуазское расщепление, плейстоцен.

**DOI:** 10.14258/tpai(2018)3(23).-05

### ***Введение***

Интенсивное изучение экспедициями Института археологии и этнографии СО РАН древнекаменного века Северо-Восточного Кавказа в течение последнего десятилетия позволило обнаружить более 20 палеолитических памятников [Деревянко и др., 2012]. Археологические изыскания значительно увеличили объем информации о древнейших этапах истории данного региона. Хронологический интервал обнаруженных и изученных каменных индустрий охватывает огромный период от нижнего до начала верхнего палеолита, что дает возможность представить общую картину развития древнейших культур на территории Западного Прикаспия. Заполнить в определенной мере имеющуюся лауну в наших знаниях о палеолитической эпохе в этой части Кавказа позволяют данные, полученные в последние годы при исследовании стратифицированных археологических объектов Дарвагчайского георхеологического района (среднее течение р. Дарвагчай). Наиболее важным из них является памятник Дарвагчай-Залив-1, на котором обнаружено несколько разновременных культурно-хронологических комплексов эпохи палеолита, в том числе комплекс археологических материалов, относящихся к финалу среднего палеолита [Деревянко и др., 2009].

### ***Материалы***

Место расположения стоянки соответствует переходу от предгорий (абсолютная высота 120–270 м) к равнинной части территории Западного Прикаспия, естественная граница между которыми проходит по третьей древнекаспийской террасе, имеющей бакинский возраст [Голубятников, 1937]. Первые каменные артефакты на памятнике Дарвагчай-Залив-1 обнаружены в 2009 г. в экспонированном состоянии на верхней, распаханной части террасы.

Коллекция включает 109 артефактов, в том числе: нуклеусы – 29 экз., нуклеидные обломки – 3 экз., сколы – 72 экз., обломки и осколки – 5 экз. Орудийный набор насчитывает 16 изделий, из них шесть скребел, выемчатое орудие, зубчатое орудие, леваллуазское острие с ретушью, нож, шиповидное орудие, галечное орудие и пять сколов с ретушью.

В качестве сырья для изготовления артефактов использовались кремненные песчаники и известняки в виде окатанных желваков, галек и их обломков. Поверхность изделий, без изменений или слабо выветренная, покрыта розовато-красноватой или бежевой патиной, а в некоторых случаях толстой (до 1 мм) карбонатной коркой. Преобладают изделия средних размеров, имеют одинаковую степень сохранности поверхности и изготовлены в единой технической традиции. Первичное расщепление представлено леваллуазскими (рис. 1.-1-7) и плоскостными ядрищами параллельного принципа расщепления (рис. 1.-4). В небольшом количестве представлены удлиненные и леваллуазские сколы. Среди остаточных площадок преобладают фасетированные и гладкие. Орудийный набор состоит из скребел (рис. 1.-6), в том числе скребла-ножа (рис. 1.-2), леваллуазского острия (рис. 1.-3) и сколов с ретушью (рис. 1.-5). По совокупности характеристик возраст артефактов предварительно был определен в рамках финальной стадии среднего палеолита.

Дальнейшее изучение данного участка в 2012 г. позволило обнаружить аналогичные археологические материалы в непо потревоженном состоянии [Рыбалко, Кандыба, 2012]. В результате разведочных работ в шурфе, заложенном на небольшой площадке на границе пашни, обнаружены артефакты подобного облика. Впоследствии на месте шурфа был разбит раскоп общей площадью 70 кв. м. В ходе полевых исследований вскрыта толща плейстоценовых отложений на глубину до 0,5 м от дневной поверхности.

Ниже приводится сокращенное описание разреза (сверху вниз):

*Слой 1.* Серо-коричневый легкий суглинок рыхлый, пористый, с редкими карбонатными стяжениями ( $\varnothing$  до 1 см), равномерно распределенными по всей толще горизонта. Кровля слоя до 0,04 м слабо гумусированная, имеет серый оттенок. Граница с нижележащим слоем четкая, относительно ровная, субгоризонтальная (падение в юго-западном направлении). И.м. (истинная мощность) 0,3–0,4 м.

*Слой 2.* Желто-серая (в сухом состоянии белесая) лессовидная супесь. Слой сильно минерализованный, верхняя граница четкая, неровная, имеет наклон параллельно склону. И.м. 0,3–0,4 м.

Археологические материалы залегали в нижней половине слоя 1 (серо-коричневый суглинок). Слой занимает четкую стратиграфическую позицию, контакт с нижележащим горизонтом четкий, неровный. Данный литологический горизонт ориентирован параллельно склону, генезис отложений делювиально-эоловый. Образование культуросодержащего слоя рассматривается как относительно длительный постепенный процесс, который происходил параллельно с накоплением археологических материалов. Этот процесс завершился после образования современной поверхности террасы. Все предметы имеют очень хорошую сохранность поверхности, полностью отсутствуют следы забитости и выкрошенности на краях артефактов. В данном слое подавляющее большинство каменных изделий залегало в субгоризонтальной плоскости, очень мало предметов обнаружено в вертикальном или сильно наклонном положении. В процессе раскопок в разных местах были обнаружены аплицирующиеся предметы. Данные факты являются очевидным доказательством «инситуности» залегания артефактов.

Полученная коллекция насчитывает 742 артефакта, в том числе: нуклеусы – 82 экз., нуклеидные обломки – 15 экз., технические сколы – 2 экз., пластинчатые сколы – 7 экз., пластины – 11 экз., отщепы – 439 экз., чешуйки – 42 экз., обломки и осколки – 144 экз. Орудийный набор – 44 экз., состоит из: выемчатых орудий (2), зубчатого орудия, ножей (3), скребел-ножей (4), леваллуазского острия, мустьерского удлиненного остроконечника, скребел (5), скребков (4), отщепов с ретушью (23).

Обращает на себя внимание значительное количество нуклеусов (82 экз. – 11% от общего числа предметов). Стоит отметить несоответствие процентного соотношения нуклеидных изделий и отщепов, а также незначительное количество первичных и вторичных сколов. Подобная ситуация наблюдается и в представленной выше под-

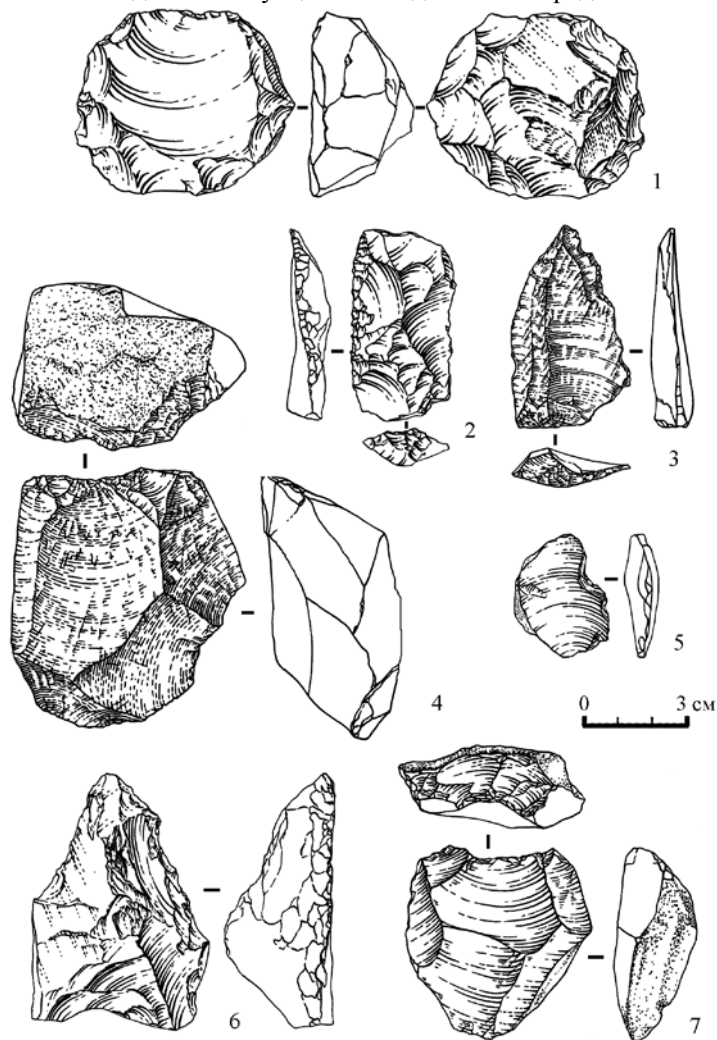


Рис. 1. Среднепалеолитическая каменная индустрия поверхностных сборов местонахождения Дарвагчай-Залив-1: 1, 7 – леваллуазские нуклеусы; 2 – скребло-нож; 3 – леваллуазское острие; 4 – плоскостной параллельный нуклеус; 5 – скол с ретушью; 6 – конвергентное скребло

емной коллекции артефактов. По всей вероятности, это свидетельство того, что на место стоянки приносили уже оформленные заготовки (пренуклеусы), где происходила их дальнейшая утилизация. В целом коллекция имеет ярко выраженный среднепалеолитический облик. Первичное расщепление представлено леваллуазскими (рис. 2.-1, 4-6) и одноплощадочными монофронтальными ядрищами параллельного принципа расщепления. Выразительными сериями представлены удлиненные сколы и пластины. Среди остаточных площадок преобладают фасетированные и гладкие. В орудийном наборе в небольшом количестве представлены все основные среднепалеолитические типы изделий в виде разнообразных скребел (рис. 2.-2, 8), леваллуазского острия (рис. 2.-3) и мустьерского остроконечника (рис. 2.-7), кроме того, отмечается наличие атипичных скребков и сколов с ретушью.

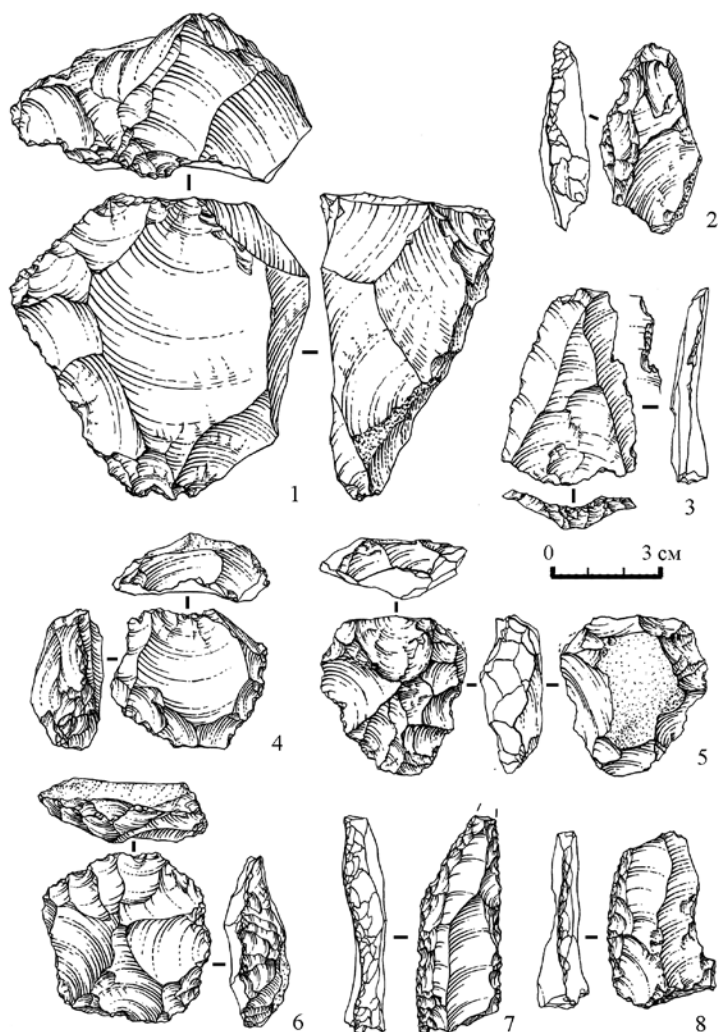


Рис. 2. Среднепалеолитическая каменная индустрия раскопа местонахождения Дарвагчай-Залив-1: 1, 4-6 – леваллуазские нуклеусы; 2, 8 – продольные скребла; 3 – леваллуазское острие; 7 – мустьерский удлиненный остроконечник

Особенности распределения каменного материала в геологическом горизонте, его качественные и количественные составляющие позволяют определить данный комплекс памятника Дарвагчай-Залив-1 как многократно посещаемую стоянку-мастерскую.

В процессе раскопок на прилегающей территории были продолжены археологические изыскания с целью обнаружения новых синхронных по времени палеолитических местонахождений. Одним из таких объектов является памятник Дарвагчай-Карьер-2, обнаруженный в 2015 г. в результате визуального обследования техногенного участка кровли древнекаспийской террасы на сходных гипсометрических отметках рельефа [Кандыба, Рыбалко, 2015].

Археологический памятник Дарвагчай-Карьер-2 расположен на правом берегу р. Дарвагчай, в полукилометре в восточном направлении от плотины Геджухского водохранилища, в 50 метрах к юго-востоку от ранее известного местонахождения Дарвагчай-Карьер. Каменные артефакты залежали на верхней части террасы, которая имеет неровную распаханную поверхность. Археологический материал был сконцентрирован на небольшой площадке размером около 500 кв. м. В ходе обследования обнаружен 171 артефакт. Отбирались все нуклеидные изделия, предметы с вторичной отделкой, а также сколы (целые и фрагменты), имеющие определяемые ударные площадки. В целом материалы данной коллекции составляют примерно 90% от всех экспонированных на поверхности предметов. В качестве сырья использовался кремний, кремнистые песчаники и известняки в виде окатанных желваков и галек. Поверхность изделий, слабо выветренная, покрыта розовато-красноватой или бежевой патиной.

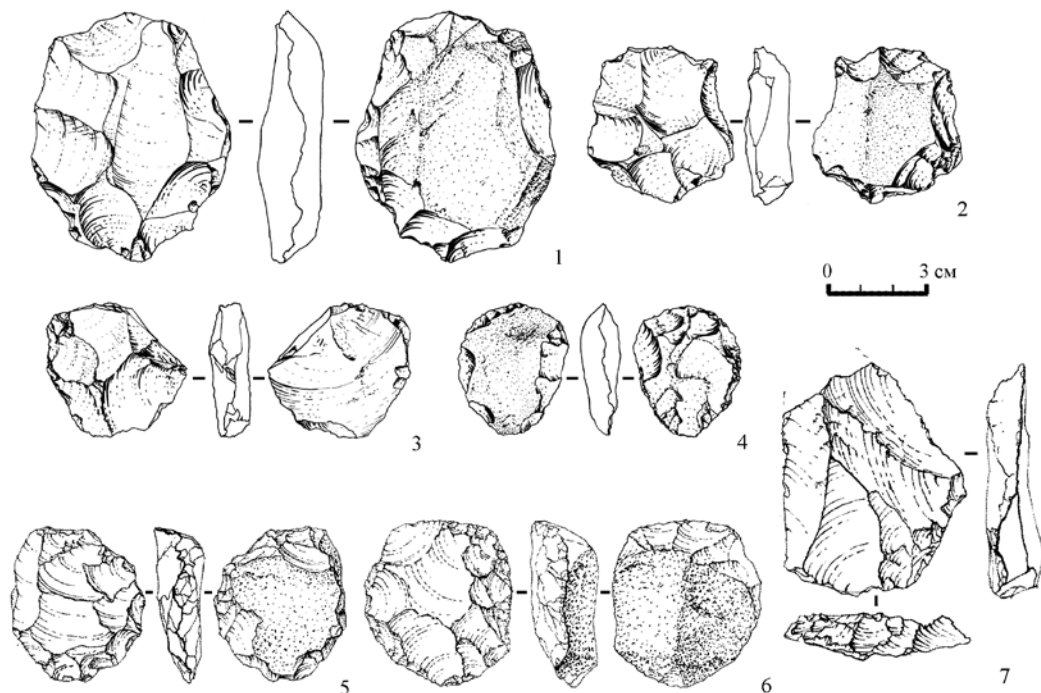


Рис. 3. Среднепалеолитическая каменная индустрия местонахождения Дарвагчай-Карьер-2: 1–6 – леваллуазские нуклеусы; 7 – леваллуазское острие



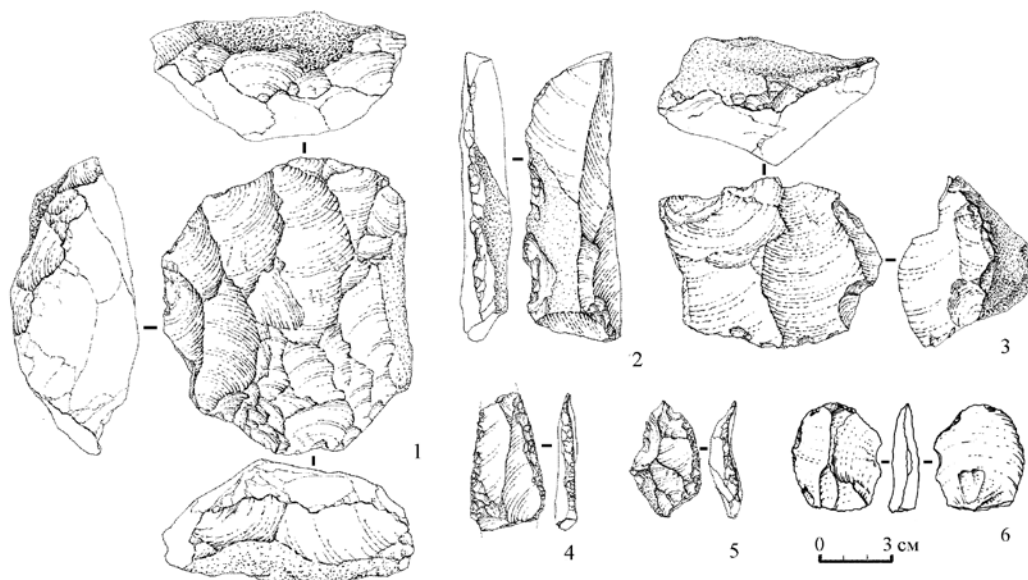


Рис. 4. Среднепалеолитическая каменная индустрия местонахождения Дарвагчай-Карьер-2: 1, 3 – плоскостные параллельные нуклеусы; 2 – комбинированное орудие (нож-скребло); 4 – мустьерский остроконечник; 5 – комбинированное орудие (проколка-выемчатое орудие); 6 – отщеп с ретушью

Преобладают изделия средних размеров, отмечается значительное количество нуклеидных изделий. Индустрия комплекса Дарвагчай-Карьер-2 демонстрирует явное преобладание леваллуазской техники расщепления, что подтверждается наличием большого количества леваллуазских нуклеусов (рис. 3.-1-6) и леваллуазских сколов (в основном отщепов) (рис. 3.-7), а также достаточно весомым количеством остаточных фасетированных площадок.

Небольшая группа плоскостных нуклеусов параллельного принципа расщепления в большинстве своем также направлена на производство отщепов (рис. 4.-1, 3). В пользу среднепалеолитического облика индустрии говорит присутствие в орудийном наборе ножа-скребла (рис. 4.-2) и медиального фрагмента мустьерского удлиненного остроконечника (рис. 4.-4). Помимо этого, отмечается наличие выемчатых и комбинированных (выемчатое-проколка) (рис. 4.-5) орудий, а также отщепов с ретушью (рис. 4.-6).

#### **Полученные результаты и их обсуждение**

Помимо сходных геолого-геоморфологических условий и сравнительно близкого расстояния между памятниками Дарвагчай-Залив-1 и Дарвагчай-Карьер-2 ( $\approx 600$  м), а также одинаковой сырьевой базы, обнаруживается полное сходство в каменном инвентаре. В группе нуклеидных изделий доминируют леваллуазские и простые параллельные нуклеусы. Первичное расщепление в основном ориентировано на производство отщепов. Пластины и пластинчатые заготовки немногочисленны. В орудийном наборе присутствуют леваллуазские сколы, скребла и остроконечники. Также отмечается полное отсутствие верхнепалеолитических форм. Таким образом, в результате проведенных полевых и камеральных исследований были получены неопровержимые

доказательства того, что и подъемные, и полученные в ходе раскопок археологические материалы являются единой каменной индустрией. Следовательно, экспонированные на современной поверхности артефакты могут полноценно использоваться для характеристики данной индустрии.

Технико-типологические характеристики данных материалов позволяют предварительно рассматривать ее в рамках финальной стадии среднего палеолита [Кандыба, Рыбалко, 2015]. Об этом свидетельствует комплекс данных, включающих типологический состав нуклеусов и орудий, характер первичного расщепления, а также применяемая техника скола.

По совокупности признаков данный комплекс наиболее близок инвентарю нижних археологических горизонтов стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан), которые по данным абсолютного датирования имеют возраст 45–47 тыс. л.н. [Анойкин и др., 2013]. Первичное расщепление здесь основано на использовании леваллуазской и в меньшей степени – параллельной и торцовой техник скалывания. Индустрия Тинита-1 преимущественно была направлена на получение удлиненных заготовок, что обусловлено формой основной части ядрищ. Но в то же время количество правильных пластин среди сколов невелико, а среди нуклеусов наблюдается значительное количество «отщеповых» форм. В орудийном наборе коллекций около 40% составляют сколы и обломки с ретушью, среди типологически выраженных орудий более половины – скребущие и режущие инструменты (скребла, атипичные скребки, скребла-ножи, ножи). Присутствуют еще две представительные группы изделий – остроконечники (в основном леваллуазские) и зубчато-выемчатые формы. Существенно отличает данный комплекс от Дарвагчайского наличие верхнепалеолитических типов орудий (скребки и резцы), относительно немногочисленные и слабо выразительные. Следует отметить присутствие среди скребков изделий высокой формы, которые в сочетании с такими специфическими типами, как транкировано-фасетированные орудия и многогранные резцы, образуют группу предметов, часто ассоциирующихся с индустриями, переходными к верхнему палеолиту.

Все это позволяет рассматривать индустрии памятников Дарвагчай-Залив-1 и Дарвагчай-Карьер-2 как близкие, но не синхронные по времени материалам нижних археологических горизонтов стоянки Тинит-1. С учетом характеристик каменного инвентаря среднепалеолитических индустрий Дарвагчайского геоархеологического района и возможных хронологических рамок их формирования (50–55 тыс. л.н.) [Кандыба, Рыбалко, 2015] наиболее вероятной представляется промежуточная позиция между рассмотренными выше материалами стоянки Тинит-1 и более древними среднепалеолитическими ассамбляжами.

На данный момент на территории Кавказа известно около 400 памятников, на которых зафиксированы каменные индустрии среднего палеолита, при этом основная часть этих объектов относится к подъемным комплексам или они имеют переотложенные и смешанные культуросодержащие слои. В связи с этим картина развития каменных индустрий на Кавказе в среднепалеолитическое время создается по материалам гораздо меньшего числа памятников (около 10%), на которых археологический материал залегал *in situ*. В основном эти памятники связаны со скальными убежищами и локализованы в южной и северо-западных частях Кавказа [Любин, 1989; Голованова, Дороничев, 2003].

В настоящий момент не существует единой концепции культурно-хронологического разделения среднего палеолита Кавказа. Большинство исследователей выделяется два периода его развития, разделенных довольно продолжительным периодом в пределах 60–75 тыс. л.н. (оледенение вюрм II). Ранний этап характеризуют в первую очередь леваллуазские пластинчатые индустрии с большой долей удлиненных остроконечников, где также хорошо представлены продольные скребла, встречаются лимасы, ножи и зубчатые изделия. Специфическим приемом оформления остроконечников является вентральная подработка их оснований и острий плоской ретушью. В основном это стоянки южного и центрального Кавказа (кударско-джуракульская группа пещерных стоянок, пещера Мыштулагты-лагат).

К поздним этапам среднепалеолитического времени относится более широкий круг стоянок, среди которых наблюдается значительное индустриальное разнообразие. Выделяются три основных ареала: Северо-Западный Кавказ, индустрии которого ряд исследователей относит к восточному микоку; Малый Кавказ, где существуют индустрии загросского мустье, а также юго-западные склоны Большого Кавказа, где выделяется зона, включающая различные мустьерские комплексы, сформировавшиеся на стыке восточного микока, левантийского мустье и мустье Загроса [Голованова, Дороничев, 2003]. Данное разделение поддерживается далеко не всеми исследователями, вместе с тем все специалисты отмечают большое разнообразие среднепалеолитических индустрий на данной территории в это время. В контактной зоне выделяется несколько локальных культур, как правило, связанных с компактными группами пещерных памятников, расположенных в одной природно-географической зоне и находящихся на небольшом удалении друг от друга. Основными являются цуцхватская, цхачительская и гуптская группы памятников [Любин, 1989; Любин, Беляева, 2006]. Все рассматриваемые археологические комплексы среднего палеолита на Северо-Западном Кавказе и в Закавказье имеют четкую стратификацию и выраженный хозяйственный тип (стоянка-мастерская, базовый лагерь и т.д.), которая, по мнению исследователей, во многом определяет технико-типологический облик индустрий.

Наиболее близки к среднепалеолитическим индустриям долины р. Дарвагчай по территориальному расположению и, скорее всего, в возрастном плане комплексы Азербайджана (пещеры Таглар, Газма и др.), однако при общем сходстве в первичном расщеплении здесь наблюдается значительное расхождение в типологии орудийных наборов [Джафаров, 1999]. В дагестанских материалах отсутствуют такие специфические типы, как остроконечники с утонченным основанием, транкированно-фасетированные изделия, лимасы, также незначителен процент остроконечников и конвергентных форм и, наоборот, велик процент зубчато-выемчатых изделий. Схожая картина наблюдается при сравнении материалов Дарвагчайского геоархеологического района с другими среднепалеолитическими комплексами Кавказа. Здесь основные различия наблюдаются, как правило, в отсутствии в дагестанских коллекциях бифасов, орудий с утончением и лимасов, крайне редким использованием вентральной подправки, небольшим процентом остроконечников. Наибольшее сходство в первичном расщеплении и орудийном наборе фиксируется с материалами Монашеской пещеры (гуптская группа), которую исследователи на основе комплекса естественно-научных данных датируют средним вюрмом.

Сравнивая материалы стоянок Приморского Дагестана со среднепалеолитическими индустриями второй половины вюрма, зафиксированными на территории Южного Кавказа, можно отметить определенные различия между этими археологическими комплексами. В первичном расщеплении коллекций дагестанских стоянок отсутствуют дисковидные ядрища, леваллуазская техника является доминирующей. В орудийных наборах присутствуют остроконечные формы, включая угловатые скребла и остроконечники, но доля их незначительна. Тронкированно-фасетированные изделия единичны и невыразительны. Базальная подправка орудий розовая и есть только в более древних горизонтах. Также отсутствуют такие яркие формы, как бифасиально оформленные изделия и лимасы. В целом же для дагестанских индустрий основными орудийными типами являются предметы без интенсивной ретушной отделки (ножи, однолезвийные варианты скребел, сколы с ретушью), что, возможно, связано с хозяйственным типом данных стоянок открытого типа и затрудняет сравнение с пещерными комплексами. Дополнительным фактором, могущим влиять на хозяйственную деятельность и, как следствие, на облик каменной индустрии, является существенная высотная разница между стоянками Приморского Дагестана и основными памятниками Кавказа, как правило, расположенными на абсолютных высотах более 800 м над уровнем моря.

В целом, исходя из имеющихся данных, можно заключить, что, несмотря на значительное количество известных среднепалеолитических памятников на Кавказе и большое технико-типологическое разнообразие внутри их групп, прямых аналогий среди них со среднепалеолитическими материалами долины р. Дарвагчай в настоящее время проследить не представляется возможным. Это может быть связано как с неполной представленностью дагестанских индустрий, так и с имевшимся в то время культурным разнообразием, не исключающим возможность существования на данной территории оригинальной среднепалеолитической культуры. Определенное сходство прослеживается у них с материалами некоторых стоянок Северо-Западного Кавказа, а также с предкавказским регионом (индустриями финала среднего палеолита Загроса). Наиболее близкие комплексы представлены среднепалеолитическими материалами пещер Кунджи и Варвази.

Пещера Кунджи расположена на северо-восточном склоне долины Хоррамабад в плоской широкой межгорной котловине, отделяющей горы Загрос от Луристана, в юго-западной части современного Ирана. Высота над уровнем моря составляет 1300 м [Skinner, 1965]. Каменные склоны долины Хоррамабад прорезают русла сезонных водотоков. Сама пещера расположена на высоте 60–70 м от дна долины и представляет собой сводовую камеру V-образной формы, обращенную выходом на запад. Мустьерская индустрия насчитывает порядка 2700 предметов. Первичное раскалывание представлено леваллуазским расщеплением, направленным на получение удлиненных заготовок, что подтверждается наличием леваллуазских отщепов продолговатой формы, как и удлиненных леваллуазских острий. Данные заготовки служили основой для создания орудий соответствующей формы. Помимо типичных мустьерских острий, в коллекции довольно многочисленны удлиненные мустьерские острия. Такие же удлиненные отщепы служили заготовками для одинарных продольных скребел, двойных и конвергентных форм. Данный среднепалеолитический комплекс авторами исследования характеризуется как загросское мустье [Baumler, Sperth, 1993].

К этому кругу памятников относится и среднепалеолитическая индустрия скального навеса Варвази [Braidwood, Howe, Reed, 1961]. Стоянка Варвази расположена в долине р. Танг-и-Кнешт в провинции Херманшах современного Ирана. Первичное расщепление представлено леваллуазской техникой, направленной на получение удлиненных отщепов и острий. Орудийный набор представляет собой разнообразие различных мустьерских форм, типичных для данного региона, таких как одинарные, двойные и конвергентные скребла и мустьерские остроконечники.

В загросское мустье помимо вышеупомянутых памятников включаются среднепалеолитические слои стоянок Биситун, Хазар Мерд, Хоумиан, а также Шанидар [Skinner, 1965; Dibble, Holdaway, 1993].

Основным отличием данных комплексов от дагестанских индустрий финального среднего палеолита является наличие тронкированно-фасетированных изделий. Отмечается также более разнообразный типологический ряд скребел. В целом же по совокупности признаков материалы памятников загросского мустье довольно близки стоянкам Северо-Восточного Кавказа. Об этом свидетельствует комплекс данных, включающих типологический состав нуклеусов и орудий, характер первичного расщепления, а также применяемая техника скола.

### **Заключение**

Финальные среднепалеолитические индустрии на территории Дагестана показывают хронологическое и культурное соответствие подобным ассамбляжам Западной Азии (мустье Загроса), что позволяет предполагать их преемственность и возможное направление древних миграций. В то же время среди археологических комплексов второй половины вюрма (MIS 4–3) в кавказском регионе на настоящее время не выявлено прямых аналогов синхронным индустриям Приморского Дагестана. Непрерывный хронологический интервал существования этих комплексов составляет около 10 тыс. лет (~55–45 тыс. л.н.), во время которого они демонстрируют плавный характер изменений в рамках единого направления. При этом в них не наблюдается каких-либо существенных технико-типологических изменений на протяжении значительного хронологического интервала, а в более позднее время им на смену приходят в уже «готовом» виде верхнепалеолитические индустрии с развитым пластинчатым производством и принципиально иным орудийным набором. Судя по имеющимся данным, такие различные по облику каменные индустрии на территории Кавказа разделяет длительный временной интервал, это позволяет предполагать, что данный процесс, возможно, был связан со сменой населения.

### **Библиографический список**

- Анойкин А.А., Славинский В.С., Рудая Н.А., Рыбалко А.Г. Новые данные об индустриях рубежа среднего-верхнего палеолита на территории Дагестана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №2. С. 26–39.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Средний палеолит Кавказа // Археологический альманах. Донецк : Донецчина, 2003. №13. С. 18–66.
- Голубятников В.Д. Морские и речные террасы Дагестана // Труды советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (INQUA). М. ; Л., 1937. Вып. III.
- Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. 292 с.
- Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Анойкин А.А. Археологические материалы финала среднего палеолита стоянки Дарвагчай-Залив-1 (по материалам подъемных сборов в 2009 году) //

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. XV. С. 96–100.

Джафаров А.Г. Средний палеолит Азербайджана. Баку : Елм, 1999. 228 с.

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Новые данные о среднем палеолите Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-карьер-2) // Изв. Алт. гос. ун-та. 2015. №4/1 (88). С. 138–143. DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-21.

Любин В.П. Палеолит Кавказа // Палеолит мира. Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л. : Наука, 1989. С. 9–142.

Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. СПб. : Петербургское востоковедение, 2006. 108 с.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследование финала среднего палеолита стоянки Дарвагчай-залив-1 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 139–141.

Baumler M.F., Sperth J.D. A Middle Paleolithic assemblage from Kundji Cave, Iran. // The Paleolithic Prehistory of the Zagrose Taurus / eds. Olszewski D.I., Dibble H.L. Philadelphia : The University Museum, 1993. P. 75–99.

Braidwood R.J., Howe B., Reed C.A. The Iranian Prehistoric Project // Science. 1961. Vol. 133, Issue 3469. P. 2008–2010.

Dibble H.L., Holdaway S.J. The Middle Paleolithic industries of Warwasi // The Paleolithic Prehistory of the Zagrose Taurus / eds. Olszewski D.I., Dibble H.L. Philadelphia : The University Museum, 1993. P. 75–99.

Otte M., Kozłowski J.K. L'Aurignacien de Zagros // ERAUL: Liège. 2007. Vol. 118. 204 p.

Skinner J.H. The Flake Industries of Southwest Asia: A Typological Study / Ph.D. Dissertation. New York : Columbia University, 1965. 283 p.

## References

Anojkin A.A., Slavinskij V.S., Rudaya N.A., Rybalko A.G. Novye dannye ob industriyah rubezha srednego-verhnego paleolita na territorii Dagestana [New Data on the Industries of the Boundary of the Middle-Upper Paleolithic in the Territory of Dagestan]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2013. №2. Pp. 26–39.

Golovanova L.V., Doronichev V.B. Srednij paleolit Kavkaza [Middle Paleolithic of the Caucasus]. Archaeological Almanac. Arheologicheskij al'manah. Doneck : Donechchina, 2003. №13. Pp. 18–66.

Golubyatnikov V.D. Morskie i rechnye terrasy Dagestana [Marine and River Terraces of Dagestan]. Trudy sovetskoj sekcii Mezhdunarodnoj asociacii po izucheniyu chetvertichnogo perioda (INQUA) [Proceedings of the Soviet Section of the International Association for the Study of Quaternary Period (INQUA)]. M. ; L., 1937. Issue III.

Derevyanko A.P., Amirhanov H.A., Zenin V.N., Anojkin A.A., Rybalko A.G. Problemy paleolita Dagestana [Problems of the Paleolithic of Dagestan]. Novosibirsk : Izd-vo IAET SB RAS, 2012. 292 p.

Derevyanko A.P., Zenin V.N., Rybalko A.G., Anojkin A.A. Arheologicheskie materialy finała srednego paleolita stoyanki Darvagchaj-Zaliv-1 (po materialam pod'emnyh sborov v 2009 godu) [Archaeological Materials of the Finale of the Middle Paleolithic of the Darvagchaj-Zaliv-1 Site (based on the materials of the lifting charges in 2009)]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo IAET SB RAS, 2009. Vol. XV. Pp. 96–100.

Dzhafarov A.G. Srednij paleolit Azerbajdzhana [Middle Paleolithic of Azerbaijan]. Baku : Elm, 1999. 228 p.

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Novye dannye o srednem paleolite Dagestana (po materialam pamyatnika Darvagchaj-kar'er-2) [New Data on the Middle Paleolithic of Dagestan (on the materials of the Darvagchaj-Career-2 site)]. Izvestiya of Alt. gos. un-ta [Izvestia of Altai State University]. 2015. №4/1 (88). Pp. 138–143. DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-21.

Lyubin V.P. Paleolit Kavkaza [Paleolithic of the Caucasus]. Paleolit mira. Paleolit Kavkaza i Severnoj Azii. [Paleolithic of the World. Paleolithic of the Caucasus and North Asia]. L. : Nauka, 1989. Pp. 9–142.

Lyubin V.P., Belyaeva E.V. Rannaya preistoriya Kavkaza [Early Prehistory of the Caucasus]. SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. 108 p.

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Issledovanie finala srednego paleolita stoyanki Darvagchaj-zaliv-1 v 2012 godu [Investigation of the Final of the Middle Paleolithic of Darvagchai-Zaliv-1 Site in 2012]. Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij : Materialy godovoj sessii IAET SO RAN, 2012 [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories: Materials of the Annual Session of the Institute of Atomic Energy SB RAS, 2012]. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2012. Vol. XVIII. Pp. 139–141.

Baumler M.F., Speth J.D. A Middle Paleolithic Assemblage from Kundji Cave, Iran. // The Paleolithic Prehistory of the Zagrose Taurus / eds. Olszewski D.I., Dibble H.L. Philadelphia : The University Museum, 1993. Pp. 75–99.

Braidwood R.J., Howe B., Reed C.A. The Iranian Prehistoric Project // Science. 1961. Vol. 133, Issue 3469. Pp. 2008–2010.

Dibble H.L., Holdaway S.J. The Middle Paleolithic Industries of Warwasi // The Paleolithic Prehistory of the Zagrose Taurus / eds. Olszewski D.I., Dibble H.L. Philadelphia : The University Museum, 1993. Pp. 75–99.

Otte M., Kozłowski J.K. L'Aurignacien de Zagros // ERAUL: Liège. 2007. Vol. 118. 204 p.

Skinner J.H. The Flake Industries of Southwest Asia: A Typological Study / Ph.D. Dissertation. New York : Columbia University, 1965. 283 p.

**A.G. Rybalko, A.V. Kandyba**

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia*

## **FINAL MIDDLE PALEOLITHIC INDUSTRIES OF SOUTH-EAST DAGESTAN**

The article presents the results of investigation of Middle Paleolithic complex from Darvagchai geoarchaeological area, with the material supplying the data on this cultural chronological stage in the territory of North-East Caucasus. Levallois technology and typical Middle Paleolithic tool assemblage characterize lithic material. The middle size artifacts made of homogenous raw material with similar degree of surface preservation and treated by one technological tradition predominate. Specifics of technological and typological character of this industry, with the pronounced Levallois technology let us refer to the special features of Paleolithic in Maritime Dagestan. The research of final Middle Paleolithic is very important for understanding of appearance and development of anthropologically modern human. It makes it possible to reconstruct cultural historical process in this territory during Pleistocene, and to shed the light on the problem of contents and shift of the boundaries between Paleolithic cultural chronological stages of the Caucasus and Aral-Caspian basin in general.

*Key words:* North East Caucasus, Middle Paleolithic, Levallois technology, Pleistocene.

Н.Н. Серегин<sup>1</sup>, Н.А. Константинов<sup>2</sup>, Л.С. Марсадолов<sup>3</sup>

<sup>1</sup>Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

<sup>2</sup>Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия;

<sup>3</sup>Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

## ВПУСКНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КОМПЛЕКСА ПАЗЫРЫК (по материалам раскопок С.С. Сорокина в 1967 г.)\*

Вводятся в научный оборот материалы раскопок впускного захоронения лошади монгольского времени, исследованного С.С. Сорокиным на комплексе Пазырык в 1967 г. На основе результатов проведенного анализа архивных материалов, музейной коллекции Государственного Эрмитажа и публикаций представлена общая характеристика «ритуального» кургана №21. Установлено, что данный объект расположен в южной части известного могильника, неподалеку от «царского» кургана №5 скифо-сакского времени. Под центральной частью насыпи на небольшой глубине находилось впускное захоронение лошади, ориентированной в западном направлении. В зубах животного обнаружены железные удила с кольчатыми псалиями. Анализ материалов раскопок впускного захоронения позволил обосновать датировку объекта и представить возможности его интерпретации. Имеющиеся обширные аналогии, а также учет общих тенденций развития предметов конского снаряжения дают основания для заключения о том, что рассматриваемый комплекс относится к монгольскому времени и может быть датирован в рамках XIII–XIV вв. н.э. Полученные сведения об обряде захоронения расширяют имеющиеся представления о традициях населения Алтая развитого средневековья. В частности полученные материалы подтверждают существование на Алтае в монгольское время традиции создания «самостоятельных» захоронений лошадей, при устройстве которых могли осуществляться особые ритуальные действия.

*Ключевые слова:* монгольское время, Алтай, захоронение лошади, впускное погребение, Пазырык, конское снаряжение, архивные материалы, музейные коллекции.

**DOI:** 10.14258/tpai(2018)3(23).-06

### *Введение*

На сегодняшний день монгольское время остается одним из наименее изученных периодов в истории Алтая. Это связано, главным образом, с ограниченным количеством археологических материалов XIII–XIV вв., полученных в ходе исследований на территории региона. В связи с этим появление любых новых данных, позволяющих расширить представления о процессах, происходивших на Алтае в развитом средневековье, имеет большое значение. Наряду с проведением точечных полевых изысканий актуальным направлением исследований является введение в научный оборот материалов раскопок прошлых лет, по разным причинам до сих пор не опубликованных и остающихся за рамками внимания специалистов. В настоящей статье представлена характеристика материалов из впускного захоронения монгольского времени, изученного С.С. Сорокиным в 1967 г. на известном комплексе Пазырык в Восточном Алтае.

### *Описание объекта*

Систематические полевые исследования в горной части Алтая С.С. Сорокин начал в 1959 г. в качестве руководителя Южно-Алтайской экспедиции Государственного

---

\* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №18-78-00083 «Социальные системы номадов Алтая раннего железного века и средневековья: статистический и контекстуальный анализ археологических материалов»), а также а в рамках выполнения гранта РФФИ №18-09-00709 «Комплексное изучение погребальной архитектуры царских курганов скифского времени Алтая на погребально-поминальном ансамбле в урочище Пазырык».



Эрмитажа. Одним из направлений работ археолога стало изучение объектов, располагавшихся в непосредственной близости от «царских» комплексов скифо-сакского времени [Паршикова, Серегин, 2018, с. 46–48].

В 1967 г. из-за сложных метеорологических условий в труднодоступной долине р. Аргут, где С.С. Сорокин планировал продолжить раскопки могильника Кок-Су-І, исследователь был вынужден перенести полевые изыскания в Восточный Алтай [Сорокин С.С., НА ИА РАН, Р-1, №3536, л. 1]. В этот сезон он осуществил раскопки нескольких небольших объектов на комплексах Пазырык и Усть-Балыктуюль в долине реки Большой Улаган, в окрестностях с. Балыктуюль. На могильнике Усть-Балыктуюль (Балыктуюльское могильное поле) им раскопаны четыре объекта: два кургана эпохи Великого переселения народов (№225 и 227), каменная насыпь без погребения (курган №160) и поминальное кольцо (объект №548). На комплексе Пазырык С.С. Сорокин [1977] также исследовал четыре сооружения: два кургана булан-кобинской культуры (№23–24) и две ритуальные насыпи (№13 и 21), в одной из которых находилось впускное захоронение лошади с железными удилами. Опубликованы были лишь материалы булан-кобинских погребений. Поскольку другие материалы раскопок на Пазырыкском могильнике в 1967 г. также представляют значительный научный интерес, целесообразно ввести их в научный оборот.

Пазырыкский могильник расположен в 1,5 км к востоку от юго-восточной окраины с. Балыктуюль Улаганского района Республики Алтай, в урочище Пазырык (рис. 1). Данная местность представляет собой ложбину, вытянутую в меридиональном направлении. Находящийся в урочище археологический комплекс расположен на двух относительно ровных площадках. На северной располагаются четыре крупных кургана (№1–4), составляющие цепочку, которая является планиграфическим центром этой части некрополя. В южной части памятника, которая отделена от северной площадки достаточно крутым склоном, находится большой курган №5 и окружающие его объекты. Исследования, проведенные С.С. Сорокиным в 1967 г., были сконцентрированы на раскопках объектов рядом с курганом №5, поэтому далее приведено более подробное описание этой части рассматриваемого комплекса.

Курган №5 находится в южной части могильника Пазырык на относительно ровном террасовидном уступе и является планиграфическим центром этой части памятника (рис. 2). Объекты №7 и 14, расположенные с северной и южной сторон кургана №5, образуют с ним подобие цепочки, что характерно для планиграфии объектов пазырыкской культуры. Северный курган №7, содержащий погребение подростка, раскопан в 1949 г. [Руденко, 1953, с. 40–41]. К западу от кургана №5 находится ряд поминальных колец, которые в настоящее время фиксируются в виде отдельных сохранившихся невысоких вкопанных вертикально камней, а также несколько ритуальных насыпей. С южной и юго-западной стороны «царского» объекта прослеживаются небольшие задернованные каменные кладки. Эти объекты, очевидно, составляют булан-кобинский некрополь, на котором С.С. Сорокиным исследованы два погребения в ящиках. К западу и западу–юго-западу находятся сооружения, раскопанные С.И. Руденко в 1949 г. и А.М. Илюшиным в 1987 г. Самым значительным из этих объектов является курган №6. С северной стороны от кургана №5 расположены раннесредневековая ограда и две выкладки, изученные А.М. Илюшиным [Илюшин, Сулейменов, 1997].

Следует отметить, что С.С. Сорокин, в отличие от большинства своих предшественников и современников, после исследования объектов засыпал все свои раскопы. Однако в настоящее время в результате осуществленной рекультивации крайне сложно идентифицировать сильно задернованные объекты, изученные археологом. Кроме



Рис. 1. Карта-схема расположения комплекса Пазырык



Рис. 2. Современный вид на Пазырыкский могильник. На переднем плане – южная часть комплекса с «царским» курганом №5. Съемка с дрона

того, в публикациях и архивных материалах почти не содержится сведений о локализации сооружений, раскопанных на Пазырыкском комплексе в 1967 г. Единственной уточняющей информацией, приведенной в статье ученого, является указание на то, что курганы №23 и 24 расположены у Пятого Пазырыкского кургана [Сорокин, 1977, с. 57]. Благодаря наличию фотографии в полевом отчете на данный момент точно установлено, что объект №13 находился к западу от кургана №5 [Сорокин С.С., НА ИА РАН, Р-1, №3536, л. 18]. Курганы №23 и 24, судя по всему, располагались к югу от кургана №5 и вместе с другими небольшими задернованными каменными кладками являлись частью небольшого некрополя булан-кобинской культуры конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. Раскопанные объекты можно определить по менее задернованным камням насыпи и особенностям растительности на месте перекопа. Курган №21, вероятно, находился к западу от кургана №5, рядом с курганом №13 и цепочкой поминальных колец из вертикально вкопанных плит. Как уже отмечалось, материалы

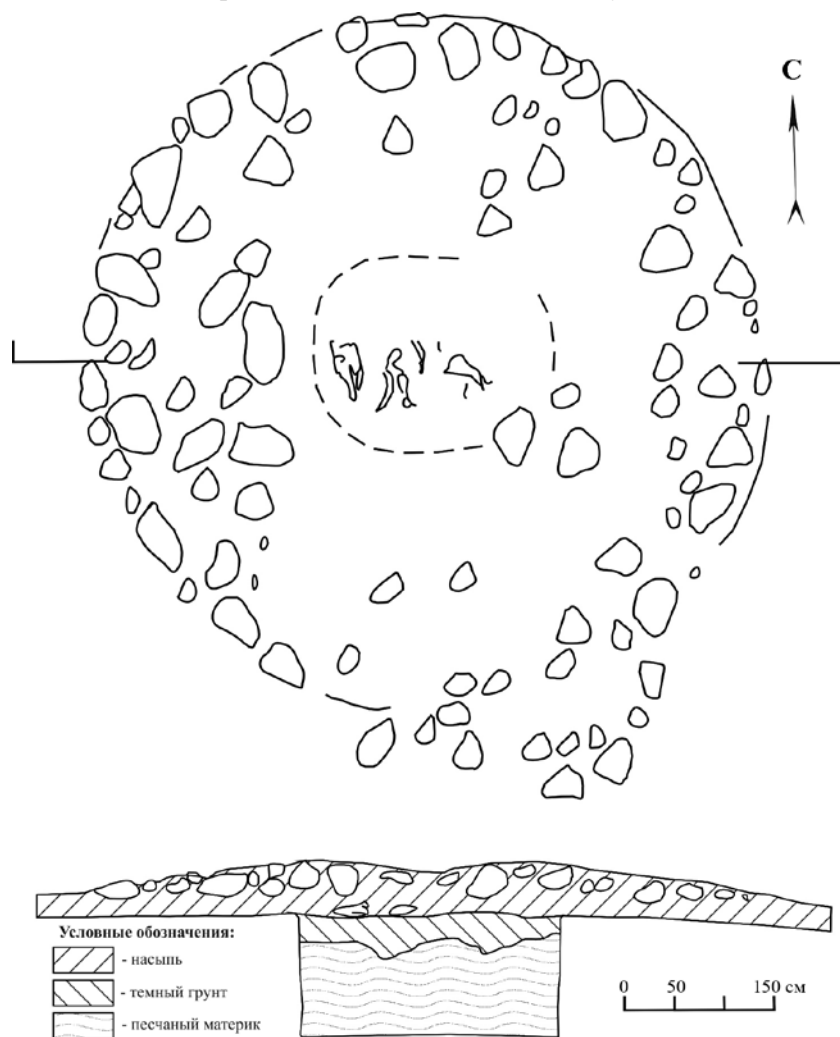


Рис. 3. Курган №21 с впускным захоронением лошади. План и разрез

раскопок объектов №23 и 24 опубликованы. Краткое описание двух оставшихся сооружений приводится ниже.

Объект №13 представлял собой овальную насыпь размером 6,5×7,5 м и высотой 0,2 м. Под наземным сооружением никаких дополнительных конструкций и находок не обнаружено.



Рис. 4. Удила и псалии из впускного захоронения монгольского времени.  
Государственный Эрмитаж, колл. №2814-1. Фото Н.Н. Серегина

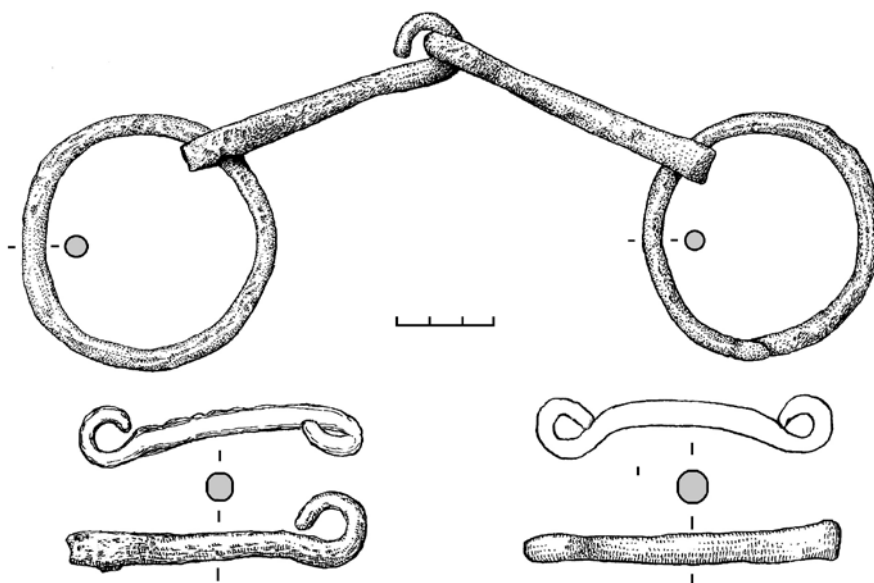


Рис. 5. Удила и псалии из впускного захоронения монгольского времени.  
Рисунок А.Л. Кунгурова

Курган №21 представлял собой каменную насыпь округлой формы диаметром 8 м и высотой 0,4 м. В центре кургана фиксировалась небольшая западина. Под центральной частью насыпи на глубине 0,1–0,2 м от дневной поверхности выявлено впускное захоронение лошади, ориентированной в западном направлении и уложенной, судя по всему, на правый бок (рис. 3). Сохранность костей животного была плохой. В зубах лошади находились железные удила с кольчатыми псалиями (рис. 4–5)\*. Других находок, а также каких-либо конструкций в ходе исследований не обнаружено. Под насыпью и погребением С.С. Сорокиным осуществлен контрольный перекоп на глубину 1,7 м и зафиксирован нетронутый грунт.

#### ***Культурно-хронологическая интерпретация комплекса***

Материалы раскопок кургана №21 комплекса Пазырык, несмотря на фрагментарность имеющихся сведений, достаточны для определения культурной и хронологической принадлежности объекта. Поскольку погребение лошади является впускным, то его материалы не могут быть использованы для установления даты сооружения самой насыпи, за исключением указания на верхнюю хронологическую границу. На Пазырыкском могильнике С.И. Руденко и М.П. Грязновым в 1924 и 1929 гг. раскопано несколько аналогичных «курганов». Подобные объекты, в большинстве случаев не содержащие каких-либо конструкций и находок, неоднократно изучались многими археологами на разных памятниках и по-разному интерпретировались [см. обзор: Серегин, 2010, с. 78–79]. Выкладки и кольца, находящиеся вблизи пазырыкских курганов, обычно связываются исследователями с поминальными обрядами, проводившимися после похорон [Кубарев, 1992, с. 12–14; Полосьмак, 1994, с. 17, рис. 5–6]. В ряде случаев в ходе раскопок таких насыпей зафиксированы следы огня, обгорелые части костей животных, небольшие фрагменты керамики. На могильнике Бике-1 (Северный Алтай) под выкладкой найден бронзовый нож [Кубарев, 1992, с. 13].

Судя по имеющимся сведениям, не содержащие под насыпями находок и дополнительных конструкций «курганы», исследованные в разные годы С.И. Руденко, М.П. Грязновым и С.С. Сорокиным на комплексе Пазырык, также относятся к поминальным объектам и были сооружены в скифо-сакское время, одновременно с курганами пазырыкской культуры.

В 1980 г. в ходе археологической разведки в Улаганском районе Л.С. Марсадолов зафиксировал 2–3 ряда поминальных каменных выкладок и «колец», расположенных на уровне древней дневной поверхности с западной стороны от больших Пазырыкских курганов. Он отметил, что ближайшие к курганам выкладки имели сложную конструкцию, а удаленные (второй и третий ряд поминальников) – гораздо проще по структуре и меньше по размерам [Марсадолов, 1991]. Это вполне объяснимо с этнографической точки зрения: можно предположить, что в последующих поминальных обрядах, происходивших через определенный период времени, принимало участие все меньшее и меньшее число сородичей и приглашенных соплеменников.

Таким образом, на Пазырыкском могильнике ритуальные «курганы», как правило, располагаются к западу от больших насыпей, рядом с поминальными кольцами. Их можно довольно уверенно связать с конкретным погребальным объектом. Курганы №13 и 21, раскопанные С.С. Сорокиным, очевидно, были сооружены в период, близ-

---

\* В настоящее время данная находка хранится в Государственном Эрмитаже (колл. №2814-1).

кий ко времени строительства «царского» кургана №5. Спустя более чем тысячелетие, в развитом средневековье, в курган №21 было «впущено» захоронение лошади.

Датировка впускного захоронения основывается на определении времени бытования единственной находки – удила с кольчатыми псалиями (рис. 4–5). Рассматриваемые изделия имеют крюковые окончания звеньев. Подобный вариант оформления удила наиболее характерен для комплексов монгольского времени [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 66–67]. При этом появление «крюковых» удила на Алтае и сопредельных территориях фиксируется со 2-й пол. III – IV в. н.э. [Неверов, 1992, с. 150–151; Соенов, 1998, с. 96–97; Матренин, Тишкин, 2015, с. 119].

Характерными для монгольского времени являются также кольчатые псалии. Отметим, что изделия такого типа, отличающиеся различными нюансами оформления, получают распространение на Алтае и сопредельных территориях начиная со 2-й пол. III в. н.э. [Соенов, 1998, с. 96–97; Матренин, Тишкин, 2015, с. 119]. Предметы из памятников предтюркского времени и раннего средневековья становятся больше в диаметре и зачастую являются ложновитыми [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 24; Вайнштейн, 1970, рис. 51.-8–9; Илюшин, 1990, рис. 1.-5; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. VI.-24; Илюшин, 2000, рис. II.-5; Худяков, 2003, рис. 5; Кубарев, 2005, табл. 111.-1]. Последние, судя по имеющимся материалам, бытовали вплоть до начала VIII в. [Садыков, 2017, рис. 7.-20; Kubarev, 2017, abb. 173]. Кольчатые псалии, фиксирующиеся в памятниках Алтая конца I – нач. II тыс. н.э., почти во всех случаях отличаются несколько меньшими размерами [Гаврилова, 1965, рис. 12.-4; Захаров, 1926, табл. VI.-1; Худяков, Кочеев, Моносов, 1996, рис. 2.-1, 4; Соенов и др., 2002, рис. 3.-2]. По наблюдениям С.А. Ефремова [1998, с. 160], большие кольчатые псалии (более 5 см) становятся господствующей формой изделий начиная с XIII в. н.э.\*

В целом сочетание особенностей оформления удила и псалиев из рассматриваемого впускного захоронения комплекса Пазырык позволяет отнести данный объект к монгольскому времени и датировать в рамках XIII–XIV вв. н.э.

Особенности обрядовой практики, зафиксированные в ходе раскопок впускного захоронения, не дают серьезных оснований для уточнения датировки объекта. Вместе с тем их анализ позволяет более полно охарактеризовать историко-культурный контекст комплекса.

Традиция совершения отдельных захоронений лошадей на территории Алтая фиксируется начиная с раннего железного века, получив наибольшее распространение у населения булан-кобинской и тюркской культур [Серегин, 2017, с. 43]. Для монгольского времени такие комплексы не характерны. Вместе с тем практически аналогичное рассматриваемому объекту из могильника Пазырык захоронение лошади исследовано на памятнике Кудыргэ [Нестеров, Милютин, 1995, с. 163–164, рис. 8–9]. По мнению А.А. Тишкина и В.В. Горбунова [2005, с. 163], данный объект может датироваться в рамках XII в. Следует отметить, зафиксированные в ходе раскопок предметы не имеют узкого времени бытования, поэтому, на наш взгляд, хронологические рамки сооружения упомянутого захоронения могут быть расширены до XIII в. включительно.

Впускные захоронения в целом характерны для обрядовой практики населения Алтая монгольского времени. Подобные объекты исследованы на комплексах Ак-Алаха-I [Полосьмак, 1994, с. 19, рис. 10–11; Молодин и др., 2004, с. 65], Верх-Еланда-I [Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990, с. 223, рис. 10.-1–3, 7], Талдуаир-I [Кубарев, 2005,

---

\* Диаметр псалиев из впускного захоронения комплекса Пазырык составляет более 7 см.

табл. 96], Яконур [Грязнов, 1940; Тишкин, 2009, с. 184–190]. Своего рода аналогией рассматриваемому комплексу являются также результаты изучения «ритуального» кургана №17 некрополя Элекманар-II [Неверов, Степанова, 1990, с. 122–123, рис. 1.-1, б]. В последнем случае под каменной насыпью отсутствовала могила, но на уровне погребенной поверхности были обнаружены удила с псалиями и наконечник стрелы.

Как показал общий анализ впускных погребений, относящихся к различным периодам в истории Алтая, появление таких комплексов может объясняться рядом обстоятельств: нестабильностью политической ситуации, низким социальным статусом умершего, условиями его смерти и др. [Тишкин, Магренин, 2010, с. 297–299; Серегин, 2016, с. 43]. Однако при интерпретации материалов из памятника Пазырык следует учитывать, что речь идет о впускном захоронении лошади, поэтому в данном случае более обоснованным будет рассмотрение ритуального контекста сооружения объекта. Отметим отсутствие в монгольское время на Алтае, а также и на сопредельных территориях традиции сопроводительных захоронений лошадей с людьми при наличии в погребениях конского снаряжения. В качестве одного из вероятных объяснений можно предположить, что причиной сооружения впускного захоронения стала смерть боевого коня, особое отношение к которому обусловило создание данного комплекса. Наличие определенных ритуальных действий, связанных с захоронением лошади, подтверждают материалы раскопок на подобном объекте некрополя Кудыргэ, где зафиксированы следы костра, разведенного над только что засыпанной могилой [Нестеров, Милютин, 1995, с. 164–165].

### **Заключение**

Анализ материалов раскопок впускного захоронения комплекса Пазырык позволил обосновать датировку объекта и представить возможности его интерпретации. Имеющиеся обширные аналогии, а также учет общих тенденций развития предметов конского снаряжения дают основания для заключения о том, что рассматриваемый комплекс относится к монгольскому времени и может быть датирован в рамках XIII–XIV вв. н.э. Полученные сведения об обряде захоронения расширяют имеющиеся представления о традициях населения Алтая развитого средневековья. В частности полученные материалы подтверждают существование на Алтае в монгольское время традиции создания «самостоятельных» захоронений лошадей, при сооружении которых могли осуществляться особые ритуальные действия.

### **Библиографический список**

- Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения кызылганской и сыын-чюрексской культур) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М. ; Л. : АН СССР, 1970. Т. III. С. 7–79.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.
- Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // СГЭ. 1940. Вып. I. С. 17–21.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- Ефремов С.А. Снаряжение верхового коня у алтайских кочевников 1-й пол. II тыс. н.э. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 159–169.
- Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири (раскопки В.В. Радлова в 1965 г.) // Труды ГИМ. 1926. Вып. 1. С. 71–106.
- Илюшин А.М. Исследования на Пазырыке // Археологические открытия 1985 года. М. : Наука, 1987. С. 241–242.

- Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 117–119.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987–1988 гг. // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1997. №2. С. 93–103.
- Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 2000. С. 157–169.
- Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 224–242.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск : Наука, 1992. 220 с.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1997. С. 115–129.
- Марсадалов Л.С. Археологическая разведка в Улаганском районе Горного Алтая в 1980 г. // Древние памятники культуры на территории СССР. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1991. С. 49–59, 118–123.
- Матренин С.С., Тишкин А.А. Снаряжение верхового коня кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №4/2 (88). С. 116–124.
- Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 255 с.
- Неверов С.В. Удила второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул : БГПИ, 1992. С. 141–154.
- Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Новые материалы из курганов конца I – начала II тыс. н.э. Средней Катунь // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 120–123.
- Нестеров С.П., Милютин К.И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1995. С. 156–177.
- Паршикова Т.С., Серегин Н.Н. Вклад С.С. Сорокина в изучение археологических памятников Алтая эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. Вып. IX. С. 45–51.
- Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск : Наука, 1994. 125 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : АН СССР, 1953. 402 с.
- Садыков Т.Р. Тюркское погребение с конями в урочище Бай-Булуи в Центральной Туве // Теория и практика археологических исследований. 2017. №2. С. 47–59.
- Серегин Н.Н. К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул : Азбука, 2010. Вып. IV. С. 78–83.
- Серегин Н.Н. Впускные погребения тюрок Алтая и сопредельных территорий // Теория и практика археологических исследований. 2016. №2. С. 37–47.
- Серегин Н.Н. Отдельные захоронения лошадей в обрядовой практике раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1. С. 36–48.
- Соенов В.И. Удила и псалли гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 93–98.
- Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2002. №9. С. 117–124.
- Сорокин С.С. Отчет Южно-Алтайской археологической экспедиции о работах, проведенных летом 1967 г. // НА ИА РАН. Ф. Р-1. №3536.
- Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 57–67.



Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул : Азбука, 2009. 208 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Впускные погребения кочевников Алтая поздней древности // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 297–299.

Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. Вып. 1. С. 99–109.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 46–53.

Kubarev G.V. Alttürkische Gräber des Altaj. Bonn : Habelt-Verlag, 2017. 402 s.

### *References*

Vajnshtejn S.I. Raskopki mogil'nika Kokjel' v 1962 g. (pogrebenija kyzylganskoj i syyn-chjurekskoj kul'tur) [Excavations of the Cockel Burial in 1962 (burials of the Kyzylganskaya and Syyn-Ciurekskaya Cultures)]. Trudy Tuvinskoj kompleksnoj arheologo-jetnograficheskoj jekspedicii [Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition]. M. ; L. : AN SSSR, 1970. Vol. III. Pp. 7–79.

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrgje kak istochnik po istorii altajskich plemen [Kudyrgje Burial Ground as a Source on the History of Altai Tribes]. M. ; L. : Nauka, 1965. 146 p.

Grjaznov M.P. Raskopki na Altae [Excavations in Altai]. SGE. 1940. Issue I. Pp. 17–21.

Evtjuhova L.A., Kiselev S.V. Otchet o rabotah Sajano-Altajskoj arheologicheskoj jekspedicii v 1935 g. [Report on the Work of the Sayano-Altai Archaeological Expedition in 1935]. Trudy GIM. 1941 [Proceedings of the State Historical Museum]. 1941. Vyp. 16 [Issue 16]. Pp. 75–117.

Efremov S.A. Snarjazhenie verhovogo konja u altajskich kochevnikov 1-j pol. II tys. n.je. (klassifikacija i tipologija) [Horse Equipment of the Altai Nomads of the 1st half of the 2nd Millenium AD (classification and typology)]. Snarjazhenie verhovogo konja na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e [Equipment of the Horse in Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 159–169.

Zaharov A.A. Materialy po arheologii Sibiri (raskopki V.V. Radlova v 1965 g.) [Materials on the Archaeology of Siberia (excavations of V.V. Radlov in 1965)]. Trudy GIM [Proceedings of the State Historical Museum. 1926. Issue. 1]. 1926. Issue 1. Pp. 71–106.

Iljushin A.M. Issledovanija na Pazyryke [Research in Pazyryk]. Arheologicheskie otkrytija 1985 goda [Archaeological Discoveries of 1985]. M. : Nauka, 1987. Pp. 241–242.

Iljushin A.M. Hronologija i periodizacija ritual'nyh kurganov Gornogo Altaja [Chronology and Periodization of Ritual Burial Mounds of the Altai Mountains]. Ohrana i ispol'zovanie arheologicheskikh pamjatnikov Altaja [Protection and Use of Archaeological Monuments of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1990. Pp. 117–119.

Iljushin A.M., Sulejmenov M.G. Raskopki arheologicheskikh pamjatnikov v doline reki Ulagan v 1987–1988 gg. [Excavations of Archaeological Sites in the Valley of the Ulagan River in 1987–1988]. Drevnosti Altaja. Izvestija laboratorii arheologii [Antiquities of the Altai. News of the Laboratory of Archaeology]. Gorno-Altajsk : GAGU, 1997. №2. Pp. 93–103.

Iljushin A.M. Mogil'nik Kudyrgje i voprosy drevnetjurkskoj istorii Sajano-Altaja [The Kudyrgje Burial Ground and Issues of Ancient Turkic History of Sayano-Altai]. Pamjatniki drevnetjurkskoj kul'tury v Sajano-Altaje i Central'noj Azii [Monuments of Ancient Turk Culture in the Sayano-Altai and Central Asia]. Novosibirsk : NGU, 2000. Pp. 157–169.

Kirjushin Ju.F., Neverov S.V., Stepanova N.F. Kurgannyj mogil'nik Verh-Elanda-I v Gornom Altae [Kurgan Burial Ground of Verkh-Yelanda-I in the Altai Mountains]. Arheologicheskie issledovanija na Katuni [Archaeological Research on the Katun]. Novosibirsk : Nauka, 1990. Pp. 224–242.

Kubarev V.D. Kurgany Sajljugema [Mounds of Sailyugem]. Novosibirsk : Nauka, 1992. 220 p.

Kubarev G.V. Kul'tura drevnih tjurok Altaja (po materialam pogrebal'nyh pamjatnikov) [Culture of the Ancient Turks of Altai (based on the materials of funerary monuments)]. Novosibirsk : IAJeT SO RAN, 2005. 400 p.

Mamadakov Ju.T., Gorbunov V.V. Drevnetjurkskie kurgany mogil'nika Katanda-III [Ancient Türkic Burial Mounds Catanda III]. Izvestija laboratorii arheologii [News of the Laboratory of Archaeology]. Gorno-Altajsk : GAGU, 1997. Pp. 115–129.

Marsadolov L.S. Arheologičeskaja razvedka v Ulaganskom rajone Gornogo Altaja v 1980 g. [Archaeological Exploration in the Ulagan District of the Altai Mountains in 1980]. Drevnie pamjatniki kul'tury na territorii SSSR [Ancient Monuments of Culture in the Territory of the USSR]. SPb. : Izd-vo Gos. Jermi-tazha, 1991. Pp. 49–59, 118–123.

Matrenin S.S., Tishkin A.A. Snarjazhenie verhovogo konja kočevnikov Altaja sjan'bijsko-zhuzhan-skogo vremeni iz mogil'nika Stepushka-I [Equipment of the Riding Horse of the Altai Nomads of the Xian-Jian Period from the Stepushka I Burial Ground]. Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. №4/2 (88) [News of Altai State University. 2015. №4/2 (88)]. Pp. 116–124.

Molodin V.I., Polos'mak N.V., Novikov A.V., Bogdanov E.S., Sljusarenko I.Ju., Cheremisin D.V. Arheologičeskije pamjatniki ploskogor'ja Ukok (Gornyj Altaj) [Archaeological Sites of the Ukok Plateau (Altai Mountains)]. Novosibirsk : IAJeT SO RAN, 2004. 255 p.

Neverov S.V. Udila vtoroj poloviny I tys. n.je. Verhnego Priob'ja (klassifikacija i tipologija) [Bridal Bit of the Second Half of the 1st Millennium AD in the Upper Ob Region (classification and typology)]. Vo-prosy arheologii Altaja i Zapadnoj Sibiri jepohi metalla [Issues of Archaeology of Altai and Western Siberia of the Metal Age]. Barnaul : BGPI, 1992. Pp. 141–154.

Neverov S.V., Stepanova N.F. Novye materialy iz kurganov konca I – nachala II tys. n.je. Srednej Katuni [New Materials from the Barrows of the End of the 1<sup>st</sup> – Beginning of the 2<sup>nd</sup> Millennium AD. Middle Katun]. Ohrana i ispol'zovanie arheologičeskijh pamjatnikov Altaja [Protection and Use of Archaeological Monuments of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1990. Pp. 120–123.

Nesterov S.P., Miljutin K.I. Srednevekovye pamjatniki pod goroj Karali-Jaryk [Medieval Sites under the Karali-Yaryk Mountain]. Voennoe delo i srednevekovaja arheologija Central'noj Azii [Military Science and Medieval Archaeology of Central Asia]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1995. Pp. 156–177.

Parshikova T.S., Seregin N.N. Vklad S.S. Sorokina v izučenie arheologičeskijh pamjatnikov Altaja jepohi Velikogo pereselenija narodov i rannego srednevekov'ja [Contribution of S.S. Sorokin in the Study of Archaeological Monuments of the Altai Era of the Great Migration of Peoples and Early Middle Ages]. Drevnosti Prienisejskoj Sibiri [Antiquities of Prieniseyskaya Siberia]. Krasnojarsk : Sib. feder. un-t, 2017. Vyp. IX [Issue IX]. Pp. 45–51.

Polos'mak N.V. «Steregushhie zoloto grify» (ak-alahinskie kurgany) [Protecting Gold Vultures (ak-Alahinsky Mounds)]. Novosibirsk : Nauka, 1994. 125 p.

Rudenko S.I. Kul'tura naselenija Gornogo Altaja v skifskoe vremja [Culture of the Altai Population in the Scythian Time]. M. ; L. : AN SSSR, 1953. 402 p.

Sadykov T.R. Tjurkskoe pogrebenie s konjami v urochishhe Baj-Bulun v Central'noj Tuve [Türkic Burial with Horses in the Bai-Bulun Tract in Central Tuva]. Teorija i praktika arheologičeskijh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2017. №2. Pp. 47–59.

Seregin N.N. K voprosu ob interpretacii «ritual'nyh» kurganov (po materialam tjurkskoj kul'tury) [On the Interpretation of “Ritual” Burial Mounds (based on the materials of the Türkic culture)]. Mirovozzrenie nasele-nija Juzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoričeskoj retrospektive [World Outlook of the Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospective]. Barnaul : Azbuka, 2010. Vyp. IV [Issue IV]. Pp. 78–83.

Seregin N.N. Vpusknye pogrebenija tjurok Altaja i sopredel'nyh territorij [Inlet Burials of the Turks of Altai and Adjacent Territories]. Teorija i praktika arheologičeskijh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2016. №2. Pp. 37–47.

Seregin N.N. Otdel'nye zahoroneniya loshadej v obrjadovoj praktike rannesrednevekovykh tjurok Central'noj Azii [Separate Burials of Horses in the Ritual Practice of the Early Medieval Turks of Central Asia]. Teorija i praktika arheologičeskijh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2017. №1. Pp. 36–48.

Soenov V.I. Udila i psalii gunno-sarmatskogo vremeni Gornogo Altaja [Bits and Had and the Psalia of the Xiongnu -Sarmatian Time of the Altai Mountains]. Snarjazhenie verhovogo konja na Altaj v rannem

zheleznom veke i srednevekov'e [Equipment of the Riding Horse in Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 93–98.

Soenov V.I., Trifanova S.V., Vdovina T.A., Jazhankina S.I. Srednevekovoe skal'noe zahoronenie v Kamennom Logu [Medieval Rock Burial in the Stone Log]. Drevnosti Altaja [Antiquities of Altai]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2002. №9. Pp. 117–124.

Sorokin S.S. Otchet Juzhno-Altajskoj arheologicheskoj jekspedicii o rabotah, provedennyh letom 1967 g. [Report of the South Altai Archaeological Expedition on the Work Carried Out in the Summer of 1967]. NA RAS. F. P-1. №3536.

Sorokin S.S. Pogrebenija jepohi velikogo pereselenija narodov v rajone Pazyryka [Burials of the Time of the Great Migration of Peoples in the Pazyryk Region]. ASGE. 1977. Issue 18. Pp. 57–67.

Tishkin A.A. Altaj v mongol'skoe vremja (po materialam arehologicheskikh pamjatnikov) [Altai in Mongolian Time (based on materials of archaeological monuments)]. Barnaul : Azbuka, 2009. 208 p.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Kompleks arheologicheskikh pamjatnikov v doline r. Bijke (Gornyj Altaj) [A Complex of Archaeological Monuments in the valley of the Bijka River (Altai Mountains)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 200 p.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Kazakov A.A. Kurgannyj mogil'nik Teleutskij Vzvoz-I i kul'tura naselenija Lesostepnogo Altaja v mongol'skoe vremja [The Teleutsky Vvoz-I Burial Mound and Culture of the Forest-Steppe Altai Population in Mongolian Time]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 276 p.

Tishkin A.A., Matrenin S.S. Vpusknye pogrebenija ja kochevnikov Altaja pozdnej drevnosti [Inlet Burials of Altai Nomads of Late Antiquity]. Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arheologo-jetnograficheskikh soveshhanij [Culture as a System in the Historical Context: the Experience of the Western Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings]. Tomsk : Agraf-Press, 2010. Pp. 297–299.

Hudjakov Ju.S. Kok-Jedigan – novyj pamjatnik kyrgyzskoj kul'tury v Gornom Altae [Kok-Edigan – a New Monument of Kyrgyz Culture in the Altai Mountains]. Arheologija i jetnografija Altaja [Archaeology and Ethnography of Altai]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2003. Issue 1. Pp. 99–109.

Hudjakov Ju.S., Kocheev V.A., Monosov V.M. Baltarganskije nahodki [Baltargan Finds]. Gumanitarne nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. 1996. №3. Pp. 46–53.

Kubarev G.V. Altürkische Gräber des Altaj. Bonn : Habelt-Verlag, 2017. 402 p.

**N.N. Seregin<sup>1</sup>, N.A. Konstantinov<sup>2</sup>, L.S. Marsadolov<sup>3</sup>**

<sup>1</sup>*Altai State University, Barnaul, Russia;*

<sup>2</sup>*Gorno-Altajsk State University, Gorno-Altajsk, Russia;*

<sup>3</sup>*State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia*

## **INLET BURIAL OF THE MONGOLIAN TIME FROM THE PAZYRYK COMPLEX (based on excavations by S.S. Sorokin in 1967)**

The article presents the publication of inlet burial of horse dated by Mongolian time, which was excavated by S.S. Sorokin at the Pazyryk complex in 1967. Based on the archival materials, the museum collection from the State Hermitage and publications, a general description of the “ritual” mound №21 is presented. It is established that this object is located in the southern part of the famous burial ground, not far from “royal” burial mound №5 of the Scythian-Saka time. Under the central part of the embankment at a shallow depth was the inlet burial of a horse oriented in a western direction. Iron teeth with ringed psalia were found in the teeth of the animal. Analysis of excavation materials of the inlet grave allowed us to justify the dating of the object and to present the possibilities of its interpretation. The existing extensive analogies, along with the consideration of general trends in the development of horse equipment, give grounds to conclude that the complex under consideration belongs to the Mongolian time and can be dated within the 13<sup>th</sup> – 14<sup>th</sup> centuries AD. The information obtained about the burial rite widens the existing understanding of the traditions of the Altai population during the developed Middle Ages. In particular, the received materials confirm the existence in Altai in the Mongolian time of the tradition of creating “separate” burials of horses, during the construction of which special ritual actions could have been carried out.

*Key words:* Mongolian time, Altai, horse burial, inlet grave, Pazyryk, horse equipment, archival materials, museum collections.

## **К ВОПРОСУ О КЕРАМИКЕ БОЙСМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОЛЛЕКЦИЯХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (Нижнее Приамурье)**

Представлены результаты изучения керамики «бойсманского культурно-хронологического типа» из коллекций нижеамурских памятников: Сучу, у с. Вознесенского, Иннокентьевка, Малышево-2 (жилище 2). Методическую основу исследования составили разработки А.А. Бобринского, И.Г. Глушкова, И.С. Жущиховской. Визуальный осмотр керамики осуществлялся с помощью бинокулярного микроскопа. Сравнительный анализ технологических, конструктивных, морфологических и орнаментальных характеристик выявил признаки «гибридизации»: примеси дресвы и шамота в составе формовочных масс; жгутовой и ленточный способы формовки; спиральный и кольцевой налеп; два способа моделирования обреза устья сосудов; донный и донно-емкостный начинны; заглаживание, лощение, затирка, обмазка, ангоб, окрашивание при обработке поверхностей; окислительный режим обжига с использованием приема задымления; сосуды закрытых форм разных типов (в том числе шаровидно-сферические); варьирование размерного ранга сосудов. В статье ставится вопрос о возможных путях миграций, а также о существовании «транзитной» зоны на сопредельных территориях юга Дальнего Востока (Нижнее Приамурье, Приморье).

*Ключевые слова:* юг Дальнего Востока, неолит, малышевская культура, бойсманская культура, «бойсманский культурно-хронологический тип», керамика, «гибридизация», транзитная зона.

**DOI:** 10.14258/tpai(2018)3(23).-07

### ***Введение***

Нижнее Приамурье – долина Амура и его притоков от низовьев Усури до устья – определяется как транзитная территория, один из магистральных путей миграционных потоков древности. Значимым источником информации в изучении древних миграций и культурных контактов является керамика – материал серийный, массовый, обладающий сложным комплексом различных характеристик [Жущиховская, 2003].

Сопоставление археологических находок, происходящих с соседних регионов юга Дальнего Востока, с целью выявления возможных связей проводилось еще в 1950–1980-е гг. А.П. Окладниковым [1959], А.П. Деревянко [Окладников, Деревянко, 1973], Д.Л. Бродянским [1975; 1987]. С развитием источниковой базы интерес к корреляции приамурских и приморских памятников значительно возрос [см., например: Неолит юга..., 1991; Жущиховская, 2004; Морева, Батаршев, 2009; Медведев, Филатова, 2009].

Вопрос о принципиальном сходстве керамики бойсманской и малышевской археологических культур впервые был поставлен О.Л. Моревой [2005] в ее диссертационном исследовании. Отмечалась близость керамики бойсманской культуры первого этапа с ранней малышевской, а также второго, но особенно третьего этапа – с малышевской керамикой. Выводом стало мнение о наличии эпизодических контактов в период 7–6 тыс. л.н. и миграции бойсманского населения или о существовании обычая смешанных браков между населением сопредельных территорий на третьем этапе развития бойсманской керамической традиции (5700–5400 л.н.) [Морева, 2005, с. 22].

Позднее, в совместной с С.В. Батаршевым статье, специально посвященной вопросам культурных контактов в неолите Приморья и Приамурья, объяснялось, что при знакомстве с коллекцией многослойного поселения Малая Гавань (раскопки А.К. Конопацкого) было обращено внимание на наличие керамики, аналогичной сосудам третьего этапа гончарства бойсманской культуры. Причем «...обнаружилось сходство не с отдельными приморскими экземплярами, а со всем керамическим комплексом этапа по технико-технологическим, морфологическим и орнаментальным признакам» [Морева, Батаршев, 2009, с. 149]. Со ссылками на работу А.П. Окладникова [1981] и статью В.Е. Медведева и И.В. Филатовой [2002] было отмечено, что «несколько аналогичных сосудов найдены на острове Сучу (раскопки 1974–1975 гг.) и на Вознесенском поселении. На нижнеамурских памятниках вся эта керамика интерпретируется исследователями как керамика малышевской культуры» [Морева, Батаршев, 2009, с. 149]. Сравнение бойсманской керамики третьего этапа и указанной керамики с поселения Малая Гавань привело авторов статьи к выводу, что эта керамика имеет «южное (Приморское) происхождение» и «может рассматриваться как бойсманский культурно-хронологический тип» [Морева, Батаршев, 2009, с. 150].

Первое описание керамики, обозначенной позже приморскими археологами как «бойсманский культурно-хронологический тип», было дано А.П. Окладниковым еще в 1978 г. при характеристике комплекса «развитого неолита» по материалам с Сучу: «Есть сосуды особого рода. Это не толстостенные баночные горшки, а изящные тонкостенные сосудики, вазы. У них суженное высокое горло, относительно выпуклые бока, плавно суживающиеся ко дну. Орнамент таких парадных сосудов своеобразен. Он состоит из опускающихся в них треугольников, заполненных тщательно выполненными спиральками. Однако крупные спирали вообще отсутствуют» [Окладников, 1978, с. 80]. Описываемые сосуды были получены в результате полномасштабных раскопок, которые проводились на острове в начале – середине 1970-х гг. Кроме того, несколько фрагментов этого типа керамики ранее были опубликованы в отчете об исследовании поселения у с. Вознесенского [Окладников, 1972, с. 26, рис. 4.-2, 3, 5, 6], а фотографии еще пяти образцов: одного с поселения у с. Вознесенского (материалы 1968 г.) и четырех – с Сучу (раскопки 1974 и 1975 гг.) – позднее были размещены в альбоме «Ancient Art of Law Amur» [Okladnikov, 1981, p. 112, fig. 93, p. 121, fig. 106, p. 123, fig. 108, p. 132, fig. 119]. На последний и ссылаются приморские археологи.

В процессе изучения орнаментальных традиций нижнеамурского неолита керамика указанного типа также была нами отмечена; были высказаны некоторые соображения относительно ее культурной принадлежности [Медведев, Филатова 2014, с. 57, 114]. Как позднее заметил В.Е. Медведев, «найденный на о. Сучу, очевидно, в погребении, впущенном в заполнение жилища, малышевской культуры остродонный сосуд ... может свидетельствовать о сосуществовании с малышевцами неких инокультурных групп амурских обитателей. В данном случае наибольший интерес представляет керамика 3-го этапа бойсманской культуры...». И далее: «Это касается рельефной негативной орнаментации и форм сосудов» [Медведев, 2017, с. 156–157]. Цель настоящего исследования – на основе сравнительного анализа технологических, конструктивных, морфологических и орнаментальных характеристик керамики так называемого «бойсманского культурно-хронологического типа» выделить признаки ее «гибридизации», а также определить возможные пути миграций и наиболее вероятную «транзитную» зону на сопредельных территориях Нижнего Приамурья и Приморья.

### **Материалы и методы исследования**

Были изучены керамические комплексы в составе коллекций\* ряда нижнеамурских памятников, раскопанных в разное время под руководством А.П. Окладникова, А.П. Деревянко и В.Е. Медведева. Обследованные материалы были ранее частично опубликованы [Медведев, Филатова, 1998; 2001; 2002; 2014; 2015; 2016].

В процессе анализа археологических коллекций, а также опубликованных материалов [Конопацкий, 1993] было установлено, что керамика рассматриваемого типа отмечена в составе нескольких археологических памятников Нижнего Приамурья (рис. 1): Малая Гавань, Сучу, у с. Вознесенского, Иннокентьевка и Малышево-2 (жилище 2).

Подсчеты образцов позволили установить некую корреляцию между количеством и местом нахождения. На поселении Малая Гавань количество указанной керамики составляет около 200 фрагментов. На Сучу в материалах раскопок 1972 г. зафиксировано 44 образца: миниатюрный сосуд без донной части, 18 венчиков, 24 стенки и доннышко. Вся керамика была выявлена в заполнении и на полу жилищ А, Б и В. В еще большем количестве керамика этого типа представлена в материалах раскопок 1973, 1974 и 1975 гг. Так, например, в коллекции 1974 г. насчитывается 340 фрагментов.

На поселении у с. Вознесенского в материалах раскопок 1966 г. отмечено 178 единиц: четыре сосуда в развалах, три верхних части, 11 венчиков, 13 стенок и пять донцов. Три сосуда и большая часть фрагментов обнаружены на глубине от 160 до 220 см (слои III, IV). Есть эта керамика и в коллекции 1968 г. В сравнительно небольшом количестве данный тип керамики отмечен на поселении Иннокентьевка и единично в Малышево-2 (верхняя часть, боковина и фрагмент стенки, обнаруженные в одном квадрате на глубине 80 см от дневной поверхности). В двух последних случаях необходимо учитывать масштаб проведенных раскопок, а при характеристике материалов с поселения у с. Вознесенского – степень сохранности памятника.

Поскольку для большинства памятников, где обнаружена эта керамика, даты отсутствуют (исключение составляют Малая Гавань и Сучу, но даты с последнего происходят из другой части острова), вопрос хронологии представляется наиболее сложным. Для юго-западных памятников, к которым относятся Малышево-2, Иннокентьевка и Вознесенское, единственными являются радиоуглеродные даты из памятников Гася (7950±80 л.н.) и Сикачи-Алян – нижний пункт (6900±260 л.н.) [Медведев, 2007]. Для северо-восточных памятников есть серия радиоуглеродных дат с Сучу (5180–4380 л.н.) [Деревянко и др., 2002], а также с Малой Гавани (5000–4900 л.н.) [Шевкомуд и др., 2008; Шевкомуд, Кузьмин, 2009]. Время «возможных миграций» «бойсманцев» определяется приморскими исследователями «в диапазоне 5725±40 – 5480±40 [Морева, Батаршев, 2009, с. 152]. Соответственно даты юго-западной группы малышевских памятников значительно старше бойсманских, а даты северо-восточной группы памятников, где обнаружено наибольшее количество указанной керамики, наоборот, моложе бойсманских.

Методами изучения керамических материалов стали разработки А.А. Бобринского [1978], И.Г. Глушкова [1996], И.С. Жущиховской [2004]. Визуальный осмотр керамики (внешняя и внутренняя поверхности черепков, а также свежие изломы) «бойсманского культурно-хронологического типа» (рис. 2) из коллекций вышеуказанных памятников проводился с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10.

\* В настоящее время коллекции хранятся в фондах Института археологии и этнографии СО РАН.

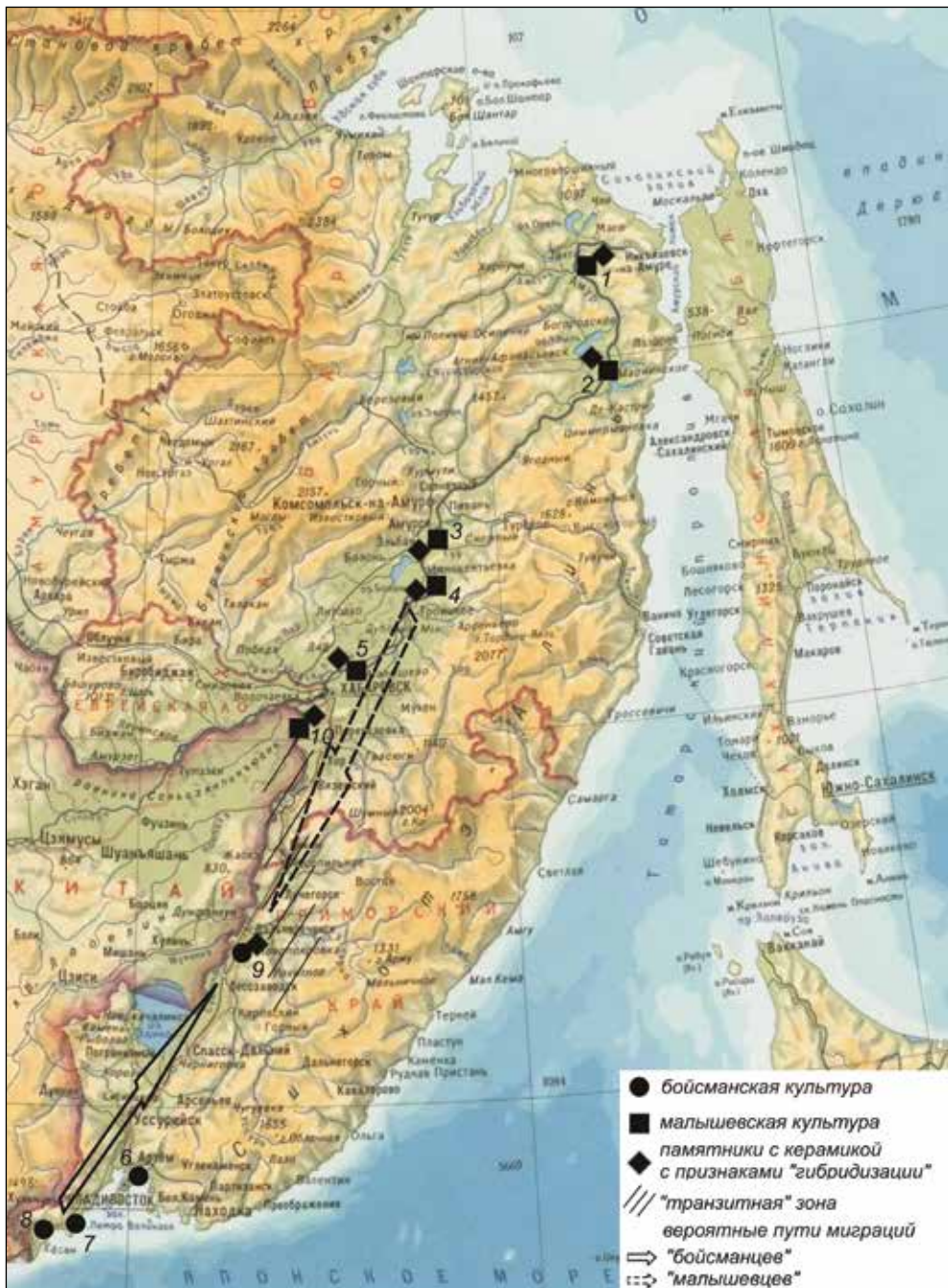


Рис. 1. Карта-схема местонахождений памятников малышевской (1–5, 10) и бойсманской (6–9) культур, с керамикой с признаками «гибридизации» (1–5, 9, 10):  
1 – Малая Гавань; 2 – Сучу; 3 – Вознесенское; 4 – Иннокентьевка;  
5 – Малышево-2; 6 – Кировское; 7 – Бойсмана-1, 2; 8 – Заревье-1, Ханси-1, Зайсановка-3, Гладкая-4; 9 – Дальний Кут-15; 10 – Казакевичево



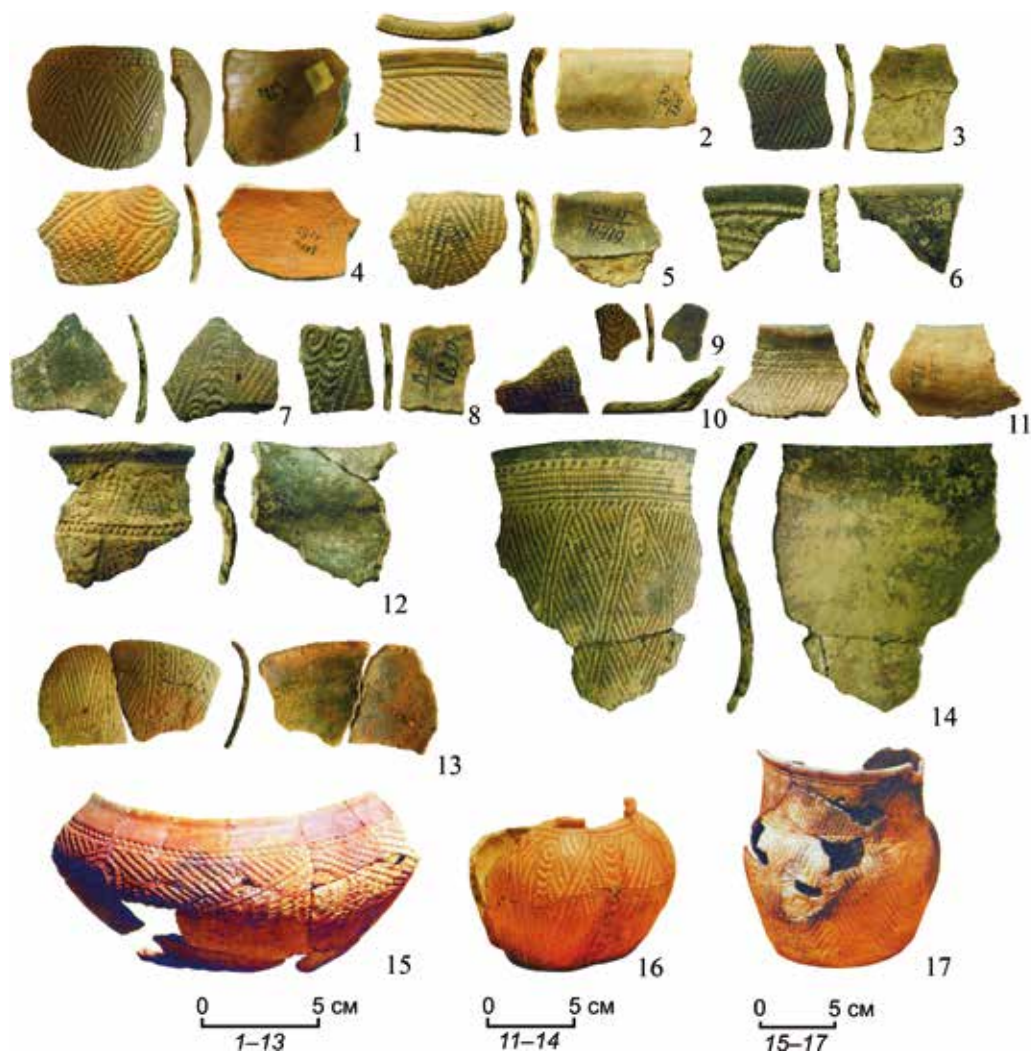


Рис. 2. Керамика «бойсманского культурно-хронологического типа» (малышевской культуры с признаками «гибридизации»): 1–5, 16, 17 – Сучу; 6–12, 15 – у с. Вознесенского (15–17 – по: [Okladnikov, 1981, fig. 93, 106, 108]); 9, 13, 14 – Малышево-2 (жилище 2). Нижнее Приамурье

### Результаты исследования

Проведенный анализ керамики «бойсманского культурно-хронологического типа» из указанных выше памятников дал следующие результаты. Тесто большей части образцов из коллекции с Сучу отличается однородностью, оно хорошо промешано. То же самое можно сказать о части фрагментов с поселения у с. Вознесенского. Тесто образцов из коллекции с поселений Малышево-2, Иннокентьевка и некоторых фрагментов с Вознесенского и Сучу отличается рыхлостью. С помощью бинокулярного микроскопа выявлено наличие примеси песка, породных обломков (дресвы), а также шамота.



Для моделирования сосудов использовались две программы (донный и донно-емкостный начин) и два способа (жгутовой и ленточный, кольцевой и спиральный). Сосуды с Сучу конструировались в программе донного или донно-емкостного начина жгутовым или ленточным налепом; с поселений Малышево-2, у с. Вознесенского и Иннокентьевки – в программе донно-емкостного начина жгутовым или ленточным налепом. Размерный ранг жгутов и лент варьирует в зависимости от размеров изделий; средние показатели: диаметр жгутов 1,2–1,3 см, ширина лент 4–5 см. Крепление последних осуществлялось внахлест изнутри, крепление жгутов – «в стык» с дополнительными элементами креплений. Устье сосудов моделировалось перегибом верхней ленты или подлепом жгута. Выделяются три типа венчиков: 1) венчик прямой, обрез устья скошен внутрь, внешний край приострен и, как правило, оформлен насечками; 2) венчик прямой, обрез устья закруглен, внешний бортик может быть утолщен налепом; 3) венчик отогнут наружу, с закругленным обрезом устья. Толщина стенок сосудов варьирует: есть тонкостенные (с толщиной венчиков, стенок и донцев 0,3–0,5 см) и толстостенные экземпляры (с толщиной венчиков и стенок 0,7–0,9 см). Все выявленные донца плоские. Остродонный сосуд в материалах исследованных коллекций зафиксирован только в одном случае [Медедев, 2017, с. 157, рис. 1].

Отделка внешних и внутренних поверхностей керамики с Сучу и большей части фрагментов с поселения у с. Вознесенского отличается особой тщательностью. Поверхности заглаживались, ложились, покрывались ангобом (Сучу), окрашивались. Керамика с Малышево-2, а также некоторые образцы с Вознесенского поселения отличаются менее тщательной отделкой: поверхности заглаживались, реже – затирались, замывались. Цвет керамики в основном желто- и красно-коричневых, оранжевых, розоватых и коричневых оттенков, что указывает на обжиг в окислительном режиме. Есть также образцы серого и черного цвета. Вероятно, при обжиге использовался прием задымления.

Сосуды – открытых и закрытых (преобладают) форм, симметричные. Помимо указанных А.П. Окладниковым ваз отметим также горшковидные, шаровидно-сферические сосуды, а также изделия нестандартных форм. У вазовидных сосудов хорошо выделены шейка и плечики. Размерный ряд сосудов варьирует от крупных (высотой 25–30 см, максимальный диаметр 24,5–30 см) до миниатюрных образцов (высотой 6,5 см, максимальный диаметр 8 см). Средние параметры сосудов: высота 15–20 см, диаметр по венчику 11–20 см, тулова – 15–20 см, донца – 10 см. Угол соединения донца и тулова составляет от 50° до 65°.

Зонами размещения декора служили венчик (обрез устья и внешний бортик), горловина, плечики, тулово и придонная часть. Орнамент практически полностью покрывал поверхность, оставляя гладкой только узкую полосу у края донца. Технично-декоративные элементы (оттиски дугообразные (в том числе проташенные или прочесанные), угольчатые, прямоугольные, треугольные, фигурные) компоновались в разнообразные мотивы. Внешний бортик венчика и низ горловины оформлялись волнистыми линиями, составленными из угольчатых, треугольных, фигурных оттисков, в результате чего образовывался так называемый «волнистый ложный валик». Горловина, плечики и тулово – сегментами, треугольниками, иногда дугами, волютами, спиральями – из дугообразных проташенных, прочесанных или угольчатых оттисков отступающей лопаточки. Использовался также гребенчатый штамп, вдавления которого образовывали

прямые линии. Заметим, что оттиски могли наноситься как в отступающей технике лопаткой, так и прокаткой зубчатого колесика. Тип построения композиции – бордюры + сетка + розетка.

В таблице, приведенной ниже, представлены основные технико-технологические, морфологические и орнаментальные признаки «бойсманского культурно-хронологического типа», малышевской (развитый комплекс) и бойсманской (3-й этап) [Морева, 2005, с. 7–9, 13] гончарных традиций.

Основные технико-технологические, морфологические и орнаментальные признаки малышевской и бойсманской гончарных традиций, «бойсманского культурно-хронологического типа»

Признаки		Малышевская культура (развитый комплекс)	Бойсманская культура (3-й этап развития)	Бойсманский культурно-хронологический тип
Технико-технологические	Формовочные массы	Минералогенная (глина + породные обломки (дресва), глина + песок; глина + песок + породные обломки (дресва)); минералогенно-шамотная (глина + песок + шамот)	Минералогенная (глина + песок); органогенная (глина + раковина морского моллюска)	Минералогенная (глина + песок + породные обломки (дресва)); Минералогенно-шамотная (глина + породные обломки (дресва) + шамот; глина + песок + породные обломки (дресва) + шамот)
	Способ формовки	Ленточный и жгутовой, кольцевой и спиральный налеп	Жгутовой кольцевой налеп	Жгутовой и ленточный, спиральный и кольцевой налеп
	Начин	Донный и донно-емкостный начин	Донный и донно-емкостный начин	Донный и донно-емкостный начин
	Обработка поверхности	Затирка, замывание, заглаживание, лощение, обмазывание, покрытие ангобом, окрашивание	Затирка, замывание, заглаживание	Затирка, замывание, заглаживание, лощение, обмазывание, покрытие ангобом, окрашивание
	Обжиг	Открытый (окислительный режим) низкотемпературный (до 700°C) в неспециализированных тепловых устройствах (костровой обжиг), «задымление»	Открытый (окислительный режим) низкотемпературный (до 600°C) в неспециализированных тепловых устройствах (костровой обжиг)	Открытый (окислительный режим) низкотемпературный в неспециализированных тепловых устройствах (костровой обжиг), «задымление»
Морфологические	Тип сосудов	Открытой и закрытой (преобладают) формы, с горловиной (преобладают) и без нее	Открытой (преобладают) и закрытой формы, с горловиной (преобладают) и без нее	Открытой и закрытой (преобладают) формы, с горловиной (преобладают) и без нее
	Венчики	Прямые, отогнутые наружу или загнутые вовнутрь; верхний срез округлый, приостренный, уплощенный, скошенный	Прямые, слегка отогнутые наружу или загнутые вовнутрь; верхний срез уплощенный, приостренный	Прямые, отогнутые наружу или загнутые вовнутрь; верхний срез округлый, приостренный, уплощенный, скошенный
	Донца	Плоские, приостренные (единично)	Плоские	Плоские, приостренные (единично)
	Размерный ранг	Варьирование от крупных до миниатюрных размеров	Средний размер	Варьирование от крупных до миниатюрных размеров

Окончание таблицы

Признаки	Малышевская культура (развитый комплекс)	Бойсманская культура (3-й этап развития)	Бойсманский культурно- хронологический тип	
Орнаментальные	Рельеф	Негативный, позитивный рельеф, плоскостной декор	Негативный, позитивный рельеф, плоскостной декор	
	Способы нанесения	Штампование, отступление, накальвание, насекание, налепливание, прокатывание, протаскивание	Штампование, накальвание, отступление, налепливание	Штампование, отступление, накальвание, насекание, налепливание, прокатывание, протаскивание
	Технико-декоративные элементы	Оттиски гребенчатого и фигурного штампов, отступающей лопатки, зубчатого колесика, пальцевые и ногтевые вдавления, прочерченные линии и желобки, насечки, наколы, налепные валики (прямые, в т.ч. с карнизом, и волнистые)	Оттиски гребенчатого и гладкого штампа, «волнистый ложный валик»	Оттиски гребенчатого и фигурного штампов, отступающей лопатки, зубчатого колесика, «волнистый ложный валик»
	Мотивы	Прямолинейные, криволинейные, «личины»	Прямолинейные, криволинейные	Прямолинейные, криволинейные
	Композиции	Сетчато-концентрическая, радиально-концентрическая, сетчато-радиально-концентрическая структуры; бордюр + сетка, бордюр + розетку, бордюр + сетка + розетка	Сетчато-концентрическая структура; бордюр + сетка	Сетчато-концентрическая структура; бордюр + сетка
	Зоны орнаментации	Венчик, шейка, тулово	Венчик (единично), шейка, тулово, донце (единично)	Венчик, шейка, тулово

Итак, сравнительный анализ приамурских и приморских материалов показал, что керамика «бойсманского культурно-хронологического типа» и 3-го этапа бойсманской культуры имеет признаки сходства. Среди них: 1) песок в составе формовочных масс; 2) жгутовой способ формовки; 3) кольцевой налеп; 4) донно-емкостный и донный начин; 5) затирка, замывание, заглаживание при обработке поверхностей; 6) низкотемпературный окислительный режим обжига; 7) открытые сосуды с горловиной; 8) прямые, слегка отогнутые наружу венчики с приостренным верхним срезом; 9) плоские донца; 10) наличие сосудов среднего размерного ранга; 11) использование гребенчатого штампа в орнаментации сосудов, а также «волнистый ложный валик» как основной культурный индикатор.

Однако есть и различия. Во всех исследованных нами образцах с типично «бойсманским» орнаментом отмечены «малышевские» признаки: 1) примеси породных обломков (дресвы) и шамота в составе формовочных масс; 2) ленточный способ формовки; 3) спиральный налеп; 4) донно-емкостный начин; 5) лощение, обмазывание, покрытие ангобом, окрашивание при обработке поверхностей; 6) низкотемпературный окислительный режим обжига с использованием приема задымления; 7) закрытые с горловиной сосуды разных типов (в том числе шаровидно-сферические); 8) прямые, отогнутые наружу венчики с закругленным или приостренным верхним срезом; 9) приостренные донца (единично); 10) варьирование размерного ранга сосудов от крупных до миниатюрных экземпляров; 11) использование отступающей лопатки и зубчатого колесика при декорировании изделий.

Таким образом, практически по всем основным – технико-технологическим, морфологическим и орнаментальным – параметрам в керамике «бойсманского культурно-хронологического типа» прослеживаются признаки смешения малышевской (нижнеамурской) и бойсманской (приморской) гончарных традиций, что говорит о ее «гибридной» природе.

### ***Обсуждение результатов исследования***

Наиболее вероятным объяснением выявленной ситуации может быть участие в процессе производства керамики носителей разных гончарных традиций. Как указывалось выше, в диссертационном исследовании О.Л. Моревой было высказано два предположения: 1) эпизодические контакты и миграция бойсманского населения; 2) существование смешанных браков между населением сопредельных территорий [Морева, 2005, с. 22]. Позже приморскими исследователями был выдвинут тезис о миграции «бойсманцев» на северо-восток и дальнейшей ассимиляции их «малышевцами» без заметного влияния их на последних. Пути коммуникации при этом служили реки амурского бассейна, и прежде всего Усури с притоками [Морева, Батаршев, 2009, с. 151–152].

На наш взгляд, более вероятной была ситуация взаимной миграции древних сельников Приамурья и Приморья. Материалы из раскопок поселения Казакевичево [Ларичев, 1961; Медведев, Филатова, 2015], а также результаты исследований в долине р. Иман В.А. Лынши и Тарасенко [Лынша, Тарасенко, 2014; 2015], позволяют говорить о том, что основными направлениями движения были северо-восточное (для «бойсманцев») и юго-западное (для «малышевцев»), а долина р. Усури с ее притоками служила «транзитной» зоной (см. рис. 1), где и могли происходить контакты, в том числе брачного характера, и смешение населения.

Следует также отметить возможность взаимной миграции, а следовательно, и контактов «бойсманцев» и создателей керамики стоянки Амурзет (ЕАО) [Медведев, 2009]. В этом случае «бойсманцы» могли двигаться, как указали приморские археологи, в северо-западном направлении, а «амурзетцы» – в юго-восточном. Обратим внимание, что материалы поселения Казакевичево имеют признаки сходства с керамикой 2-го и 4-го этапов развития бойсманской культуры, что подтверждает существование неоднократных и периодических контактов древнего населения Приамурья и Приморья в эпоху неолита.

Исследователи отмечают значимость технологических процессов, особенно связанных с отбором исходного сырья и подбором рецептуры формовочных масс, для выявления миграций и процессов смешения населения [Бобринский, 1978, с. 94, 242–244; Глушков, 1994, с. 111–119; Жущиховская, 2003, с. 125]. Поэтому для более детальной характеристики керамики «бойсманского культурно-хронологического типа» необходимо провести петрографический, рентгенофазовый и термический анализы, которые позволят существенно дополнить информацию по указанным признакам и сравнить ее с материалами сопредельных территорий Приамурья и Приморья на новом уровне. И кроме того, вероятно, поможет с большей точностью определить, какой гончарной традиции принадлежит эта керамика, кто именно был ее создателем, каковы причины их миграций, какова природа их контактов.

### ***Заключение***

Подводя итоги, отметим, что полученные результаты следует рассматривать как предварительные. Помимо ответов на поставленные вопросы, касающиеся собственно керамического комплекса «бойсманского культурно-хронологического типа», расши-

рение источниковой базы путем проведения физико-химических исследований этой керамики позволит, на наш взгляд, приблизиться к решению некоторых более широких проблем неолита юга Дальнего Востока. Это, во-первых, вопрос о комплексах смешанной, «гибридной» природы, а, во-вторых, о «транзитных памятниках» и «транзитных зонах». Не вызывает сомнений, что на территории сопредельных районов юга Дальнего Востока существуют ареалы, которые можно рассматривать в качестве «транзитных», где в древности осуществлялись контакты различного рода. Главным индикатором существования таких «зон», на наш взгляд, будут именно признаки «гибридизации» различных археологических материалов и, в первую очередь, керамики.

### **Библиографический список**

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.
- Бродянский Д.Л. Приамурско-маньчжурская археологическая провинция в IV–I тыс. до н.э. // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск : ИИФ СО АН СССР, 1975. С. 179–185.
- Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток : Дальневост. гос. ун-т, 1987. 276 с.
- Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. 328 с.
- Деревянко А.П., Чо Ю Чжон, Медведев В.Е., Ким Сон Тэ, Юн Кын Ил, Хон Хён У, Чжун Сук Бэ, Краминцев В.А., Кан Ин Ук, Ласкин А.Р. Отчет о раскопках на острове Сучу в Ульском районе Хабаровского края в 2000 г. : в 3 т. Сеул : Мунхва чжечхоне, 2000. 564 с.
- Жущиховская И.С. Археологическая керамика как индикатор миграций на юге Дальнего Востока // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 125–127.
- Жущиховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток : ДВО РАН, 2004. 312 с.
- Конопацкий А.К. Памятник Малая Гавань и проблемы неолита Нижнего Амура в свете современных исследований (предварительное сообщение) // Археологические исследования на Дальнем Востоке России : Препр. Владивосток : ДВО РАН, 1993. С. 47–52.
- Ларичев В.Е. Неолитические поселения в низовьях р. Усури (с. Казакевичево) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : СО АН СССР, 1961. С. 255–268.
- Лынша В.А., Тарасенко В.Н. Место орлиноклювской культуры в неолите Приморья и Нижнего Приамурья // Российский археологический ежегодник. 2014. №4. С. 152–174.
- Лынша В.А., Тарасенко В.Н. Проблемы археологической типологии и выделения культур в Приморье в свете новейших исследований в долине р. Иман (Красноармейский район) // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития. Владивосток : ДВО РАН, 2015. С. 33–62.
- Медведев В.Е. О хронологии мальшевской культуры: Новые радиоуглеродные даты для поселения Гася // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XV. С. 130–135.
- Медведев В. Е. Двуслойный памятник Амурзет и некоторые вопросы археологии Приамурья // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск : ХККМ, 2009. С. 199–228.
- Медведев В.Е. Об особенностях развития среднего и позднего неолита на юге Дальнего Востока (Нижнее Приамурье) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 155–158.
- Медведев В.Е., Филатова И.В. Об орнаментации глиняных сосудов из жилищ эпохи неолита у с. Мальшево в Приамурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 134–139.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Керамика из поселения у с. Иннокентьевка // Традиционная культура Востока Азии: Археология и культурная антропология. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2001. Вып. 3. С. 62–67.

Медведев В.Е., Филатова И.В. К характеристике орнамента неолитической керамики Вознесенского поселения // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток : ДВО РАН, 2002. С. 42–57.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Неолит Нижнего Амура и Приморья: элементы сходства и отличия (по материалам керамики) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. XV. С. 170–176.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Керамика эпохи неолита нижнего Приамурья (орнаментальный аспект). Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2014. 168 с.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Современный взгляд на неолитические комплексы с поселений у с. Казакевичево (по материалам исследований 1959–1960 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 107–111.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Некоторые итоги междисциплинарных исследований материалов с острова Сучу (1973 год, раскоп I) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. №4. С. 46–59. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.4.046-059.

Морева О.Л. Керамика бойсманской культуры (по материалам памятника Бойсмана-2) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 26 с.

Морева О.Л., Батаршев С.В. Культурные контакты в неолите Приморья и Приамурья (по результатам исследования керамики) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск : ХККМ, 2009. С. 147–152.

Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. М. : Наука, 1991. 224 с.

Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья: (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1959. 292 с.

Окладников А.П. Отчет о раскопках древнего поселения у с. Вознесенского на Амуре, 1966 г. // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока в 2 ч. Новосибирск : ИИФФ СО АН СССР, 1972. Ч. 1. С. 3–35.

Окладников А.П. Археология // Разрез новейших отложений Нижнего Приамурья. М. : Наука, 1978. С. 78–82.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1973. 440 с.

Шевкомуд И.Я., Кузьмин Я.В. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск : ХККМ, 2009. С. 7–46.

Шевкомуд И.Я., Фукуда Масахиро, Онуки Сидзуо, Кумаки Тосиаки, Куникита Даи, Конопацкий А.К., Горшков М.В., Косицын С.Ф., Бочкарева Е.А., Такахаси Кен, Морисаки Кадзуки, Учида Кадзунори. Исследования поселения Малая Гавань в 2007 г. в свете проблем хронологии эпох камня и палеометалла в Нижнем Приамурье // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт. Владивосток : Дальневосточ. гос. ун-т, 2008. С. 247–253.

Okladnikov A.P. Ancient Art of the Amur Region. Leningrad : Aurora Art Publishers, 1981. 160 p.

## References

Bobrinskij A.A. Goncharstvo Vostochnoj Evropy: Istochniki i metody izuchenija [Pottery of Eastern Europe: Sources and Methods of study]. Moscow : Nauka Publ., 1978. 272 p.

Brodjanskij D.L. Priamursko-man'chzhurskaja arheologičeskaja provincija v IV–I tys. do n.je. Sootnošenie drevnih kul'tur Sibiri s kul'turami sopredel'nyh territorij [The Primorye-Manchuria Archaeological Province in the 4<sup>th</sup>–1<sup>st</sup> Millennium BC. Correlation of the Ancient Cultures of Siberia]. Novosibirsk : IIFF SB AS SSSR Publ., 1975. Pp. 179–185.

Brodjanskij D.L. Vvedenie v dal'nevostochnuju arheologiju [Introduction to Far Eastern Archaeology]. Vladivostok : DVGU Publ., 1987. 276 p.

Glushkov I.G. Keramika kak arheologičeskij istochnik [Ceramics as an Archaeological Source]. Novosibirsk : IAET SB RAS Publ., 1996. 328 p.

Derevjanko A.P., CHO JU CHzhon, Medvedev V.E., Kim Son Tje, JUn Kyn Il, Hon Hjon U., CHzhun Suk Bje, Kramincev V.A., Kan In Uk, Laskin A.R. Otchet o raskopkah na ostrove Suchu v Ul'chskom rajone Habarovskogo kraja v 2000 g.: v 3 t. [Report on Excavations on the Island of Suchu in the Ulchi District of the Khabarovsk Territory in 2000: in 3 Volumes]. Seul : Munhva chzhechhone, 2000, Publ. 564 p.

Zhuwihovskaja I.S. Arheologicheskaja keramika kak indikator migracij na juge Dal'nego Vostoka. Problemy arheologii i paleoekologii Severnoj, Vostochnoj i Central'noj Azii: Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Iz veka v vek», posvjajennoj 95-letiju so dnja rozhdenija akademika A.P. Okladnikova i 50-letiju Dal'nevostochnoj arheologicheskij ekspekcicii RAN. Vladivostok, 11–25 sent. 2003 g. [Archaeological Ceramics as an Indicator of Migrations in the South of the Far East. Problems of Archaeology and Paleocology of North, East and Central Asia: Materials of the International. Conf. “From Century to Century”, Dedicated to the 95th Anniversary of the Birth of Academician A.P. Okladnikov and the 50th Anniversary of the Far Eastern Archaeological Expedition of the Russian Academy of Sciences]. Vladivostok, September 11–25 2003. Novosibirsk : IAET SB RAS Publ., 2003. Pp. 125–127.

Zhuwihovskaja I.S. Ocherki istorii drevnego goncharstva Dal'nego Vostoka Rossii [Essays on the History of Ancient Pottery of the Far East of Russia]. Vladivostok : DVB RAS Publ., 2004. 312 p.

Konopackij A.K. Pamjatnik Malaja Gavan' i problemy neolita Nizhnego Amura v svete sovremennyh issledovanij (predvaritel'noe soobwzenie). Arheologicheskie issledovanija na Dal'nem Vostoke Rossii. Prepr. [The Malaya Gavan Site and the Problems of the Neolithic of the Lower Amur River in the Light of Modern Research (preliminary report). Archaeological Research in the Russian Far East]. Vladivostok : DVB RAS Publ., 1993. Pp. 47–52.

Larichev V.E. Neoliticheskie poselenija v nizov'jah r. Ussuri (s. Kazakevichevo). Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka [Neolithic Settlements in the Lower Reaches of the Ussur River (Kazakevichevo village). Questions of the History of Siberia and the Far East]. Novosibirsk : SB AS SSSR Publ., 1961. Pp. 255–268.

Lynsha V.A., Tarasenko V.N. Mesto orlyonoklyuvskoj kul'tury v neolite Primor'ja i Nizhnego Priamur'ja. Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik [Place of Orlyonoklyuvskaya (eagle's beak) Culture in the Neolithic of Primorye and the Lower Amur Region. Russian Archaeological Yearbook]: 4, 2014. Pp. 152–174.

Medvedev V.E. O hronologii malyshevskoj kul'tury: Novye radiouglerodnye daty dlja poselenija Gasja. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: Materialy godovoj sessii IAJET SO RAN [On the Chronology of the Malyshevskaya Culture: New Radiocarbon Dates for the Gasya Settlement. Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories: Proceedings of the Annual Session of the Institute of Atomic Energy SB RAS]. Novosibirsk : SB AS SSSR Publ., 2007. T. XV [Vol. XV]. Pp. 130–135.

Medvedev V.E. Ob osobennostjah razvitiya srednego i pozdnego neolita na juge dal'nego vostoka (Nizhnee Priamur'e) [On the Features of the Development of the Middle and Late Neolithic in the South of the Far East (Lower Amur River Region)]. Trudy V (XXI) vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha]. Barnaul : AIGU Publ., 2017. Vol. I. Pp. 155–158.

Medvedev V.E., Filatova I.V. Keramika iz poseleniya u s. Innokent'evka [Ceramics from the Settlement near the Innokentievka Village]. Tradicijonnaja kul'tura Vostoka Azii: Arheologiya i kul'turnaja antropologiya [Traditional Culture of East of Asia: Archaeology and Cultural Anthropology]. Blagoveshchensk : Amurskij gos. un-t, 2001. Vyp. 3. Pp. 62–67.

Medvedev V.E., Filatova I.V. K harakteristike ornamenta neoliticheskoj keramiki Voznesenskogo poseleniya [To the Characteristic of the Neolithic Pottery Ornament of the Voznesenskoe Settlement]. Arheologiya i kul'turnaja antropologiya Dal'nego Vostoka i Central'noj Azii [Archaeology and Cultural Anthropology of the Far East and Central Asia]. Vladivostok : DVO RAN, 2002. Pp. 42–57.

Medvedev V.E., Filatova I.V. Neolit Nizhnego Amura i Primor'ja: jelementy shodstva i otlichija (po materialam keramiki). Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: Materialy itogovoj sessii IAET SO RAN [Neolithic of the Lower Amur and Primorye: Elements of Similarity and Difference (based on ceramics materials). Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories: Materials of the Final Session of the Institute of Nuclear Physics of the SB RAS]. Novosibirsk : IAET SB RAS Publ., 2009. T. XV [Vol. V]. Pp. 170–176.

Medvedev V.E., Filatova I.V. Keramika jepohi neolita nizhnego Priamur'ja (ornamental'nyj aspekt) [Ceramics of the Neolithic Age of the Lower Amur River Region (ornamental aspect)]. Novosibirsk : IAET SB RAS Publ., 2014. 168 p.

Moreva O.L. Keramika bojsmanskoj kul'tury (po materialam pamjatnika Bojsmana-2) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Pottery of the Boismanskaya Culture (based on the Boisman-2 site) : synopsis of the dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Novosibirsk, 2005. 26 p.

Moreva O.L., Bataršev S.V. Kul'turnye kontakty v neolite Primor'ja i Priamur'ja (po rezul'tatam issledovanija keramiki). Kul'turnaja hronologija i drugie problemy v issledovanijah drevnostej vostoka Azii: Sb. st. [Cultural Contacts in the Neolithic of Primorye and the Amur River Region (according to the results of a study of ceramics). Cultural Chronology and Other Problems in the Studies of the Antiquities of the East of Asia: collection of articles]. Habarovsk : HKKM Publ., 2009. Pp. 147–152.

Neolit juga Dal'nego Vostoka: Drevnee poselenie v peware Chertovy Vorota [Neolithic of the South of the Far East: Ancient Settlement in the Cave of the Devil's Gate]. Moscow : Nauka Publ., 1991. 224 p.

Okladnikov A.P. Dalekoe proshloe Primor'ja: (Očerki po drevnej i srednevekovoj istorii Primorskogo kraja). [Far Past of Primorye: (Essays on Ancient and Medieval History of Primorsky Krai)]. Vladivostok : Dal'nevost. kn. Publ., 1959. 292 p.

Okladnikov A.P. Otchet o raskopkah drevnego poselenija u s. Voznesenskogo na Amure, 1966 g. Materialy po arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka v 2-h ch. CH. 1 [Report on the Excavations of the Ancient Settlement near Voznesensky Settlement on the Amur, 1966. Materials on the Archaeology of Siberia and the Far East: in 2 volumes. Part 1]. Novosibirsk : IIFF SB AS SSSR, 1972. Pp. 3–35.

Okladnikov A.P. Arheologija [Archaeology]. Razrez novejših otloženij Nizhnego Priamur'ja [Section of the Newest Deposits of the Lower Amur River Region]. Moscow : Nauka Publ., 1978. Pp. 78–82.

Okladnikov A.P., Derevjanko A.P. Dalekoe proshloe Primor'ja i Priamur'ja [Far Past of the Primorye and Amur River Region]. Vladivostok : Dal'nevost. kn. Publ., 1973. 440 p.

Shevkomud I.J.A., Kuz'min JA.V. Hronologija kamennogo veka Nizhnego Priamur'ja (Dal'nij Vostok Rossii) [Chronology of the Lower Amur River Area (Far East of Russia)]. Kul'turnaja hronologija i drugie problemy v issledovanijah drevnostej vostoka Azii: Sb. st. [Cultural Chronology and Other Problems in the Research of Antiquities of Asian East: Collectin of Articles]. Habarovsk : HKKM Publ., 2009. Pp. 7–46 (in Russ.).

Shevkomud I.J.A., Fukuda Masahiro, Onuki Sidzuo, Kumaki Tosiaki, Kunikita Dai, Konopackij A.K., Gorshkov M.V., Kosicyn S.F., Bochkareva E.A., Takahasi Ken, Morisaki Kadzuki, Uchida Kadzunori. Issledovanija poselenija Malaja Gavan' v 2007 g. v svete problem hronologii jepoh kamnja i paleometalla v Nizhnem Priamur'e. Neolit i neolitizacija bassejna Japonskogo morja: chelovek i istoričeskij landshaft [Studies of the Malaya Gavan Settlement in 2007 in the Light of the Problems of the Chronology of the Epochs of Stone and Paleometal in the Lower Amur River Region]. Vladivostok : DVGU Publ., 2008. Pp. 247–253.

Okladnikov A.P. Ancient Art of the Amur Region. Leningrad : Aurora Art Publishers, 1981. 160 p.

#### **I.V. Filatova**

*Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia;  
Amur Liberal and Pedagogical State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia*

### **TO THE ISSUE OF THE BOISMANSKAYA CULTURE CERAMICS IN THE COLLECTIONS OF ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE FAR EASTERN SOUTH (the lower Amur river region)**

The article presents the results of studying “Boisman cultural chronological type” of ceramics from the Lower Amur river region archaeological sites' collections: Suchu Island, near the Voznesenskoe, Innokentyevka, Malyshevo-2 villages (dwelling 2). The methodological base of the research is the works of A.A. Bobrinskii, I.G. Glyshkova, I.S. Zhushchikhovskaya. The visual examination of the ceramics was made with the help of binocular microscope. The comparative analysis of the technological, constructive, morphological and ornamental characteristics revealed the features of “hybridization”: the additive of gruss and chamotte in the composition of forming masses; spiral and annular mold; two ways of designing the edge of vessel's mouth; ground and ground-capacitive starting; smoothing, polishing, troweling, coating, engobe, coloration during the surface working; oxidative regime of burning with the use of method of smoke; closed form vessels of different types (among them spheroidal-spherical); variation of vessels' range size. The article raises the question of different ways of migrations and also of “transit” area existing on nearby territories of the Far Eastern South (Lower Amur river region, Primorye).

*Key words:* Far Eastern South, Neolithic, Malyshevskaya culture, Boismanskaya culture, “Boisman cultural chronological type”, ceramics, “hybridization”, “transit” area.



## **МЕЛКОПЛАСТИНЧАТЫЕ ИНДУСТРИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СТОЯНОК ТОЛБОРСКОЙ ГРУППЫ И МАСТЕРСКОЙ КАРА-БОМ**

Обширную территорию пояса гор Южной Сибири и восточной части Центральной Азии от Горного Алтая на западе до Центральной Монголии на востоке занимают индустрии центральноазиатской-южносибирской культурной общности начального верхнего палеолита (НВП). Возраст основной части этих объектов находится в пределах 45–35 тыс. л.н. (здесь и далее даются некалиброванные хронологические определения). Каменную технологию этой культурной общности характеризует направленность на производство крупных остроконечных пластин с подпризматических ядрищ в бипродольной системе скальвания, присутствие незначительного леваллуазского компонента. Для этих ассамбляжей выделяется набор культурных маркеров, представляющих специфические технологии, орудия и персональные украшения. Помимо бипродольного метода получения крупных пластин в ряде объектов (как правило, наиболее древних в пределах НВП) присутствует ярко выраженный технологический компонент производства мелких пластин. Рассматривается техника получения мелких пластин, а также выделяются основные морфологические характеристики этого наиболее раннего в Северной и Центральной Азии компонента, характерного для верхнепалеолитического технологического набора. Нами привлекаются индустрии, расположенные в противоположных в широтном отношении регионах распространения НВП – Горном Алтае и Северной Монголии.

*Ключевые слова:* Монголия, Горный Алтай, начальный верхний палеолит, расщепление, мелкопластинчатая индустрия.

**DOI:** 10.14258/tpai(2018)3(23).-08

### ***Введение***

Группа стоянок в долинах рек Их-Тулбэрийн-Гол (Толбор) и Харганын-Гол в бассейне Средней Селенги на территории Северной Монголии содержит разновременные комплексы – от терминальной стадии среднего палеолита до финального верхнего палеолита. Комплексы начального этапа верхнего палеолита (НВП), представленные здесь, не являются гомогенными в силу их разного генезиса и хронологии, а также функционального назначения самих стоянок. Ассамбляжи НВП, представленные на памятниках Толбор-4, Толбор-21 и Толбор-16, содержат индустрии, характерные, в общих чертах, для центральноазиатской-южносибирской общности [Рыбин и др., 2017а, б; Zwyns et al., 2014]. Каменную технологию этого этапа характеризует направленность на производство крупных остроконечных пластин с подпризматических ядрищ в бипродольной системе скальвания, присутствие незначительного леваллуазского компонента. Культурными маркерами таких ассамбляжей являются нуклеусы-резцы, листовидные бифасы, скошенные острия, орудия с вентральной подтеской дистального окончания, острия с черешком, пластинки с притупленным краем [Rybin, 2014]. Здесь же присутствуют свидетельства производства мелкопластинчатых сколов со специально подготовленных нуклеусов. Другой комплекс этого времени, представленный на памятнике Харганын-Гол-5 в соседней долине, датируется около 38–33 тыс. л.н. и содержит серию подпризматических и торцовых ядрищ для производства мелких пластин и пластинок, последние занимают до 10% в индустрии сколов.

### ***История и значение термина «мелкопластинчатая индустрия»***

Термин «мелкопластинчатый», применяемый как в отечественной, так и в зарубежной литературе, имеет ряд разночтений. В зарубежной историографии под мелко-

пластинчатый производством (small blade production), как правило, подразумевается получение мелких пластин [Faivre, 2012], метрически отделяемых от пластинок рубжом в 12 мм – показатель ширины заготовки, определенный для эпипалеолита Магреба [Tixier, 1963; Inizan et al., 1999]. При этом если получение пластинок (bladelet production) и мелких пластин фиксируется в рамках одной и той же операционной цепочки, они объединяются под общим названием мелкопластинчатых заготовок [Inizan et al., 1999; Soriano et al., 2007]. В отечественной практике впервые мелкие пластинчатые индустрии были выделены для средней стадии позднего палеолита Средней Сибири, по аналогии с индустриями крупных пластин [Лисицын, 1996, 2000; Акимова, 2008]. Под мелкими пластинами подразумеваются ретушированные по обоим продольным и нередко – поперечным краям ламинарные заготовки с метрическим показателем длины 2–5 см [Акимова, 2008; Харевич и др., 2015], которые являлись орудием-маркером среднего этапа верхнего палеолита в промежутке около 22 – 11 тыс. л.н. [Акимова, 2008] и определяли целевой скол-заготовку в технологии расщепления. Последняя была представлена скалыванием с небольших плоских одноплощадочных монофронтальных, а также призматических и торцовых нуклеусов [Лисицын, 1996]. Выделялись также мелкие ретушированные пластинки длиной до 30 и шириной 6–10 мм и средние пластинки длиной 30–50 мм и шириной в пределах 15 мм. З.А. Абрамовой на материалах афонтовской культуры выделялись крупные пластины, с длиной свыше 10 см, пластины длиной 70–100 мм и пластинки длиной до 70 мм. Отдельно ею, как и затем Лисицыным, выделены микропластины – сколы с правильной призматической огранкой при ширине 2–4 мм [Абрамова, 1978; Лисицын, 2000]. Таким образом, применительно к среднему этапу верхнего палеолита Средней Сибири определяющими показателями индустрии мелких пластин являлись длина целевых заготовок (20–50 мм) и их производство со специально подготовленных нуклеусов. Термин «мелкопластинчатые заготовки» активно применяется к продуктам, полученным с кареноидных изделий в ассамбляжах памятников западной части Центральной Азии: Додекатым-2, Кульбулак, Самаркандская стоянка, – и имеющим метрические параметры ширины менее 12 мм [Колобова и др., 2011; Колобова, 2014]. Авторами в мелкопластинчатые заготовки объединяются пластинки и микропластины, поскольку они получались в рамках одной технологии. Таким образом, один и тот же термин в отечественной историографии применяется к разным технологическим явлениям в палеолите.

Несмотря на то что пластинки и микропластины также разграничиваются показателями ширины – 12–6 мм и меньше 6 мм соответственно, первоочередным является их технологическое разделение и только потом – метрическое. Следуя за Tixier [1963] и Inizan et al. [1999], исходя из облика индустрий начального этапа верхнего палеолита, в рамках данной статьи под мелкопластинчатыми заготовками авторы подразумевают мелкие пластины и пластинки, получаемые в рамках одной и той же операционной цепочки.

Получение мелкопластинчатых заготовок уже описано для ряда ассамбляжей НВП. В Северной Монголии, для комплекса гор. 6-5 памятника Толбор-4, рядом авторов выделяется «микрорасщепление» с плоских одно- и двуплощадочных монофронтальных и преимущественно торцовых «микронуклеусов», в том числе нуклеусов-резцов [Гладышев, Табарев, 2018, с. 355–356]. Другая точка зрения указывает на получение пластинок с нуклеусов-резцов, а также с немногочисленных торцовых и подпризматических пирамидальных [Derevianko et al., 2007] в том же ассамбляже, что сближает его

с комплексом ВП2 памятника Кара-Бом в Горном Алтае, для которого описана подобная технология производства мелкопластинчатых заготовок [Славинский, Рыбин, Белоусова, 2016]. Для Левантийского и Центральноевропейского начального этапа верхнего палеолита опубликован широкий обзор, где указывается схожесть производства пластинок с нуклеусов-резцов в раннем эмиране (Бокер-Тахтит, уровень 2) [Marks, Kaufman, 1983] и центральноазиатской-южносибирской общности НВП [Demidenko, Škrdla, Rychtaříková, In Press], в то же время, несмотря на присутствие нуклеусов-резцов в богунисьене Моравии, на памятнике Куличивка, сами пластинки как скол-заготовка практически отсутствуют. Однако в ассамбляже богунисьен стоянок Орехов IV-Кабаты, при отсутствии специализированных плоских или подпризматических нуклеусов для пластинок и находке единственного нуклеуса-резца, этот типа скола-заготовки представлен широко; в качестве одного из возможных объяснений авторами предполагается их значительное число как следствие миниатюризации всего литического ассамбляжа, что подтверждается обликом пластинок, представляющих собой, по сути, мелкие пластины с тем же типом огранки дорсальной поверхности, что и у пластин, и нередко фасетированными ударными площадками [там же]. Таким образом, для всей общности левантийско-центральноазиатского НВП характерным является производство мелкопластинчатых заготовок с нуклеусов-резцов, при этом метрические параметры сколов, как правило, не имеют традиционной границы в 12 мм.

#### **Методы и материалы**

Чтобы определить, существуют ли закономерности в метрических параметрах пластинчатых сколов НВП ассамбляжей Толбор-4, гор. 6-5, Толбор-21, гор. 3В, Харганын-Гол-5, гор. 5 и мастерской Кара-Бом (рис. 1), был построен график с из-



Рис. 1. Карта палеолитических памятников:  
1 – Харганын-Гол-5; 2 – Толбор-4; 3 – Толбор-21; 4 – Кара-Бом

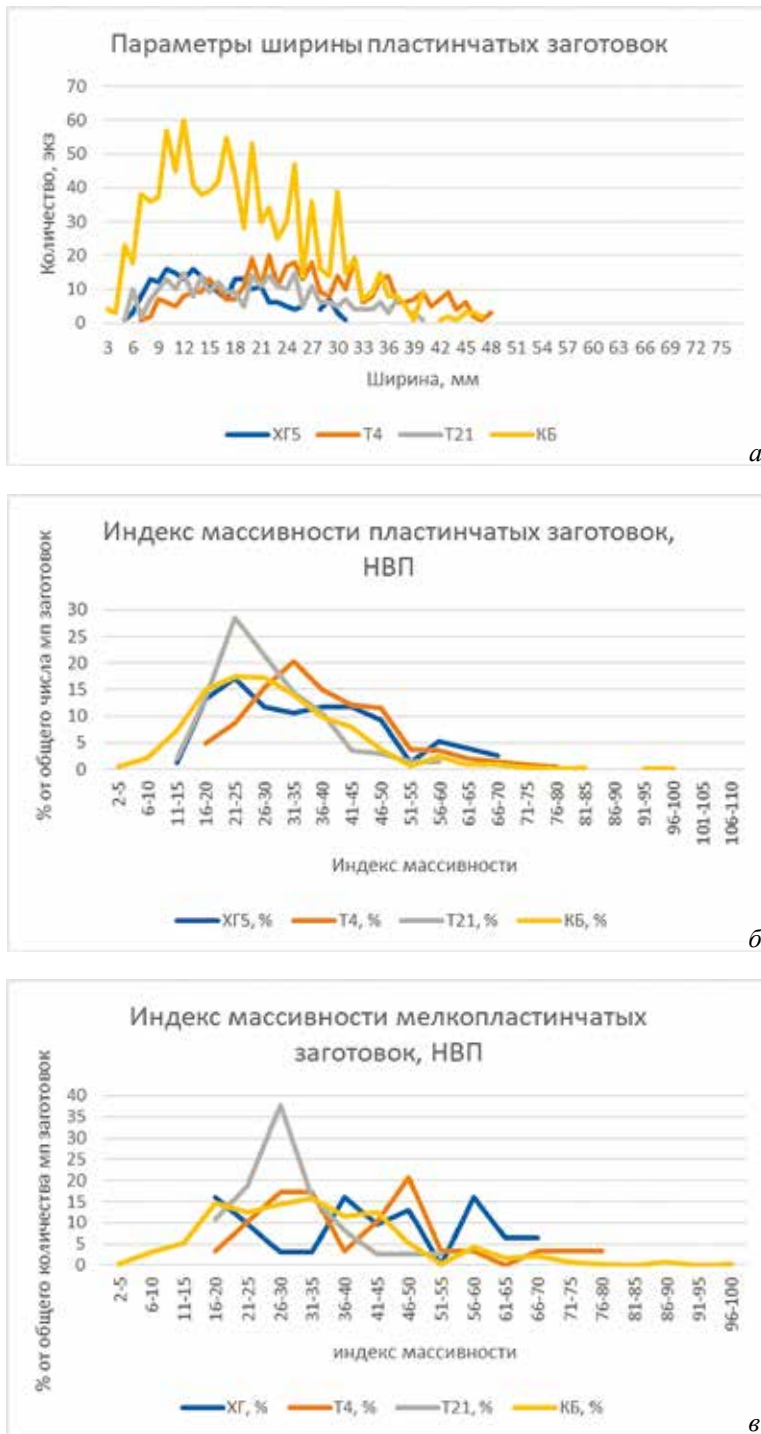


Рис. 2. Диаграммы по статистическим данным индустрий начального верхнего палеолита памятников Харганын-Гол-5, Толбор-4, Толбор-21 и Кара-Бом

мерениями ширины заготовок (с исключением технических и первичных сколов) (рис. 2.-а). В ассамбляже Кара-Бома выделяются сколы с шириной 10–12 мм, при этом они в принципе доминируют в коллекции. Следующий пик приходится на пластины с шириной от 17 мм и больше и идет по ниспадающей. Некоторое преобладание сколов с шириной от 9 до 14 мм заметно в ассамбляже Харганын-Гол-5, следующий пик приходится на отметку 18 мм и далее идет по ниспадающей. Для памятника Толбор-21 отдельно выделяются сколы с шириной около 6 мм, немногочисленные, но отделенные понижением на графике от более крупных доминирующих заготовок – с шириной 10–16 мм, а те, в свою очередь, от более крупных пластин, с шириной 20–25 мм. В НВП ассамбляже Толбора-4 очевидным является доминирование крупных пластин, с шириной 20–33 мм, в то время как мелкие сколы могут быть отделены от них скорее своей малочисленностью, их пик приходится на пластины с шириной 15 мм. Таким образом, в среднем мелкопластинчатые сколы в ассамбляжах НВП укладываются в диапазон измерений ширины 10–15 мм, при этом сколы с шириной 10–12 мм являются целевыми в ассамбляже Кара-Бома, а на памятнике Толбор-21 отдельно выделяются заготовки с метрическими параметрами микропластин – с шириной 6 мм. Проведенные В.М. Харевичем эксперименты по скалыванию пластинчатых заготовок роговыми и каменными отбойниками с нуклеусов, подготовленных на силицитах из долины р. Толбор, показали, что пик значения индекса массивности сколов, полученных роговыми отбойниками, приходится на 26–30, также значительны показатели 21–25 и 16–20, в то время как пик значения индекса массивности пластин, сколотых каменными отбойниками, приходится на 31–35. Более того, значения индекса последних широко варьируют, в то время как роговые отбойники позволяли скалывать пластины с регулярными пропорциями [Признаки использования..., 2017]. Индексы массивности всех пластинчатых заготовок ассамбляжей Харганын-Гол-5, Толбор-21 и Кара-Бом указывают на преобладание значений 21–25 и 26–30, т.е. близких к значениям экспериментальных пластин, полученных роговыми отбойниками (рис. 2.-б). В то же время максимальный индекс массивности пластинчатых сколов в ассамбляже Толбор-4 совпадает с пиком значений экспериментальных пластин, снятых каменными отбойниками. Рассмотренный отдельно индекс массивности мелкопластинчатых заготовок имеет нерегулярные, широко варьируемые значения, с несколькими пиками, для ассамбляжей Харганын-Гол-5 и Толбор-4 (рис. 2.-в). При этом в комплексе Харганын-Гол-5 четко выделяются четыре пика значений – 16–20, 36–40, 46–50 и 56–60, что может указывать на использование разных отбойников, вариабельность технологии расщепления или на ошибочность измерений ширины фрагментов пластин, которые в целом состоянии имели более значительные параметры. Пики в ассамбляже Толбор-4 приходятся на 26–30, 31–35 и 46–50, указывая, что часть мелкопластинчатых заготовок, вероятно, могла скалываться более мягким отбойником. В ассамбляже мастерской Кара-Бома значения индекса массивности всех пластинчатых заготовок и мелкопластинчатых сколов совпадают, за тем исключением, что график мелкопластинчатых заготовок не имеет пиков значений, а указывает на широкую вариабельность: от 16–20 до 41–45. Наиболее интересным является результат, полученный для памятника Толбор-21. Значения индекса массивности имеют лишь один пик на обоих графиках и совпадают со значением, характерным для роговых отбойников.

### **Обсуждение и заключение**

К пластинчатому варианту НВП относятся памятники Толбор-4, Толбор-21 и Кара-Бом мастерская. Беря во внимание все известные ассамбляжи НВП в Южной Сибири – Центральной Азии, Толбор-21, гор. 3В – единственный, где нуклеусы-резцы отсутствуют. Хотя здесь доминирует та же, что и на Толборе-4, технология редукции нуклеусов, на Толборе-21 удельный вес пластин заметно ниже, максимальная длина пластин составляет 99 мм; их средняя ширина достигает 24 мм, что существенно меньше, чем в ассамбляжах Толбора-4; относительно редки крупные остроконечные пластины. При этом, как и в ассамбляже богунисьен на Орехово IV-Кабаты в Моравии, на фоне преобладания мелкопластинчатых заготовок среди всех пластинчатых сколов специализированные нуклеусы для них отсутствуют. Вместе с практически совпадающими индексами массивности можно предположить, что мелкопластинчатое производство на памятнике Толбор-21 являлось одной из стадий утилизации нуклеусов для пластин, на фоне общей миниатюризации литического ассамбляжа. Несмотря на то что в индустрии сколов явно выделяется получение метрических микропластин как отдельная стратегия, общий контекст ассамбляжа, где специализированные нуклеусы для таких заготовок отсутствуют, не позволяет прийти к такому заключению.

Узкая направленность на производство мелкопластинчатых сколов шириной 10–12 мм на мастерской Кара-Бом, вероятнее всего, связана с существованием лишь одной технологии их получения – реализации торцовых нуклеусов и особенно нуклеусов-резцов. Узкий, ограниченный фронт последних стандартизировал метрику целевых сколов, получаемых, вероятно, теми же типами отбойников, что и средние пластины.

В круге памятников пластинчатого НВП Толбор-4 занимает особое место. Он является «классическим», поскольку в его ассамбляже представлен полный набор маркеров данного культурно-хронологического этапа. Помимо этого, здесь присутствует широкий набор типов специализированных нуклеусов для получения мелкопластинчатых заготовок: нуклеусы-резцы, небольшие торцовые нуклеусы, подпризматический пирамидальный, редкие кареноидные нуклеусы. Этот набор типов, вероятно, оказал влияние на вариабельность значений ширины полученных с них сколов – 7–15 мм и индекса массивности, указывающего, что реализация определенного типа среди вышперечисленных нуклеусов могла осуществляться мягким минеральным или роговым отбойником, но основная масса – каменным. Раскопки, произведенные в 2017 г., могут изменить эти данные за счет введения просева грунта и получения большего числа мелких сколов [Хроностратиграфические исследования..., 2017].

Ассамбляж гор. 5 памятника Харганын-Гол-5, входящего в Толборскую группу памятников, не относится к «классическому» варианту НВП Южной Сибири – Центральной Азии. Техничко-типологически он связан с нижележащим комплексом терминального среднего палеолита и, возможно, развивался на местной основе, представляя собой ранее не выявленный вариант НВП. Его мелкопластинчатая индустрия содержит различные варианты специализированных нуклеусов, но, в отличие от вышеописанных ассамбляжей НВП, торцовые разновидности не доминируют здесь. Напротив, преобладают небольшие плоскостные и подпризматические одно- и двуплощадочные моно- и двуфронтальные нуклеусы параллельного принципа скалывания. Один из пиков значения индекса массивности мелкопластинчатых заготовок приходится на 16–20,

согласно экспериментальному расщеплению, в большей степени характерному для использования рогового отбойника [Признаки использования..., 2017]. Какой из типов нуклеусов мог реализовываться в этом случае, предположить затруднительно.

Полученные данные являются предварительными. Для понимания, каким типом отбойника осуществлялось скалывание, должен рассматриваться комплекс атрибутов вместе с индексом пластинчатости. Полноценный анализ мелкопластинчатых индустрий всей южносибирской-центральноазиатской общности НВП затрудняется тем, что при описании коллекций использовались разные наборы атрибутов, а при раскопках памятников – разная полевая методика, с просевом и без него. Тем не менее можно заключить, что, рассматривая мелкопластинчатое производство в НВП в целом, к целевым сколам-заготовкам можно отнести изделия шириной 10–15 мм, отодвигая границу в 12 мм, основными типами нуклеусов являлись нуклеусы-резцы и торцовые в целом, а также в меньшей степени – небольшие плоскостные и подпризматические нуклеусы параллельного принципа скалывания.

### Библиографический список

Акимова Е.В. Раннесартанская индустрия мелких пластин в финале позднего палеолита Среднего Енисея: к проблеме формирования археологических рефугиумов // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т. 1 : Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. СПб. : Наука, 2008. С. 37–47.

Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П. Новая схема культурно-стратиграфического членения ранневерхнепалеолитических отложений стоянки Кара-Бом (на основе пространственного анализа и данных ремонтажа) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 7. С. 64–76.

Гладышев С.А., Табарев А.В. Микропластинчатое расщепление в раннем верхнем палеолите Монголии // *Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2018. №1. С. 339–351.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Деревянко А.П., Исламов У.И., Павленок К.К. Мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Средней Азии: стоянка Додекатым-2 (Узбекистан) // *Stratum Plus: Культурная антропология и археология*. 2011. №1. С. 275–300.

Лисицын Н.Ф. Средний этап позднего палеолита Сибири // *Российская археология*. 1996. №4. С. 5–17.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья // *Тр. ИИМК РАН*. СПб. : Петерб. востоковедение, 2000. Т. 2. 230 с.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Звинс Н., Гунчинсурэн Б., Пэйн К., Болорбат Ц., Анойкин А.А., Харевиц В.М., Одсурен Д., Маргад-Эрдэнэ Г. Стратиграфия и культурная последовательность стоянки Толбор-21 (Северная Монголия): итоги работ 2014–2016 годов и дальнейшие перспективы исследований // *Теория и практика археологических исследований*. 2017. Т. 15. №4 (20). С. 158–168.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Гунчинсурэн Б., Пэйн К., Болорбат Ц., Одсурен Д., Звинс Н., Лхундзв Г., Маргад-Эрдэнэ Г. Хроностратиграфические исследования стоянки Толбор-4 (Северная Монголия) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 202–205.

Харевиц В.М., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Технология производства пластин в каменной индустрии культурного слоя 19 стоянки Лиственка // *Stratum Plus: Культурная антропология и археология*. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2015. №1. С. 321–331.

Харевиц В.М., Хаценович А.М., Павленок Г.Д., Рыбин Е.П. Признаки использования различных типов мягких отбойников (по материалам археологической и экспериментальной коллекций из долины реки Их-Тулбэрийн-Гол, Северная Монголия) // *Древний человек и камень: технология, форма, функция*. Сер. “*Archaeologica Petropolitana*” Институт истории материальной культуры российской академии наук. СПб. : Петербургское востоковедение, 2017. С. 101–109.

Demidenko Y.E., Škrdl P., Rychtaříková T. Initial Upper Paleolithic bladelet production: bladelets in Moravian Bohunian // *Recherches Archeologiques, Nouvelle Serie (Krakow, Poland)*. 2018. In Press.

Favre J.-Ph. A material anecdote but technical reality: bladelet and small blade production during the recent Middle Paleolithic at Combe-Grenal rock shelter // *Lithic Technology*. 2012. Vol. 37. P. 5–25.

Inizan M.-L., Reduron-Ballinger M., Roche H., Tixier J. Technology and Terminology of Knapped Stone // *Nanterre: C.R.E.P.* 1999. 191 p.

Soriano S., Villa P., Wadley L. Blade Technology and Tool Forms in the Middle Stone Age of South Africa: the Howiesons Poort and post-Howiesons Poort at Rose Cottage Cave // *Journal of Archaeological Science*. 2007. Vol. 34. P. 681–703.

Tixier J. Typologie de l'Épipaléolithique du Maghreb // *Mémoires du Centre de Recherches anthropologiques et préhistoriques et ethnographiques*. AMG, Alger, Paris, 1963. Vol. 2.

Zwys N., Gladyshev S., Gunchinsuren B., Bolorbat Ts., Flas D., Dogandzic T., Tabarev A., Gilham J.C., Khatsenovich A., McPherron Sh., Odsuren D., Paine C., Purevjal Kh., Stewart J. The open-air site of Tolbor 16 (Northern Mongolia): Preliminary results and perspectives // *Quaternary International*. 2014. Vol. 347. P. 53–65.

## References

Akimova E.V. Rannesartanskaya industriya melkikh plastin v finale pozdnego paleolita Srednego Eniseya: k probleme formirovaniya arheologicheskikh refugiumov [Early Sartan Small Blade Industry in the Final Late Paleolithic of Middle Yenisei: the Problem of Archaeological Refugium Forming]. *Problemy biologicheskoy i kulturnoy adaptatsii chelovecheskikh populyatsiy*. T. 1 : *Arkheologiya. Adaptatsionnye strategii drevnego naseleniya Severnoi Evrazii: syriye i priyomy obrabotki* [Problems of Biological and Cultural Adaptation of Human Populations. Vol. 1: Archaeology. Adaptation Strategies of the Ancient Population of Northern Eurasia: Raw Materials and Processing Techniques]. SPb., 2008. Pp. 37–47.

Belousova N.E., Rybin E.P. Novaya skhema kul'turno-stratigraficheskogo chleneniya ranneverhnepaleoliticheskikh otlozhenij stoyanki Kara-Bom (na osnove prostranstvennogo analiza i dannyh remontazha) [New Updates to Stratigraphic Partition of Early Upper Paleolithic Sequence of Kara-Bom Site (spatial analyzes and refitting studies)]. *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser. : Historyiya, Philologiya*. 2013. T. 12. Vyp. 7. Pp. 64–76.

Gladyshev S.A., Tabarev A.V. Mikroplastinchatye rasshepleniye v rannem verkhnem paleolite Mongolii // *Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2018. №1. S. 339–351.

Kolobova K.A., Krivoshekin A.I., Derevianko A.P., Islamov U.I., Pavlenok K.K. Melkoplastinchataya traditsiya v verhnem paleolite Srednej Azii: stoyanka Dodekatym-2 (Uzbekistan) [Small Blade Production in the Upper Paleolithic of Middle Asia: the Dodekatym 2 Site (Uzbekistan)]. *Stratum Plus. Kul'turnaya antropologiya i arheologiya*. 2011. №1. Pp. 275–300.

Lisitsyn N.F. Srednij etap pozdnego paleolita Sibiri [Late Stage of Siberian Paleolithic]. *Rossiyskaya arheologiya*, 1996. №4. Pp. 5–17.

Lisitsyn N.F. Pozdnij paleolit Chulymo-Enisejskogo mezhdurech'ya [Late Paleolithic of Chulym-Enisej Interfluv]. *Trudy IIMK RAN* [Proceedings of the IIMK RAN]. Sankt-Petersburg : Peterb. vostokovedenie, 2000. Vol. 2. 230 p.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Zwins N., Gunchinsurehn B., Paine C., Bolorbat Ts., Anoikin A.A., Kharevich V.M., Odsuren D., Margad-Erdene G. Stratigrafiya i kul'turnaya posledovatel'nost' stoyanki Tolbor-21 (Severnaya Mongoliya): itogi rabot 2014–2016 godov i dal'nejshie perspektivy issledovaniy [Stratigraphy and Cultural Sequence of the Tolbor 21 Site (Northern Mongolia): the Results of the 2014–2016 Excavation Campaigns and Perspectives of Further Investigations]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2017. T. 15. №4 (20). Pp. 158–168.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsurehn B., Paine C., Bolorbat Ts., Odsuren D., Zwins N., Lkhundev G., Margad-Erdene G. Khronostratigraficheskie issledovaniya stoyanki Tolbor-4 (Severnaya Mongoliya) [Chronostratigraphic Research at the Tolbor-4 Site (Northern Mongolia)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii* [The Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. 2017. T. 23. Pp. 202–205.

Kharevich V.M., Akimova E.V., Stasyuk I.V., Tomilova E.A. Tekhnologiya proizvodstva plastin v kamennoj industrii kul'turnogo sloya 19 stoyanki Listvenka [Blade Production Technology in the Industry of Layer 19 of the Listvenka Site]. *Stratum Plus. Cultural Anthropology and Archaeology*. 2015. №1. Pp. 321–331.



Kharevich V.M., Khatsenovich A.M., Pavlenok G.D., Rybin E.P. Priznaki ispolzovaniya razlichnykh tipov myagkikh otboinikov (po materialam arkhelogicheskoi i eksperimentalnoi kolleksyi iz doliny reki Ikh-Tulbariin-Gol, Severnaya Mongoliya [Attributes of Usage of Different Types of Soft Hammerstones (based upon materials of archaeological and experimental collections from Ikh-Tulbariin Gol river valley, Northern Mongolia)]. *Drevniy chelovek i kamen: tekhnologiya, forma, funktsiya* [Ancient Human and Stone: Technology, Form, Function]. Series "Archaeologica Petropolitana", Institute of the History of Material Culture RAS. SPb, 2017. Pp. 101–109.

Demidenko Y.E., Škrdla P., Rychtaříková T. Initial Upper Paleolithic Bladelet Production: Bladelets in Moravian Bohunian. *Recherches Archeologiques. Nouvelle Serie* (Krakow, Poland). 2018. In Printing  
Faivre J.-Ph. A material Anecdote but Technical Reality: Bladelet and Small Blade Production During the Recent Middle Paleolithic at Combe-Grenal Rock Shelter. *Lithic Technology*. 2012. Vol. 37. Pp. 5–25.

Inizan M.-L., Reduron-Ballinger M., Roche H., Tixier J. Technology and Terminology of Knapped Stone. Nanterre: C.R.E.P. 1999. 191 p.

Soriano S., Villa P., Wadley L. Blade Technology and Tool Forms in the Middle Stone Age of South Africa: the Howiesons Poort and Post-Howiesons Poort at Rose Cottage Cave. *Journal of Archaeological Science*. Vol. 34 (2007). Pp. 681–703.

Tixier J. Typologie de l'Épipaléolithique du Maghreb, *Mémoires du Centre de Recherches anthropologiques et préhistoriques et ethnographiques 2*. AMG, Alger, Paris, 1963.

Zwyns N., Gladyshev S., Gunchinsuren B., Bolorbat Ts., Flas D., Dogandzic T., Tabarev A., Gil-lam J.C., Khatsenovich A., McPherron Sh., Odsuren D., Paine C., Purevjal Kh., Stewart J. The Open-Air Site of Tolbor 16 (Northern Mongolia): Preliminary Results and Perspectives. *Quaternary International*. 2014. Vol. 347. Pp. 53–65.

**A.M. Khatsenovich, E.P. Rybin**

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia*

## **SMALL-BLADE PRODUCTION IN THE INITIAL AND EARLY UPPER PALEOLITHIC OF NORTHERN MONGOLIA**

A cluster of archaeological localities situated in the Tolbor River Valley of the Middle Selenga Basin of northern Mongolia comprises complexes representing a cultural sequence from the Initial to Final Upper Paleolithic (UP). Initial UP assemblages from the Tolbor-4, Tolbor-21 and Tolbor-16 localities include lithic industries generally characteristic of the Central Asian – southern Siberian UP area. Initial UP lithic technology is represented by large, sometimes pointed, bidirectional blade production from subprismatic cores and with a minor Levallois component. There is evidence of small-blade production from specially prepared burin-cores and scarce narrow-faced, subprismatic pyramidal and carinated cores presented in the assemblages from Horizons 6-5 at Tolbor 4 and dated to 37 kya. Bladelets comprise 5% of unretouched blanks. Another Initial UP complex, discovered in an adjacent valley, is the Kharganyn Gol 5 site dated to 38–33 kya and including both subprismatic and narrow-faced cores for small-blade production; bladelets account for 10% of all blanks here. Early UP complexes dating to 34–26 kya continue to reflect this tradition of small-blade production from narrow-faced and subprismatic cores, including pyramidal nuclei, as can be seen at the Tolbor 4, 16 and 15 sites. At Tolbor 15, bladelet production plays a significant role; such blanks, combined with microblades, produced by percussion, comprise 12.7% of the blanks recovered. Small-blade production, using direct percussion by means of a relatively soft or soft hammer, leaves no particular characteristic traces that might allow it to be associated with the emergence of pressure microflaking. Small-blade production is a common feature of Initial UP complexes in Central Asia and southern Siberia, a tradition appearing at this time and developing in the next stages of the Paleolithic.

*Key words:* Mongolia, Mountain Altai, Initial Upper Paleolithic, knapping technology, small blade production.

**СЛОЖНОСОСТАВНЫЕ ЛУКИ ИЗ ПАМЯТНИКА  
УЛУГ-ЧОЛТУХ В ДОЛИНЕ р. ЭДИГАН В ГОРНОМ АЛТАЕ  
(по результатам раскопок 2008 г.)**

Проанализированы результаты исследований сложносоставных луков из комплекса предметов вооружения дистанционного боя, обнаруженных в ходе раскопок в полевом сезоне 2008 г. могильника Улуг-Чолтух, расположенного в долине р. Эдиган в Горном Алтае. Рассмотрены основные результаты предшествующих исследований разнообразных предметов ручного метательного вооружения из памятников археологических культур хуннуско-сяньбийского времени, раскопанных на территории Горного Алтая. Проанализированы находки концевых, срединных, боковых и фронтальных накладок от сложносоставных луков разных форм, обнаруженных в процессе раскопок памятника Улуг-Чолтух в течение 2008 г. На основании проведенного формально-типологического анализа в составе изучаемой коллекции археологических находок были выделены луки разных типов с различным количеством роговых накладок. Среди них были сложносоставные луки определенного типа, для которых были характерны две пары концевых боковых накладок, одна пара срединных боковых и одна срединная фронтальная накладка. Другой выделенный тип лука включает одну пару концевых боковых накладок, а также одну пару срединных боковых накладок и одну срединную фронтальную накладку. Подобные луки были на вооружении у древних кочевников, проживавших на территории района Средней Катунь в пределах Горного Алтая в течение 2-й четв. I тыс. н.э.

*Ключевые слова:* Горный Алтай, хуннуско-сяньбийское время, предметы вооружения дистанционного боя, сложносоставные луки с роговыми накладками.

**DOI:** 10.14258/tpai(2018)3(23).-09

***Введение***

В числе наиболее распространенных у древних кочевников деталей предметов вооружения дистанционного боя, обнаруженных в ходе раскопок археологических комплексов хуннуско-сяньбийского времени на территории Горного Алтая в течение последних десятилетий, представлены роговые или костяные накладки от разнотипных сложносоставных луков. Несколько таких находок роговых накладок от луков было найдено на памятнике айрыдашского типа Улуг-Чолтух, расположенного в долине р. Эдиган, на правом берегу этой реки. Они были обнаружены в 2008 г. в процессе раскопок данного памятника сотрудниками Южно-Сибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН.

Настоящее исследование посвящено выявлению типологических особенностей различных луков, костяные накладки которых были обнаружены в процессе раскопок в течение указанного выше полевого сезона на данном памятнике, и введению в научный оборот результатов классификационного анализа сложносоставных кибитей, относящихся к числу предметов вооружения дистанционного боя, обнаруженных в результате изучения данного археологического памятника, который должен относиться к числу комплексов айрыдашского типа. В ходе реализации этих исследований предполагается проследить основные результаты предшествующего изучения сложносоставных луков, применявшихся кочевыми лучниками во 2-й четв. I тыс. н.э., в течение хуннуско-сяньбийского времени на территории Горного Алтая.

На территории Саяно-Алтая, включая сопредельные районы Верхнего Прииртышья, находки предметов вооружения дистанционного боя, среди которых были роговые концевые и срединные боковые накладки сложносоставных луков, были обнаружены в середине XIX в. известным российским ученым-тюркологом В.В. Радловым [1989, с. 431] в процессе раскопок, проводившихся им на археологическом памятнике Берель. В дальнейшем, в середине 1960-х гг., материалы из раскопок на данном памятнике были отнесены А.А. Гавриловой [1965, с. 54] к берельскому типу археологических комплексов на территории Горного Алтая. Данное определение культурной принадлежности археологических памятников к 2-й четверти I тыс. н.э. было признано некоторыми из современных исследователей, в частности Ю.В. Тетериним [2004, с. 37], при изучении военного дела кочевников Горного Алтая, определенная часть археологических материалов из раскопок которых была отнесена к «берельской эпохе». В 1967 г. археологом С.С. Сорокиным были исследованы погребения эпохи «Великого переселения народов» на могильниках Балыктуюль и Пазырык в Горном Алтае. В составе сопроводительного инвентаря этих памятников были обнаружены роговые или костяные накладки от сложносоставных луков и разнообразные железные и костяные наконечники стрел [Сорокин, 1977, с. 59–63]. В 1-й пол. 1980-х гг. в результате раскопок археологических могильников Белый Бом-II и Булан-Кобы-IV хуннуско-сяньбийского времени на территории Горного Алтая были обнаружены разнообразные предметы вооружения дистанционного боя, в том числе роговые накладки от сложносоставных луков разных типов [Глоба, 1983, с. 116–126; Мамадаков, 1985, с. 173–191].

В течение этого же периода на могильнике Кок-Паш, относящемся ко 2-й четв. I тыс. н.э., который расположен на территории Восточного Алтая, археологические комплексы были исследованы специалистами из Кемеровского и Горно-Алтайского университетов под руководством А.С. Васютина. Материалы из раскопок этого памятника, включая роговые накладки на луки, были введены кемеровскими археологами в научный оборот в коллективной монографии, вышедшей в свет в начале 2000-х гг. В этой же книге были опубликованы некоторые находки костяных накладок, а также железных и костяных наконечников стрел археологом из Горно-Алтайска А.С. Суразаковым из раскопок, которые он провел на археологическом памятнике Айрыдаш-I на территории Средней Катуни [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 18–24; рис. 26.-1–12, 17–28]. В монографии, посвященной военному делу населения горной и равнинной частей Алтая, исследователем из Алтайского государственного университета В.В. Горбуновым [2006, с. 9–12] были проанализированы разнообразные предметы вооружения дистанционного боя, в том числе сложносоставные луки с роговыми накладками, крепившимися на среднюю часть и концы деревянной кибити, из раскопок археологических памятников III–V вв. на территории Горного Алтая.

Обнаруженные в ходе раскопок археологических памятников хуннуско-сяньбийского времени на территории Горного Алтая в течение хронологического периода, охватывающего последние десятилетия XX и начало XXI в., разнообразные находки предметов вооружения дистанционного боя, в том числе роговые накладки сложносоставных луков и железные наконечники стрел, были проанализированы и большей частью введены в научный оборот автором настоящей статьи [Худяков, 2005, с. 36]. В дальнейшем им же были рассмотрены и дополнительно исследованы некоторые находки роговых деталей луков и наконечников стрел из первых лет раскопок памятника

Улуг-Чолтух в долине р. Эдиган в Горном Алтае [Худяков, 2014, ч. 162]. К настоящему времени в составе комплекса предметов вооружения дистанционного боя из айрыдашских памятников, исследованных на Средней Катуні, было выделено два типа сложносоставных луков [Худяков, 2016, с. 22].

### ***Материалы исследований и их обсуждение***

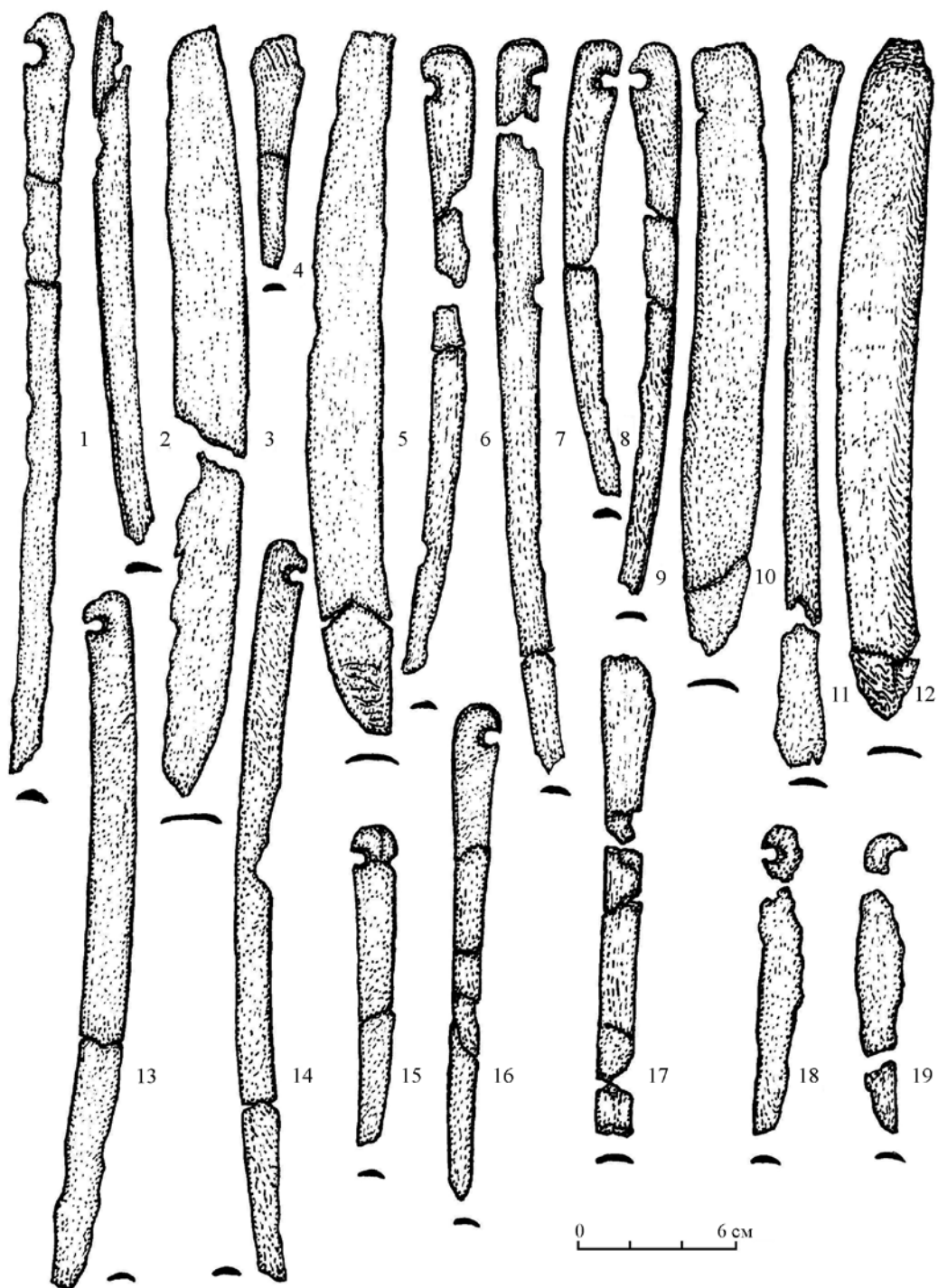
В 2008 г. в ходе проведения археологических раскопок нескольких мужских, вероятнее всего, воинских захоронений на могильнике Улуг-Чолтух в долине р. Эдиган, расположенной в районе Средней Катуні на территории Горного Алтая, автором настоящей статьи было обнаружено некоторое количество роговых накладок от нескольких сложносоставных луков, которые по формальным признакам могут быть отнесены к разным типам кибитей.

В погребении, которое было раскопано в кургане №41 в составе могильника Улуг-Чолтух, по обряду ингумации был захоронен взрослый мужчина, вероятно, воин-лучник. Здесь были обнаружены роговые накладки от сложносоставного лука и разнообразные наконечники стрел. Кибить лука была снабжена двумя парами концевых боковых накладок, предназначенных для крепления на оба конца деревянной основы, одной парой срединных боковых накладок и составной срединной фронтальной накладкой, состоявшей из двух частей.

Концевые накладки данного лука длинные, узкие, плавно изогнутые. Они снабжены закругленными окончаниями, в непосредственной близости от которых располагаются полукруглые вырезы, предназначенные для крепления в них петель тетивы. Длина полностью сохранившихся концевых накладок достигает 28–31 см, а ширина – 1,2–1,4 см. Срединные боковые накладки у данного лука длинные и широкие, слабоизогнутые, скошенные к обоим концам данной роговой детали. Длина сохранившихся накладок составляет 28 см, ширина – 2,4–2,7 см. Срединная фронтальная накладка сохранилась в обломках. Сохранившаяся ее часть включает трапециевидное расширение на одном конце этой роговой детали. На поверхности этого расширения нанесены нарезные косые линии, вероятно, предназначенные для обклеивания середины кибити лука с помощью выделанных полос бересты. На противоположном конце срединной фронтальной накладки находится удлиненный плавный срез, который мог служить для приклеивания к ней другой составной части, относящейся к той же самой срединной фронтальной накладке. Длина сохранившейся части этой накладки 8,5 см, ширина в верхней части – 1,6 см (рис.-1–7).

В целом данную находку можно отнести к первому типу сложносоставных луков, для них было характерно наличие двух пар концевых боковых накладок, которые крепились к обоим концам деревянной основы кибити, а также одной пары срединных боковых накладок и одной срединной фронтальной накладки. Ранее подобный тип лука был выделен на материалах предшествующих раскопок на этом же могильнике Улуг-Чолтух [Худяков, 2016, с. 22].

В кургане №42 на памятнике Улуг-Чолтух было исследовано захоронение взрослого мужчины – воина, совершенное по обряду ингумации, с луком и стрелами в составе сопроводительного инвентаря. Роговые накладки от сложносоставного лука находились вдоль правой стороны мужского скелета взрослого человека. Они располагались вдоль всего скелета погребенного человека, от черепа до нижнего окончания большой берцовой кости левой ноги погребенного. От лука сохранились длинные



Накладки луков из памятника Улуг-Чолтух:  
1-7 - к. №41; 8-12 - к. №42; 13, 14, 18, 19 - к. №43; 15, 16, 17 - к. №45

узкие плавно изогнутые костяные накладки, состоящие из двух и трех фрагментов. Одна из концевых боковых накладок завершается полукруглым окончанием и снабжена таким же округлым вырезом, предназначенным для надевания петли тетивы. Длина этой накладки – 17,3 см, ширина – 1,4 см. У второй концевой боковой накладки имеется полукруглое окончание, образующее небольшой выступ. Несколько ниже на ней находится полукруглый вырез, который использовался для крепления петли тетивы. Длина этой накладки составляет 20,3 см, наибольшая ширина – 1,3 см. От одной из концевых накладок, предназначенных для крепления к противоположному концу деревянной основы кибита лука, сохранилось четыре небольших фрагмента. Судя по сохранившимся обломкам, накладка на данный конец кибита не имела заметного изгиба вдоль длинной оси. Длина сохранившейся части накладки – 15,3 см, ширина накладки – 1,2 см. В этом захоронении были обнаружены две срединные боковые накладки от данного лука. Обе они довольно крупные, массивные, плавно изогнутые по длине, со скошенными окончаниями. Вдоль длинной стороны одной из накладок нанесены косые нарезные линии. На другой срединной боковой накладке нарезные линии нанесены на обоих концах и вдоль ее длинного края. Эти линии служили для более прочного приклеивания к середине лука берестяного покрытия. Длина срединных боковых накладок – 24,5–25,5 см, ширина – 2,8 см. В состав накладок данного лука входила срединная фронтальная накладка. Она сохранилась в двух обломках, каждый из которых имел небольшие расширения на концах. Общая длина сохранившихся частей срединной фронтальной накладки составляет 27,5 см, ширина накладки – 1,2 см (рис.-8–12).

В кургане №43 в составе памятника Улуг-Чолтух было исследовано погребение взрослого мужчины, вероятно, лучника с луком и стрелами. Роговые концевые накладки лука располагались в области правой плечевой кости и левой ноги погребенного. От верхнего конца лука сохранились обломки от двух коротких прямых концевых боковых накладок. Верхние окончания обеих этих накладок имеют полукруглую форму. Каждая из накладок снабжена полукруглыми вырезами для надевания петель тетивы. Длина накладок – 11,5 см, ширина – 1,3 см. Другая пара концевых накладок лука представлена двумя длинными, пологими роговыми пластинами. Верхние концы накладок оформлены в виде полукруглых окончаний с округлыми вырезами, которые служили для надевания петель тетивы. Длина накладок – 27–30 см, ширина – 1,3–1,5 см. Отсутствие в составе набора срединных боковых и срединной фронтальной накладок не является бесспорным свидетельством того, что на вооружении у айрыдашских стрелков были на вооружении луки подобной формы, усиленные только двумя парами концевых роговых накладок. Вполне возможно, что кибить лука была помещена в данную могилу в своем неполном составе. Нельзя исключить, что в процессе совершения обряда захоронения данному лучнику поместили в могилу в качестве сопроводительного инвентаря не целую кибить, а только два частично сохранившихся отдельных окончания от деревянной основы сложносоставного лука, а его средняя часть не была помещена это захоронение (рис.-13–14, 18–19).

В кургане №45 на могильнике Улуг-Чолтух было изучено захоронение воина, помещенного в могилу со сложносоставным луком. В области правой плечевой кости погребенного находились разломанные на несколько фрагментов роговые концевые накладки от кибита этого лука. Данные костяные пластины имеют полукруглые верхние окончания с расположенными с одной стороны округлыми вырезами для крепления

петель тетивы. Длина концевых боковых накладок – 19,5–20 см, ширина – 1,3–1,4 см. С внешней стороны от левой бедренной кости скелета погребенного обнаружены частично сохранившиеся обломки двух срединных боковых накладок, принадлежащих этому же луку. Вероятно, первоначально, они должны были представлять собой длинные широкие пластины со скошенными концами. Однако по сохранившимся обломкам определить точные размеры таких срединных боковых накладок, в том числе общую длину, не представляется возможным. В непосредственной близости от них было найдено пять небольших роговых пластинчатых обломков, которые должны относиться к срединной фронтальной накладке. У этой накладки сохранился лишь один расширенный конец. Длина сохранившейся части срединной фронтальной накладки составляет 17,5 см, ширина накладки – 1,2 см. У данного лука присутствует одна пара концевых боковых, пара сильно обломанных срединных боковых и разломанная на несколько частей срединная фронтальная накладка (рис.-15–17).

Другая пара концевых боковых накладок у данного лука отсутствует. Вполне вероятно, что этот тип лука обладал только одной парой концевых накладок, а также парой срединных боковых и срединной фронтальной накладкой. Ранее подобный тип сложносоставного лука был выделен в составе комплекса предметов вооружения дистанционного боя, которые были обнаружены в процессе раскопок мужских воинских погребений в составе могильника Улуг-Чолтух в ходе предшествующих полевых сезонов [Худяков, 2016, с. 22].

Судя по характерным особенностям рассмотренных выше нескольких погребальных сооружений, благодаря зафиксированному ранее обряду захоронения в нескольких раскопанных в полевом сезоне 2008 г. могилах на могильнике Улуг-Чолтух, можно утверждать, что подобные погребения, совершенные по обряду одиночной ингумации, в составе инвентарного комплекса которых были обнаружены охарактеризованные выше роговые накладки от сложносоставных луков, должны относиться к определенному историческому периоду. Подобные сложносоставные луки, происходящие из нескольких погребений взрослых мужчин – воинов, могут быть отнесены к комплексу предметов вооружения дистанционного боя, принадлежащих лучникам из древних кочевых племен, обитавших на территории района Средней Катунь во 2-й четв. I тыс. н.э. Ранее подобные находки были получены в процессе раскопок археологических памятников, относящихся к айрыдашскому типу комплексов, расположенных в среднем течении долины р. Катунь на территории центральной части Горного Алтая [Худяков, 2016, с. 25].

### ***Заключение***

В результате исследования серии находок роговых накладок луков из раскопок мужских, вероятнее всего, воинских захоронений на могильнике Улуг-Чолтух в долине р. Эдиган в 2008 г. удалось подтвердить выявленное ранее типологическое разнообразие сложносоставных луков, изученных в составе предметов вооружения дистанционного боя из нескольких выделенных ранее археологических комплексов, отнесенных к числу памятников айрыдашского типа. Подобные археологические материалы из состава предметного комплекса айрыдашских археологических памятников предтюркского времени были выявлены в долине р. Катунь на территории центральных районов Горного Алтая. Предметы вооружения дистанционного боя из археологических комплексов, исследованных в течение полевого сезона 2008 г., дополняют рассмотренные ранее находки различных типов сложносоставных луков из памятников айрыдашского типа.

### **Библиографический список**

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 143 с.
- Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 116–126.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая III–XIV вв. Ч. 2. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 173–191.
- Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М. : Наука, 1989. 749 с.
- Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник. Л. : Аврора, 1977. Вып. 18. С. 57–67.
- Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004. Вып. 1. С. 37–82.
- Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских номадов во II–V вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 19–55.
- Худяков Ю.С. Оружие дистанционного боя кочевников долины Эдигана в хунно-сяньбийскую эпоху (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух в 2002 году) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 5. С. 161–168.
- Худяков Ю.С. Опыт систематизации предметов вооружения дистанционного боя из памятников айрыдашского типа хунно-сяньбийской эпохи в Горном Алтае // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. №5. С. 20–30.

### **References**

- Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A. Vostochnyi Altai v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII vv.) [Eastern Altai Mountains in the Era of the Migration Period (3rd–7th century)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i ehtnografii SO RAN, 2003. 224 p.
- Radlov V.V. Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [From Siberia. The Pages of Diary]. Moscow : Nauka, 1989. 749 p.
- Gavrilova A.A. Mogilnik Kudyrgе kak istochnik po istorii altaiskikh plemen [The Kudyrgаe Burial Ground as a Source on the History of the Altai Tribes]. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1965. 146 p.
- Globa G.D. Raskopki kurgannogo mogilnika Belyi Bom-II [Excavations of the Belyi Bom-II Burial Ground]. Arheologicheskie issledovaniya v Gornom Altae v 1980–1982 godakh [Archaeological Research in the Altai Mountains in 1980–1982]. Gorno-Altai : GANIIYAL, 1983. Pp. 116–126.
- Gorbunov V.V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Vol. 2. Nastupatelnoe vooruzhenie (oruzhie) [Military Science of the Population of the Altai Mountains in 3rd–14th century. Vol. 2. Offensive Armament (weapon)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. 232 p.
- Mamadakov Yu.T. Novye materialy gunno-sarmatskogo vremeni v Gornom Altae [New Materials of the Xiongnu and Sarmatian Times in the Altai Mountains]. Altai v epokhu kamnya i metalla [The Altai Mountains in the Stone and Metals Ages]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1985. Pp. 171–191.
- Sorokin S.S. Pogrebeniya epokhi velikogo pereseleniya narodov v raione Pazyryka [Interments in the Era of the Migration Period in the Pazyryk Region]. Archeologicheskii sbornik [Archaeological Collection]. Leningrad : Avrora, 1977. Issue 18. Pp. 57–67.
- Teterin Yu.V. Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaya berelskoi epokhi [Armament of Nomads of the Altai Mountains of the Berel Era]. Voennoe delo narodov Sibiri i tsentralnoi Azii [Military Science of the People of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Novosib. un-t Publ., 2004. Vol. 1. Pp. 37–82.
- Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie tsentralno-aziatskikh kochevnikov v II–V vv. n.e. [Armament of the Nomads of Central Asia in the 2<sup>nd</sup>–5<sup>th</sup> Century A.D.]. Voennoe delo nomadov Tsentralnoi Azii v syanbiyskuyu epokhu [Military Science of the Nomads of Central Asia in the Xianbei Times]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2005. Pp. 19–55.



Khudyajov Yu.S. Oruzhie distantsionnogo boya kochevnikov doliny Edigana v khunno-sianbiiskuyu epokhu (po materialam raskopok mogilnika Ulug-Choltukh v 2002 godu) [Weapon of Distance Combat of the Nomads of the Edigan River Valley in the Xiongnu and Xianbei Times (based on materials of excavations of the burial ground Uleg-Choltukh in 2002)]. Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Seriya: Istorija, filologiya [Vestnik of Novosibirsk State Universitet. Series: History and Philology]. 2014. Vol. 13. Issue 5. Pp. 161–168.

Khudyakov Yu.S. Obit sistematizacii predmetov vooruzhenia distancionnogo boia iz pamiatnikov airidashskogo tipa khunno-sianbiiskoi epokhi v Gornom Altaie [Systematizing of Objects of Armament of Distance Combat from the Sites of Airydash Type of the Xiongnu and Xianbei Times in the Altai Mountains]. Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Seriya: Istorija, filologiya [Vestnik of Novosibirsk State Universitet. Series: History and Philology]. 2016. Vol. 15. Issue 5. Pp. 20–30.

**Yu.S. Khudyakov**

*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS,  
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia*

## **COMPOUND BOWS FROM THE ULUG-CHOLTUKH SITE IN THE VALLEY OF THE EDIGAN RIVER IN THE ALTAI MOUNTAINS (based on results of excavations 2008)**

The article analyzes the research results of compound bows from the objects complex of armament of long-range combat, discovered in the course of excavations of the Ulug-Choltukh burial ground, located in the valley of the Edigan River in the Altai Mountains, during the field season of 2008. Consideration is given to the basic results of previous research of various objects of hand-held projectile armament from the Xiongnu and Xianbei culture sites, that were excavated in the territory of the Altai Mountains. Analysis is given to the finds of end median, lateral and frontal fingerboards of compound bows of different shapes, discovered in the course of excavations of the Ulug-Choltukh site in 2008. Formal and typological analysis in the composition of studied collection of archaeological findings allows distinguishing the bows of different types with varying amounts of horn fingerboards. Among them were the compound bows of a definite type, that are characterized by two pairs of end lateral fingerboards, one pair of median lateral and one median frontal fingerboard. Another type of bow includes one pair of end lateral fingerboards, one pair of median lateral fingerboards and one median frontal fingerboard. Analogical bows were used by ancient nomads residing in the territory of the middle Katun River in the Altai Mountains during the 2<sup>nd</sup> quarter of the 1<sup>st</sup> millennium A.D.

*Key words:* Altai Mountains, Xiongnu and Xianbei times, armament objects of long-range combat, compound bows with horn fingerboards.

# ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

УДК 903.5«638»(574.51)

А.З. Бейсенов<sup>1</sup>, Д.Б. Дуйсенбай<sup>2</sup>, Е.П. Китов<sup>3</sup>, М.А. Кулькова<sup>4</sup>

<sup>1</sup>Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан;

<sup>2</sup>Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан;

<sup>3</sup>Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия;

<sup>4</sup>Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,  
Санкт-Петербург, Россия

## ИССЛЕДОВАНИЕ САКСКИХ КУРГАНОВ В УРОЧИЩЕ КАСПАН В ЖЕТЫСУ

Сакские памятники долины Каспан были впервые открыты А.З. Бейсеновым в 2009 г. В 2012–2014 гг. здесь были раскопаны семь курганов. Исследования проводились совместной казахско-итальянской экспедицией. Вместе с сотрудниками Института археологии (Алматы, Казахстан) приняли участие в работе экспедиции сотрудники Центра научных исследований Легабуе (Венеция, Италия). По исследованным памятникам были получены семь радиоуглеродных дат в Великобритании и России. Были получены антропологические материалы. По археологическим и углеродным данным памятники делятся на две хронологические группы. Четыре кургана относятся к периоду VIII–VI вв. до н.э., три кургана – к периоду VI–III вв. до н.э.

*Ключевые слова:* сакский период, Жетысу, курганы, антропологические материалы, радиоуглеродный анализ, хронологические группы.

DOI: 10.14258/tpai(2018)3(23).-10

### *Введение*

К настоящему времени в урочище Каспан, что на реке Биже (каз. Быжы), на территории одноименного сельского округа Кербулакского района Алматинской области, известно большое число разных памятников раннего железного века. Впервые побережье реки Биже было обследовано Талдыкурганской экспедицией (начальник экспедиции А.З. Бейсенов, сотрудники А.Е. Касеналин, М.Т. Телеубаев, К.А. Жамбулатов) Института археологии им. А.Х. Маргулана в 2009 г. В полевом сезоне этого года Талдыкурганской экспедицией в рамках договора с департаментом культуры Алматинской области по теме «Исследование памятников древней культуры Северо-Восточного Семиречья» были проведены поиск и фиксация памятников раннего железного века на территории Кербулакского района. Было открыто большое число разных памятников, разведочные маршруты охватили территории практически всех сельских округов\*. В ходе этой работы были определены многие пункты с особой концентрацией памятников. Так, в долине Когалы, что у подножия Алтынемельского хребта, были зафиксированы и картированы свыше 100 курганов высотой от 2,5–3 до 5–7 м. Не так далеко отсюда находится и урочище Каспан, где были также зафиксированы многочисленные курганные могильники, включающие как большие, так и малые насыпи. Каспанский археологический район разделяется рекой Биже на две части: левобережье и правобережье. В 2009 г. под руко-

\* В ходе исследований на территории района большую помощь в работе экспедиции оказали сотрудники местных органов, работники фермерских хозяйств, жители сел. Руководитель работ А.З. Бейсенов выражает признательность заместителю акима Кербулакского района Б.Т. Момбаеву, акиму Когалинского с/о С.С. Исабаеву, а также многим другим сотрудникам акиматов сельских округов и жителям района, оказавшим прямое содействие.

водством А.З. Бейсенова там были открыты и засняты 11 могильников, часть которых впоследствии были подвергнуты стационарным исследованиям.

Результаты первых рекогносцировочных работ памятников Кербулакского района уже в те годы неоднократно озвучивались и обсуждались. В ноябре 2009 г. от Института археологии им. А.Х. Маргулана в департамент культуры Алматинской области было направлено письмо, где поднималась проблема особой актуальности выявленных памятников как для научных изысканий, так и для реализации практических мероприятий на местах. В том числе было внесено предложение обсудить вопрос о создании в перспективе археологического заказника (особо охраняемой территории) «Когалы», в структуру которого вошли бы, помимо собственно пункта сосредоточения указанных царских курганов, такие близлежащие локальные урочища, как Каспан. Осенью 2010 г. на выездной сессии Министерства культуры и Администрации президента РК, проведенной с участием руководства Алматинской области и состоявшейся в Музее-заповеднике «Иссык», эта тема была озвучена еще раз. Определенного решения достичь не удалось, тем не менее актуальность и перспективность данной темы очевидны.

Весной 2011 г. А.З. Бейсеновым в ходе кратковременной поездки были вновь осмотрены ряд памятников Когалы и Куренбея, Каспана и Коянкуза. В 2012–2015 гг. проводились стационарные исследования в урочище Каспан силами совместной казахско-итальянской экспедиции. С казахстанской стороны участвовали А.З. Бейсенов в качестве начальника экспедиции и руководителя научных исследований, начальник отряда Г.С. Джумабекова, а также научные сотрудники Г.А. Базарбаева, Д.Б. Дуйсенбай, К.А. Жамбулатов, И.К. Ахияров, Т.М. Дюсенов. С итальянской стороны в исследованиях приняли участие сотрудники Центра научных исследований Легабуе (Венеция, Италия) Массимо Казарин, Елена Баринава, студенты университета Ка Фоскари (Венеция, Италия) Лоренцо Крешиоли, Николо Фиори, другие специалисты. Были раскопаны, главным образом в период 2013–2014 гг., ряд курганов, проводились работы по фиксации новых памятников, картированию объектов по урочищам. В 2015–2016, 2018 гг. исследования в урочище Каспан продолжились, основное внимание уделяется поиску новых объектов, в том числе поселений раннего железного века. В 2015–2016 гг. работы выполнялись в рамках грантовой темы «Сарыарка в системе культур раннего железного века степной Евразии» (руководитель темы А.З. Бейсенов, начальник отряда Г.С. Джумабекова).

В настоящем сообщении приводятся данные изучения семи курганов, раскопанных в могильниках Каспан-2, Каспан-6 и Каспан-11 в 2013–2014 гг. Описание и результаты исследования курганов №1 и 4 могильника Каспан-6, в том числе две радиоуглеродные даты по этим объектам, результаты палинологических анализов нашли отражение в ряде публикаций [Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, Баринава, Крешиоли, 2015; Джумабекова, Базарбаева, Нигматова, 2017; Базарбаева, 2017; Джумабекова, Базарбаева, 2018; Beisenov, Jumabekova, Bazarbaeva, 2016; Beisenov, Kreshioli, Jumabekova, Bazarbayeva, Varinova, 2017]. Данные археологического изучения остальных памятников, антропологические материалы, а также пять из семи рассматриваемых в сообщении углеродных дат публикуются впервые.

### ***Методы, материалы и результаты исследований***

В интересующей нас местности в районе сел Каспан и Кайнарлы в реку Биче впадают два ее правых притока – речки Дуйсен и Кайнарлы. Таким образом, помимо общих благоприятных условий горной долины, одной из важных причин концентрации много-

численных памятников в древности являлось хорошее обеспечение данной местности водой благодаря наличию постоянных водотоков. По словам старожилков, в настоящее время реки стали маловодными, в прошлом воды в них было намного больше, действовали также многочисленные горные родники. Напротив указанных двух сел, западнее их, на левобережном плато сосредоточены курганные могильники, открытые в 2009 г. От с. Каспан ближайшие могильники расположены на расстоянии 2–3 км, дальние – 6–7 км.

В могильниках насчитывается от 2–3 до 20 насыпей высотой от 0,3 до 3–4 м. Согласно наблюдению, курганы, в составе которых преобладают малые насыпи, преимущественно расположены в восточной части плато, ближе к реке Биже, тогда как могильники с более крупными насыпями находятся в западной части. Поэтому было решено исследовать курганы двух типов, относительно крупные и малые, в разных могильниках: на западе и на востоке могильного поля. В качестве таковых были выбраны могильник Каспан-6 с крупными насыпями, находящийся на западе, и два могильника, в составе которых находятся только малые насыпи, – Каспан-2 и Каспан-11, расположенные на восточном краю плато. Между указанными могильниками находятся другие группы, ждущие своего изучения.

Основная задача состояла в необходимости выяснения культурно-хронологической принадлежности памятников. Вместе с тем изучение разнотипных курганов, расположенных в разных, но находящихся в одной местности и недалеко друг от друга, могильниках, способствовало бы выяснению некоторых специфических вопросов распространения курганных захоронений раннего железного века в Жетысу. Наш выбор разнотипных курганов, таким образом, был неслучаен, что требует некоторого объяснения.

В регионе и поныне на археологическом (раскопчном) материале не выяснен вопрос соотношения «курганов сакских», представленных относительно крупными насыпями, и «курганов усуньских», для которых, согласно распространенному мнению, сплошь характерны почти однотипные небольшие насыпи, как по подбору сгруппированные в отдельные могильники. Это мнение переносится на датировку памятников в целом, когда речь идет о неизученных объектах или отсутствует датирующий материал. Могильники с более крупными насыпями считаются сакскими, в основном это подтверждается материалом [Байпаков, Воякин, Захаров, 2016, с. 667]. Более проблематичны могильники, состоящие из небольших сооружений и относимые на этом основании к усуньскому периоду. Положение усугубляется тем, что последние, как правило, малоинвентарные, находимые в них керамические сосуды, ножи и редкие украшения не обеспечивают хорошую датировку. По этой причине в свое время значительное число позднесакских курганов Жетысу были отнесены к усуньской культуре (об этом вопросе подробнее см.: [Шульга, 2003, с. 60–61; Кубарев, Шульга, 2007, с. 70; Бейсенов, 2014, с. 126; Байпаков, Воякин, Захаров, 2016, с. 667–668; Амиров, 2017, с. 128–129]).

Нельзя не учитывать здесь и то обстоятельство, что памятники усуньской культуры во многом близки к позднесакским. Не без основания считается, что культура усуней сложилась в результате дальнейшего развития культуры позднесакского времени Жетысу и предстает в качестве заключительного этапа всей сакской эпохи этого региона. Тем не менее это положение не снимает необходимость современной разработки вопросов хронологии и периодизации сакского времени и раннего железного века в целом Жетысу, актуальность которой подчеркивается исследователями (см., в частности: [Гасс, 2015; Базарбаева, 2017; Джумабекова, Базарбаева, 2018]). Для достижения этой цели необходимы специальные исследования.

По всем семи изученным курганам Каспана были получены радиоуглеродные даты. Одна дата из кургана №4 могильника Каспан-6 получена в лаборатории Королевского университета Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания (табл. 1), исполнитель – С.В. Святко. Остальные шесть дат, по одной из каждого кургана, получены в лаборатории Российского государственного педагогического университета (рис. 3, 5, 8, 11, 15, 19), исполнитель – М.А. Кулькова.

Хотя большие курганы оказались сильно ограбленными и ярких находок в них не сохранилось, прослежены многие интересные особенности погребального обряда. Разумеется, данные, поступившие из небольшого количества памятников, недостаточны для решения сложных проблем раннего железного века Жетысу. Вместе с тем наличие достаточно надежных дат, полученных в лабораториях Великобритании и России, однозначно способствует осмыслению первоначально поставленной задачи в плане рассмотрения особенностей, в том числе хронологии, разнотипных насыпей и могильников.

В данном случае в какой-то степени удалось наметить их соотношение по крайней мере для урочища Каспан. Четыре более крупных кургана из могильника Каспан-6, расположенного на западе могильного поля, оказались раннесакскими. Остальные три малых кургана, изученные в могильниках Каспан-2 и Каспан-11, находящихся в восточном краю могильного поля, на расстоянии около 4 км от первого, датируются более поздним периодом, но не выходят за пределы сакской эпохи. В нашем случае все семь курганов, и большие, и малые, оказались памятниками сакского времени.

Левобережное плато, где расположены могильники, в прошлом в течение многих лет интенсивно использовалось совхозом «Каспан» в качестве важного сельхозугодья. В основном в результате распашек оказались в той или иной степени разрушенными многие курганы. Некоторые малые насыпи с трудом фиксируются на поверхности. Напротив плато, с востока, на близком расстоянии от могильников находятся два села, что также повлияло на сохранность памятников. Некоторые курганы частично разрушены вследствие выборки грунта из насыпей для строительных нужд.

Примечательной особенностью могильников является наличие на их территориях округло-овальных небольших жертвенников, составленных из камней. Согласно наблюдению, такие жертвенники, располагающиеся по одному или группами, тяготеют к могильникам с более крупными насыпями. Подобные объекты, в виде «восьмикаменников» или схожих типов, распространены во многих ареалах сакских культур Казахстана и степной Евразии [Бейсенов, 2015].

**Могильник Каспан-6.** Находится на расстоянии 6,4 км западнее с. Каспан и состоит из шести курганов, из которых курганы №1 и 4 являются наиболее крупными. В могильнике исследованы четыре кургана – №1, 4–6.

**Курганы №1 и 4** диаметром соответственно 36 и 30 м, высотой 3 м. Многие особенности этих курганов освещены в публикациях, поэтому нет нужды в повторном детальном описании. Следует отметить, что особенности устройства этих курганов не противоречат их ранней дате. Основу насыпи составляет округлый кольцевой вал, уложенный сверх плотной глиняной платформы. На периферии насыпи проходит широкая крепида из камней. В центре кольцевидного вала-насыпи находятся большие могильные ямы, ориентированные по линии СЗ–ЮВ, З–В. В кургане №1 она имела размеры 4,7×4,1 м при глубине 2,2 м. Большие погребальные камеры заливались жидкой глиной, сверху сооружалась куполовидная конструкция из глины и камней.

Внутри могил устраивались сооружения из дерева, камня. От деревянных столбов сохранились ямки диаметром от 7 до 30 см и глубиной от 9 до 39 см. Могилы перекрывались деревом. В кургане №1 верх могилы и дромоса, направленного на юго-восток, перекрывались жердями диаметром до 15 см. Наконец, для обоих курганов характерна традиция установки стел (менгиров) на вершине насыпи. Вдобавок в кургане №4 еще три стелы находились и внизу, с восточной стороны могилы. Как и в случае с жертвенниками, менгиры, стелы, каменные изваяния также являются атрибутом курганного пространства во многих культурах сакского времени Казахстана [Jumabekova, Bazarbaeva, 2016; Бейсенов, 2017] и сопредельных регионов.



Рис. 1. Череп женщины из кургана №1

При исследовании кургана №1 на разных уровнях заполнения могильной ямы были найдены в разрозненном виде отдельные кости мужчины, женщины и ребенка, часто лежавшие попеременно с многочисленными костями животных. Захоронение сильно ограблено, о чем свидетельствует следующий порядок нахождения человеческих костей. Верхний уровень могильной ямы, глубина 70–120 см: крестец, грудные позвонки, фрагменты малоберцовой кости взрослого человека, локтевая и лучевая кости ребенка. Глубина 140 см: левая большеберцовая кость с отломанным эпифизом, правая лопатка, левые локтевая и лучевая кости без эпифизов, взрослый индивид. Глубина 150 см: фрагмент затылочной кости взрослого человека, мелкие фрагменты костей посткраниального скелета. Глубина 180 см: правая плечевая, левая лучевая, правая локтевая, верхняя половина левой бедренной кости, фрагменты правой большеберцовой кости, правая ключица. Правая половина челюсти ребенка и два поясничных позвонка. Все кости принадлежат двум индивидам: женщине 25–35 лет и ребенку около 8 лет. Глубина 184–188 см: правая бедренная кость (236 мм), правая большеберцовая кость ребенка, правая подвздошная кость женщины 25–35 лет, грудной позвонок, левая бедренная и большеберцовая кости взрослого человека. Глубина 187–188 см: череп женщины 25–35 лет. Глубина 200 см: бедренная кость (234 мм), левая бедренная, локтевая и фрагменты позвонков кости ребенка 7–8 лет, левая подвздошная кость женщины 25–35 лет, фрагменты височных костей мужчины и женщины, пяточная, два грудных позвонка, фрагменты ребер, левая лопатка ребенка, правая и левая плечевые кости, фрагменты правой бедренной и левой большеберцовой мужского индивида. Придонная часть могильной ямы: правая лучевая кость взрослого человека. На дне могильной ямы найдены следующие кости: правая височная кость (муж.?), левая ветвь нижней челюсти ребенка, левая скуловая и фрагменты верхней челюсти мужчины 35–45 лет, фрагменты правой теменной, лучевая и фрагменты подвздошной кости таза, правая лопатка ребенка.

Был исследован череп женщины, найденный на глубине 187–188 см.

Череп женщины 25–30 лет (рис. 1, табл. 3). Макро- и микрорельеф слабый. Череп брахикранный при сочетании средней длины и ширины мозговой коробки. Лобная кость широкая.

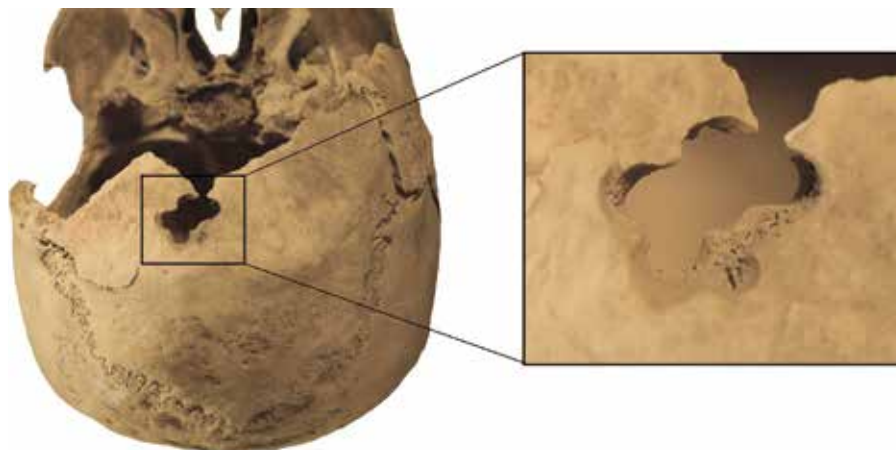


Рис. 2. Трепанационное отверстие на черепе женщины из кургана №1

Лицевой скелет высокий, очень широкий по значению верхней ширины, широкий на уровне скулового диаметра; средняя ширина лица средняя. Орбиты широкие при средней высоте, мезоконхные по указателю. Нос лепторинных пропорций при малой высоте и большой ширине. Переносье среднеширокое и средневысокое. Угол выступления носовых костей по отношению к вертикали лицевого скелета, вероятно, был малым (?). В горизонтальной плоскости лицо уплощено на обоих уровнях. Клыковая ямка глубокая. Из особенностей можно отметить трепанационные отверстия на затылочной кости ниже затылочного бугра (рис. 2).

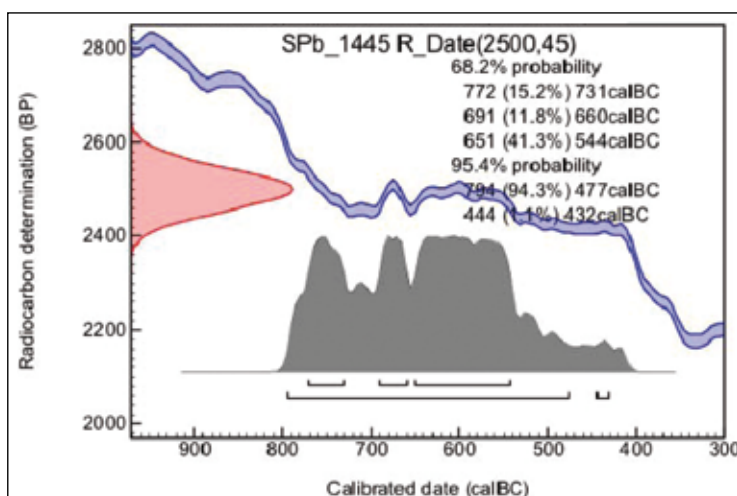


Рис. 3. Данные радиоуглеродного анализа древесного образца из кургана №1 могильника Каспан-6

Все кости из кургана №1 принадлежат трем индивидам: мужчине 35–45 лет, женщине 25–30 лет и ребенку около 8 лет. Можно предположить, что в кургане была похоронена семья, но проверить предположение по наличию наследуемых маркеров между взрослыми и ребенком, а также по морфологии черепа и посткраниального скелета не представляется возможным из-за фрагментарности костей.

По древесному образцу из кургана №1 получена одна углеродная дата (рис. 3). В качестве образца был взят фрагмент жерди, использовавшейся в перекрытии могильной ямы. Уровень залегания – 150 см от верха насыпи.

В кургане №4, помимо мелких неопределимых костей, найден фрагмент черепа человека. Череп представлен только широкой лобной костью мужчины 45–55 лет. Из этого кургана по костному образцу получена одна углеродная дата (табл. 1).

Таблица 1

АМС  $^{14}\text{C}$  дата проанализированного образца из кургана №4, могильник Каспан-6

Лабораторный номер	Памятник	$^{14}\text{C}$ ВР	Калиброванная дата 1 $\sigma$ , (68.3 %)	Калиброванная дата 2 $\sigma$ (95.4%)
UBA-24075	Могильник Каспан-6, курган №4	2466 $\pm$ 33	Cal BC 751-682 (0.384) 669-634 (0.189) 628-613 (0.066) 592-516 (0.361)	Cal BC 765-471 (0.946) 466-430 (0.054)

**Курган №5.** Полураспаханный курган на краю погребального поля, северный в группе. Предполагаемый диаметр свыше 20 м, высота от уровня современной дневной поверхности в момент раскопок – 0,6 м. По краям насыпи выявлены фрагменты крепиды, сложенной из небольших камней вкруговую в виде довольно широкого кольца шириной от 0,8–1,1 до 1,5 м. Диаметр крепиды по внешним краям – около 17 м. Грунт в насыпи в основном рыхлый, светло-коричневого цвета, суглинок. На глубине 0,4 м от верха насыпи прослежены участки глиняной заливки или плотной, сильно



Рис. 4. Верхний уровень могильной ямы кургана №5

но утрамбованной глины. Возможно, этот плотный слой, мощностью 10–15 см, покрывал поверхность полусферического нижнего сооружения, под которым находилась грунтовая могильная яма.

В слое нижней насыпи в центре было зафиксировано скопление многочисленных камней размером 10–15 см, которые прослеживались до верхнего слоя заполнения могильной ямы. Скопление камней сосредоточено по линии З–В. В верхних уровнях края могильной



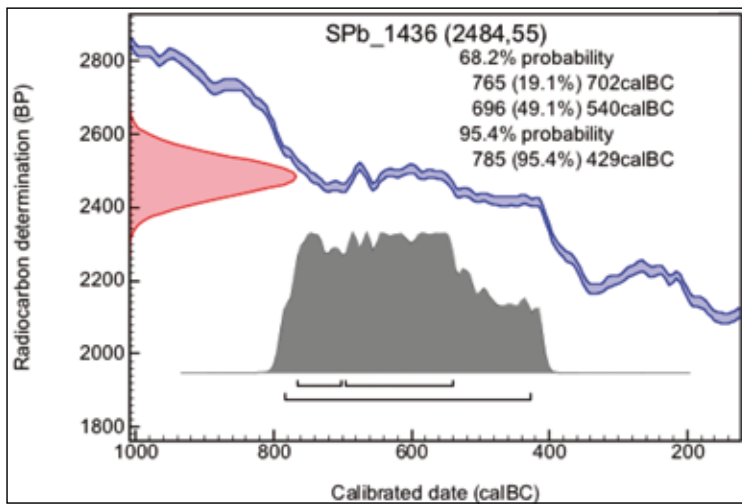


Рис. 5. Данные радиоуглеродного анализа костного образца из кургана №5 могильника Каспан-6 ямы разрушены в результате ограбления. У восточного края могильной ямы были расчищены остатки деревянного перекрытия – фрагменты жердей диаметром 5–10 см (рис. 4). Жерди перекрытия в свое время укладывались поперек могильной ямы. Яма, ориентированная по линии З–В, имеет размеры 2×1,5 м, ко дну сужается. Глубина – 0,5 м от уровня материка. В разных уровнях заполнения, на дне находились небольшие камни, фрагменты дерева от перекрытия, отдельные кости человека и животных (кости МРС, обломок ребра крупного животного). Вещевых находок нет.

В заполнении могильной ямы кургана №5 на глубине 0,45–0,85 м были найдены правая локтевая кость и ребра взрослого человека.

По костному образцу из кургана №5 получена одна углеродная дата (рис. 5).

**Курган №6.** Полуразпаханный курган в средней части могильника. Предполагаемые параметры задернованной насыпи: диаметр – свыше 10 м, высота от современной дневной поверхности в момент раскопок – 0,5 м. Края насыпи распаханы и снивелированы. Судя по отдельным камням и их небольшим скоплениям, насыпь окольцовывала крепиды. Под слоем дерна мощностью 0,15 м находится рыхлый светло-коричневый грунт. Зачистка на этом уровне показала, что этот слой представляет собой основное содержание курганной насыпи. На плане округлая, полусферическая в сечении насыпь, диаметром около 9–9,5 м, высотой 0,8–1 м, была сооружена на материковой поверхности.

Внизу, в центральной части этого сооружения, имеется вторая, нижняя, насыпь (рис. 6) диаметром около 5 м, также округлая, с уплощенным верхом. Высота ее – около 0,55 м. Возможно, уплощенность ее поверхности образована вследствие ограбления захоронения. Нижнее сооружение состоит из глинистого грунта желтого цвета.

На поверхности этой нижней насыпи, в центре, а также к югу и юго-западу от центра располагались участки с более темным цветом, создававшие общее пятно в виде неправильного овала длиной с юго-востока на северо-запад около 2,7 м. Затем, по мере снятия грунта, это пятно уходило к югу от центра данного сооружения. Со смещением к югу от центра расположена и могильная яма, в верхней части которой довольно убедительно



Рис. 6. Курган №6. Пунктирной линией показана нижняя насыпь над могильной ямой

тельно фиксировался смешанный состав заполнения. Следует отметить, что указанные следы грабительского раскопа не фиксировались вверху памятника, в слое над нижней насыпью. Однообразная по структуре, плотности, чаще и цвету глинистая почва Жетысу особо не способствует четкой археологической фиксации пятен, тем более небольших размеров и неясных очертаний. Возможно, следы грабительского раскопа в верхней части курганной насыпи не удалось увидеть. Возможно и второе. Не исключено, что нижняя насыпь, заключавшая внизу захоронение, какое-то время стояла в таком виде, без верхней досыпки. Ограбление могилы могло произойти в этот отрезок времени.



Рис. 7. Курган №6. Могильная яма

Южнее от центра нижней насыпи находилась могильная яма (рис. 7) подпрямоугольной формы, размером 2,2×1,3 м, глубиной 0,5 м от уровня материка, ориентированная по линии З–В. В заполнении встречены небольшие камни. Погребение сильно ограблено. Вещевых находок нет.

Разрозненные кости человека, найденные в заполнении и на дне ямы кургана №6, представлены большеберцовыми, плечевыми, малоберцовыми, позвонками и грудной женщины 25–35 лет. По костному образцу из кургана №6 получена одна углеродная дата (рис. 8).

**Могильник Каспан-2.** Расположен на восточном краю плато, примыкающего к реке Биже. Могильник авариный, многие курганы сnivelированы вследствие рас-

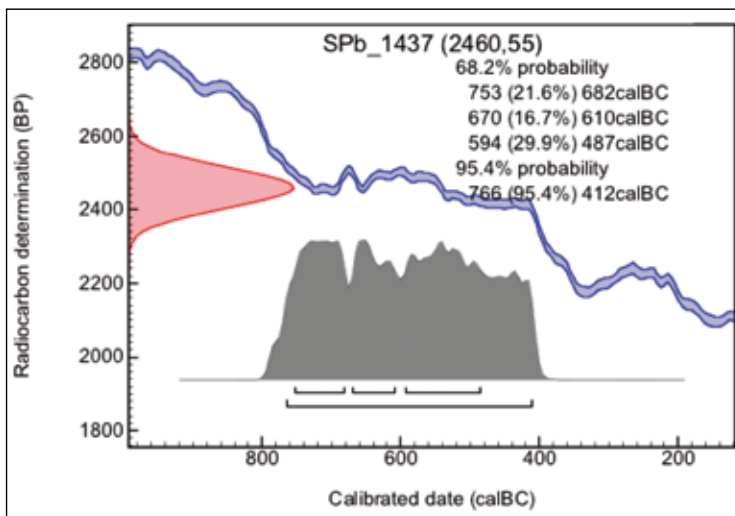


Рис. 8. Данные радиоуглеродного анализа костного образца из кургана №6 могильника Каспан-6

пашки. Часть из них фиксируются лишь по разрозненным камням и их скоплениям, а также по характеру растительности в округности. Предположительно могильник насчитывает не менее 10 курганов, вытянутых в меридиональную цепочку. Курганы 1–3 находятся в южной оконечности могильника и составляют будто бы свою группу, вытянутую параллельно к основной цепочке. Курганы могильника, в первую очередь малые объекты, уже исчезают на поверхности. Поэтому для исследования были выбраны самые малозаметные курганы – №2 и 3.

**Курган №2.** Насыпь практически полностью сnivelирована. Исходя из расположения редких небольших камней, на месте предполагаемой насыпи заложили траншею шириной 0,5 м и длиной 5 м, по линии С–Ю. Примерно в середине траншея на глубине 0,4 м вскрыла участок каменной забутовки. В дальнейшем, с учетом открывшегося сектора могильной ямы, здесь был заложен раскоп в виде квадрата со сторонами 4×4 м. Углубление раскопа на 0,5 м от уровня современной дневной поверхности и последующая зачистка позволили выявить все контуры могильной ямы, верхняя часть заполнения которой состояла из указанной каменной забутовки. Параметры каменной забутовки, ориентированной по линии З–В: 1,5×0,5×0,4 м.

В ходе расчистки и удаления камней были выявлены очертания могильной ямы, которая имела размеры 1,7×0,8 м. На глубине 0,8 м под северной стенкой был вскрыт подбой, устроенный параллельно входной яме. Ширина подбоя занимала около половины дна входной ямы и еще на 0,4 углублялась в северную стенку. Подбой, таким образом,

имел следующие размеры: длина 1,6 м, ширина в средней части 0,7 м, к изножью – в восточную сторону – сужается. Высота подбоя – 0,4 м. В нише находился скелет человека (рис. 9), уложенного головой на запад, вытянуто, на спине. Захоронение ограблено, кости правой руки, спинные позвонки перемещены. Вещей нет. Какой-либо заставки подбоя нет, ее не было или она не сохранилась вследствие ограбления – судить трудно.



Рис. 9. Каспан-2, курган №2. Захоронение в подбое

Скелет, расчищенный в кургане №2, представлен всеми костями и черепом ребенка около 11 лет. Следует отметить, что скелет крупный, однако возраст определен по срокам прорезывания зубов (рис. 10). Череп гипербрахикранный. Орбиты мезоконхные по указателю. Нос мезоринный. Угол выступания носовых костей по отношению к вертикали лицевого скелета малый. В горизонтальной плоскости лицо уплощено на верхнем и резко профилировано на среднем уровнях. По костному образцу из кургана №2 получена одна углеродная дата (рис. 11).



Рис. 10. Череп ребенка из кургана №2

**Курган №3.** Расположен на расстоянии 15 м севернее предыдущего. Насыпь распахана. Предполагаемый ее диаметр – 7–8 м. Раскоп квадратной формы, со сторонами 4×4 м, был заложен в месте наибольшего скопления мелких камней. На глубине 0,5 м от современной дневной поверхности были обнаружены контуры могильной

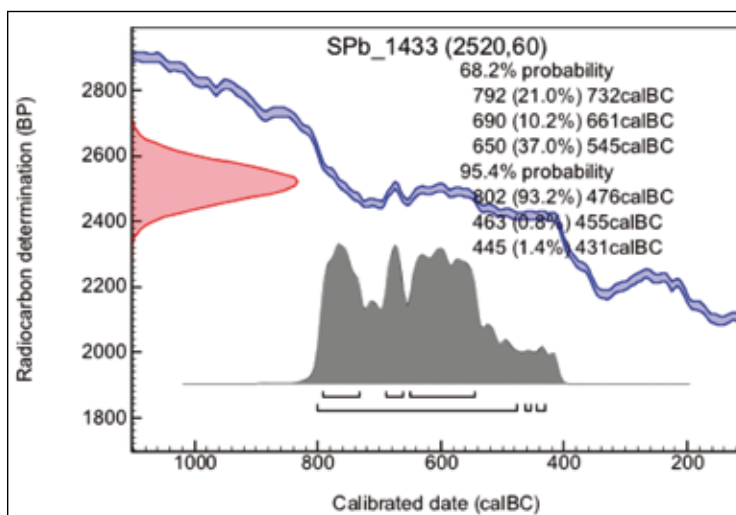


Рис. 11. Данные радиоуглеродного анализа костного образца из кургана №2 могильника Каспан-2

ямы, верхняя часть заполнения которой содержала каменную забутовку. Захоронение совершено в грунтовой яме подпрямоугольной формы, вытянутой по линии З–В. Размеры ямы: по верху – 2,6×1,15 м, по дну – 1,9×0,7 м. Уменьшение размеров ямы ко дну связано с заплечиками-приступками, оставленными на южной, восточной и северной сторонах. У западной стены ямы находился один камень размерами 25×13×15 см. Эти особенности будто бы указывают на возможное перекрытие, тем не менее следов его не обнаружено. Глубина могилы – 1,1 м. Умерший был уложен (рис. 12) вытянуто на спине, головой на запад. У правого плеча находились крестец барана и небольшой бронзовый нож (рис. 13) длиной 6,5 см.

Из кургана №3 происходит череп мужчины 25–35 лет (рис. 14; табл. 3). Макро- и микрорельеф хорошо выражен. Череп брахикранный при сочетании очень малой длины и большой ширины мозговой коробки. Высота свода черепа от *po* очень большая. Горизонтальная окружность через *g*, поперечная дуга *po-br-po* и сагиттальная дуга оцениваются большими величинами. Лобная кость широкая. Угол профиля лба от *n* малый, высота изгиба лба средняя. Ширина основания черепа средняя.

Лицевой скелет средневысокий, среднеширокий по значению верхней ширины, скулового диаметра и средней ширины лица. Вертикальный профиль лица ортогнатный. Общий лицевой угол прогнатный, при прогнатной альвеолярной части. Орбиты широкие при средней высоте, мезоконхные по указателю. Нос мезоринных пропорций при средней высоте и большой ширине. Переносье широкое и очень высокое. Угол выступания носовых костей по отношению к вертикали лицевого скелета большой. В горизонтальной плоскости лицо уплощено на верхнем и резко профилировано на нижних уровнях. Клыковая ямка малая. Макро- и микрорельеф средневыраженный.

По костному образцу из кургана №3 получена одна углеродная дата (рис. 15).

**Могильник Каспан-11.** Находится в северном краю могильного поля. На краю плато вытянуты по меридиональной линии 14 курганов. Исследован курган №14, крайний с севера.





Рис. 12. Погребение в кургане №3



Рис. 13. Бронзовый нож из кургана №3

**Курган №14.** Представлен округлой земляной насыпью диаметром 8,5 м, высотой от современной дневной поверхности 0,35 м. По периметру насыпи была сооружена крепиды в виде кольцевой выкладки из камней, шириной 0,7–1 м (рис. 16). Внутреннее пространство кольца было заполнено глиной желтоватого цвета, поверх которой был выложен слой плотной консистенции. В центре выявлено скопление камней размерами 2,3×1,2 м, ориентированное по линии З–В. Камни фиксируются от верха насыпи до могильной ямы. Материк – супесь сероватого цвета.

Могильная яма ориентирована по линии З–В, имеет прямоугольную форму. Размеры ямы: длина 2,9 м, ширина западной части 0,9 м, восточной – 0,6 м, глубина 1 м. На высоте 22–25 см от дна могильной ямы вдоль северной, западной и южной стен имеются уступы-заплечики шириной 10–20 см. На заплечики были уложены плиты перекрытия (рис. 17), из которых сохранилась одна.



Рис. 14. Череп мужчины из кургана №3

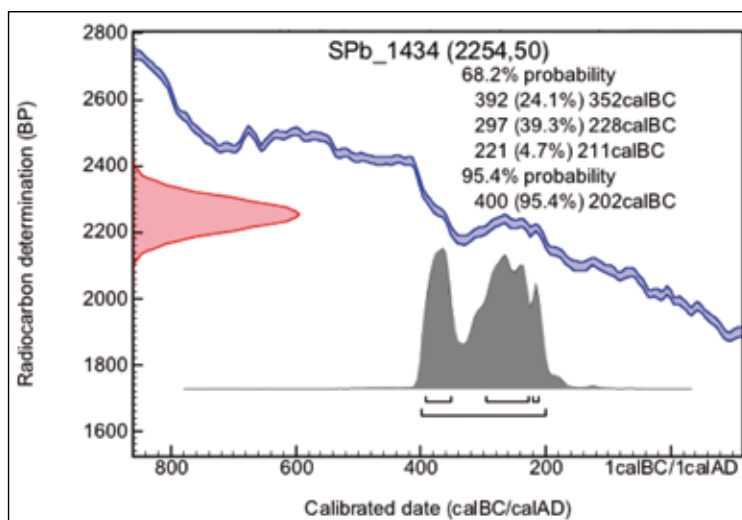


Рис. 15. Данные радиоуглеродного анализа костного образца из кургана №3 могильника Каспан-2



Рис. 16. Каспан-11, курган №14

Погребенные, взрослый и ребенок, были уложены на запад, взрослый – вытянуто на спине, ребенок – на левом боку, вдоль костей правой руки взрослого. В северо-западном углу могилы, в изголовье взрослого человека, находились два плоскодонных сосуда. Первый – горшок черного цвета, второй – сосуд красноватого цвета, типа закрытой банки, с обломанной ручкой и носиком-сливом.

В кургане №14 захоронены женщина и новорожденный ребенок.

Череп женщины старше 35 лет (рис. 18; табл. 3). Череп гипербрахикранный при сочетании малой длины и чрезвычайно большой ширины мозговой коробки. Высота



Рис. 17. Погребение в кургане №14

свода черепа от *po* большая. Горизонтальная окружность через *g*, поперечная дуга *po-br-po* и сагиттальная дуга оцениваются большими величинами. Лобная кость среднеширокая. Угол профиля лба от *n* малый, высота изгиба лба средняя. Ширина основания черепа очень большая.

Лицевой скелет высокий, среднеширокий по значению верхней ширины и очень большого скулового диаметра, и средней ширины лица. Общий лицевой угол ортогнатный, угол альвеолярной части прогнатный. Орбиты исключительно широкие при малой высоте, мезоконхные по указателю. Нос платириных пропорций при средней высоте и очень большой ширине. Переносье широкое и очень высокое. Угол выступления носовых костей по отношению к вертикали лицевого скелета средний. В горизонтальной плоскости лицо уплощено на обоих уровнях. Клыковая ямка малая. Нижняя челюсть характеризуется очень большой мышечковой шириной, средним значением угловой ширины, и очень большой передней шириной. Толщина тела малая, ширина ветви большая.

По костному образцу из кургана №14 получена одна углеродная дата (рис. 19).

В результате раскопок курганов могильников Каспан-2, Каспан-6 и Каспан-11 на территории Кербулакского района Ал-

матинской области получены антропологические материалы, касающиеся особенностей населения Жетысу сакского времени. Антропологический материал немногочис-



Рис. 18. Череп женщины из кургана №14



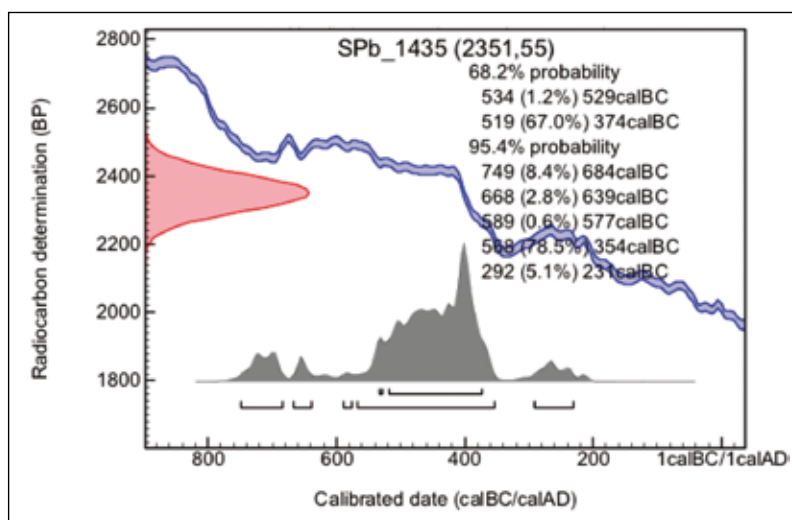


Рис. 19. Данные радиоуглеродного анализа костного образца из кургана №14 могильника Каспан-11

ленный, тем не менее эти данные являются важными в изучении древней культуры региона и Казахстана в целом. В таблицах 2 и 3 приведены половозрастные определения и краниометрические данные.

Таблица 2

Половозрастные определения из могильников

	Могильник	Курган / погребение	Пол	Возраст, лет
1	Каспан-6	1	♂	35–45
2	Каспан-6	1	♀	25–35
3	Каспан-6	1	Реб.	8
4	Каспан-6	4	♂	45–45
5	Каспан-6	5	?	25–55
6	Каспан-6	6	♀	25–35
7	Каспан-2	2	Реб.	11
8	Каспан-2	3	♂	25–35
9	Каспан-11	14 / инд. 1	♀	35–45
10	Каспан-11	14 / инд. 2	Реб.	Новорожд.

На черепе женщины из кургана №1 могильника Каспан-6 имеются перфорационные отверстия (рис. 2). Общее отверстие состоит как минимум из шести, соединенных в одно (пять сквозных и одно несквозное). Выполнены сверлением, инструментом с пёркой диаметром 6,5–6,7 мм, о чем говорит характер сработанности внешнего края отверстий. Локализация отверстий и отсутствие облитерации краев отверстий свидетельствует о посмертном характере выполнения последних. Для выполнения вскрытия черепной коробки в данном месте необходимо было удалить шейные мышцы. Данный факт свидетельствует о возможной мумификации тела женщины после ее смерти.

Таблица 3

## Краниометрические особенности черепов из могильников

Могильник		Каспан-6	Каспан-6	Каспан-2	Каспан-2	Каспан-11
Кург./погр.		к. 1	к. 4	к. 2	к. 3	к. 14
Пол		♀	♂	реб.	♂	♀
Признак	Линейные:	25–35	45–55	Ок. 11	25–35	35–45
1	Продольный диаметр	170,0	–	150,0	173,0	167,0
8	Поперечный диаметр	136,0	–	134,0	146,0	146,0
17	Высотный диаметр	–	–	120,0	141,0	–
20	Ушная высота	–	–	106,0	123,0	112,0
5	Длина основания черепа	–	–	89,0	101,0	–
9	Наименьшая ширина лба	97,0	105,0	91,0	96,0	–
10	Наибольшая ширина лба	121,0	134,0	112,0	126,0	113,0
11	Ширина основания черепа	–	–	115,0	127,0	130,0
12	Ширина затылка	110,0	–	107,0	111,0	110,0
25	Сагиттальная дуга	–	–	321,0	360,0	350,0
26	Лобная дуга	122,0	127,0	108,0	128,0	122,0
27	Теменная дуга	102,0	–	108,0	128,0	113,0
28	Затылочная дуга	–	–	105,0	104,0	115,0
29	Лобная хорда	110,0	112,0	96,0	114,0	107,0
30	Теменная хорда	96,0	–	95,0	113,0	101,0
31	Затылочная хорда	–	–	89,0	91,0	99,0
40	Длина основания лица	–	–	83,0	94,0	–
43	Верхняя ширина лица	107,0	–	95,0	104,0	102,0
45	Скуловой диаметр	128,0	–	113,0	135,0	136,0
46	Средняя ширина лица	94,0	–	83,0	95,0	102,0
47	Полная высота лица	–	–	95,0	–	–
48	Верхняя высота лица	72,0	–	59,0	71,0	71,0
51	Ширина орбиты	42,0	–	38,6	44,0	45,0
51a	Ширина орбиты от <i>d</i>	–	–	35,7	40,0	–
52	Высота орбиты	34,8	–	30,8	34,3	32,3
54	Ширина носа	23,1	–	20,6	26,5	27,2
55	Высота носа	51,9	–	43,2	52,5	49,6
60	Длина альвеолярной дуги	48,0	–	45,0	53,0	54,0
61	Ширина альвеолярной дуги	62,0	–	62,0	62,0	63,0
62	Длина неба	42,8	–	37,6	47,0	–
63	Ширина неба	41,2	–	–	40,7	–
sc	Симотическая ширина	8,6	–	8,2	9,8	11,0
ss	Симотическая высота	3,0	–	4,2	5,4	4,4
mc	Максиллофронтальная ширина	18,2	–	14,5	17,7	–
ms	Максиллофронтальная высота	4,9	–	6,1	7,2	–
dc	Дакриальная ширина	–	–	18,3	21,7	–
ds	Дакриальная высота	–	–	10,0	12,2	–
FC	Глубина клыковой ямки	6,0	–	1,8	3,8	2,3
Sub.NB	Высота изгиба лба	23,0	–	25,9	–	35,4
Угловые:						
32	Наклона лба	–	–	90,0	82,0	85,0
GM/FH	Профиля лба от <i>g</i>	–	–	85,0	74,0	78,0
72	Общелицевой	–	–	86,0	88,0	86,0

Окончание таблицы 3

Могильник		Каспан-6	Каспан-6	Каспан-2	Каспан-2	Каспан-11
Кург./погр.		к. 1	к. 4	к. 2	к. 3	к. 14
Пол		♀	♂	реб.	♂	♀
Признак	Линейные:	25–35	45–55	Ок. 11	25–35	35–45
73	Среднелицевой	–	–	91,0	81,0	90,0
74	Альвеолярной части	–	–	74,0	79,0	74,0
75	Угол наклона носовых костей	–	–	69,0	58,0	60,0
75(1)	Выступания носа	–	–	17,0	30,0	26,0
77	Назомаллярный	142,0	–	147,0	140,0	146,0
zm	Зигомаксиллярный	137,0	–	128,0	126,0	135,0
Указатели:						
8/1	Черепной	80,0	–	89,3	84,4	87,4
17/1	Высотно-продольный	–	–	80,0	81,5	–
17/8	Высотно-поперечный	–	–	89,6	96,6	–
20/1	Высотно-продольный от <i>p</i>	–	–	70,7	71,1	67,1
20/8	Высотно-поперечный от <i>p</i>	–	–	79,1	84,2	76,7
9/8	Лобно-поперечный	71,3	–	67,9	65,8	–
9/43	Фронтно-малярный	90,7	–	95,8	92,3	–
40/5	Выступания лица	–	–	93,3	93,1	–
48/45	Верхнелицевой	56,3	–	52,2	52,6	52,2
47/45	Общелицевой	–	–	84,1	–	–
52/51	Орбитный	82,9	–	79,8	78,0	71,8
54/55	Носовой	44,5	–	47,7	50,5	54,8
61/60	Альвеолярный	129,2	–	137,8	117,0	116,7
ss/sc	Симотический	34,9	–	51,2	55,1	40,0
ms/mc	Максиллофронтальный	26,9	–	42,1	40,7	–
ds/dc	Дакриальный	–	–	54,6	56,2	–
Описательные:						
Надпереносье		1,0	–	0,0	3,0	2,0
Затылочный бугор		1,0	–	0,0	1,0	1,0
Сосцевидный отросток		1,0	–	0,5	1,5	1,0
Пер.-носов. к.		2,0	–	4,0	3,0	2,0
Нижняя челюсть:						
65	Мышечковая ширина	–	–	97,0	–	121,0
66	Угловая ширина	–	–	85,0	–	92,0
67	Передняя ширина	–	–	43,0	–	49,0
69	Высота симфиза	–	–	25,0	–	–
69(1)	Высота тела	–	–	24,8	–	–
69(3)	Толщина тела	–	–	12,7	–	10,8
71a	Наименьшая ширина ветви	–	–	29,0	–	34,6
C	Угол выступа подбородка	–	–	70,0	–	–

При рассмотрении подобных манипуляций с телом захороненного необходимо отметить, что особое отношение к захороненным в элитарных курганах региона в раннем железном веке было описано неоднократно. Особое место среди археологических сооружений раннего железного века занимают курганы пазырыкской культуры. На Алтае случаи трепанаций и бальзамирования тел подробно проанализированы С.И. Руденко. Им отмечено, что такие случаи свойственны исключительно погребенным из

больших курганов, в малых они не встречены [Руденко, 1953, с. 332; 1960, с. 329–334]. В дальнейшем алтайские материалы также исследовались группой специалистов [Феномен..., 2000].

На территории Казахстана трепанированные черепа выявлены в ряде погребений могильника Берел и подробно описаны Е.П. Китовым. Было отмечено, что отверстия просверлены в «слепой зоне» – на задней части черепа, невидимой для участников обряда захоронения, так как в большинстве традиций при прощании с телом умершего покойник лежит на спине, часто в одеждах и головном уборе. Подобная манера выполнения мумификации позволяет сохранить внешний вид покойника без видимых следов внешнего воздействия. Высказывается также мысль о том, что подобные трепанации маркируют социальный статус погребенного, что подтверждается большим количеством лошадей, сопровождающих умершего в загробный мир, и некоторыми другими признаками [Китов, 2013]. Данные из Восточного Казахстана свидетельствуют о том, что в процессе мумификации выполняли манипуляции с трепанационными или перфорационными отверстиями не только на черепе. Достаточно часто фиксируются и перфорационные отверстия на костях скелета, в которые, по всей видимости, вводился бальзамирующий состав [Китов, Китова, Оралбай, 2016].

При изучении скелетированных останков из археологических памятников на территории Центрального Казахстана (тасмолинская культура) также встречаются свидетельства аналогичных посмертных ритуалов. В этом регионе встречено наибольшее количество черепов с трепанацией, что говорит об устойчивой традиции. За последнее время накоплено достаточно много антропологического материала со следами посмертных повреждений, которые можно рассматривать как свидетельства существования ритуалов, сопровождавших процесс подготовки тела к захоронению [Бейсенов, Китов, 2014; Китов, Бейсенов, 2015; Бейсенов и др., 2015; Beysenov, Kitov, 2015].

Скелет с перфорационными отверстиями из кургана №1 могильника Каспан-6 – женский и происходит из элитного памятника. По материалам Центрального Казахстана замечено, что подобные манипуляции связаны с погребениями индивидов мужского пола, что свидетельствует о роли мужчин в обществе. Судя по данным из Каспана, возможно, женщины в зависимости от обстоятельств также могли играть важную роль в жизни родоплеменного объединения.

В целом мумификация могла быть связана с прощальными традициями с умершим представителем правящей элиты в условиях кочевого образа жизни. Тело умершего представителя знати могли хранить по разным причинам. Для прощальных мероприятий степнякам необходимо было преодолеть значительные расстояния. Тело могли хранить в холодные периоды, с тем, чтобы похоронить умершего соплеменника в весенне-летний сезон. Мумификация тела, быть может, нужна была также и летом, в жаркий период.

Рассматривая физический облик индивидов в могильниках урочища Каспан, можно отметить, несмотря на малую серию черепов, что население не было однородным, однако один из основополагающих компонентов был у данного населения общим. Черепа можно охарактеризовать как брахикранные, высокие, с широкой черепной коробкой. Из них выделяется череп из кургана №14, могильника Каспан-11, который имеет более широкую черепную коробку и ширину лица по значению средней ширины лица и скулового диаметра. Причем увеличение широтных размеров лица

сказалось и на ширине орбит и ширине носа. Углы горизонтальной профилировки большие, угол выступания носа варьируется от визуально слабого выступания (?) до большого значения.

Ранее С.С. Тур отмечалось, что население Средней Азии включало локальные группы европеоидных и монголоидных типов. Монголоиды, в свою очередь, также неоднородны и наряду с высоколицым центральноазиатским компонентом в их составе выделяются низколицые формы. Н.А. Дубова отмечала возможное участие в становлении физического типа населения региона древнеуральского компонента, связанного своим происхождением с Южной и Западной Сибирью [Дубова, 1992; Тур, 1997]. Подобная многокомпонентная сложность антропологического состава вполне объясняется географической локализацией региона, где пересекались многие миграционные пути различного по облику населения. По мнению С.С. Тур [1997], анализ краниологических материалов сакского времени ставит под сомнение устоявшуюся точку зрения, согласно которой саки Жетысу являются прямыми потомками местных андроновцев. Для более полного исследования таких вопросов необходимы представительные серии из раскопок памятников раннесакского времени.

Рассматривая особенности физического типа населения сакского времени Жетысу, можно отметить его схожесть с населением последующего усуньского периода [Китов, 2016]. Это свидетельствует о сохранении антропологических компонентов в регионе в течение длительного периода и в какой-то степени дает основание рассматривать усуньский период в качестве заключительного этапа в развитии сакской общности Жетысу.

**Дата исследованных курганов.** В сводке Г.А. Базарбаевой собраны 36 опубликованных углеродных дат по сакской эпохе Жетысу, куда вошли и две даты из Каспана [Базарбаева, 2017, табл. 1, с. 161–164]. Можно добавить пять новых дат из Каспана, которые публикуются сейчас, а также еще четыре даты, полученные Дж. С. Парком из могильника Каратума [Байпаков, Воякин, Захаров, 2016, с. 662], не вошедшие в сводку. Таким образом, для памятников сакского времени региона имеются 45 опубликованных дат. Для Жетысу такого количества дат недостаточно [Базарбаева, 2017, с. 165], поэтому актуальность получения и публикации углеродных дат для памятников данного региона остается высокой.

Разнотипность исследованных в урочище Каспан могильников связана с их хронологической разницей в рамках одной сакской эпохи, что подтверждается не только археологическими, но и углеродными данными. Следует учесть, что верхняя дата всех семи курганов не выходит за пределы IV–III вв. до н.э. Исследованные курганы в хронологическом отношении делятся на две группы. Раннюю позицию занимают все четыре кургана из могильника Каспан-6. Более поздними являются все три кургана из могильников Каспан-2 и Каспан-11. Согласно наибольшим значениям калибровок, четыре кургана из Каспан-6 являются памятниками периода конца VIII–VI вв. до н.э. Период VII – середина VI в. может быть предложен в качестве узкой даты. Судя по датам, конец VIII в. актуален для всех четырех курганов, но вместе с тем необходимы какие-либо дополнительные данные. Вторая группа курганов относится к периоду VI–III вв. до н.э. Более узкой датой для них скорее будет период V–III вв. до н.э. Самым поздним в группе выступает курган №3 могильника Каспан-2, – с датой IV–III вв. до н.э. Следующим идет курган №14 могильника Каспан-11, который, вероятно, следует датировать

периодом V – первая половина IV в. до н.э. Наиболее ранним в этой группе как будто выступает курган №2 могильника Каспан-2 с вероятной датой VI – середина V в. до н.э. Буквально рядом с ним находится поздний курган №3, довольно ранняя по отношению к нему дата кургана №2 остается неясной.

Как показывает сводка Г.А. Базарбаевой, действительно, ближе к Бесшатырским курганам раннесакского времени пока находятся только курганы из Каспан-6. Раннесакская эпоха Жетысу крайне малоизучена. Не говоря об антропологических материалах и углеродных датах, самих раскопанных памятников чрезвычайно мало. На фоне этой ситуации попытки некоторых исследователей однозначно объяснить проблемы генезиса и сложения культуры раннесакского времени Жетысу являются преждевременными. Если говорить о Бесшатырских курганах, то следует учесть их очень раннюю дату. Возможно, самые ранние курганы этого могильника синхронны с Аржаном или же датируются периодом ненамного позже его [Бейсенов, 2018, с. 387].

Период бытования второй группы курганов является временем сложения и развития исыкской культуры Жетысу, синхронной в основных чертах с пазырыкской культурой Алтая. К этому периоду относится огромное число курганов, немало их и раскопано, в настоящее время известно и немало поселений. Основная масса углеродных дат из Жетысу касается памятников этого периода. К дате курганов второй группы из Каспана близки даты таких памятников, как курган №2 на плато Кегень, поселение Тузусай, слой IV, курганы №49, 59 [Базарбаева, 2017, с. 162–164], 133, 134 [Байпаков, Воякин, Захаров, 2016, с. 662] могильника Каратума и др.

### ***Заключение***

Представленный материал позволяет сделать некоторые замечания предварительного характера. Район работ очень перспективен для дальнейших исследований. Это определяется наличием здесь, в урочище Каспан, расположенного в долине реки Биже, большого количества курганных могильников и одиночных захоронений, основная масса которых, судя по внешним данным, однозначно относится к раннему железному веку. Помимо указанных в настоящем сообщении могильников, здесь есть немало и других погребальных объектов, расположенных вдоль реки Биже. Новые данные, полученные уже после проведения раскопок рассмотренных здесь курганов, в настоящее время находятся на стадии обработки. Проблема связи курганных могильников сакского времени с поселенческими объектами также в какой-то степени может быть в будущем разработана на материалах данного района. В рекогносцировочных исследованиях 2016, 2018 гг. группой под руководством Г.С. Джумабековой обнаружен целый ряд поселений, в 2018 г. на части из них произведены шурфы. Немногочисленные пока данные позволяют датировать эти поселения ранним железным веком, что значительно актуализирует проблематику. В урочище Каспан следует ожидать открытия и средневековых памятников. На склонах гор в районе поселений имеются многочисленные казахские зимовки. Надо надеяться, начатые изыскания будут продолжены.

Не только данные разведок, но и данные раскопок дают основание предполагать, что каспанские материалы будут способствовать исследованию и решению вопросов хронологии и периодизации сакской эпохи Жетысу. В данном районе имеются расположенные вблизи друг от друга могильники, относящиеся как к раннему, так и позднему этапам сакской эпохи. Ситуация удачная, поскольку это даст возможность одновременного изучения таких памятников.

Представленные в сообщении семь курганов относятся к двум этапам развития сакской культуры Жетысу: VIII–VI и VI–III вв. до н.э. Указанные этапы в качестве «раннего» и «позднего» не следует считать предлагаемой авторами данного сообщения новой периодизацией сакской культуры Жетысу. Возможно, на конкретном материале в будущем будет выделен так называемый «средний» этап, как, например, для скифской культуры на Украине [Бейсенов, 2018, с. 394]. Как указывается многими исследователями, создание современной хронологии и периодизации раннего железного века Жетысу – задача сложная и многоплановая. Представленные в сообщении материалы способствуют исследованию и решению этой задачи.

Даже на таком немногочисленном материале можно увидеть черты, связывающие ранний и поздний этапы культуры саков Жетысу. О применении дерева, камня в перекрытии могил, о сохранении традиционной ориентировки могил по линии З–В в течение длительного периода сказано немало. Широкие и относительно мощные крепиды ранних и более крупных курганов, обрамляющие склоны насыпей, в поздний период трансформируются в простые каменные кольца малых курганов, как это видим на кургане №14 могильника Каспан-11. Далее подобные «кольца», еще более упрощенные, переходят к низким насыпям усуньской культуры. Суть их одинакова. Каменное скопление, находящееся над могилой и занимающее верхнюю часть ее заполнения, фиксируется как в раннем кургане №5 могильника Каспан-6, так и во всех трех курганах поздней группы. Полученный материал, хотя и немногочисленный, показывает, что на протяжении всей сакской эпохи урочище Каспан было хорошо обжито. Новые данные, особенно с привлечением материалов поселений, позволят во многом дополнить и уточнить высказанные мнения.

### **Библиографический список**

- Амиров Е.Ш. Проблемы сако-усуньской археологии в научном наследии А.И. Агеевой (третья четверть XX в.) // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы : НИЦ истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2017. Т. 1. С. 126–129.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы : Археологическая экспертиза, 2016. 672 с.
- Базарбаева Г.А. Памятники сакского времени Жетысу // Казахстан в сакскую эпоху : Коллективная монография. Алматы : Институт археологии, 2017. С. 157–178.
- Бейсенов А.З. Серьги сакской эпохи // Вестник Томского государственного университета. 2014. №6 (32). С. 121–128.
- Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Алматы : НИЦ истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2015. С. 11–38.
- Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху : Коллективная монография. Алматы : Институт археологии, 2017. 228 с.
- Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // Археология и давняя история Украины. 2018. Вып. 2 (27). С. 385–395.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Баринаева Е., Крешчиоли Л. Археологические исследования могильника Каспан-6 в Жетысу // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы : НИЦ истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2015. С. 59–70.
- Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тыс. до н.э. Алматы : Институт археологии, 2015. 170 с.
- Бейсенов А.З., Китов Е.П. Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана // Известия Алтайского государственного университета. 2014б. №4/2(84). С. 31–41.

Гасс А. Радиоуглеродная хронология памятников раннего железного века Юго-Восточного Жетысу // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы : НИЦ истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2015. С. 84–89.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. О раннем железном веке Жетысу: некоторые итоги систематизации данных // Археология и давняя история Украины. 2018. Вып. 2 (27). С. 469–484.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Нигматова С.А. Археологическое и палинологическое изучение курганов могильника Каспан-6 в Жетысу // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы : НИЦ истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2017. Т. 2. С. 135–143.

Дубова Н.А. К вопросу об участии уралоидного компонента в сложении антропологического типа населения Средней Азии // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа : БНЦ УрО РАН, 1992. С. 98–118.

Китов Е.П. Посмертные повреждения на черепах из могильника Берел (новые данные о мумификации?) // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана : Филиал Института археологии в г. Астана, 2013. С. 237–241.

Китов Е.П. Антропологические особенности ранних кочевников бассейна реки Или (по материалам могильника Каратума) // Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы : Археологическая экспертиза, 2016. С. 583–596.

Китов Е.П., Бейсенов А.З. Черепа с трепанациями из курганов раннего железного века Сарыарки // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2015. №1. С. 37–48.

Китов Е.П., Китова А.О., Оралбай Е. Посмертные манипуляции с костями человека (данные о мумификации) у населения Центральной Азии в раннем железном веке // *Stratum plus*. 2016. №3. С. 369–379.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Наука, 1953. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л. : Наука, 1960. 360 с.

Тур С.С. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологического исследования) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 25 с.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.

Феномен алтайских мумий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 320 с.

Beisenov A., Kitov E. Trepanation among the nomads of Central Kazakhstan (VIII–IIIrd centuries BC) // *Vestnik Moscovskogo Universiteta. Series 23 (Anthropologiya)*. 19<sup>th</sup> congress of the European anthropological association. Anthropology: Unity in diversity. Moscow, 2014. №3. P. 66. (In Engl.)

Beisenov A.Z., Kreshioli L., Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A., Barinova E. The early iron age burial ground Kaspan-6 in Jetusy // Теория и практика археологических исследований [Theory and practice of archaeological researches]. 2017. №2 (18). С. 97–108. (In Engl.)

Jumabekova G., Bazarbaeva G. Stelae in Funeral rites of the Kazakhstan Early Nomads. Cultural Exchange on Silk Road and Altaic World (Asian Academic Research Series, vol. 7. Altaic Studies Series, vol. 3. Kim Seon Ja et al. YOUKRACK.). Korea. Gachon University, 2016. Pp. 199–213. (In Engl.)

## References

Amirov E.Sh. Problemy sako-usunskoi arheologii v nautcnom nasledii A.I. Ageevoi (tretiya tsetvert XX v.) [Problems of the Sako-Usun Archaeology in the Scientific Heritage of A.I. Ageeva (3<sup>rd</sup> Quarter of the 20<sup>th</sup> Century)]. *Arheologitceskoe nasledie Tsentralnogo Kasakhstana: izutcenie I sohranenie* [Archaeological Heritage of Central Kasakhstan: Studying and Preserving]. Almaty, 2017. Т. 1 [Vol. 1]. Pp. 126–129.

Баупаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего зжезненного века в Семиречье [Burial Ground of Karatuma. Necropolis of the Early Iron Age in the Semirechye]. Almaty : Arheologicheskaiya ekspertiza, 2016. 672 p.



Bazarbaeva G.A. Pamiyatniki sakskogo vremeni Jetyusu [Monuments of the Saka Time of Zhetysu]. Kazakhstan v sakskuiy epohy. Kollektivnaya monografiya [Kazakhstan in the Saka Epoch. Collective Monograph]. Almaty, 2017. Pp. 157–178.

Beisenov A.Z. Sergi sakskoi epokhi [Saka Earrings]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universitetata. Istoriya [Tomsk State University Journal of History]. 2014, Is. 6 (32). Pp. 121–128.

Beisenov A.Z. Poseleniya I mogil'niki sakskoi epohi Tsentral'nogo Kazakhstana [Settlements and Burial Grounds of the Saka Era of Central Kazakhstan]. Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izycheniya etnosociokul'turnih processov stepnoi Evrazii [Saka Culture of Saryarka in the Context of the Study of Ethno-Sociocultural Processes of Steppe Eurasia]. Almaty, 2015. Pp. 11–38.

Beisenov A.Z. Tasmolinskaya kul'tura Saryarki [Tasmola Culture of Saryarka]. Kazakhstan v sakskuiy epohy : Kollektivnaya monografiya [Kazakhstan in the Saka Epoch : Collective Monograph]. Almaty, 2017. 228 p.

Beisenov A.Z. Tasmolinskaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana v issledovaniyah nachala XXI veka [Tasmola Culture of Central Kazakhstan in the Research of the Beginning of the 21<sup>st</sup> Century]. Arheologiya I davnaya istoriya Ukraini [Archaeology and Ancient History of Ukraine]. 2018. Vol. 2 (27). Pp. 385–395.

Beisenov A.Z., Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A., Barinova E., Kreshioli L. Arheologicheskie issledovaniya mogilnika Kaspan-6 v Zhetysu [Archaeological Research of the Burial Mound Caspany-6 in Zhetysu]. Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izycheniya etnosociokul'turnih processov stepnoi Evrazii [Saka Culture of Saryarka in the Context of the Study of Ethno-Sociocultural Processes of Steppe Eurasia]. Almaty, 2015. Pp. 59–70.

Beisenov A.Z., Ismagulova A.O., Kitov E.P., Kitova A.O. Naselenie Tsentralnogo Kazakhstana v I tyysyacheletii do n.e. [The Population of Central Kazakhstan in the 1<sup>st</sup> Millennium BC]. Almaty : Institut arheologii, 2015. 170 p.

Beisenov A.Z., Kitov E.P. Posmertnaya trepanatsiya cherepov v elitnykh zahoroneniyakh sakskoy epohi Tsentralnogo Kazakhstana [Posthumous Skull Trepanation in Elite Burial Grounds of the Saka Period in Central Kazakhstan] Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [Reports of Altai State University]. 2014. 4/2(84). Pp. 31–41.

Gass A. Radiouglerodnaya hronologiya pamiyatnikov rannego jelezhnogo veka Iugo-Vostotcnogo Zhetysu [Radiocarbon Chronology of the Sites of the Early Iron Age in South-Eastern Zhetysu]. Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izycheniya etnosociokul'turnih processov stepnoi Evrazii [Saka Culture of Saryarka in the Context of the Study of Ethno-Sociocultural Processes of Eurasian Steppes]. Almaty, 2015. Pp. 84–89.

Jumabekova G.S., Bazarbaeva G.A. O rannem jeleznom veke Zhetysu: nekotorye itogi sistematizatsii dannykh [On the Early Iron Age Zhetysu: Some Results of the Systematization of Data]. Arheologiya I davnaya istoriya Ukraini [Archaeology and Ancient History of Ukraine]. 2018. Vol. 2 (27). Pp. 469–484.

Jumabekova G.S., Bazarbaeva G.A., Nigmatova S.A. Arheologicheskoe I palinologicheskoe izuchenie kurganov mogilnika Kaspan-6 v Zhetysu [Archaeological and Palynological Study of the Kaspan-6 Kaspan-6 Burial Mound in Zhetysu]. Arheologitceskoe nasledie Tsentralnogo Kasakhstana: izutcenie I sohranenie [Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Studying and Preserving]. Almaty, 2017. T. 2 [Vol. 2]. Pp. 135–143.

Dubova N.A. K voprosu ob uchastii uraloidnogo komponenta v slozhenii antropologicheskogo tipa naseleniya Sredney Azii [The Question of the Participation of the Uraloid Component in the Anthropological Type of the Population of Central Asia]. Materialyi k antropologii uralskoy rasyi [Materials to the Anthropology of the Ural Race]. Ufa, 1992. Pp. 98–118.

Kitov E.P. Posmertnye povregdeniya na cherepakh iz mogilnika Berel (Novye dannye o mumifikatsii?) [Posthumous Skull Damage from the Berel Burial Ground (New Data about Mumification?)]. Trudy filiala Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana [Proceedings of the Astana Branch of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute]. Astana, 2013. Pp. 237–241.

Kitov E.P. Antropologicheskie osobennosti rannih kochevnikov basseyna reki Ili (po materialam mogilnika Karatuma) [Anthropological Features of the Early Nomads of the Ili River Basin (based on the materials of the Karatum burial ground)]. Baypakov K.M., Voyakin D.A., Zaharov S.V. Mogilnik Karatuma. Nekropol rannego zhelezhnogo veka v Semireche [Karatuma Burial Ground. Necropolis of the Early Iron Age in the Semirechye]. Almaty : Arheologicheskaya ekspertiza, 2016. Pp. 583–596.

Kitov E.P., Beisenov A.Z. Cherepa s trepanatsiyami iz kurganov rannego zheleznogo veka Saryiarki [Skulls with Trepanations from the Barrows of the Early Iron Age of the Saryarka]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria XXIII. Antropologiya [Bulletin of Moscow University. Series XXIII. Anthropology]. 2015. №1. Pp. 37–48.

Kitov E.P., Kitova A.O., Oralbay E. Posmertnyie manipulyatsii s kostyami cheloveka (dannye o mumifikatsii) u naseleniya Tsentralnoy Azii v rannem zheleznom veke [The Post-Mortem Ritual Manipulation with Human Bones (evidence of mummification) Practiced by the Population of Central Asia in the Early Iron Age]. Stratum plus. 2016. №3. Pp. 369–379.

Kubarev V.D., Shulga P.I. Pazyrykskaiya kultura (kurgany Chui i Ursula) [Pazyryk Culture (Chuiya and Ursul burial mounds)]. Barnaul : AGU, 2007. 282 p.

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia [Culture of the Population of the Altai Mountains in the Scythian Time]. Moscow ; Leningrad : Nauka Publ., 1953. 402 p.

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia [The Culture of the Central Altai Population in Scythian Time]. Moscow ; Leningrad : Nauka Publ., 1960. 360 p.

Tur S.S. Kochevniky Kurgyzstana sako-usunskogo vremeni (po materialam paleoantropologicheskogo issledovaniya) : Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Nomads of Kyrgyzstan Sako-Usun Time (based on paleoanthropological research. Synopsis of the Dissertation of the Candidate of Hist. Sciences)]. Barnaul, 1997. 25 p.

Shulga P.I. Mogilnik skifskogo vremeni Lokot-4a [The Burial Ground of Scythian Time Lokot-4a]. Barnaul : AGU, 2003. 204 p.

Fenomen altaiskikh mumii [The Phenomenon of Altai Mummies]. Novosibirsk : Institute for Archaeology and Ethnography, 2000. 320 p.

Beisenov A., Kitov E. Trepanation among the Nomads of Central Kazakhstan (the 8<sup>th</sup>–3<sup>rd</sup> Centuries BC). Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 23 (Anthropologiya). 19<sup>th</sup> Congress of the European Anthropological Association. Anthropology: Unity in Diversity. Moscow, 2014. №3. P. 66.

Beisenov A.Z., Kreshioli L., Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A., Barinova E. The Early Iron Age burial ground Kaspan-6 in Jetusy. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2017. №2 (18). Pp. 97–108 (in Engl.)

Jumabekova G., Bazarbaeva G. Stelae in Funeral rites of the Kazakhstan Early Nomads. Cultural Exchange on Silk Road and Altaic World (Asian Academic Research Series, vol. 7. Altaic Studies Series, vol. 3. Kim Seon Ja et al. YOUKRACK.). Korea. Gachon University. 2016. Pp. 199–213 (in Engl.).

**Arman Z. Beisenov<sup>1</sup>, Daniyar B. Duisenbay<sup>2</sup>, Egor P. Kitov<sup>3</sup>, Marianna A. Kulkova<sup>4</sup>**

<sup>1</sup>*A.Kh. Margulan, Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan;*

<sup>2</sup>*L.N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan;*

<sup>3</sup>*Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russia;*

<sup>4</sup>*Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia*

## **STUDY OF THE SAKA TIME BARROWS IN THE CASPAN VALLEY IN THE ZHETYSU**

The Saka sites of the Caspan valley were first discovered by A.Z. Beisenov in 2009. In 2012–2014, seven mounds were excavated here. The studies were conducted by the joint Kazakh-Italian expedition. The staff of the Legabue Scientific Research Center (Venice, Italy) took part in the expedition along with the staff of the Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan). Seven radiocarbon dates were obtained from the studied sites in the UK and Russia. Anthropological materials were obtained. According to archaeological and carbon data, the sites are divided into two chronological groups. Four burial mounds belong to the period of the 8<sup>th</sup>–6<sup>th</sup> centuries BC, the three burial mounds – to the period of the 6<sup>th</sup>–3<sup>rd</sup> centuries BC.

*Key words:* Saka period, Zhetysu, burial mounds, anthropological materials, radiocarbon analyzes, chronological groups.

А.В. Шалагина<sup>1</sup>, С. Алишер кызы<sup>2</sup>, А.С. Колясникова<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

<sup>2</sup>Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

## ОПЫТ УЧАСТИЯ В ПОЛЕВЫХ РАБОТАХ В ПРОВИНЦИИ ДОРДОНЬ (юго-запад Франции)

В апреле 2018 года группа аспирантов и студентов-археологов из Новосибирского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН приняла участие в археологических раскопках верхнепалеолитического памятника Фурно-дю-Дьябль на юго-западе Франции. Стоянка солютрейского времени Фурно-дю-Дьябль находится на берегу р. Дрон в департаменте Дордонь. Раскопки на памятнике были организованы сотрудниками лаборатории ARTEMIR и лаборатории РАСЕА университета г. Бордо. Программа пребывания во Франции включала в себя участие в археологических раскопках, посещение ряда археологических памятников каменного века юго-запада Франции и музеев, серию лекций и практикумов, в которые входили эксперименты и мастер-классы, организованные французскими исследователями, участвовавшими в полевых работах на памятнике. Опыт участия в данных работах позволил молодым специалистам сформировать представление о специфике изучения каменного века во Франции; углубить знания о верхнем палеолите региона, в частности о культуре солютре, а также расширил представления о возможностях применения междисциплинарного подхода в изучении палеолитических объектов.

*Ключевые слова:* Франция, Дордонь, верхний палеолит, солютре, каменная индустрия, костяная индустрия, археозоология, экспериментальное моделирование.

DOI: 10.14258/tpai(2018)3(23).-11

### *Введение*

Современный этап археологических исследований в мировой науке все чаще подразумевает применение мультидисциплинарного подхода как в полевых работах, так и в лабораторных исследованиях. Такая тенденция наблюдается, в частности, в изучении памятников каменного века, где археологи стремятся привлечь исследователей из разных отраслей естественных наук. Новые методы и подходы к анализу археологических материалов требуют привлечения данных геоморфологии, петрографии, палинологии, биологии, возможностей ГИС-технологий и 3D-визуализации.

Подобный комплексный подход требует от современных ученых активного профессионального развития, особенно от молодых специалистов. Научные связи с международными центрами изучения древностей играют большую роль в этом контексте, они способствуют обмену научно-практическим опытом и освоению новых методов исследования. Кафедра археологии и этнографии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета вместе с отделом каменного века Института археологии и этнографии СО РАН активно развивает сотрудничество с ведущими центрами Европы и Центральной Азии. Среди них особое место занимают научные связи с исследовательскими центрами Франции. Благодаря такому сотрудничеству группа молодых специалистов из Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) и Новосибирского государственного университета в апреле 2018 г. получила возможность принять участие в полевых исследованиях, организованных французскими коллегами из зеркальной лаборатории ARTEMIR и лаборатории РАСЕА Университета г. Бордо на юго-западе Франции.

### **Содержание осуществленных работ**

Провинция Аквитания на юго-западе Франции, где проходили полевые работы, известна огромным количеством памятников древности, в том числе каменного века. Среди них такие памятники, как Ла Микок, Ла Мустье, Кро-Маньон, Ласко, Руффиньяк и др., вошедшие во все учебники палеолитоведения [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994]. Наиболее плотной концентрацией стоянок отличается департамент Дордонь, на территории которого расположена знаменитая «долина человека» – долина р. Везер, входящая в список всемирного наследия ЮНЕСКО. В долине р. Везер, в г. Лез-Эзи-де-Тайак, расположен Национальный музей преистории Франции, экспозиции которого демонстрируют самые древние этапы человеческой истории.

Основной целью поездки новосибирских молодых ученых (А.В. Шалагина, С. Алишер кызы, А.С. Колясникова) было участие в полевых работах верхнепалеолитической стоянки – Фурно-дю-Дьябль, организованных сотрудниками университета г. Бордо под руководством Мальвины Боманн. Участие в экспедиционных исследованиях в первую очередь включало знакомство авторов статьи со спецификой организации полевых и камеральных работ на палеолитических памятниках юго-запада Франции, а также участие в практикумах и посещение ряда памятников каменного века региона.

Стоянка Фурно-дю-Дьябль находится на берегу р. Дрон в департаменте Дордонь. Отложения стоянки содержат горизонты обитания граветийского, солютрейского и мадленского времени. Наиболее представительные из них относятся к культуре Солютре (около 20 тыс. л.н.), которая характеризуется наличием бифасиальных наконечников и яркой костяной индустрией [Baumann, 2014].

Основная часть памятника была изучена в начале XX в. (1912–1929 гг.) Д. Пейрони [Peugny, 1948]. Однако прежняя методика раскопок значительно отличалась от современной и редко позволяла получить полный комплекс материалов, в связи с чем значительная часть археологического материала оставалась на памятнике, а в музейные коллекции попадали только самые интересные и наиболее представительные вещи. Поэтому, как и из многих солютрейских памятников, которые почти все были раскопаны в начале XX в., из Фурно-дю-Дьябль имеется богатая коллекция археологического материала, в которой очень бедно представлены технические элементы каменного и костяного производства [Bauman, Maury, 2013].

Современный интерес к памятнику был обусловлен результатами проведенного исследования, посвященного изучению технологии изготовления солютрейских костяных изделий [Baumann, 2014]. Благодаря детальному анализу археологической коллекции с ряда памятников солютре, а также серии экспериментов специалисту по костяной индустрии М. Боманн удалось установить, что множество технических элементов восстановленной операционной цепочки в коллекции отсутствует. При этом в нескольких коллекциях, в том числе с Фурно-дю-Дьябль, была обнаружена серия предметов, связанных с ошибками производства, что указывало на изготовление костяных изделий на стоянке. В связи с этим в 2015 г. под руководством М. Боманн исследование стоянки Фурно-дю-Дьябль было возобновлено с целью изучения оставшегося на памятнике седимента раскопного отвала Д. Пейрони с применением мультидисциплинарного подхода и современных раскопных методик (в т.ч. просева и промывки грунта). Основными задачами современного периода исследований (2015–2017 гг.) стоянки было изучение морфологии памятника и реконструкция природы современ-

ного рельефа (естественный рельеф, следы раскопок Д. Пейрони, остатки культурного слоя *in situ*) а также анализ археологического материала, полученного из отвала раскопок Д. Пейрони.

В 2018 г. были продолжены раскопки на двух участках, прилегающих к раскопу Д. Пейрони. Разбор рыхлых отложений осуществлялся ручным инструментом условными уровнями по 15–20 см с целью выявления структурных элементов отложений. Грунт с раскопа на месте просеивался через мелкое сито (рис. 1), а затем промывался в лагере. Переборка мелкой фракции, которая позволяла выявить микрофауну, а также мелкие каменные артефакты и костяные изделия, которые сложно зафиксировать при разборе отложений, также проводилась в лагере (рис. 2). После зачистки условных горизонтов производилась графическая и фотофиксация раскопа, по завершении работ были созданы 3D-модели отдельных участков и всего раскопа посредством фотограмметрии. В ходе данных работ была накоплена выразительная коллекция каменных и костяных орудий, характерных для периода солютре; уточнена морфология памятника; а также подготовлены площади для дальнейшего изучения участков с предполагаемым залеганием слоя *in situ*.

Помимо археологов, специализирующихся на изучении каменных и костяных технологий, к исследованию памятника был привлечен широкий круг специалистов смежных естественно-научных дисциплин: геоморфологии, археозоологии, трасологии, экспериментальной археологии. Поэтому у авторов статьи была возможность общаться со специалистами из разных отраслей, а также поучаствовать в обучающих занятиях и прослушать лекции, проводившиеся для участников экспедиции.

Ознакомительная лекция о стоянке и специфике изучения памятников каменного века в начале XX в. была проведена руководителем раскопок Мальвиной Боманн. О специфике формирования карстовых массивов в регионе рассказал специалист в области карстовых отложений Дидье Кайол, он уже много лет исследует феномен «карстовых туннелей», служивших причиной формирования скальных навесов, которые широко распространены в регионе и часто служили местом обитания древних людей.

Комплекс лекций и практических занятий был проведен археозоологом Лор Фонтана, которая занимается изучением специфики охотничьих стратегий верхнепалеолитического населения региона [Fontana, 2012]. В процессе камеральных работ, включавших промывку и переборку археологического материала, на примере найденных фаунистических остатков и привезенной сопоставительной коллекции Лор Фонтана подробно рассказала о специфике палеозоологического материала стоянки Фурно-дю-Дьябль, а также провела отдельную лекцию об анатомических особенностях различных частей скелета северного оленя, который составляет большую часть фаунистического материала стоянки.

Специалист ознакомил молодых ученых с компаративным методом, который считается самым распространенным и основным методом при изучении любого фаунистического материала. Он подразумевает сопоставление ископаемого костяного материала с костями из сравнительной коллекции. Л. Фонтана были проведены практические и теоретические занятия по определению костяных фрагментов копытных животных и разных типов модификаций, присутствующих на костях. Отдельно были рассмотрены тафономические особенности сохранности костей на стоянке. На примере костяного материала стоянки Лор Фонтана продемонстрировала основные параметры видового определения животного по зубам и различные методы изучения возраста особей по ним.



Рис. 1 (фото). Стоянка Фурно-дю-Дьябль. Процесс первичной просевки грунта



Рис. 2 (фото). Стоянка Фурно-дю-Дьябль. Процесс переборки мелкой фракции

Участие в работе экспедиций дополнялось рядом практикумов по реконструкции древних технологий расщепления камня и разделыванию мелкой рогатой дичи при помощи каменных орудий (рис. 3), проведенных под руководством специалиста в обла-



сти экспериментальной археологии Сержа Мори. Исследователь продемонстрировал процесс оформления бифасиальных изделий верхнепалеолитического и среднепалеолитического времени (рис. 4), провел практикумы по обучению основам расщепления камня с применением различных отбойников (рис. 5).



Рис. 3 (фото). Эксперимент по разделыванию дичи с помощью каменных орудий



Рис. 4 (фото). Практикум по расщеплению камня



Рис. 5 (фото). Различные типы отбойников. Экспериментальная коллекция\*

Помимо экспедиционных работ, были организованы экскурсии по известным стоянкам каменного века в регионе, где имелась возможность посетить такие известные музеи и памятники с палеолитическим искусством, как Ласко-4, пещеры Руффиньяк и Фонт-де-Гом. Личное посещение данных памятников позволило значительно дополнить представления о верхнепалеолитической культуре Франции. Программа рабочей поездки включала и посещение отделения Национального института исследований охранно-спасательной археологии в г. Кампань, где молодые специалисты получили возможность ознакомиться со спецификой организации охранно-спасательных работ во Франции, а также с материалами, хранящимися в их фондах.

#### *Заключение*

Таким образом, участие в археологических раскопках стоянки солютрейского времени Фурно-дю-Дьябль, посещение археологических памятников каменного века юго-запада Франции, участие в ряде научных практикумов позволило сформировать представление о специфике изучения каменного века во Франции, а также получить знания о верхнем палеолите данного региона. Научные практикумы и полевые лекции расширили представления о возможностях применения междисциплинарного подхода в изучении палеолитических объектов.

**Благодарности:** авторы приносят искреннюю благодарность сотрудникам лаборатории ARTEMIR и лаборатории PACEA, особенно М. Боманн и Х. Плиссону, взявшим на себя основные финансовые затраты по пребыванию молодых специалистов во Франции. Авторы благодарны кафедре археологии и этнографии ГИ НГУ и проекту «Новая археология» за софинансирование поездки с российской стороны. Отдельную благодарность авторы выражают всем специалистам, проводившим лекции и практикумы по своей специализации: Л. Фонтана, Д. Кайол, С. Мори.

---

\* Фото: Хьюг Плиссон, научный сотрудник лаборатории PACEA, заведующий зеркальной лабораторией ARTEMIR, Университет Бордо.



### **Библиографический список**

- Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск : Наука, 1994. 290 с
- Baumann M. A l'ombre des feuilles de laurier, les équipements osseux solutréens du Sud-ouest de la France : Apports et limites des collections anciennes. Thèse, Préhistoire, Université de Paris I., 2014. 593 p.
- Baumann M., Maury S. Ideas no longer written in antler // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40. P. 601–614.
- Peyrony D. Le Périgordien, l'Aurignacien et le Solutréen en Eurasie, d'après les dernières fouilles // BSPF. 1948. Vol. 45. P. 305–328.
- Fontana L. L'Homme et le Renne. La gestion des ressources animales en Préhistoire. Paris : CNRS Éditions, 2012. 140 p.

### **References**

- Derevjanko A.P., Markin S.V., Vasil'ev S.A., Paleolitovedenie vvedenie i osnovy [Paleolithology: Introduction and Basics]. Novosibirsk: Nauka, 1994. 290 p.
- Baumann M. A l'ombre des feuilles de laurier, les équipements osseux solutréens du Sud-ouest de la France : Apports et limites des collections anciennes. Thèse, Préhistoire, Université de Paris I. 2014. 593 p.
- Baumann M., Maury S. Ideas No Longer Written in Antler // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40. Pp. 601–614.
- Peyrony D. Le Périgordien, l'Aurignacien et le Solutréen en Eurasie, d'après les dernières fouilles. BSPF, 1948. Vol.45. Pp. 305-328.
- Fontana L. L'Homme et le Renne. La gestion des ressources animales en Préhistoire. Paris : CNRS Éditions, 2012. Pp. 140 p.

**A.V. Shalagina<sup>1</sup>, S. Alisher kyzy<sup>2</sup>, A.S. Kolyasnikova<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;*

<sup>2</sup>*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia*

## **ARCHAEOLOGICAL FIELD WORK IN THE DORDOGNE PROVINCE (south-western France)**

In April 2018, a group of graduate students and students-archaeologists from Novosibirsk State University and Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS took part in the archaeological excavations of the upper Palaeolithic site, Fourneau du Diable, in south-west of France. Solutrean site Fourneau du Diable is located in Dordogne, close to River Dronne. The excavations were organized by the researches from ARTEMIR and PACEA laboratories of the University of Bordeaux. The program of stay in France included participation in excavations, visits to a number of archaeological sites of the Palaeolithic of the South-West of France, a series of lectures and workshops organized by French researchers who participated in field work on site. The experience of participation in field works allowed young researches to form an idea of the specifics of the study of the Palaeolithic sites in France; to deepen knowledge about the upper Palaeolithic of this region; and expanded ideas about the possibilities of an interdisciplinary approach in the study of Palaeolithic objects.

*Key words:* France, Dordogne, upper Paleolithic, Solutrean, lithic industry, bone industry, archaeozoology, experimental modeling.

## ПЕРСОНАЛИИ

---

УДК 902(235.226):378.1

**Ч. Мунхбаяр**

*Ховдский государственный университет, Ховд, Монголия*

### **РУКОВОДИТЕЛЬ БУЯНТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (к юбилею профессора А.А. Тишкина)**

В 2018 г. у профессора А.А. Тишкина несколько юбилейных дат. Одна из них связана с его 30-летней деятельностью в области археологии. В статье представлена краткая информация о вкладе юбиляра в изучение Монгольского Алтая. Начиная с 2007 г. А.А. Тишкин руководит Буянтской археологической экспедицией, созданной сотрудниками трех университетов Монголии и России. За прошедшее десятилетие выполнен значительный объем исследований в Ховдском и Баян-Ульгийском аймаках. Экспедиционные работы также проводились и в Центральной Монголии. Под руководством А.А. Тишкина два преподавателя из Ховдского и Улаанбаатарского университетов обучались в аспирантуре и защитили кандидатские диссертации. Основные достижения Буянтской археологической экспедиции связаны с раскопками памятников периода ранней бронзы и ритуальных комплексов тюркского времени, а также с изучением «оленных» камней и петроглифов. Кроме этого, проведены обследования на территории нескольких районов Западной Монголии. За плодотворное сотрудничество А.А. Тишкину присвоено звание «Почетный доктор Ховдского государственного университета». Археологическое изучение Монгольского Алтая продолжается и выходит на новый уровень.

*Ключевые слова:* Буянтская археологическая экспедиция, А.А. Тишкин, юбилей, Монгольский Алтай, раскопки, ранняя бронза, тюркское время, «оленные» камни, петроглифы.

**DOI:** 10.14258/tpai(2018)3(23).-12

#### *Введение*

В 1990-е и в особенно в начале 2000-х гг. Ховдский государственный университет (ХГУ), еще будучи филиалом Монгольского национального университета (до 2004 г.), развернул работу по налаживанию сотрудничества с высшими учебными заведениями России, которые находятся в сибирских городах (Горно-Алтайск, Барнаул, Томск, Красноярск, Кызыл и др.). Этому способствовала организованная конференция «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов», проходившая затем на регулярной основе. Научные и образовательные контакты поддерживались и руководством Ховдского аймака. В этом процессе обозначилась необходимость проведения системных археологических исследований на территории Монгольского Алтая, однако местных специалистов-профессионалов не было. Организованные совместные экспедиции позволили получить разные результаты, в том числе в области изучения памятников каменного века [Дроздов и др., 2004], а также при работах на других археологических объектах [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007; Ожередов, Мунхбаяр, Ожередова, 2009; и др.]. Но такие мероприятия реализовывались в основном российскими исследователями при участии лишь отдельных представителей ХГУ.

В мае 2006 г. в Ховд приехала делегация Алтайского государственного университета (АГУ) во главе с ректором Ю.Ф. Кирюшиным. Состоялись переговоры с тогдашним ректором Ховдского государственного университета Ц. Баасандоржем. По инициативе проректоров двух вузов В.В. Невинского и Х. Цэдэва в рамках реализации международного проекта РГНФ–МинОКН Монголии (№06-01-91809G «Алтае-Саянская горная страна как экосистема кочевой цивилизации: история и современность») был организо-



Рис. 1. Участники научного семинара, состоявшегося в Ховде. 2006 г.

ван научный семинар, на котором были заслушаны плановые доклады (рис. 1). На этом мероприятии я познакомился с А.А. Тишкиным, который позднее стал моим научным руководителем. Кроме переговоров и семинара, еще прошли две деловые встречи с губернатором Ховдского аймака, на которых Г. Нямдаваа активно поддержал наметившееся сотрудничество и обозначил необходимость подготовки для западного монгольского региона кадров высшей квалификации, в том числе в области археологии.

Несмотря на короткий период пребывания делегации АГУ, археологи А.А. Тишкин и его ученик П.К. Дашковский предложили осмотреть экспозицию местного краеведческого музея, а также древние памятники, находящиеся неподалеку от г. Ховда. В обследовани-

ях приняли участие преподаватели ХГУ Б. Нямдорж, Л. Нямсурэн (рис. 2) и Ч. Мунхбаяр. Результаты проведенных изысканий кратко опубликованы [Тишкин и др., 2006; Тишкин, 2006]. Они послужили основой для дальнейших экспедиционных работ. Но прежде чем о них сообщить, должен отметить появившуюся тогда возможность прохождения мною месячной стажировки на



Рис. 2. Обследование памятников в местности Баян булаг с участием преподавателей ХГУ Б. Нямдоржа и Л. Нямсурэна. 2006 г.

кафедре археологии, этнографии и музеологии АГУ (рис. 3), что способствовало дальнейшему обучению в очной аспирантуре по целевому направлению Министерства образования, культуры и науки Монголии [Мунхбаяр, 2014].

### ***Краткие результаты деятельности Буянтской археологической экспедиции***

Создание Буянтской археологической экспедиции состоялось благодаря нескольким благоприятным обстоятельствам: налаженное сотрудничество между ХГУ и АГУ, выполнение уже указанного исследовательского проекта; получение в 2007 г. гранта на проведение полевых исследований (№07-01-92074е/Г); взаимодействие с монгольскими и российскими коллегами, уже работавшими в Западной Монголии; имевшийся у А.А. Тишкина организационный опыт реализации научных программ и др.

Начало было положено при изучении комплекса разновременных археологических памятников в местности Улаан худаг неподалеку от г. Ховда. Для проведения раскопок в качестве руководителя с монгольской стороны был приглашен известный специалист Д. Эрдэнэбаатар из Улаанбаатарского университета. Благодаря инициативе А.А. Тишкина состоялось принятие решения о дальнейшем осуществлении совместных и системных археологических исследований сотрудниками трех вузов в рамках одной экспедиции, которая получила название «Буянтская» по названию реки Ховдского аймака [Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007]. В 2007 г. в раскопках и обследованиях приняли участие российские археологи (А.А. Ковалев, С.П. Грушин и др.), а также студенческая практика ХГУ под руководством автора статьи. Наиболее важным результатом стали раскопки крупного комплекса чемурчекской культуры периода ранней бронзы (рис. 4), где впервые у погребального сооружения зафиксирована сохранившаяся пристройка культового назначения [Тишкин, 2007; Тишкин и др., 2012]. Полученные материалы позднее были учтены при подготовке кандидатской диссертации [Мунхбаяр, 2013]. В то время А.А. Ковалев мне посоветовал наладить более тесное сотрудничество с представителями археологической научной школы под руководством профессора Ю.Ф. Кирюшина и особенно с А.А. Тишкиным, который успешно защитил докторскую диссертацию в 2006 г. и имел опыт подготовки аспирантов.

В 2008 г. исследования в Ховдской аймаке были продолжены в рамках выполнения нового проекта РГНФ-МинОКН Монголии №08-01-92073е/Г «Комплексное изучение археологических памятников в долине р. Буянт (Западная Монголия)», руководителями которого, как и в предыдущем году были А.А. Тишкин (с российской стороны) и Д. Эрдэнэбаатар (с монгольской стороны) (рис. 5). В мае осуществлялись сплошные обследования отдельных участков долины Буянта, а также посещалась известная пещера Хойт-Цэнкер Агуй. В июне участники экспедиции совместно со студенческой практикой ХГУ раскапывали курганы чемурчекской культуры, а также исследовали тюркские оградки и осматривали памятники в нескольких урочищах на правом берегу Буянта. В сентябре работы были продолжены (рис. 6). Результаты раскопок опубликованы [Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2008, 2010; Тишкин и др., 2011; Горбунов, Тишкин, Шелепова, 2008; Кунгуров, Тишкин, 2008; и др.]. Однако часть полученных тогда сведений еще не введена полностью в научный оборот.

В 2009 г. осуществлялись крупные экспедиционные работы в рамках реализации совместной научно-исследовательской программы Санкт-Петербургского государственного учреждения культуры «Музей-институт семьи Рерихов» и Алтайского государственного университета. В одном из направлений этого проекта приняли участие



Рис. 3. На кафедре археологии, этнографии и музеологии АГУ во время стажировки. Ч. Мунхбаяр и А.А. Тишкин. 2006 г.



Рис. 4. Раскопки археологического комплекса чемурчекской культуры на памятнике Улаан худаг-I. 2007 г.



Рис. 5. Д. Эрдэнэбаатар, Т. Краскова и А.А. Тишкин во время экспедиционных работ на памятнике Улаан худаг-I. 2007 г.

Ховдский и Улаанбаатарский университеты. Как и в предыдущие годы, в экспедиции работала практика студентов под руководством автора статьи (рис. 7). Важным результатом проведенных раскопок стало накопление материалов для изучения «чемурчесского феномена». Использование метода выявления археологических микрорайонов позволило обнаружить и исследовать в долине среднего течения р. Буянт памятники ранней бронзы (Халзан узуур-II, Шарсум-I, Полигон-I и др.), поздней бронзы (Халзан узуур-III), «раннескифского» (Улаан худаг-I, Баян булаг-I) и тюркского времени (Баян булаг-II). Отдельно отметим начатую работу по документированию петроглифов горы Баатыр хайрхан [Тишкин, Мухарева, 2010; 2011a] и других памятников в окрестностях г. Ховда [Тишкин, Мухарева, Мунхбаяр, 2011]. Полученные существенные по объему научные сведения докладывались на ряде конференций и оперативно вводились в научный оборот [Кирюшин и др., 2009; Тишкин, 2009; Тишкин, Мунхбаяр, Грушин, 2009; и др.]. Отдельным отрядом Буянтской археологической экспедиции в августе 2009 г. проведены сплошные обследования на отдельной территории Делуун сомона Баян-Ульгийского аймака. Эти работы давали возможность составить представление о древних и средневековых памятниках в верховьях р. Буянт, являющейся своеобразным коридором, который обеспечивал движение народов из западных отрогов Монгольского Алтая в восточные и обратно. Они были направлены на соотнесение с имеющимися данными, полученными монгольскими археологами в процессе реализации программы «Историко-археологические памятники западной части Монгольского Алтая» [Турбат и др., 2009]. Обследования охватили долины рек Чигиртэйн-гол и Жангыз агачийн-гол, а также их притоков. Сливаясь, названные водные артерии образуют полноводную реку Буянт, протекающую через Ховдский аймак и впадающую в р. Кобдо (Ховд). Полученные обширные материалы пока не опубликованы.

Осенью 2009 г. на базе Ховдского государственного университета была проведена очередная конференция «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов». На ней были представлены некоторые результаты работы Буянтской археологической экспедиции. Состоялись торжественные заседания, на одном из которых А.А. Тишкину за плодотворное сотрудничество и подготовку кадров присвоено звание «Почетный доктор Ховдского государственного университета» (рис. 8). Были вручены соответствующие атрибуты (мантия и диплом). Следует указать, что еще ранее, при открытии в ХГУ «Центра русской культуры», Алексею Алексеевичу была вручена памятная медаль в честь 60-летия общества дружбы между Монголией и Россией (рис. 9).

В ноябре 2009 г. состоялось мое зачисление в очную аспирантуру кафедры археологии, этнографии и музеологии АГУ. Уже имевшиеся и полученные позже результаты работы Буянтской археологической экспедиции легли в основу кандидатской диссертации, готовившейся под руководством А.А. Тишкина, который в тот год получил аттестат профессора [Доктор исторических наук..., 2014, с. 8, 104].

Летом и осенью 2010 г. исследования Буянтской археологической экспедиции в основном были связаны с выявлением и изучением «оленных» камней. Документирование осуществлялось на памятниках в долине Буянта [Тишкин, 2013], а также на перевале Тавт [Тишкин, Мухарева, 2014], в верховьях р. Бодонч [Тишкин, 2011a] и в Булган сомоне, где работала Международная Центральноазиатская археологическая экспедиция (МЦАЭ) под руководством А.А. Ковалева





Рис. 6. Участники Буянтской археологической экспедиции в музее ХГУ. 2008 г.



Рис. 7. Полевая археологическая практика студентов ХГУ. Улаан худаг. 2008 г.



Рис. 8. Вручение А.А. Тишкину диплома и мантии почетного доктора ХГУ. 2009 г.



Рис. 9. А.А. Тишкин после награждения памятной медалью. 2009 г.

и Д. Эрдэнэбаатара (рис. 10). Параллельно проводились обследования и фиксировались различные археологические памятники в других местах.

В 2011 г. были продолжены работы по копированию «оленных» камней в высокогорной местности Баян зурх (рис. 11), среди которых оказались вновь выявленные древние изваяния. Кроме этого, начались исследования у горы Цамбагарав, где располагаются хорошо известные наскальные рисунки петроглифического комплекса Хар-Хад [Тишкин, Горбунов, Мухарева, 2012; Тишкин и др., 2015]. В экспедиции участвовали студенты-первокурсники ХГУ, проходившие по-

левую археологическую практику (рис. 12). Традиционно кроме работ на основном объекте проводились обследования ближайшей территории и фиксировались археологические памятники. В ходе этих разведок А.А. Тишкина заинтересовали индэры, чему была посвящена одна из статей профессора [Тишкин, 2011б].

В следующем году участники Буянтской экспедиции проводили основные раскопки в долине р. Дунд ус в Ховд сомоне Ховдского аймака. Исследовались памятники чемурчекской культуры в местности Хуурай салаа. Отдельным отрядом изучались тюркские оградки в урочище Хар узуур. Кроме археологов из Барнаула, Санкт-Петербурга и Улаанбаатара в этих работах традиционно приняли участие студенты-практиканты из ХГУ.



Рис. 10. Участники двух экспедиций в Булган сомоне Ховдского аймака. 2010 г.



Полученные результаты были введены в научный оборот как в обобщенном варианте [Тишкин и др., 2013], так и в виде отдельных статей [Тишкин и др., 2012; Грушин и др., 2015; и др.]. Эти материалы дали важные сведения для изучения этнокультурных процессов, которые проходили на территории Монгольского Алтая в древности и средневековье. Кроме указанных объектов, работы были проведены и на кургане №10 памятника Улан худаг-I, где ранее при зачистке херексура «с лучами» обнаружались рисунки, выбитые на одном из валунов внешней ограды. Этому и другому случаю посвящена специальная публикация [Тишкин, Мухарева, 2011б].

В 2013 г. раскопки указанного херексура были закончены. Полученные сведения опубликованы частично в контексте изучения найденного рядом «оленного» камня [Тишкин, 2013]. Исследования проводились также в местности Харганат у горы Цамбагарав, неподалеку от комплекса петроглифов Хар-Хад. Зафиксированные данные опубликованы [Тишкин и др., 2015; Горбунов и др., 2015]. Проводились и другие работы. Стоит обязательно указать копирование «оленных» камней на памятнике Ушкойн-Увэр в Хубсугульском аймаке Монголии, где проходили масштабные исследования [Ковалев, Эрдэнэбаатар, Рукавишникова, 2016] при участии отряда Буянтской экспедиции (рис. 13).



Рис. 11. Баян зурх. А.А. Тишкин при копировании «оленного» камня. 2011 г.



Рис. 12. Полевая археологическая практика студентов ХГУ. Хар-Хад. 2011 г.

В ноябре 2013 г. мною была защищена кандидатская диссертация «Погребально-поминальные комплексы Монгольского Алтая периода ранней бронзы» [Мунхбаяр, 2013], выполненная под руководством А.А. Тишкина и Д. Эрдэнэбаатара. В тот же день докторскую диссертацию защитил один из постоянных участников Буянтской экспедиции С.П. Грушин (рис. 14).

В 2014 г. работы начались с раскопок тюркского ритуального сооружения с рунической надписью в местности Бийрэг в Ховдском аймаке [Тишкин и др., 2015; Горбунов и др., 2015]. Затем была проведена работа по детальному документированию известных «оленных» камней в урочище Салхитын хаг и ближайших наскальных рисунков [Тишкин, Мухарева, Мунхбаяр, 2015]. В местности Баян Энгэр производились раскопки археологических объектов, в том числе курган чемурчекской культуры [Грушин и др. 2014].

В этот период был обновлен договор между Ховдским государственным университетом и Алтайским государственным университетом (рис. 15).

В августе 2014 г. исследования Буянтской экспедиции продолжались в Архангайском аймаке Монголии. Раскопки проводились на памятнике Хушуун дэнж-04, где ранее Т.-О. Идэрхангаем выявлены тюркские оградки, которые сооружены с использованием «оленных» камней, взятых из более древнего ритуального комплекса [Горбунов и др., 2015; Тишкин и др., 2015]. Производилось копирование изваяний [Тишкин, Мухарева, Идэрхангай, 2015]. В работе приняли участие представители Алтайского, Улаанбаатарского и Ховдского университетов (рис. 16).

Летом 2015 г. Буянтская археологическая экспедиция работала в Баян-Ульгийском аймаке Монголии в долине р. Годон-гол и на ближайших территориях. Проведенные обширные обследования частично опубликованы [Тишкин и др., 2016]. Отметим также работы на петроглифических памятниках Чадмань хар узуур (рис. 17) и Яманы ус (рис. 18). Краткая информация о полученных результатах введена в научный оборот [Тишкин, Мухарева, Мунхбаяр, 2016; Мухарева, Тишкин, Мунхбаяр, 2016; Мунхбаяр и др., 2017]. Была продолжена реализация программы изучения «оленных» камней Ховдской аймака, которые фиксировались в Манхан сомоне (памятник Хороо узуур), Муст сомоне (комплекс Нууртын дов) и в культурном центре сомона Алтай [Мунхбаяр и др., 2016]. Кроме этого, проводились планомерные обследования в местах проводимых исследований. Этими работами была закончена научная программа по изучению археологических памятников Монгольского Алтая, намеченная А.А. Тишкиным в 2006–2007 гг. В последующие годы началась обработка и публикация материалов. Готовятся монографические издания.

Определенным итогом стали следующие результаты. За время деятельности Буянтской археологической экспедиции к 2016 г. оказалось выявлено более 900 различных памятников, на 90 из которых были проведены раскопки или другие исследования.

### ***Заключение***

В завершение этого очерка необходимо указать, что кратко представленные результаты археологических исследований, которые получены Буянтской археологической экспедицией под руководством А.А. Тишкина, требуют более развернутого и детального освещения. Следует отметить, что все раскопанные археологические объекты частично музеефицированы и могут быть использованы в экскурсионно-туристической деятельности и при проведении учебных практик. налаженное сотруд-



Рис. 13. Участники двух экспедиций во время исследований памятника Ушкийн-Увэр в Хубсугульском аймаке. 2013 г.



Рис. 14. После защиты диссертаций. Барнаул. 2013 г.



Рис. 15. Подписание нового договора между Ховдским и Алтайскими университетами. Ховд. 2014 г.





Рис. 16. Участники Буянтской археологической экспедиции на памятнике Хушуун дэнж-04 в Архангайском аймаке Монголии. 2014 г.



Рис. 17. Обследование памятника Чадмань хар узуур около г. Ховда. 2015 г.



Рис. 18. Устройство деревянного помоста для копирования петроглифов на комплексе Яманы ус в Ховдском аймаке. 2015 г.

ничество позволило опубликовать уже более 100 различных научных трудов. Кроме этого, два преподавателя из Ховдского (Ч. Мунхбаяр) и Улаанбаатарского (Т.-О. Идэрхангай) университетов успешно защитили кандидатские диссертации и стали профессиональными археологами. Эти и другие результаты тесно связаны с огромным трудом А.А. Тишкина, которому стоит пожелать крепкого здоровья, плодотворной деятельности и долгих лет жизни. В 2018 г. исследования под его руководством в Монголии были продолжены. Они выходят на новый уровень комплексных работ и важны для изучения истории Центральной Азии.

### **Библиографический список**

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч. Продолжение исследований тюркских оградок на территории Монгольского Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2015. №1 (11). С. 70–86. DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11)-05.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Идэрхангай Т.-О., Мунхбаяр Ч., Серегин Н.Н., Лихачева О.С., Паршикова Т.С. Раскопки тюркских оградок в Западной и Центральной Монголии // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Вып. 1. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 19–21.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Исследования ритуальных комплексов Монгольского Алтая на памятниках Бугатын узуур-I и II // Теория и практика археологических исследований. 2008. Вып. 4. С. 92–102.

Грушин С.П., Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч., Фрибус А.В. Росписи на каменных плитах чемурчекского кургана Бэлэн усны дэнж (Ховд сомон Ховд аймака Монголии) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. II : Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. СПб. : МИСР, 2015. С. 142–154.

Грушин С.П., Тишкин А.А., Фрибус А.В., Мунхбаяр Ч., Леонтьева Д.С., Сайберт В.О., Милев Г.А., Спиненко О.В. Особенности археологического комплекса Баян Энгэр (Монгольский Алтай) // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Вып. 1. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 25–27.

Доктор исторических наук, профессор Алексей Алексеевич Тишкин : биобиблиография / сост. А.Л. Кунгуров, Т.В. Тишкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. 172 с.

Дроздов Н.И., Баасандорж Ц., Чеха В.П., Артемьев Е.В., Макулов В.И., Заика А.Л., Ганболд М., Баранов А.А., Гаврилов И.К. Результаты полевых исследований Российско-Монгольской комплексной экспедиции в 2001 году. Красноярск : Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2004. 182 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., Эрдэнэбаатар Д., Мунхбаяр Ч. Археологические исследования в Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. XV. С. 287–290.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веке (по результатам работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 80–85.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишников И.В. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкойн-Увэр (по результатам исследований 2013 года) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. №1. С. 82–92.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Местонахождение каменных артефактов около г. Ховда // Теория и практика археологических исследований. 2008. Вып. 4. С. 73–85.

Мунхбаяр Ч. Погребально-поминальные комплексы Монгольского Алтая периода ранней бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 25 с.

- Мөнхбаяр Ч. Археологи дахь арван жилийн дурсамж. Ховд : ХГУ, 2014. 280 т. (на монг. яз.).
- Мөнхбаяр Ч., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Грушин С.П., Мухарева А.Н., Серегин Н.Н., Фрибус А.В., Гал-Од Б. Нуургын довын буган чулуун хөшөө [Оленные камни памятника Нуургын дов] // ЭШБ. ХоИС-ийн НХУС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. Том VIII, Fasc 7. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2016. Т. 55–69 (на монг. яз.).
- Мөнхбаяр Ч., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Мухарева А.Н., Грушин С.П., Серегин Н.Н., Паршикова Т.С., Лихачева О.С. Буянтын археологийн экспедицийн Ховд аймгийн нутаг дахь хадны зургийг 2015 онд баримтжуулсан судалгаа [Исследования и документация наскальных рисунков Буянтской археологической экспедицией в Ховдском аймаке] // ЭШБ. ХоИС-ийн НХУС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. Том IX, Fasc 9. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2017. Т. 79–106 69 (на монг. яз.).
- Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч., Тишкин А.А. Наскальные изображения у бригады Баян Энгэр в Западной Монголии // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Хух-Хото : Музей Внутренней Монголии, 2015. Т. 3. С. 1158–1164.
- Мухарева А.Н., Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч.Б. Петроглифы в стиле оленных камней в ущелье Яманы Ус (Монгольский Алтай) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и северного Китая. Т. 1. Красноярск : СФУ, 2016. С. 241–246.
- Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч., Ожередова А.Ю. Новые находки археологических памятников в северных сомонах Ховдского аймака Западной Монголии // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Ховд ; Томск : Ховдский гос. ун-т; Томский гос. ун-т, 2009. Т. II : Общественные науки. С. 89–96.
- Тишкин А.А. Археологические обследования на Алтае и в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 489–492.
- Тишкин А.А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 382–387.
- Тишкин А.А. «Оленные» камни в долине Буянты (Западная Монголия) // Түүхийн товчоон : ХоИС-ийн НХУС-ийн Түүхийн тэнхимийн эрдэм шинжилгээний бичиг. Улаанбаатар : Ховд их сургууль, 2009. Т. IV. С. 97–104 (на рус. яз.).
- Тишкин А.А. «Оленные» камни в долине Бодонча (Монгольский Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011а. Вып. 2. С. 256–265.
- Тишкин А.А. Индэры Монгольского Алтая как отражение мировоззренческих представлений современных кочевников // Древние и современные культовые места Алтая. Барнаул : АРТИКА, 2011б. С. 76–80 (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 2).
- Тишкин А.А. Выявление, документирование и изучение «оленных» камней в долине Буянты (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1 (7). С. 73–90. DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7)-04
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Мухарева А.Н. Катафрактарии Хар хада (Монгольский Алтай) // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 221–228.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Мухарева А.Н., Серегин Н.Н., Мунхбаяр Ч. Краткие результаты исследований в урочище Хар-хад (Северо-Западная Монголия) // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Т. 3. Хух-Хото : Музей Внутренней Монголии, 2015. С. 1179–1188.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Идэрхангай Т.-О., Серегин Н.Н. Исследование тюркских оградок на комплексе Хушуун дэнж-04 в Центральной Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2015. №3/2 (87). С. 229–238. DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-36
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Идэрхангай Т.-О., Мунхбаяр Ч. Результаты археологических исследований в Западной и Центральной Монголии в 2014 г. // Теория и практика археологических исследований. 2015. №2 (12). С. 69–92. DOI: 10.14258/tpai(2015)2(12)-06.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч.Б. Результаты археологических исследований на территории Монгольского Алтая в 2015 году // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и северного Китая. Т. 2. Красноярск : СФУ, 2016. С. 100–105.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. Археологическое изучение объектов эпохи бронзы в урочище Улаан худаг (Ховдский аймак Монголии) // Теория и практика археологических исследований. 2008. Вып. 4. С. 85–92.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Горбунов В.В., Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Идэрхангай Т.-О., Фрибус А.В., Эрдэнэбаатар Д. Результаты полевых исследований в Ховдском аймаке Монголии летом 2012 года // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. 2013. С. 157–169.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д. Пристройки культового назначения курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай) // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул : Пять плюс, 2012. С. 104–114.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. Радиоуглеродное датирование курганов эпохи бронзы, исследованных в долине Буянта (Западная Монголия) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 434–436.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч., Грушин С.П. Исследование кургана эпохи бронзы на памятнике Улаан худаг-II в долине р. Буянт (Западная Монголия) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов : мат. IX междунар. конф. Т. II : Общественные науки. Ховд ; Томск : Ховдский ун-т, Томский ун-т, 2009. С. 79–84.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч., Грушин С.П., Эрдэнэбаатар Д. Памятники ранней бронзы в долине Буянта (Монгольский Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. Вып. 4/1. С. 200–208.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч., Горбунов В.В., Грушин С.П., Эрдэнэбаатар Д., Мухарева А.Н., Серегин Н.Н. Обследования и раскопки памятников Монгольского Алтая // Археологические открытия 2014 года. М. : Нестор-история, 2015. С. 804–806.

Тишкин А.А., Мухарева А.Н. Сакральный комплекс Баатар Хайрхан около Ховда (Монгольский Алтай) // Алтай сакральный: культовые и археоастрономические смыслы святилищ. Барнаул : АРТИКА, 2010. С. 105–113 (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 1).

Тишкин А.А., Мухарева А.Н. О необходимости специального изучения и сохранения археолого-этнографического комплекса Баатар Хайрхан около Ховда // Ойрад судлал: Өнөө ба ирээдүй (Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлүүдийн эмхтгэл). Улаанбаатар : б/и, 2011а. С. 165–170 (на рус. яз).

Тишкин А.А., Мухарева А.Н. Петроглифы на камнях из курганных сооружений (по материалам исследований в Монгольском Алтае) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск : ИрГТУ, 2011б. Вып. 2. С. 560–564.

Тишкин А.А., Мухарева А.Н. Комплекс «оленных» камней на перевале Тавт (Монгольский Алтай) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 124–130.

Тишкин А.А., Мухарева А.Н., Идэрхангай Т.-О. Реализация программы изучения «оленных» камней // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. Вып. 1. С. 95–98.

Тишкин А.А., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Б.Ч. Новые петроглифы в долине Буянта (Западная Монголия) // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011. Т. 2. С. 233–236 (Труды САИПИ. Вып. VIII).

Тишкин А.А., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч. Петроглифы скалы Чандмань Хар узуур в Западной Монголии (перспективы повторного документирования) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. XXII. С. 197–203.

Тишкин А.А., Нямдорж Б., Дашковский П.К., Нямсүрэн Л., Мунхбаяр Ч. Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительное сообщение) // Эколого-географические, археоло-

гические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 107–114.

Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Первые результаты Буянтской археологической экспедиции // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 165–168.

Турбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхуу Н., Идэрхангай Т.-О., Жискара П.К. Алтайн археологийн дурсгалууд-1 (Баян-Өлгий аймаг) [Археологические памятники Монгольского Алтая-1 (Баян-Ульгийский аймак)]. Улаанбаатар : Өнгөт хэвлэл, 2009. 424 с. (на монг. яз.).

## References

Gorbulov V.V., Tishkin A.A., Seregin N.N., Muhareva A.N., Munhbayar CH. Prodolzhenie issledovaniy tyurkskikh ogradok na territorii Mongol'skogo Altaya [Continuation of the Studies of the Turkic Fences in the Territory of the Mongolian Altai]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2015. №1 (11). Pp. 70–86. DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-05.

Gorbulov V.V., Tishkin A.A., Idehrhangaj T.-O., Munhbayar CH., Seregin N.N., Lihacheva O.S., Parshikova T.S. Raskopki tyurkskikh ogradov v Zapadnoj i Central'noj Mongolii [Excavations of Turkic Fences in Western and Central Mongolia]. Mezhdisciplinarnoe izuchenie arheologii Zapadnoj Sibiri i Altaya. Vyp. 1 [Interdisciplinary Study of Archaeology of Western Siberia and Altai. Issue. 1]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2014. Pp. 19–21.

Gorbulov V.V., Tishkin A.A., Shelepova E.V. Issledovaniya ritual'nykh kompleksov Mongol'skogo Altaya na pamyatnikah Bugatyn uzuur-I i II [Studies of Ritual Complexes of Mongolian Altai on the Bugatyn Uzuur-I and II Sites]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2008. Vyp. 4. Pp. 92–102.

Grushin S.P., Tishkin A.A., Munhbayar CH., Fribus A.V. Rospisi na kamennykh plitakh chemurchekskogo kurgana Behlehn usny dehnzh (Hovd somon Hovd ajmaka Mongolii) [Paintings on the Stone Slabs of the Chemurchek Mound Belen Usny Denzh (Hovd Somon Hovd of Aymak of Mongolia)]. Drevnejshie evropejcy v serdce Azii: chemurchekskij kul'turnyj fenomen. CH. II : Rezul'taty issledovaniy v central'noj chasti Mongol'skogo Altaya i v istokah Kobdo; pamyatniki Sin'czyana i ukrainnykh zemel'. [The Oldest Europeans in the Heart of Asia: the Zurchchek Cultural Phenomenon. Part II: Results of Studies in the Central Part of Mongolian Altai and in the Origins of Kobdo; Xinjiang Sites and Outskirts Lands]. SPb. : MISR, 2015. С. 142–154.

Grushin S.P., Tishkin A.A., Fribus A.V., Munhbayar CH., Leont'eva D.S., Sajbert V.O., Milyaev G.A., Spinenko O.V. Osobennosti arheologicheskogo kompleksa Bayan EHngehr (Mongol'skij Altaj) [Features of the Archaeological Complex Bayan Enger (Mongolian Altai)]. Mezhdisciplinarnoe izuchenie arheologii Zapadnoj Sibiri i Altaya. Vyp. 1 [Interdisciplinary Study of the Archaeology of Western Siberia and Altai. Issue 1]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2014. Pp. 25–27.

Doktor istoricheskikh nauk, professor Aleksej Alekseevich Tishkin : biobibliografiya [Doctor of Historical Sciences, Professor Alexey Tishkin: Biobibliography] / sost. A.L. Kungurov, T.V. Tishkina. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2014. 172 p.

Drozdov N.I., Baasandorzh C., Chekha V.P., Artem'ev E.V., Makulov V.I., Zaika A.L., Ganbold M., Baranov A.A., Gavrilov I.K. Rezul'taty polevykh issledovaniy Rossijsko-Mongol'skoj kompleksnoj ehkspedicii v 2001 godu [Results of Field Research of the Russian-Mongolian Complex Expedition in 2001]. Krasnoyarsk : Krasnoyarskij gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva, 2004. 182 p.

Kiryushin YU.F., Tishkin A.A., Grushin S.P., EHrdenehbaatar D., Munhbayar CH. Arheologicheskie issledovaniya v Mongolii i na Altae [Archaeological Research in Mongolia and Altai]. Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij. [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i ehtnografii SO RAN, 2009. T. XV. Pp. 287–290.

Kovalev A.A., EHrdenehbaatar D. Mongol'skij Altaj v bronzovom i rannem zheleznom veke (po rezul'tatam rabot Mezhdunarodnoj Central'noaziatskoj arheologicheskoy ehkspedicii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universitete, Instituta istorii AN Mongolii i Ulan-Batorskogo gosudarstvennogo universiteta) [Mongolian Altai in the Bronze and Early Iron Age (according to the results of the work of the Inter-



national Central Asian Archaeological Expedition of the St. Petersburg State University, Institute of History of the Mongolian Academy of Sciences and Ulan-Bator State University)]. *Altai-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami* [Altai-Sayan Mountain Country and the History of its Development by Nomads]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. Pp. 80–85.

Kovalev A.A., Ehrdehnehaatar D., Rukavishnikova I.V. Sostav i kompoziciya sooruzhenij ritual'nogo kompleksa s olennymi kamnyami Ushkijn-Uvehr (po rezul'tatam issledovanij 2013 goda) [Composition of the Structures of the Ritual Complex with Deer Stones Ushkiyon-Uver (based on the results of studies of 2013)]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2016. T. 44. №1. Pp. 82–92.

Kungurov A.L., Tishkin A.A. Mestonahozhdenie kamennyh artefaktov okolo g. Hovda [Location of Stone Artifacts near the City of Khovd]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2008. Vyp. 4. Pp. 73–85.

Munhbayar CH. Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы Mongol'skogo Altaya perioda rannej bronzy : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Funeral and Memorial Complexes of Mongolian Altai during the Early Bronze Age : Synopsis of the Dis. ... Cand. Hist. Science. Barnaul : Alt. un-t, 2013. 25 p.

Menhbayar CH. Arheologi dah' arvan zhilijn dursamzh [Ten Year of Archaeological Memories]. Hovd : HGU, 2014. 280 t. (in Mongolian).

Menhbayar CH., Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Grushin S.P., Muhareva A.N., Seregin N.N., Fribus A.V., Gal-Od B. Nuurtyn dovyn bugan chuluun heshөө [Deer Stones of Nuurtyn Dov Site]. *EHS HB. HoIS-ijn NHUS-ijn ehrdehm shinzhilgehehnij bichig. Tom VIII, Fasc 7. Ulaanbaatar : Soyombo printing, 2016. Pp. 55–69 (in Mongolian).*

Menhbayar CH., Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Muhareva A.N., Grushin S.P., Seregin N.N., Parshikova T.S., Lihacheva O.S. Buyantyn arheologijn ehkspedicijn Hovd ajmgijn nutag dah' hadny zurgijg 2015 ond barimtzhuulsan sudalgaa [Studies and Documentation of Rock Carvings by the Buyant Archaeological Expedition in the Khovd aimak]. *EHS HB. HoIS-ijn NHUS-ijn ehrdehm shinzhilgehehnij bichig. Tom IH, Fasc 9. Ulaanbaatar : Soyombo printing, 2017. Pp. 79–106 69 69 (in Mongolian).*

Muhareva A.N., Munhbayar CH., Tishkin A.A. Naskal'nye izobrazheniya u brigady Bayan EHngehr v Zapadnoj Mongolii [Rock Images from the Bayan Enger Brigade in Western Mongolia]. *Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya, Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri* [Ancient Cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia]. Huh-Hoto : Muzej Vnutrennej Mongolii, 2015. Vol. 3. Pp. 1158–1164.

Muhareva A.N., Tishkin A.A., Munhbayar CH.B. Petroglify v stile olennyh kamnej v ushchel'e YAmany Us (Mongol'skij Altaj) [Petroglyphs in the Style of Deer Stones in the Yamani Us Ush Gorge (Mongolian Altai)]. *Drevnie kul'tury Mongolii, Bajkal'skoj Sibiri i severnogo Kitaya* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Vol. 1. Krasnoyarsk : SFU, 2016. Pp. 241–246.

Ozheredov YU.I., Munhbayar CH., Ozheredova A.YU. Novye nahodki arheologicheskikh pamyatnikov v severnyh somonah Hovdskogo ajmaka Zapadnoj Mongolii [New Finds of Archaeological Sites in Northern Somonas of the Khovd Aimak of Western Mongolia]. *Prirodnye usloviya, istoriya i kul'tura Zapadnoj Mongolii i sopredel'nyh regionov* [Natural Conditions, History and Culture of Western Mongolia and Adjacent Regions]. Hovd ; Tomsk : Hovdskij gos. un-t; Tomskij gos. un-t, 2009. Vol. II : Obshchestvennye nauki. Pp. 89–96.

Tishkin A.A. Arheologicheskie obsledovaniya na Altai i v Mongolii [Archaeological Surveys in Altai and Mongolia]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2006. Vo. XII, Part I. Pp. 489–492.

Tishkin A.A. Obzor issledovanij v Zapadnoj Mongolii i na Altai [Survey of Research in Western Mongolia and Altai]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2007. Vol. XIII. Pp. 382–387.

Tishkin A.A. "Olennye" kamni v doline Buyanta (Zapadnaya Mongoliya) [Deer Stones in the Buyanta Valley (Western Mongolia)]. *Tyghijn tovchoon : HoIS-ijn NHUS-ijn Tyghijn tehnhimijn ehrdehm shinzhilgehehnij bichig. Ulaanbaatar : Hovd ih surguul', 2009. Vol. IV. Pp. 97–104.*

Tishkin A.A. "Olennye" kamni v doline Bodoncha (Mongol'skij Altaj) ["Deer" Stones in the Bodoncha Valley (Mongolian Altai)]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri* [Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Irkutsk : Izd-vo IrGTU, 2011a. Issue 2. Pp. 256–265.

Tishkin, A.A. *Indehry Mongol'skogo Altaya kak otrazhenie mirovozzrencheskih predstavlenij sovremennyh kochevnikov* [Indians of Mongolian Altai as a Reflection of the Worldview of Modern Nomads]. *Drevnie i sovremennye kul'tovye mesta Altaya* [Ancient and Modern Cult Places of Altai]. Barnaul : ARTIKA, 2011b. Pp. 76–80 (Altaj na perekrestke vremen i smyslov. Vyp. 2) [Altai at the Crossroads of Times and Meanings].

Tishkin A.A. *Vyyavlenie, dokumentirovanie i izuchenie "olennyh" kamnej v doline Buyanta (Mongol'skij Altaj)* [Identification, Documentation and Study of "Deer" Stones in the Buyant Valley (Mongolian Altai)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2013. №1 (7). Pp. 73–90. DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-04

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Muhareva A.N. *Katafraktarii Har hada (Mongol'skij Altaj)* [Cataphractories of Khar Hada (Mongolian Altai)]. *Istoriya i kul'tura srednevekovyh narodov stepnoj Evrazii: materialy II Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoj arheologii evrazijskikh stepej* [History and Culture of Medieval Peoples of the steppe Eurasia: Materials of the II International Congress of Medieval Archaeology of Eurasian Steppes]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2012. Pp. 221–228.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Muhareva A.N., Seregin N.N., Munhbayar CH. *Kratkie rezul'taty issledovanij v urochishche Har-had (Severo-Zapadnaya Mongoliya)* [Brief Results of Investigations in the Khar-Had Tract (North-Western Mongolia)]. *Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya, Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri* [Ancient Cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia]. Vol. 3. Huh-Hoto : Muzej Vnutrennej Mongolii, 2015. Pp. 1179–1188.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Idehrhangaj T.-O., Seregin N.N. *Issledovanie tyurkskikh ogradok na komplekse Hushuun dehnzh-04 v Central'noj Mongolii* [Study of the Turkic Fences at the Khushuun Deng-04 Complex in Central Mongolia]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki i arheologiya* [Izvestia of the Altai State University. Ser. : Historical Sciences and Archaeology]. 2015. №3/2 (87). Pp. 229–238. DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-36

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Seregin N.N., Muhareva A.N., Idehrhangaj T.-O., Munhbayar CH. *Rezul'taty arheologicheskikh issledovanij v Zapadnoj i Central'noj Mongolii v 2014 g.* [Results of Archaeological Research in Western and Central Mongolia in 2014]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2015. №2 (12). S. 69–92. DOI: 10.14258/tpai(2015)2(12).-06.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Seregin N.N., Muhareva A.N., Munhbayar CH.B. *Rezul'taty arheologicheskikh issledovanij na territorii Mongol'skogo Altaya v 2015 godu* [Results of Archaeological Research on the Territory of Mongolian Altai in 2015]. *Drevnie kul'tury Mongolii, Bajkal'skoj Sibiri i severnogo Kitaya* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Vol. 2. Krasnoyarsk : SFU, 2016. Pp. 100–105.

Tishkin A.A., Grushin S.P., Munhbayar CH. *Arheologicheskoe izuchenie ob'ektov ehpoi bronzy v urochishche Ulaan hudag (Hovdskij ajmak Mongolii)* [Archaeological Study of the Objects of the Bronze Age in the Ulaan Hudag Tract (Khovd Aimak of Mongolia)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2008. Issue 4. Pp. 85–92.

Tishkin A.A., Grushin S.P., Gorbunov V.V., Kovalev A.A., Munhbayar CH., Idehrhangaj T.-O., Fribus A.V., EHRdehnehtaatar D. *Rezul'taty polevykh issledovanij v Hovdskom ajmake Mongolii letom 2012 goda* [Results of Field Research in the Khovd Aimag of Mongolia in the Summer of 2012]. *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. T. 12, vyp. 5: Arheologiya i ehtnografiya* [Vestnik NSU. Ser.: History, Philology]. 2013. Pp. 157–169.

Tishkin A.A., Grushin S.P., Kovalev A.A., Munhbayar CH., EHRdehnehtaatar D. *Pristrojki kul'tovogo naznacheniya kurganov chemurchekskoj kul'tury (Mongol'skij Altaj)* [Additions to the Cult Purpose of Burial Mounds of the Culture of the Surroundings (Mongolian Altai)]. *Metodika issledovaniya kul'tovykh kompleksov* [Methodology of the Study of Cult Complexes]. Barnaul : Pyat' plus, 2012. Pp. 104–114.

Tishkin A.A., Grushin S.P., Munhbayar CH. Radiouglerodnoe datirovanie kurganov ehpoi bronzy, issledovannyh v doline Buyanta (Zapadnaya Mongoliya) [Radiocarbon Dating of Barrows of the Bronze Age Explored in the Buyant Valley (Western Mongolia)]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskih arheologo-ethnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a System in the Historical Context: Experience of the Western Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings]. Tomsk : Agraf-Press, 2010. Pp. 434–436.

Tishkin A.A., Munhbayar CH., Grushin S.P. Issledovanie kurgana ehpoi bronzy na pamyatnike Ulaan hudag-II v doline r. Buyant (Zapadnaya Mongoliya) [Study of the Bronze Age Mound on the Ulaan Khudag-II Site in the Valley of the Buyant River (Western Mongolia)]. *Prirodnye usloviya, istoriya i kul'tura Zapadnoj Mongolii i sopredel'nyh regionov : mat. IX mezhdunar. konf. T. II: Obshchestvennye nauki* [Natural Conditions, History and Culture of Western Mongolia and Adjacent Regions: Mat. IX Intern. Conf. T. II: Social Sciences]. Hovd ; Tomsk : Hovdskij un-t, Tomskij un-t, 2009. Pp. 79–84.

Tishkin A.A., Munhbayar CH., Grushin S.P., EHrdehnehbaatar D. Pamyatniki rannej bronzy v doline Buyanta (Mongol'skij Altaj) [Early Bronze Sites in the Buyanta Valley (Mongolian Altai)]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of Altai State University]. 2011. Issue 4/1. Pp. 200–208.

Tishkin A.A., Munhbayar CH., Gorbunov V.V., Grushin S.P., EHrdehnehbaatar D., Muhareva A.N., Seregin N.N. Obsledovaniya i raskopki pamyatnikov Mongol'skogo Altaya [Surveys and Excavations of Monuments of Mongolian Altai]. *Arheologicheskie otkrytiya 2014 goda* [Archaeological Discoveries of 2014]. M. : Nestor-istoriya, 2015. Pp. 804–806.

Tishkin A.A., Muhareva A.N. Sakral'nyj kompleks Baatar Hajrhan okolo Hovda (Mongol'skij Altaj) [The Sacred Complex Baatar Khairkhan near Khovd. (Mongolian Altai)]. *Altaj sakral'nyj: kul'tovye i arheoastronomicheskie smysly svyatilishch* [Altai Sacred: Cult and Archeoastronomical Meanings of Sanctuaries]. Barnaul : ARTIKA, 2010. S. 105–113 (Altaj na perekrestke vremen i smyslov. Vyp. 1) [Altai at the Crossroads of Times and Meanings].

Tishkin A.A., Muhareva A.N. O neobходимosti special'nogo izucheniya i sohraneniya arheologo-ethnograficheskogo kompleksa Baatar Hajrhan okolo Hovda [On the Need for Special Study and Preservation of the Archaeological and Ethnographic Complex of Baatar Khairkhan near Khovd]. *Ojrad sudlal: Ono ba irehehdij* (Olon ulsyn ehrdehm shinzhilgehnejnii бага hurlyn iltgehludijn ehmtgehl). Ulaanbaatar : b/i, 2011a. Pp. 165–170

Tishkin A.A., Muhareva A.N. Petroglify na kamnyah iz kurgannyh sooruzhenij (po materialam issledovaniy v Mongol'skom Altai) [Petroglyphs on Rocks from Barrow Structures (based on research in the Mongolian Altai)]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri* [Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Irkutsk : IrGTU, 2011b. Issye 2. Pp. 560–564.

Tishkin A.A., Muhareva A.N. Kompleks "olennyh" kamnej na perevale Tavt (Mongol'skij Altaj) [A Complex of "Deer" Stones on the Tavt Pass (Mongolian Altai)]. *Drevnie i srednevekovye izvayaniya Central'noj Azii* [Ancient and Medieval Sculptures of Central Asia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2014. Pp. 124–130.

Tishkin A.A., Muhareva A.N., Idehrhangaj T.-O. Realizaciya programmy izucheniya "olennyh" kamnej [Realization of the Program of Studying "Deer" Stones]. *Mezhdisciplinarnoe izuchenie arheologii Zapadnoj Sibiri i Altaya* [Interdisciplinary Study of Archaeology of Western Siberia and Altai]. Issue 1. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2014. Pp. 95–98.

Tishkin A.A., Muhareva A.N., Munhbayar B.CH. Novye petroglify v doline Buyanta (Zapadnaya Mongoliya) [New Petroglyphs in the Buyanta Valley (Western Mongolia)Naskal'noe iskusstvo v sovremenom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoj pisanicy] [Rock Art in Modern Society. To the 290<sup>th</sup> Anniversary of the Scientific Discovery of the Tomsk Pisanitsa]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2011. Vol. 2. Pp. 233–236 (Trudy SAIPI. Vyp. VIII).

Tishkin A.A., Muhareva A.N., Munhbayar CH. Petroglify skaly CHandman' Har uzuur v Zapadnoj Mongolii (perspektivy povtornogo dokumentirovaniya) [Petroglyphs of the Chandman Khar Uzur Cliff in Western Mongolia (prospects for re-documenting)]. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Issue XXII. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016. Pp. 197–203.

Tishkin A.A., Nyamdorzh B., Dashkovskij P.K., Nyamsurehn L., Munhbayar CH. Arheologicheskie izyskaniya v Hovdskom ajmake (predvaritel'noe soobshchenie) [Archaeological Research in the Khovd Aimak (preliminary report)]. EHkologo-geograficheskie, arheologicheskie i socioetnograficheskie issledovaniya v YUzhnoj Sibiri i Zapadnoj Mongolii [Ecological-Geographical, Archaeological and Socioethnographic Studies in Southern Siberia and Western Mongolia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 107–114.

Tishkin A.A., EHrdehnehbaatar D. Pervye rezul'taty Buyantskoj arheologicheskoy ehkspedicii [The First Results of the Buyant Archaeological Expedition]. Altae-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami [Altai-Sayan Mountainous Country and the History of its Development by Nomads]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. Pp. 165–168.

Турбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхуу Н., Идэрхангай Т.-О., Жискара П.К. Алтайн археологийн дурсгалууд-I (Баян-Өлгий аймаг) [Археологические памятники Монгольского Алтая-I (Баян-Ульгийский аймаг)]. Улаанбаатар : Өнгөт хэвлэл, 2009. 424 с. (на монг. яз.).

Turbat C., Bayar D., Cehvehehdorzh D., Battulga C., Bayarhuu N., Idehrhangaj T.-O., ZHiskar P.K. Altajn arheologijn dursгалууд-I (Bayan-Өlgij aimag) [Archaeological Sites of Mongolian Altai-I (Bayan-Ulgiy aimak)]. Ulaanbaatar : Өнгөт хөввлөх, 2009. 424 p. (in Mongolian).

### **Ch. Munkhbayar**

*Khovd State University, Khovd, Mongolia*

## **HEAD OF THE BUYANT ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION (to the jubilee of Professor A.A. Tishkin)**

In 2018, Professor A.A. Tishkin has several anniversary dates. One of them is connected with his 30-year activity in the field of Archaeology. The article briefly describes the contribution of the jubilee to the study of Mongolian Altai. Since 2007, A.A. Tishkin directs the Buyant archeological expedition, created by employees of three universities in Mongolia and Russia. Over the past decade, a significant amount of research has been done in the Khovd and Bayan-Ulgiy aimaks. Expedition work was also conducted in Central Mongolia. Under the leadership of A.A. Tishkin two teachers from Khovd and Ulaanbaatar Universities finished graduate school and defended their Ph.D. theses. The main achievements of the Buyant archaeological expedition are connected with the excavations of the early Bronze sites and ritual complexes of the Turkic time, and with the study of “deer” stones and petroglyphs. In addition, surveys were conducted in several territories of Western Mongolia. For fruitful cooperation A.A. Tishkin was awarded the title of Honorary Doctor of Khovd State University. The archaeological study of Mongolian Altai continues and is rising to a new level.

*Key words:* Buyant archaeological expedition, A.A. Tishkin, anniversary, Mongolian Altai, excavations, early bronze, Turkic time, “deer” stones, petroglyphs.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ (АлтГУ) – Алтайский государственный университет.  
АН СССР – Академия наук Советского Союза.  
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.  
БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт.  
БНЦ – Башкирский научный центр.  
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.  
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.  
ГИМ – Государственный исторический музей.  
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук.  
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.  
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН.  
ИИАЭ ДВО РАН – Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН.  
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук.  
ИИФФ – Институт истории, филологии и философии.  
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.  
КИО – культурно-историческая общность.  
МАЭ РАН – Музей археологии и этнографии Российской академии наук.  
МинОКН – Министерство образования, культуры и науки.  
МИСР – Музей-институт семьи Рерихов.  
НА ИА РАН – Научный архив Института археологии РАН.  
НГУ – Новосибирский государственный университет.  
НИЦ – Научно-исследовательский центр.  
РАН – Российская академия наук.  
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.  
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства.  
СахГУ – Сахалинский государственный университет.  
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа.  
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.  
СПб. – Санкт-Петербург.  
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.  
СФУ – Сибирский федеральный университет.  
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук.  
ХГУ – Ховдский государственный университет.  
ЭШБ – Эрдэм шинжилгээний бичиг (журнал).  
AMS – accelerated mass-spectrometry (акселераторная масс-спектрометрия – метод радиоуглеродного датирования).

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Алишер кызы Салтанат**, аспирант Новосибирского государственного университета; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1; saltanat\_alisher\_kyzy@gmail.com

**Бейсенов Арман Зияденович**, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана; 050010, Казахстан, Алматы, пр. Достык, 44; azbeisenov@mail.ru

**Гладышев Сергей Анатольевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. ак. Лаврентьева, 17; gladyshhev57@gmail.com

**Дуйсенбай Данияр Болатбекович**, магистр гуманитарных наук, докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева; 010000, Казахстан, Астана, Мунайтпасова, 5; daniar\_db88@mail.ru

**Кандыба Александр Викторович**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. ак. Лаврентьева, 17; arhkandyba@gmail.com

**Китов Егор Петрович**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН; 119334, Москва, Ленинский проспект, 32А; kadet\_eg@mail.ru

**Колясникова Анастасия Сергеевна**, студент 3 курса Гуманитарного института Новосибирского государственного университета; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1; kns0471@gmail.com

**Константинов Никита Александрович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник музейного комплекса Горно-Алтайского государственного университета; 649000, Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1; nikita.knstntnv@yandex.ru

**Кулькова Марианна Алексеевна**, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 12; kulkova@mail.ru

**Кунгуров Артур Леонидович**, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61, каб. 211; artur.kungurov@mail.ru

**Кунгурова Ольга Фридриховна**, кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных наук и межкультурных коммуникаций Барнаульского филиала Финансового университета при правительстве Российской Федерации; 656038, Барнаул, пр. Ленина, 54; kungurovaof@mail.ru

**Лазаретов Игорь Павлович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург); 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18а; lazaretov@yandex.ru

**Марсадолов Леонид Сергеевич**, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа; 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; marsadolov@hermitage.ru

**Медведев Виталий Егорович**, доктор исторических наук, заведующий сектором неолита Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. ак. Лаврентьева, 17; medvedev@archaeology.nsc.ru

**Мунхбаяр Чулуунбат Боролдой**, кандидат исторических наук, преподаватель Ховдского государственного университета (Монголия); munkh\_boroldoi@yahoo.com

**Поляков Андрей Владимирович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург); 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18а; poliakov@yandex.ru

**Рыбалко Андрей Геннадьевич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. ак. Лаврентьева, 17; rybalko@archaeology.nsc.ru

**Рыбин Евгений Павладьевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. ак. Лаврентьева, 17; ryber@yandex.ru

**Серегин Николай Николаевич**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая; докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; nikolay-seregin@mail.ru

**Филатова Инга Владимировна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. ак. Лаврентьева, 17; доцент кафедры истории и юриспруденции Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета; 681000, Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17, корп. 2; inga-ph@mail.ru

**Хаценович Арина Михайловна**, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. ак. Лаврентьева, 17; archeomongolia@gmail.com

**Худяков Юлий Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, профессор кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, пр. ак. Лаврентьева, 17; khudjakov@mail.ru

**Шалагина Алена Владимировна**, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. ак. Лаврентьева, 17; aliona.shalagina@yandex.ru

*Научное издание*

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА  
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**№3 (23) • 2018**

Редактор: Н.Ю. Ляшко

Перевод и редактирование текстов на английском языке, References: Е.А. Воронцова

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Журнал распространяется по подписке ФГУП «Почта России»

Подписной индекс П4317

Цена свободная

Подписано в печать 14.09.2018. Печать офсетная

Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 15,1. Тираж 500 экз. Заказ №404.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Дата выхода 25.09.2018.